

2025 № 3

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

Психология и право

Сетевой научный журнал
«Психология и право»

Редакционная коллегия

Дворянчиков Н.В. (Россия) – **главный редактор**
Бовина И.Б. (Россия) – **заместитель главного редактора**
Коноплева И.Н. (Россия) – **заместитель главного редактора**
Борисенко (Нутскова) Е.В. (Россия) – **заместитель главного редактора**

Богданович Н.В. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия), Васкэ Е.В. (Россия), Дебольский М.Г. (Россия), Делибальт В.В. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Ениколопов С.Н. (Россия), Калашникова А.С. (Россия), Курбатова Т.Н. (Россия), Миронова О.И. (Россия), Пимонов В.А. (Россия), Сачкова М.Е. (Россия), Секераж Т.Н. (Россия), Ульянина О.А. (Россия), Чиркина Р.В. (Россия), Шаболтас А.В. (Россия), Шипшин С.С. (Россия), Сафьянов Ф.С. (Россия), Гранхаг Пер-Андерс (Швеция), Гессманн Ханс-Вернер (Германия), Хартвиг Пол (Норвегия), Синг Джей П. (США), Стошич Лазар (Сербия), Козлова Н.В. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Нуркова В.В. (Россия), Кекелидзе З.И. (Россия), Козлов А.А. (Россия)

Секретарь

Захарова А.В.

Редактор и корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27

E-mail: psyandlaw@mgppu.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), Международный Индекс Научного Цитирования Web of Science (ESCI), Scopus, Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издаётся с 2011 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66446 от 14.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет», 2025

Psychology and Law

Electronic Scientific Journal
«Psychology and Law»

Editorial board

Dvoryanchikov N.V. (Russia) – **editor-in-chief**
Bovina I.B. (Russia) – **deputy editor-in-chief**
Konopleva I.N. (Russia) – **deputy editor-in-chief**
Borisenko (Nutskova) E.V. (Russia) – **deputy editor-in-chief**

Bogdanovich N.V. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Vaske E.V. (Russia), Debolsky M.G. (Russia), Delibalt V.V. (Russia), Dozortseva E.G. (Russia), Enikolopov S.N. (Russia), Kalashnikova A.S. (Russia), Kurbatova T.N. (Russia), Mironova O.I. (Russia), Pimonov V.A. (Russia), Sachkova M.Ye. (Russia), Sekerage T.N. (Russia), Ulyanina O.A. (Russia), Chirkina R.V. (Russia), Shaboltas A.V. (Russia), Shipshin S.S. (Russia), Safuanov F.S. (Russia), Granhag P.-A. (Sweden), Gessmann H.-W. (Germany), Hartvig P. (Norway), Singh J.P. (USA), Stosic L. (Serbia), Kozlova N.V. (Russia), Sharanov Yu.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Nurkova V.V. (Russia), Kekelidze Z.I. (Russia), Kozlov A.A. (Russia)

Secretary

Zaharova A.V.

Editor and proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: + 7 495608-16-27

E-mail: psyandlaw@mgppu.ru

Web: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Scopus, DOAJ

Published quarterly since 2011

The mass medium registration certificate:

EL FS77-66446 number. Registration date 14.07.2016

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSU PE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2025

СОДЕРЖАНИЕ:

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК: ДЕТСТВО И РИСКИ (тематический редактор Е.Г. Дозорцева)

Дозорцева Е.Г.

Вступительное слово 1–2

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Дозорцева Е.Г.

Комплексная модель формирования опасного поведения подростков
в интернет-пространстве 3–23

Федонкина А.А.

Особенности психического развития детей и подростков
в условиях цифровизации общества 24–36

Защиринская О.В., Белимова П.А.

Риски социально-коммуникативной интеграции детей
с нарушением интеллекта в условиях глобальной цифровизации 37–53

Купченко В.Е.

Отношения в семье и зависимость от социальных сетей
как факторы суицидального поведения подростков 54–65

Кастальская-Бороздина А.А.

Парные суициды в подростковом возрасте 66–77

Медведева А.С.

Сексторция в сети Интернет: реакции несовершеннолетних и их уязвимость 78–89

Karlan V., Karağan N. / Каплан В., Капаган Н.

Adolescents' self-efficacy in preventing substance addiction and associated factors /
Самоэффективность подростков в профилактике наркотической зависимости
и сопутствующих факторов 90–106

Буслаева Е.Л., Власова Н.В.

Субъективное одиночество и психологическое благополучие
лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности 107–121

Пастухова Е.Г.

Восстановительная медиация с участием несовершеннолетних:
сравнительный анализ программ по школьным конфликтам и уголовным делам. 122–145

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Мешкова, Н.В., Кудрявцев, В.Т., Рыбакова, М.С., Яковлева, Д.В., Мешков, И.А.

Асоциальная креативность и информационно-смысловое поле личности..... 146–159

За тематикой выпуска

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

**Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В.**

Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних.

Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ 160–178

Егоров Ф.А.

Актуальные социально-психологические подходы в исследовании остракизма 179–192

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Андреянова М.С.

Межличностный конфликт ребенка и родителя

как основание ограничения родительских прав 193–205

Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В.

Обсуждаем закон о психологической помощи:

направления и виды деятельности психолога (Часть 2). 206–223

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С.

Способствует ли вера в справедливый мир снижению коррупции: опосредующий

эффект воспринимаемого наказания и роль психологического превосходства 224–239

CONTENTS:

THEMATIC ISSUE: CHILDHOOD AND RISKS (thematic editor: E.G. Dozortseva)

Dozortseva E.G.

Foreword..... 1–2

LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Dozortseva E.G.

Analytical model of adolescents' dangerous behaviour formation in the internet space3–23

Fedonkina A.A.

Mental development of children and adolescents in the context of digitalization of society.....24–36

Zaschirinskaia O.V., Belimova P.A.

Risks of social and communicative integration of children
with intellectual disability in the context of global digitalization 37–53

Kupchenko V.E.

Family relationships and social network addiction
as factors of suicidal behavior in adolescents.....54–65

Kastalskaya-Borozdina A.A.

Pair suicides in adolescence66–77

Medvedeva A.S.

Sextortion on the Internet: reactions of minors and their vulnerability.....78–89

Kaplan V., Kapaġan N.

Adolescents' self-efficacy in preventing substance addiction and associated factors.....90–106

Buslaeva E.L., Vlasova N.V.

Family relationships and social network addiction
as factors of suicidal behavior in adolescents.....107–121

Pastukhova E.G.

Restorative mediation with juvenile participants:
A comparative study of school conflict and criminal case programs 122–145

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Meshkova N.V., Kudryavtsev V.T., Rybakova M.S., Yakovleva D.V., Meshkov I.A.

Malevolent creativity and information-meaning field.146–159

Outside of the theme rooms

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

**Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V.**

Psychological predictors of deviant behavior of minors.

Part 2. Portrait of a special educational institution's student. 160–178

Egorov F.A.

Current socio-psychological approaches in the study of ostracism..... 179–192

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Andreyanova M.S.

Interpersonal conflict between a child and a parent

as a ground for restricting parental rights 193–205

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V.

Discussing the law on psychological assistance:

directions and types of activities of a psychologist (Part 1). 206–223

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S.

Does belief in a just world contribute to reducing corruption: the mediating effect

of perceived punishment and the role of psychological entitlement? 224–239

Уважаемые читатели!

Научные исследования помогают профессиональному сообществу и обществу в целом осознавать новые явления, тенденции и проблемы. Это относится и к исследованиям в сфере современного детства. Стремительно меняющиеся условия, в которых живут и развиваются наши дети, содержат в себе как новые возможности, так и новые риски. В частности, такой двойственной природой обладают процессы цифровизации социальной жизни. Часто дети с раннего возраста воспринимают гаджеты и интернет-пространство как естественную и неотъемлемую часть своей среды, а с годами — и самих себя. Обладая доступом к огромному информационному и коммуникационному ресурсу, взаимодействие с которым не всегда поддается регламентации, они могут не учитывать последствия своих действий в Сети, порой весьма опрометчивых. Как удержать их от «падения с обрыва», которого они не видят? Для того чтобы решить эту задачу, взрослые должны осознать свою ключевую роль в треугольнике «взрослый — ребенок — интернет-пространство». Опасности возникают в тех случаях, когда дети имеют неограниченный доступ к гаджетам, интернет-пространству, искусственному интеллекту и предоставлены сами себе во взаимодействии с ними. Именно находящийся рядом взрослый является для ребенка носителем норм и культуры, от которого зависит, как ребенок будет строить свои отношения и в реальной, и в виртуальной жизни. Взрослые должны осознавать существующие опасности цифровой среды, принимать меры по их предотвращению совместно с детьми. В то же время, несмотря на возрастающую роль интернета и искусственного интеллекта в жизни молодежи, следует отметить, что сохраняются и другие виды рисков вне цифрового пространства. Актуальными остаются проблемы, связанные с такими видами поведенческих девиаций, как аддиктивное и агрессивное поведение подростков, методами их профилактики и коррекции. Исследования, проводимые авторами публикаций нашего тематического номера, посвящены различным аспектам этой широкой тематики.

Номер открывает статья «Комплексная модель формирования опасного поведения подростков в интернет-пространстве», в которой предлагается вариант концептуализации развития поведения подростков, опасного как для других людей, так и для них самих, с выделением потенциальных и актуальных факторов, влияющих на формирование готовности к опасному поведению и его реализацию, включая фактор интернета.

Изменениям социальной ситуации развития детей в связи с происходящими общественными и технологическими процессами посвящена обзорная статья А.А. Федонкиной. В ней описываются психологические проблемы, возникающие у детей во взаимодействии с цифровой средой в разные возрастные периоды, и выделяются феномены этой среды, которые могут вести к формированию у них уязвимости и рискованного поведения.

Риски цифровизации проявляются особенно остро у детей, изначально имеющих определенные виды уязвимости. Одним из таких видов является нарушение интеллекта. Проблемы цифровой инклюзии, барьеры инклюзивного образования и возможности их преодоления обсуждаются на материале эмпирического исследования в статье О.В. Защириной и П.А. Белимовой. Но даже при нормальном психическом развитии возрастные особенности детей могут рассматриваться в качестве фактора уязвимости, если речь идет о сексуальном насилии и злоупотреблении с использованием сети Интернет. Особенности реагирования детей и подростков на вымогательство их сексуализированных изображений посредством интернета, а также возможности профилактики подобных явлений описываются в статье А.С. Медведевой.

Одно из наиболее тяжелых проявлений поведенческих девиаций у подростков — суицидальное поведение. В обзорном исследовании В.Е. Купченко рассматривается

значение для формирования такого поведения нарушенных отношений в семье в сочетании с проблемным использованием интернета. Редким вариантом подростковой аутоагрессии является парный суицид, совершаемый двумя подростками, находящимися в определенных отношениях. Исследование такой формы суицида на основе анализа эмпирических данных представила в своей статье А.А. Кастальская-Бороздина, обнаружившая особую роль интернет-коммуникации в подготовке суицидального акта.

Анализ характеристик молодых людей с девиантным, противоправным поведением, антисоциальными тенденциями для выработки профилактических и коррекционных мер — традиционная проблематика юридической психологии. В своей статье Н.В. Мешкова с соавторами делятся результатами эмпирического исследования связей антисоциальной креативности и информационно-смыслового поля, правосознания и восприятия общества. Е.Л. Буслаева и Н.В. Власова представляют оригинальные данные о связи агрессивности, одиночества и психологического благополучия у юношей. Роль факторов семьи, социальных отношений и самовосприятия для самооэффективности турецких подростков в профилактике употребления психоактивных веществ обсуждается на материале обширного эмпирического исследования в англоязычной статье V. Kaplan и N. Rapagan. Один из наиболее востребованных методов предупреждения агрессии в конфликтных отношениях — восстановительная медиация — является предметом публикации Е.Г. Пастуховой, которая сравнивает эффективность его применения в школьных условиях и в рамках уголовного процесса.

Разнообразный спектр проблем охватывают статьи, публикуемые в номере вне основной тематики. Две из них являются продолжением публикаций, начатых в предыдущих выпусках. Это статья Н.В. Богданович, В.В. Делибалт и А.В. Дегтярева, посвященная обсуждению закона о психологической помощи, и коллективная работа Е.Э. Бойкиной с соавторами о психологических предикторах девиантного поведения несовершеннолетних, описывающая портрет воспитанника СУВУ. В последнем случае тема близка основной тематике номера, как и тема статьи Ф.А. Егорова, связанная с проблемами остракизма. Судебно-психологическая проблематика гражданского процесса с участием детей отражена в статье М.С. Андреяновой о межличностном конфликте ребенка и родителя как основании ограничения родительских прав. Номер завершается статьей А.А. Максименко, А.Р. Загладиной и О.С. Дейнеки, посвященной психологическим факторам коррупционного поведения.

Мы надеемся, что статьи выпуска будут с интересом восприняты нашими коллегами и всеми, для кого важна проблематика детства и широкий круг вопросов юридической психологии.

*Е.Г. Дозорцева,
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры юридической психологии и права
факультета юридической психологии Московского
государственного психолого-педагогического университета,
руководитель лаборатории психологии детского и подросткового
возраста Национального медицинского исследовательского
центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

Комплексная модель формирования опасного поведения подростков в интернет-пространстве

Е.Г. Дозорцева^{1, 2}✉

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ edozortseva@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Интернет дает детям и подросткам большие информационные и коммуникационные возможности, но в то же время становится значимым фактором их опасного поведения онлайн и офлайн. Необходима концептуализация этого феномена для проведения научно-практических исследований и разработок с широким охватом комплекса факторов, включая интернет, обуславливающих криминализацию и виктимизацию детей и подростков. **Цель.** Построение комплексной модели формирования опасного поведения подростков в интернет-пространстве. **Метод исследования.** Теоретический анализ и построение модели на основе литературных данных и материалов комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ) несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших в контексте преступлений, совершенных в интернет-среде. **Результаты.** Предложено описание процесса формирования опасного поведения детей и подростков в интернет-пространстве с разделением действующих в нем факторов на потенциальные (формирующие) и актуальные (ситуационные, провоцирующие). В области потенциальных факторов на основе концепции экологических систем У. Бронфенбреннера и биопсихосоциального подхода Г. Энгеля выделено четыре уровня анализа факторов. С уровнями соотнесены сферы, исследование которых в офлайн- и онлайн-плоскостях позволяет выявить предпосылки уязвимости несовершеннолетних и их готовности к рискованному и опасному поведению. Описаны актуальные факторы, включая интернет-влияния, трансформирующие потенциальную готовность и уязвимость в реализацию опасных действий, виктимизацию и криминализацию подростков. **Выводы.** Предложенная модель открывает

Дозорцева Е.Г. (2025)
Комплексная модель формирования опасного
поведения подростков в интернет-пространстве
Психология и право, 15(3), 3—23.

Dozortseva E.G. (2025)
Analytical model of adolescents' dangerous
behaviour formation in the internet space
Psychology and Law, 15(3), 3—23.

перспективы для дальнейших исследований различных вариантов опасного поведения несовершеннолетних в контексте влияния интернет-среды, повышения эффективности судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, разработки критериев и инструментов оценки риска опасного поведения, а также мер его профилактики.

Ключевые слова: комплексная модель, опасное поведение, подростки, факторы формирования, интернет, риск, виктимизация, криминализация, профилактика

Финансирование. Исследование выполнено в рамках Государственного задания № 123022000056-7 «Разработка комплексных моделей клинико-психологической диагностики, экспертизы, профилактики, межведомственного взаимодействия при работе с детьми и подростками в контексте преступлений, совершенных в информационной среде и киберпространстве» (2023—2025).

Благодарности. Автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования и обсуждении его результатов сотрудников отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России.

Для цитирования: Дозорцева, Е.Г. (2025). Комплексная модель формирования опасного поведения подростков в интернет-пространстве. *Психология и право*, 15(3), 3—23. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150301>

Analytical model of adolescents' dangerous behaviour formation in the internet space

E.G. Dozortseva^{1, 2}✉

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ edozortseva@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The Internet provides children and adolescents with great information and communication opportunities, but at the same time, it becomes a significant factor in their dangerous behavior online and offline. It is necessary to conceptualize this phenomenon in order to conduct scientific and practical research and development with a wide coverage of the complex of factors, including the Internet, that determine the criminalization and victimization of children and adolescents. **Objective.** To develop a comprehensive model of the formation of adolescents' dangerous behavior in the Internet space. **Research method.** Theoretical analysis and model construction based on literary data and materials of complex forensic psychological and psychiatric examinations (CFPE) of juvenile defendants and victims in the context of crimes committed in the Internet environment. **Results.** The article describes the process of formation of dangerous behavior in children and adolescents in the Internet space, dividing the factors operating in it into potential (formative) and current (situational, provoking). In the area of potential factors, based

on the concept of ecological systems by W. Bronfenbrenner and the biopsychosocial approach by G. Engel, four levels of factor are distinguished. The levels are associated with the spheres, the study of which in the offline and online planes allows us to identify the prerequisites for the vulnerability of minors and their readiness for risky and dangerous behavior. The current factors, including Internet influences, transform potential readiness and vulnerability into the implementation of dangerous actions, victimization and criminalization of adolescents. **Conclusions.** The proposed model opens perspectives for further studies of various options for dangerous behavior of minors in the context of the influence of the Internet environment, increasing the effectiveness of forensic psychological and psychiatric examination of minors, developing criteria and tools for assessing the risk of dangerous behavior, as well as measures for its prevention.

Keywords: comprehensive model, dangerous behavior, adolescents, factors of formation, the Internet, risk, victimization, criminalization, prevention

Funding. The study carried out within the framework of State Assignment No. 123022000056-7 “Development of comprehensive models of clinical and psychological diagnostics, examination, prevention, interdepartmental interaction when working with children and adolescents in the context of crimes committed in the information environment and cyberspace” (2023—2025).

Acknowledgements. The author is grateful to the staff of the Department of Social and Forensic Psychiatric Problems of Minors of the Federal State Budgetary Institution “V.P. Serbsky National Medical Research Center for Pedagogical Sciences” of the Ministry of Health of the Russian Federation for assistance in collecting data for the study and discussing its results.

For citation: Dozortseva, E.G. (2025). Analytical model of adolescents' dangerous behaviour formation in the internet space. *Psychology and Law*, 15(3), 3—23. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150301>

Введение

Цифровизация как революционный процесс, охвативший все стороны жизни общества, имеет огромное значение, прежде всего для молодежи. Дети и подростки родились в эпоху Интернета и с раннего возраста воспринимают деятельность в Сети как естественную часть своего существования. Исследователи констатируют, что на современном этапе социальной и когнитивной эволюции человеческой психики «...развивающееся сознание фактически сращивается с внешними орудиями (гаджетами) и знаковой реальностью (Интернетом)» (Солдатова, Войскунский, 2021). Сама же реальность приобретает для погруженного в виртуальные процессы молодого человека смешанный характер. Современный ребенок находится в процессе «цифровой социализации», под которой, по словам Г.У. Солдатовой и А.Е. Войскунского, понимается «опосредованный всеми доступными ребенку инфокоммуникационными технологиями процесс овладения, присвоения и воспроизводства в онлайн-контекстах социального опыта, формирующего его цифровую личность как часть реальной личности» (там же). Однако развитие цифровой личности, «гиперподключенной и технологически достроенной», имеет немало проблемных моментов. Приобретение доступа в Сети к широчайшим возможностям информационного и коммуникационного поля сопровождается для ребенка потерей основного звена социальной ситуации и ближайшей

зоны развития — взрослого как представителя культуры, опосредующего в совместной деятельности с ребенком новую информацию, умения, навыки. С позиций культурно-исторической психологии, это явление представляет собой «цифровой разлом», имеющий ряд негативных последствий. С.А. Смирнов относит к таким последствиям функциональную инверсию, при которой гаджет отбирает у ребенка функцию субъекта, прикладывающего усилия для усвоения нового, и ведет его по заранее заложенным сценариям; событийный сдвиг и изменение структуры деятельности, мотивов и смыслов — смещение интереса ребенка к виртуальному миру за счет реального; создание иллюзии безопасности в потенциально незащищенной среде (Смирнов, 2023). Один из наиболее проблемных результатов цифровой социализации, или виртуализации, заключается в слабом развитии у детей и подростков ощущения границ, навыков общения, самоорганизации и саморегуляции (Емелин, Рассказова, Тхостов, 2012; Смирнов, 2023). Феномен проблемного использования подростками интернета с формированием зависимости от игр и социальных сетей в последнее время вызывает озабоченность системы здравоохранения во всемирном масштабе (Boniel-Nissim M. et al., 2024).

Очевидно, что дети и подростки не просто потребляют в Сети доступный им контент, но и являются активными деятелями: выбирают то, что соответствует их интересам, самостоятельно устанавливая связи с другими людьми и создают новые продукты в виде постов, фотографий, видеороликов. При этом Интернету свойственно то, что позволило А. Голдсмит и Д. Уоллу назвать его «манящим болотом», — он привлекает и затягивает доступностью возможностей, облегчая переход границ социально приемлемого (Goldsmith, Wall, 2019) и создавая эффект растормаживания (Suler, 2004; Wu, Lin, Shih, 2017). Особенно опасно это «болото» для подростков в силу их возрастных особенностей: стремления проверить свои возможности и доказать собственную значимость, получить признание сверстников, найти свою идентичность через проигрывание разных ролей, получить новые ощущения, проверить нормы через их нарушение, освоить психосексуальную сферу и т. п. Ощущение защищенности от опасностей, создаваемое кажущейся анонимностью и тем обстоятельством, что все действия в интернете совершаются опосредованно, перед экраном монитора в домашней обстановке, способствует нарушению привычных норм и правил. Склонность подростков к риску и недостаточно критичное отношение к собственным действиям усугубляют возможные проблемы, которые могут у них возникнуть не только онлайн, но и офлайн.

В наиболее сложных случаях действия подростков в интернете заканчиваются уголовными делами, в которых они выступают в качестве обвиняемых или потерпевших. Количество таких дел с каждым годом увеличивается. При этом, по мнению сотрудников МВД, латентность преступности в Сети, в частности противоправных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних, очень высока (Нынюк, 2022), что свидетельствует об особой уязвимости детей и подростков. Предметом уголовных дел становятся суицидальные действия несовершеннолетних, осуществленные под воздействием соответствующего контента или интернет-коммуникаций. В значительном числе случаев несовершеннолетние, обвиняемые в агрессивно-насильственных преступлениях или распространении наркотиков, изначально находятся под влиянием идей, образцов поведения, предложений и побуждений, исходящих из цифровой сферы и формирующих их собственную мотивацию к совершению опасных для общества действий.

Существенные изменения, происходящие в социальной ситуации развития современных детей и подростков, требуют новых подходов к профилактике их криминализации и виктимизации на основе понимания причин и факторов, влияющих на эти феномены. Аналогичные задачи стоят перед более узкой, но важной областью практики — комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) несовершеннолетних, обвиняемых и потерпевших, в уголовном процессе. Все это обуславливает необходимость новой концептуализации и систематического изучения отклоняющегося развития молодых людей и опасных действий онлайн и офлайн. В последние годы этой проблеме посвящаются все больше исследований (Кондрашкин, Хломов, 2012; Дворянчиков, Рубцова, 2020; Jeong, 2022; McCuddy et al., 2025 и др.). Проводятся «инвентаризация» и классификация действий несовершеннолетних в Сети, имеющих негативные последствия для них самих и окружающих (Богданович, Делибалт, 2024); выделяются различные варианты и свойства онлайн-делинквентности подростков (Rokven et al., 2018); исследуются факторы риска и уязвимости в интернет-пространстве (Дворянчиков, Бовина, 2022); обсуждаются модели оценки риска девиантного поведения в онлайн-среде (Dvoryanchikov et al., 2020).

Вместе с тем следует констатировать, что существующие теоретические модели отклоняющегося поведения подростков в онлайн/офлайн среде имеют определенные ограничения. В большинстве случаев их авторы исходят из представлений о социальных, социально-психологических и индивидуально-психологических факторах. Однако практика КСППЭ отчетливо демонстрирует во многих случаях опасного поведения несовершеннолетних необходимость учета влияния биологических и психопатологических особенностей. Описываемые традиционными моделями факторы имеют общий характер и не касаются конкретных обстоятельств совершенных действий, в то время как именно анализ ситуационных факторов нередко позволяет прояснить причинно-следственные связи поступков несовершеннолетнего. Наконец, большинство исследований посвящено делинквентности подростков в контексте интернет-взаимодействий, в то время как их виктимизация как вариант опасного поведения в интернет-среде остается вне общего рассмотрения. Указанные обстоятельства обусловили цель нашего исследования — построение комплексной модели формирования опасного поведения подростков в интернет-пространстве на основе исследования научной литературы и практики КСППЭ несовершеннолетних, обвиняемых и потерпевших, в контексте преступлений, совершенных в интернет-среде.

Основные факторы развития опасного поведения подростков в интернет-пространстве

Информационные и коммуникационные взаимодействия современных молодых людей, живущих в смешанной онлайн/офлайн реальности, находят отражение в их поведении. Мы будем рассматривать специфические обстоятельства, при которых такое поведение приобретает опасный характер. Опасность понимается как высокая вероятность наступления вредных, негативных последствий, причем как для других людей вследствие криминальных действий несовершеннолетнего, так и для самого подростка как результат виктимизации, самоповреждающих, в том числе суицидальных, действий. Связь же опасного поведения молодого человека с интернет-средой может быть как непосредственной, если действия совершаются онлайн, так и опосредованной, в случае если действия совершаются офлайн, но под воздействием информации или коммуникаций в интернете.

Исследования последних лет, выполненные на основе практики КСППЭ несовершеннолетних, позволили собрать обширный материал, касающийся детей и подростков в контексте преступлений, совершенных в интернет-среде (Бадмаева, Дозорцева, 2024). Полученные данные дали возможность установить определенную динамику возникновения опасного поведения несовершеннолетних. На первом этапе происходит формирование уязвимости и склонности к совершению рискованных действий под влиянием ряда факторов, включая воздействие интернета. Эти факторы мы обозначаем в данном контексте как потенциальные, или формирующие. Они подготавливают возможность совершения подростком опасных действий, но не запускают их непосредственно. На втором этапе основная провоцирующая роль принадлежит актуальным, ситуационным, факторам (в том числе относящимся к интернету), под влиянием которых уязвимость и потенциальная готовность к рискованным и опасным поступкам трансформируется в сами эти поступки (рис. 1). Следует отметить, что сходный подход, хотя и в несколько иных ракурсах и с другой терминологией, реализуется в работах суицидологов (Банников, 2023а; Банников, 2023б; Bridge, Goldstein, Brent, 2006; O'Connor, 2011).

Рис. 1. Этапы формирования опасного поведения несовершеннолетних

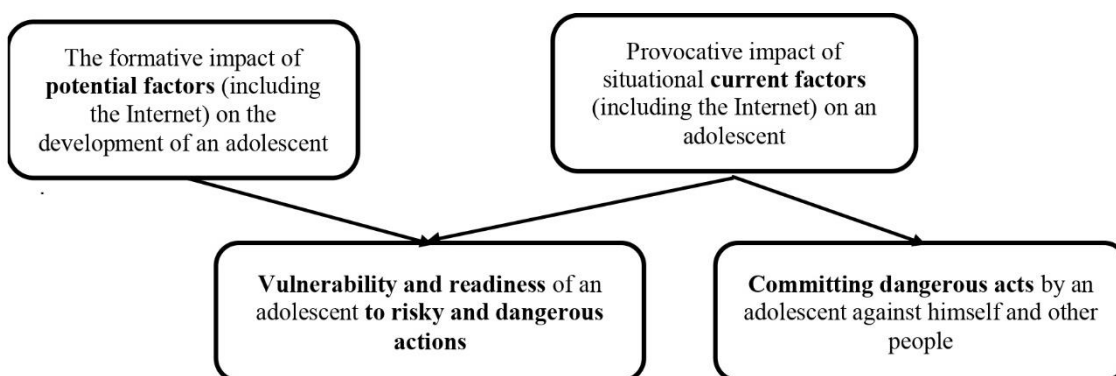

Fig. 1. Stages of formation of minors' dangerous behavior

Потенциальные факторы понимаются нами широко как система условий и взаимодействий, в которые включен подросток и в которых формируется его личность, реальная и цифровая. Для определения того, какие компоненты входят в эту систему, исследователи обычно обращаются к экологической модели развития, предложенной У. Бронфенбреннером

(Bronfenbrenner, 1979) и впоследствии модифицированной им в соответствии с условиями цифровизации (Bronfenbrenner, 2004). Согласно этой модели, ребенок находится в центре системы, включающей несколько подсистем: микросистему (семья, школа, соседи, люди из ближайшего окружения), экзосистему (непрямое общение — СМИ, дальние родственники, работа родителей) и макросистему (нормы и ценности общества, законы, традиции). В современной действительности в непосредственной близости от ребенка находится не семья, а техноподсистема как часть микросистемы, состоящая из гаджетов и интернет-среды, с которыми ребенок взаимодействует с раннего детства. Все компоненты системы составляют динамическое единство, изменяющееся с течением времени. Вместе с тем комплексная модель требует распространения анализа за рамки социального и социально-психологического подхода. Подобное расширение в сторону биологических и психологических факторов предусматривает биопсихосоциальная модель Дж. Энгеля (Engel, 1977), получившая широкое распространение в психиатрии и клинической психологии. Результатом сопоставления этих и некоторых других концептуальных систем (Холмогорова, Воликова, 2012) стало выделение следующих уровней потенциальных факторов виктимизации и криминализации несовершеннолетних в киберпространстве: макросоциального, микросоциального, личностного и психобиологического (рис. 2).

Каждый уровень представлен сферами, отражающими основное содержание факторов. Так, **макросоциальному** уровню соответствует сфера социокультурных представлений, включающая наиболее общие и типичные для данной культуры идеи, нормы, образцы поведения.

Для **микросоциального** уровня факторов свойственны два типа отношений детей и подростков: семейные и непосредственные межличностные отношения за пределами семьи. Они представлены в модели двумя соответствующими сферами. Следует подчеркнуть особую значимость каждой из них для психологического благополучия несовершеннолетнего и необходимость внимательного анализа как семейной ситуации, так и характера взаимоотношений подростка со сверстниками, а также с педагогами в школе и другими значимыми взрослыми.

При рассмотрении **личностного** уровня, ориентируясь на трактовку личности А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 2005) и концепцию психологии смысла Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 2007), мы выделяем мотивационно-смысловую и индивидуально-психологическую сферы. Кроме того, учитывая важность для личностного формирования подростка самосознания (Эльконин, 1989), идентичности (Эриксон, 2006), концепции Я (Бернс, 1986), следует уделить специальное внимание сфере Я как центральной регулятивной подструктуре личности.

Психобиологический уровень в рамках предлагаемой модели охватывает широкий круг генетических, нейрофизиологических особенностей, биохимических процессов, лежащих в основе функционирования психики детей и подростков, а также обусловленные ими характеристики такого функционирования. Сюда относятся нормальные процессы, такие как, например, психосексуальное развитие подростков, а также связанные с биологическими причинами варианты психической патологии.

Дозорцева Е.Г. (2025)
Комплексная модель формирования опасного
поведения подростков в интернет-пространстве
Психология и право, 15(3), 3—23.

Dozortseva E.G. (2025)
Analytical model of adolescents' dangerous
behaviour formation in the internet space
Psychology and Law, 15(3), 3—23.

Рис. 2. Потенциальные факторы развития у подростков уязвимости и готовности к совершению рискованных действий

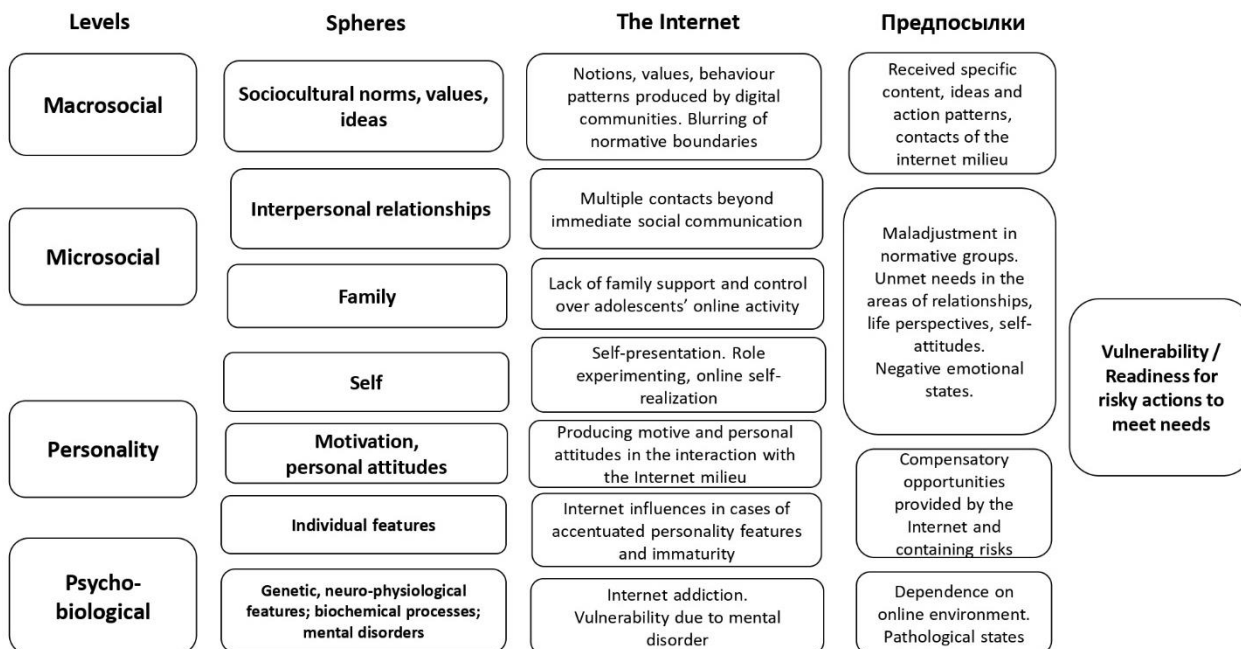

Fig. 2. Potential factors for the development of vulnerability in adolescents and their readiness to commit risky actions

Все перечисленные уровни и сферы тесно связаны друг с другом, образуя в своем единстве основу для описания уникальной формирующейся личности и индивидуальности молодого человека. При рассмотрении потенциальных факторов опасного поведения несовершеннолетних особое значение имеет дифференцированное выделение проблем, возникающих у детей и подростков на каждом из уровней и в каждой сфере. Они могут быть различными для разных категорий несовершеннолетних, но любая из них в отдельности и все в совокупности создают основу уязвимости для виктимизации и криминализации подростков. Существенную роль играют как глобальные процессы, происходящие в обществе, так и проблемы в семейной и межличностной сферах, что отражается в содержании представлений и смыслов, связанных с формированием структуры личности, саморегуляции и образа Я подростка. Развитие индивидуально-психологических особенностей как формы реализации мотивов и смыслов в значительной степени связано и с биологическими индивидуальными характеристиками. Заострение тех или иных черт до степени акцентуаций, или патохарактерологических образований, также может отражать уязвимость подростка к воздействию определенных ситуационных обстоятельств. Наконец, наличие психической патологии независимо от нозологической принадлежности представляет собой фактор риска социальной дезадаптации в той или иной степени выраженности.

Представленные уровни и соответствующие им сферы ориентируют исследователей и практиков в отношении параметров, которые входят в комплексную диагностику состояния подростка, влияющих на него факторов и возникающих проблем. Следует отметить, что само обнаружение проблемных зон служит первым шагом на пути к их коррекции, так как позволяет определить мишени профилактических воздействий. Важным обстоятельством является то, что выделенные сферы содержат не только риски, но и ресурсы, которые могут быть использованы для восстановления благополучия ребенка.

Интернет как потенциальный фактор формирования опасного поведения подростков

Формирование личности подростков в условиях смешанной реальности необходимо предполагает выделение влияния интернета в качестве одного из основных параметров рассматриваемой модели. Интернет становится мощным фактором, существенно изменяющим содержание и траектории развития на каждом из выделенных нами уровней. С одной стороны, интернет дает широкие возможности и компенсирует многие дефициты, свойственные подросткам, с другой — вносит в их развитие определенные ограничения. Так, на макроуровне значимыми для подростков становятся социальные образцы и ценности, транслируемые не только, а часто и не столько, обычными способами через семейное и школьное воспитание, традиционные СМИ, сколько через цифровые устройства и социальные сети, через специфичные и популярные именно в подростковой среде группы и чаты. При этом привычные нормативные границы стираются, ориентирами жизненного стиля и образцами для подражания становятся популярные блогеры, лидеры молодежной моды, музыкальных групп, формирующие те или иные варианты субкультуры, нередко связанные с поведением, отклоняющимся от общепринятых норм офлайн. Более того, механизмы поиска в интернете благодаря системе фильтров ограничивают подростка теми интересами, которые он первоначально проявил, предлагая ему все новые, но сходные варианты контента и погружая его в своеобразный «информационный пузырь» (Pariser, 2011).

По мнению ряда исследователей, решающая регулирующая и модулирующая роль в развитии онлайн-активности подростка принадлежит родителям (Durak, Kaygin, 2020; Huang, Kang, Yang, 2024; Ren, Zhu, 2022; Warren, Bluma, 2002). Однако в действительности семья, как правило, мало осведомлена о деятельности и контактах подростка в виртуальной среде. Если он проводит свой досуг не на улице в сомнительных компаниях, а дома за компьютером, родителям кажется, что он находится в безопасности. Контроль за контентом, потребляемым и производимым их ребенком, родители осуществляют редко, зачастую обладая меньшими, чем он, навыками работы с цифровыми устройствами. Это в еще большей степени повышает у подростка чувство свободы и вседозволенности в интернет-среде. Дополнительным неблагоприятным фактором может быть отсутствие теплых доверительных отношений в семье и поддержки подростка с родителями. Исключение взрослого из виртуальной активности подростков, о котором говорилось в начале статьи, происходит и на уровне образовательных организаций, так как возможности мониторинга интернет-активности учеников у сотрудников этих организаций весьма ограничены.

Изменяется характер межличностного общения подростков со сверстниками. У многих из тех, кто относится к нормативным группам, есть друзья, как в обычной, так и виртуальной реальности. Однако для несовершеннолетних, испытывающих трудности в общении и дефицит контактов со сверстниками, слабо адаптированных в привычной социальной среде, интернет предоставляет компенсаторные возможности индивидуального общения или присоединения к интернет-сообществам молодых людей с похожими интересами и склонностями, где они могут быть поняты и приняты. Чем более одинок и изолирован такой подросток в обычной жизни, тем более он активен в интернете. Если он становится членом группы с определенной, в том числе негативной, идеологией, то такая группа приобретает для него характер «эхо камеры», в которой высказываются одни и те же мнения без привлечения альтернативных суждений или дополнительной информации, что сужает диапазон выбора собственной позиции или возможности освобождения из-под группового влияния.

Интернет растормаживает людей в их разнообразных, в том числе агрессивных, проявлениях. Отсутствие непосредственного общения, включающего наблюдение за эмоциональными реакциями собеседника и эмпатический отклик на них, лишает подростка ориентиров и обратной связи, важных для регуляции социального поведения. С этим, в частности, связана высокая частота кибербуллинга в интернет-коммуникациях несовершеннолетних. Повышению агрессии способствует увлечение части подростков видеоиграми с агрессивными сюжетами и проявлениями насилия. Взаимодействия детей и подростков в Сети часто имеют рискованный поисковый характер, что может быть обусловлено разнообразными потребностями, в том числе стремлением исследовать возможности и границы не только интернета, но и свои собственные. Такие действия нередко оказываются опасными для незрелой личности, в особенности если она сталкивается со злоумышленниками, которые используют ее в своих целях и непосредственно индуцируют криминальное (например, распространение наркотиков) или виктимное (например, при сексуальных домогательствах или кибергруппинге, (Медведева, 2022)) поведение.

Деятельность в интернет-среде оказывает существенное влияние на формирование сферы Я подростка. При этом он не является пассивным реципиентом внешних воздействий, а активно действует, рассчитывая на обратную реакцию в интересующих его сообществах. С этим связано стремление к самореализации и признанию в референтной среде, желание выделиться за счет оригинальности собственного контента, получить одобрение в виде лайков

за посты или изображения. Возможности интернета позволяют детям и подросткам попробовать себя в различных ролях и примерить разнообразные «маски», скрывая свою собственную личность (Рубцова, Посакалова, Делибалт, 2022). Такие эксперименты самопрезентации включаются в процесс формирования идентичности, однако в некоторых случаях создание ложной цифровой личности может угрожать потерей репутации или виктимизацией в уголовно-правовом смысле. Нередко подростки формируют несколько аккаунтов, по-разному выступая в каждом из них, демонстрируя социально адаптированный образ в одном случае и девиантный — для избранных и доверенных коммуникантов — в другом. Подобное «раздвоение» цифровой личности также содержит в себе риски диффузии идентичности и отклоняющегося поведения.

Формирование мотивационно-смысловой сферы у современных подростков, как уже говорилось выше, в существенной мере зависит от влияний интернета, от того, какие потребности он удовлетворяет, от образцов и ценностей, которые он транслирует, а несовершеннолетние стремятся реализоваться как в виртуальной, так и в обычной реальности. Для развития мотивов и смыслов важно соотношение каждой из этих сфер для конкретного подростка. Крайним вариантом влияния можно считать интернет-зависимость, при которой ребенок почти полностью уходит в цифровой мир, замещая им реальный, и проявляет признаки патологии влечений с искажением мотивов и смыслов, а также агрессии, при попытках вывести его в обычную жизнь и лишить выхода в Сеть. В менее драматичных обстоятельствах интернет становится площадкой реализации неудовлетворенных коммуникативных потребностей, источником идей и форм поведения, находящих затем выражение в действиях подростка офлайн. Как показывает практика, в основе мотивации несовершеннолетнего лежат нормальные потребности, однако идеи, ведущие к их реализации, могут быть разного качества и направленности, порой приводя подростка к поведению, опасному для него самого и других людей. В профилактическом плане важно понимать, что стоит за опасными действиями, какие потребности несовершеннолетнего не были реализованы и как их можно удовлетворить социально приемлемым путем (Andrews, Bonta, Hoge, 1990; Loesel, 2002).

Большему влиянию интернета оказываются подвержены дети и подростки, характеризующиеся определенными индивидуально-психологическими особенностями: личностной незрелостью, несамостоятельностью, импульсивностью, конформностью, замкнутостью, враждебностью и агрессивностью по отношению другим, тревожностью, ранимостью, низкой или колеблющейся самооценкой (Дозорцева, Ошевский, Сыроквашина, 2020). Эти и некоторые другие качества делают их, с одной стороны, уязвимыми и плохо адаптирующимися в среде сверстников и, с другой стороны, легко поддающимися под влияние значимых для них людей, что проявляется в их стремлении использовать компенсаторные возможности интернета и получить там поддержку.

Еще большей подверженностью риску негативного влияния интернета характеризуются дети и подростки, проявляющие клинически очерченные признаки отклоняющегося развития и психопатологии. Легкий интеллектуальный дефицит, сопровождающий некоторые виды заболеваний, не позволяет им распознать подобные риски и эффективно контролировать собственное поведение. Аналогичным образом дезорганизирующее влияние на поведение, как онлайн, так и офлайн, может оказывать аффективная нестабильность подростков, страдающих психическими заболеваниями. В качестве патологического «ядра» криминального агрессивно-насильственного поведения некоторых подростков могут выступать сверхценные идеи,

сформированные на основе экстремистской идеологии, транслируемой в интернет-среде (Бадмаева, Дозорцева, 2024).

Таким образом, на всех уровнях и во всех сферах интернет может оказывать существенное влияние на формирование рискованного поведения детей и подростков, в особенности, при наличии у них проблем и нереализованных потребностей. В совокупности сочетание проблем в различных сферах с влиянием интернет-среды образует определенные предпосылки отклоняющегося, рискованного и опасного поведения. В общем виде к ним можно отнести следующие:

- специфический контент интернет-среды, непосредственно воспринятые негативные идеи, образцы поведения и иные влияния контактов интернет-среды;
- трудности адаптации детей и подростков в нормативной среде, проблемы отношений, перспектив, позитивной мотивации, эмоциональных состояний, когнитивных представлений, сферы Я; потребности подростков, не получившие реализации в обычной среде;
- компенсаторные возможности, предоставляемые интернетом и содержащие риски для несовершеннолетних;
- зависимость подростков от онлайн-среды, некритичная подверженность ее влияниям вследствие проблем развития; психические расстройства и патологические состояния, снижающие способность к осознанной регуляции поведения онлайн и офлайн.

Описанные выше потенциальные факторы формируют повышенную уязвимость детей и подростков к негативным влияниям и/или склонность к рискованным действиям для удовлетворения нереализованных потребностей, опасным для самих несовершеннолетних и для общества. Для разных вариантов такого поведения типичны определенные конфигурации результатов воздействия смешанной реальности и соответствующих предпосылок — комплекса внутренних и внешних проблем подростков.

Актуальные факторы совершения подростками действий, опасных для себя и общества

Обычно профилактические подходы, основанные на оценке риска девиантного поведения подростков, концентрируют внимание на потенциальных факторах риска, стремясь уменьшить их негативное влияние и повысить существующие позитивные ресурсы. Однако при индивидуальной работе с подростками, уже совершившими действия, опасные для них самих или окружающих, выявляется значение актуальных факторов, связанных с конкретной ситуацией и ее динамикой, в результате которых потенциальная готовность трансформируется в реальные поступки. В литературе существует ряд моделей разного рода опасного поведения, описывающих такой переход. При этом наряду с рассмотрением внешних ситуационных обстоятельств специальное внимание уделяется анализу ведущей мотивации субъектами действий. Так, описывая динамику возникновения и реализацию суицидальных намерений, R. O'Connor (O'Connor, 2011) предлагает интегративно-мотивационную модель, в которой выделяются домотивационная (с элементами уязвимости), мотивационная (нарастание уязвимости и неблагоприятных ситуационных обстоятельств) и волевая фазы. В модели кумулятивного напряжения как предпосылки нападения подростков на школу J. Levin и E. Madfis выделяют последовательные этапы накопления внутреннего напряжения, провоцирующее влияние негативного критического события и принятие подростками

решения с планированием нападения (Levin, Madfis, 2009). В моделях динамики виктимизации несовершеннолетних в ситуации кибергруминга также выделяется критическая стадия ситуационного взаимодействия, связанная с мотивацией подростка (Медведева, Дозорцева, 2019; Whittle et al., 2013).

Рис. 3. Актуальные факторы совершения подростками действий, опасных для себя и общества

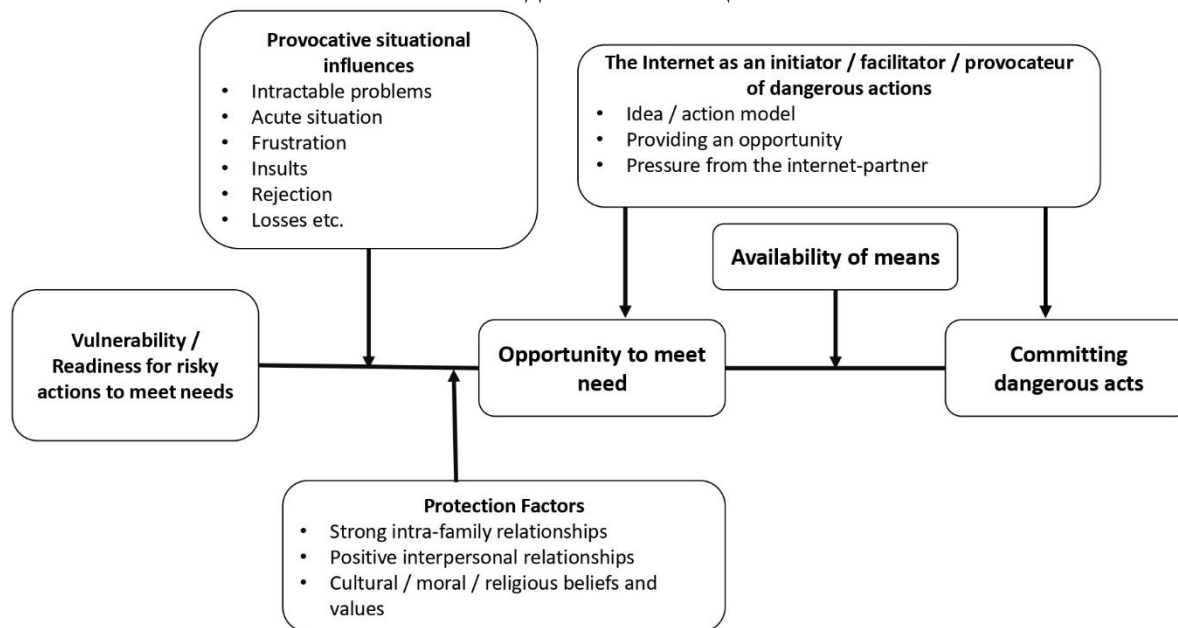

Fig. 3. Current (situational) factors for adolescents to commit actions dangerous to themselves and society

Для построения части модели, в которой рассматриваются актуальные факторы развития опасного поведения в интернет-пространстве, представляется продуктивным применение некоторых аспектов концепции формирования суицидального поведения у подростков Дж. Бриджа и его соавторов (Bridge, Goldstein, Brent, 2006). В модифицированной нами версии (рис. 3) в более широком плане рассматривается динамика формирования опасного поведения в ситуационном контексте воздействий на молодого человека, уже проявляющего уязвимость и внутреннюю готовность к рискованным действиям. При этом следует учитывать влияние как неблагоприятных, провоцирующих факторов, так и факторов защиты. К провоцирующим или усиливающим имеющиеся трудности воздействиям относится возникновение трудноразрешимых проблем, связанных с фрустрациями, обидами, отвержением окружающими или отдельными значимыми людьми, потерями, неудачами и т. п.

В качестве внешнего фактора защиты, опоры, помощи в решении этих проблем могут выступать связи с ближайшим окружением, прежде всего поддержка семьи, друзей, сверстников. Внутренними факторами, тормозящими опасное для себя или других поведение подростка, могут быть личностные установки, в том числе моральные или религиозные преграды и запреты. Однако протективные факторы могут отсутствовать или быть слишком слабыми для оказания сопротивления импульсам к рискованному поведению. Если в этот период возникает воздействие со стороны интернет-среды, которая предлагает конкретную идею, образец поведения или требование, способствующие удовлетворению потребности через опасное поведение, то, учитывая сформированную ранее готовность, такое поведение может быть реализовано в качестве виктимного или делинквентного (криминального). Наличие средств его осуществления повышает вероятность опасных поступков до максимума, а продолжающиеся стимулирующие воздействия со стороны интернета ведут к их реальному совершению.

Заключение

Представленная модель формирования опасного поведения у несовершеннолетних, учитывающая особенности смешанной реальности, в которой живут подростки, и влияния интернет-среды, имеет ориентирующий характер. Задача ее разработки заключалась в систематизации факторов риска опасного поведения, связанного с интернет-активностью подростков. Модель обладает некоторыми свойствами, которые, по нашему мнению, делают ее использование перспективным для дальнейших исследований и практического применения. Если большинство существующих концептуальных схем концентрируется на отдельных видах асоциального или суицидального поведения, то в данном случае используется широкое понятие опасного поведения несовершеннолетних, подразумевающее опасность не только для других людей и общества, но и для самого подростка. В дальнейшем на основе этой модели можно конкретизировать те или иные варианты такого поведения. Модель оперирует двумя видами факторов — потенциальными и актуальными — и, соответственно, предполагает два этапа рассмотрения процесса формирования опасного поведения, что позволяет дифференцировать как факторы, так и механизмы развития такого поведения с учетом интернет-влияний на каждом этапе. Предлагается комплексное рассмотрение факторов на различных уровнях, включая социальный, социально-психологический, личностный и психобиологический, что требует мультидисциплинарности в использовании модели. Выделение сфер анализа факторов, соответствующих уровням, позволяет не только определить проблемные зоны несовершеннолетнего, но и соотнести их с проблемами

использования интернета как в индивидуальной работе с конкретным подростком, так и при выделении групп риска девиантного поведения. Модель в обобщенном виде очерчивает предпосылки формирования уязвимости и готовности к рискованному, опасному, поведению, однако дифференцированный анализ на основе предложенных параметров позволяет выявить предпосылки, типичные для того или иного вида опасного поведения либо характерные для конкретного подростка, склонного к такому поведению. Рассмотрение актуальных факторов дает возможность проследить динамику развития опасного поведения и определить конкретные обстоятельства и влияния, способствовавшие его реализации.

Ограничение настоящего исследования связано с обобщенным характером модели. Она представляет собой прототип, или схему, для дальнейшей разработки моделей формирования конкретных вариантов опасного поведения подростков в контексте интернет-среды, однако в ней самой этой конкретики нет. В данном варианте модели отсутствует временной план формирования потенциальных факторов, однако аналогично тому, как это представлено в других динамических схемах развития (Loesel, 2002; Patterson, DeBaryshe, Ramsey, 1989), полный анализ факторов может быть выполнен с временной разверткой по основным возрастным периодам жизни детей и подростков. При описании модели внимание уделялось преимущественно факторам риска и проблемам подростка, вместе с тем аналогичным образом можно выявить и факторы защиты, что важно для профилактической работы.

Полагаем, что использование описанной модели формирования опасного поведения у подростков может быть полезным не только для построения плана индивидуального диагностического исследования и проведения КСППЭ несовершеннолетних, обвиняемых и потерпевших, но и для разработки инструментов оценки риска такого поведения и превентивных мер виктимизации и криминализации детей и подростков.

Список источников / References

1. Бадмаева, В.Д., Дозорцева, Е.Г. (Ред.). (2024). *Дети и преступления с использованием интернет-технологий*. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России.
Badmaeva, V.D., Dozortseva, E.G. (Eds.). (2024). *Children and crimes using Internet technologies*. Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology” of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ.).
2. Бадмаева, В.Д., Карауш, И.С., Чибисова, И.А., Федонкина, А.А. (2024). Ауто- и гетероагрессивное поведение несовершеннолетних с экстремистско-террористической направленностью противоправных деяний, влияние деструктивного контента. *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски*, 124(11-2), 36—42. <https://doi.org/10.17116/jnevro202412411236>
Badmaeva, V.D., Karaush, I.S., Chibisova, I.A., Fedonkina, A.A. (2024). Auto- and heteroaggressive behavior of minors with extremist and terrorist orientation of illegal acts, the influence of destructive content. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 124(11-2), 36—42. (In Russ.). <https://doi.org/10.17116/jnevro202412411236>
3. Банников, Г.С. (2023а). Клинико-психопатологическая модель суицидального поведения в подростковом возрасте. Часть 1 (статические компоненты модели). *Российский психиатрический журнал*, 5, 55—65. <https://doi.org/10.34757/1560-957X.2023.27.5.007>
Bannikov, G.S. (2023a). Clinical-psychopathological model of suicidal behavior in adolescence. Part 1 (static model components). *Russian Journal of Psychiatry*, 5, 55—65. (In Russ.). <https://doi.org/10.34757/1560-957X.2023.27.5.007>

Дозорцева Е.Г. (2025)
Комплексная модель формирования опасного
поведения подростков в интернет-пространстве
Психология и право, 15(3), 3—23.

Dozortseva E.G. (2025)
Analytical model of adolescents' dangerous
behaviour formation in the internet space
Psychology and Law, 15(3), 3—23.

4. Банников, Г.С. (2023б). Клинико-психопатологическая модель суицидального поведения в подростковом возрасте. Часть 2 (структурно-динамические компоненты модели) // *Российский психиатрический журнал*, 6, 41—49. <http://doi.org/10.34757/1560-957X.2023.27.6.005>
Bannikov, G.S. (2023b). Clinical-psychopathological model of suicidal behavior in adolescence. Part 2 (structural-dynamic characteristics of the model). *Russian Journal of Psychiatry*, 6, 41—49. (In Russ.). <http://doi.org/10.34757/1560-957X.2023.27.6.005>
5. Бернс, Р.Б. (1986). *Развитие Я-концепции и воспитание*. Пер. с англ. М.: Прогресс.
Burns, R.B. (1986). *Self-Concept Development and Education*. Trans. from Engl. Moscow: Progress Publ. (In Russ.).
6. Богданович, Н.В., Делибалт, В.В. (2024). Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи. *Психология и право*, 14(2), 45—66. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204>
Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V. (2024). Deviant Online Behavior: From the Classification of Types to an Analysis of Assistance Programmes and Technologies. *Psychology and Law*, 14(2), 45—66. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204>
7. Дворянчиков, Н.В., Бовина, И.Б. (2022). Факторы риска и уязвимости в Интернет-пространстве. В: Дворянчиков, Н.В., Рубцова О.В. (Ред.). *Отклоняющееся онлайн поведение подростков и молодых взрослых в социальных сетях: Учебное пособие* (с. 51—65). М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deviant_online_behavior_2022/ (дата обращения: 01.07.2025).
Dvoryanchikov, N.V., Bovina, I.B. (2022). Risk and Vulnerability Factors in the Internet Space. In: Dvoryanchikov, N.V., Rubtsova, O.V. (Eds.). (2022). *Deviant online behavior of adolescents and young adults in social media: A textbook* (pp. 51—65). Moscow: MSUPE Publishing House. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deviant_online_behavior_2022/ (viewed: 01.07.2025).
8. Дворянчиков, Н.В., Рубцова, О.В. (Ред.). *Отклоняющееся онлайн поведение подростков и молодых взрослых в социальных сетях: Учебное пособие*. М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deviant_online_behavior_2022/ (дата обращения: 01.07.2025).
Dvoryanchikov, N.V., Rubtsova, O.V. (Eds.). (2022). *Deviant online behavior of adolescents and young adults in social media: A textbook*. Moscow: MSUPE Publishing House. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deviant_online_behavior_2022/ (viewed: 01.07.2025).
9. Дозорцева, Е.Г., Ошевский, Д.С., Сыроквашина, К.В. (2020). Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения. *Психология и право*, 10(2), 97—110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100208>
Dozortseva, E.G., Oshevsky, D.S., Syrokvashina, K.V. (2020). Psychological, Social and Informational Aspects of Attacks by Minors on Educational Institutions. *Psychology and Law*, 10(2), 97—110. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100208>
10. Емелин, В.А., Рассказова, Е.И., Тхостов, А.Ш. (2012). Психологические последствия развития информационных технологий. *Национальный психологический журнал*, 1(7), 81—87. URL: <https://npsyj.ru/articles/article/3069/> (дата обращения: 01.07.2025).
Emelin, V.A., Rasskazova, E.I., Tkhostov, A.Sh. (2012). The psychological affects of

Дозорцева Е.Г. (2025)
Комплексная модель формирования опасного
поведения подростков в интернет-пространстве
Психология и право, 15(3), 3—23.

Dozortseva E.G. (2025)
Analytical model of adolescents' dangerous
behaviour formation in the internet space
Psychology and Law, 15(3), 3—23.

information technology. *National Psychological Journal*, 1(7), 81—87. (In Russ.). URL: <https://npsyj.ru/articles/article/3069/> (viewed: 01.07.2025).

11. Кондрашкин, А.В., Хломов, К.Д. (2012). Девиантное поведение подростков и интернет: изменение социальной ситуации. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(3), 102—113. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2012-3-102-113>
Kondrashkin, A.V., Khlomov, K.D. (2012). Deviant Behavior in Adolescents and the Internet: Change in the Social Situation. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 9(3), 102—113. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2012-3-102-113>
12. Леонтьев, А.Н. (2005). *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Смысл; Академия.
Leontiev, A.N. (2005). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Smysl Publ., Akademiya Publ. (In Russ.).
13. Леонтьев, Д.А. (2007). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. М.: Смысл.
Leontiev, D.A. (2007). *Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of meaningful reality*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.).
14. Медведева, А.С. (2022). Психологическая уязвимость детей и подростков для кибергруминга. *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*, 1(87), 108—115. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48122759> (дата обращения: 01.07.2025).
Medvedeva, A.S. (2022). Psychological vulnerability of children and adolescents to cybergrooming. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 1(87), 108—115. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48122759> (viewed: 01.07.2025).
15. Медведева, А.С., Дозорцева, Е.Г. (2019). Характеристики онлайн груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в сети Интернет). *Психология и право*, 9(4), 161—173. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090412>
Medvedeva, A.S., Dozortseva, E.G. (2019). Features of online grooming as a form of sexual exploitation of minors (based on the analysis of communication between adults and children in the Internet). *Psychology and Law*, 9(4), 161—173. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090412>
16. Нынчук, Р.Н. (2022). Проблемы виктимологической безопасности несовершеннолетних в цифровом пространстве. *Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА*, 2(52), 81—83. URL: <https://elibrary.ru/qtnmnf> (дата обращения: 01.07.2025).
Nynyuk, R.N. (2022). Problems of victimological safety of minors in the digital space. *Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy*, 2(52), 81—83. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/qtnmnf> (viewed: 01.07.2025).
17. Рубцова, О.В., Посакалова, Т.А., Делибалт, В.В. (2022). Феномен самопрезентации в виртуальной среде. В: Дворянчиков, Н.В., Рубцова, О.В. (Ред.). *Отклоняющееся онлайн поведение подростков и молодых взрослых в социальных сетях: Учебное пособие* (с. 14—50). М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deviant_online_behavior_2022/ (дата обращения: 01.07.2025).
Rubtsova, O.V., Poskakalova, T.A., Delibalt V.V. The phenomenon of self-presentation in a virtual environment. In: Dvoryanchikov, N.V., Rubtsova, O.V. (Eds.). (2022). *Deviant online behavior of adolescents and young adults in social media: A textbook* (pp. 14—50). Moscow:

Дозорцева Е.Г. (2025)
Комплексная модель формирования опасного
поведения подростков в интернет-пространстве
Психология и право, 15(3), 3—23.

Dozortseva E.G. (2025)
Analytical model of adolescents' dangerous
behaviour formation in the internet space
Psychology and Law, 15(3), 3—23.

- MSUPE Publishing House. (In Russ.). URL:
https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deviant_online_behavior_2022/ (viewed:
01.07.2025).
18. Смирнов, С.А. (2023). Л.С. Выготский и цифра: вызов для культурно-исторической психологии. *Культурно-историческая психология*, 19(2), 41—51. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190205>
Smirnov, S.A. (2023). L.S. Vygotsky and the Digit: Challenge for Cultural-Historical Psychology. *Cultural-Historical Psychology*, 19(2), 41—51. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2023190205>
 19. Солдатова, Г.У., Войскунский, А.Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 431—450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
Soldatova, G.U., Voiskounsky, A.E. (2021). Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 18(3), 431—450. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
 20. Холмогорова, А.Б., Воликова, С.В. (2012). Основные итоги исследований факторов суицидального риска у подростков на основе психосоциальной многофакторной модели расстройств аффективного спектра. *Медицинская психология в России*, 2(13), Статья 4. URL: <https://elibrary.ru/rwzqjf> (дата обращения: 01.07.2025).
Kholmogorova, A.B., Volikova, S.V. The main results of the research of suicide risk factors in adolescents based on the psychosocial multifactorial model of affective spectrum disorders. *Medical Psychology in Russia*, 2(13), Article 4. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/rwzqjf> (viewed: 01.07.2025).
 21. Эльконин, Д.Б. (1989). *Избранные психологические труды*. М.: Педагогика.
Elkonin, D.B. (1989). *Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.).
 22. Эриксон, Э.Г. (2006). *Идентичность: юность и кризис*. Пер. с англ. М.: Флинта.
Erikson, E.H. (2006). *Identity, Youth and Crisis*. Trans from Engl. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.).
 23. Andrews, D.A., Bonta, J., Hoge, R.D. (1990). Classification for effective rehabilitation: Rediscovering psychology. *Criminal Justice and Behavior*, 17(1), 19—52. <https://doi.org/10.1177/0093854890017001004>
 24. Boniel-Nissim, M., Marino, C., Galeotti, T., Blinka, L., Ozoliņa, K., Craig, W., Lahti, H., Wong, S.L., Brown, J., Wilson, M., Inchley, J., Eijnden, R. van den. (2024). *A focus on adolescent social media use and gaming in Europe, central Asia and Canada. Health Behaviour in School-aged Children international report from the 2021/2022 survey. Volume 6*. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe; URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/378982/9789289061322-eng.pdf> (viewed: 01.07.2025).
 25. Bridge, J.A., Goldstein, T.R., Brent, D.A. (2006). Adolescent suicide and suicidal behavior. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 47(3-4), 372—394. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2006.01615.x>
 26. Bronfenbrenner, U. (1979). *The ecology of human development: Experiments by nature and design*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Дозорцева Е.Г. (2025)
Комплексная модель формирования опасного
поведения подростков в интернет-пространстве
Психология и право, 15(3), 3—23.

Dozortseva E.G. (2025)
Analytical model of adolescents' dangerous
behaviour formation in the internet space
Psychology and Law, 15(3), 3—23.

27. Bronfenbrenner U. (Ed.) (2004). *Making human beings human: Bioecological perspectives on human development*. Thousand Oaks (CA): Sage Publications.
28. Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B., Delibalt V.V., Dozortseva E.G., Bogdanovich N.V., Rubtsova O.V. (2020). Deviant Online Behavior in Adolescents and Youth Circles: in Search of a Risk Assessment Model. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*, 8(2), 105—119. <https://doi.org/10.5937/IJCRSEE2002105D>
29. Durak, A., Kaygin, H. (2020). Parental mediation of young children's internet use: Adaptation of parental mediation scale and review of parental mediation based on the demographic variables and digital data security awareness. *Education and Information Technologies*, 25, 2275—2296. <https://doi.org/10.1007/s10639-019-10079-1>
30. Engel, G. (1977). The need for a new medical model: A challenge for biomedicine. *Science*, 196(4286), 129—136. <https://doi.org/10.1126/science.847460>
31. Goldsmith, A., Wall, D.S. (2019). The seductions of cybercrime: Adolescence and the thrills of digital transgression. *European Journal of Criminology*, 19(1), 98—117. <https://doi.org/10.1177/1477370819887305>
32. Huang, C.L., Kang, S., Yang, S.C. (2024). Editorial: Risky behaviors faced by youth in an internet-based learning environment. *Frontiers in Psychology*, 15, Article 1420357. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.142035>
33. Jeong, A.Y. (2022). What shapes cyber delinquency in adolescents? A holistic and comparative analysis of cyber and traditional offline delinquencies. *Children and Youth Services Review*, 136, Article 106445. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2022.106445>
34. Levin, J., Madfis, E. (2009). Mass murder at school and cumulative strain: a sequential model. *American Behavioral Scientist*, 52(9), 1227—1245. <https://doi.org/10.1177/0002764209332543>
35. Loesel, F. (2002). Risk/Need Assessment and Prevention of Antisocial Development in Young People: Basic Issues from a Perspective of Cautionary Optimism. In: Corrado R.R., Roesch R., Hart S.D., Gierowski J.K. (Eds.), *Multi-Problem Violent Youth. A foundation for Comparative Research on Needs, Interventions and Outcomes*. (pp. 35—57). Amsterdam, Berlin, Oxford, Tokyo, Washington, DC: IOS Press.
36. McCuddy, T., Gallupe, O., Kranenbarg, M.W., Weerman, F. (2025). Online Peers and Delinquency: Distinguishing Influence, Selection, and Receptivity Effects for Offline and Online Peers with Longitudinal Data. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 10(4), 573—600. <https://doi.org/10.1007/s40865-025-00268-7>
37. O'Connor, R.C. (2011). The Integrated Motivational-Volitional Model of Suicidal Behavior. *Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*, 32(6), 295—298. <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000120>
38. Pariser, E. (2011). *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: Penguin Press.
39. Patterson, G.R., DeBaryshe, B.D., Ramsey, E. (1989). A developmental perspective on antisocial behavior. *American Psychologist*, 44(2), 329—335. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.44.2.329>
40. Ren, W., Zhu, X. (2022). Parental Mediation and Adolescents' Internet Use: The Moderating Role of Parenting Style. *Journal of Youth and Adolescence*, 51(8), 1483—1496 <https://doi.org/10.1007/s10964-022-01600-w>
41. Rokven, J., Weijters, G., Beerthusen, M., Van der Laan, A. (2018). Juvenile Delinquency in the virtual world: Similarities and differences between cyber- enabled, cyber- dependent and offline

Дозорцева Е.Г. (2025)
Комплексная модель формирования опасного
поведения подростков в интернет-пространстве
Психология и право, 15(3), 3—23.

Dozortseva E.G. (2025)
Analytical model of adolescents' dangerous
behaviour formation in the internet space
Psychology and Law, 15(3), 3—23.

delinquents in the Netherlands. *International Journal of Cyber Criminology*, 12(1), 27—46.
<https://doi.org/10.5281/zenodo.1467690>

42. Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *Cyberpsychology and Behaviour*, 7(3), 321—326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>
43. Warren, R., Bluma, A. (2002). Parental mediation of children's Internet use: The influence of established media. *Communication Research Reports*, 19(1), 8—17. <https://doi.org/10.1080/08824090209384827>
44. Whittle, H., Hamilton-Giachritsis, C., Beech, A., Collings, G. (2013). A review of online grooming: characteristics and concerns. *Aggression and Violent Behavior*, 18(1), 62—70. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2012.09.003>
45. Wu, S., Lin, T.-G., Shih, J.F. (2017). Examining the antecedents of online disinhibition. *Information Technology and People*, 30(1), 189—209. <https://doi.org/10.1108/ITP-07-2015-0167>

Информация об авторах

Дозорцева Елена Георгиевна, доктор психологических наук, профессор, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); профессор кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Information about the authors

Elena G. Dozortseva, Doctor of Science (Psychology), Chief of the Laboratory for Child and Adolescent Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

Статья не содержит материалов, подлежащих оценке Этического комитета.

Ethics statement

The article doesn't contain any materials to be considered by an Ethical committee.

Дозорцева Е.Г. (2025)
Комплексная модель формирования опасного
поведения подростков в интернет-пространстве
Психология и право, 15(3), 3—23.

Dozortseva E.G. (2025)
Analytical model of adolescents' dangerous
behaviour formation in the internet space
Psychology and Law, 15(3), 3—23.

Поступила в редакцию 17.07.2025
Поступила после рецензирования 31.07.2025
Принята к публикации 10.08.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.07.17
Revised 2025.07.31
Accepted 2025.08.10
Published 2025.09.30

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

Особенности психического развития детей и подростков в условиях цифровизации общества

А.А. Федонкина^{1, 2}✉

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ afedonkina@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Личностное развитие и социализация детей и подростков сегодня происходят в условиях особой ситуации, когда интернет-технологии являются постоянным спутником ребенка. Часто используются понятия «цифровое детство», «цифровая социализация», что подразумевает необходимость анализа инфокоммуникационного контекста развития наряду с культурно-историческим, социальным и психологическим контекстами. **Цель.** Анализ зарубежных и отечественных исследований, определяющих влияние цифровизации на изменение социальной ситуации развития и формирование детей и подростков. **Результаты.** Влияние интернет-технологий на развитие детей и подростков существенно, наряду с положительными факторами, мы наблюдаем ряд рисков и возникающих проблем, что требует последующих исследований. **Выводы.** Показано, что цифровизация влияет на различные аспекты формирования когнитивной, личностной сферы детей и подростков. Использование цифровых технологий в обучении и развлекательной активности должно балансировать с традиционными способами общения и образования.

Ключевые слова: подросток, цифровое детство, информационная среда, дизонтогенез, профилактика

Финансирование. Исследование выполнено в рамках Государственного задания № 123022000056-7 «Разработка комплексных моделей клинико-психологической диагностики, экспертизы, профилактики, межведомственного взаимодействия при работе с детьми и подростками в контексте преступлений, совершенных в информационной среде и киберпространстве» (2023—2025).

Федонкина А.А. (2025)
Особенности психического развития детей
и подростков в условиях цифровизации общества
Психология и право, 15(3), 24—36.

Fedonkina A.A. (2025)
Mental development of children and adolescents
in the context of digitalization of society
Psychology and Law, 15(3), 24—36.

Для цитирования: Федонкина, А.А. (2025). Особенности психического развития детей и подростков в условиях цифровизации общества. *Психология и право*, 15(3), 24—36. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150302>

Mental development of children and adolescents in the context of digitalization of society

A.A. Fedonkina^{1, 2}✉

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ afedonkina@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Personal development and socialization of children and adolescents today occur in a special situation, when Internet technologies are a constant companion of the child. The concepts of "digital childhood", "digital socialization" are often used, which implies the need to analyze the infocommunication context of development along with the cultural-historical, social and psychological contexts. **Objective.** Analysis of studies that determine the impact of digitalization on changes in the social situation of development and formation of children. **Results.** The impact of Internet technologies on the development of children and adolescents is difficult to underestimate; along with positive factors, we observe a number of significant risks and emerging problems that require further research. **Conclusions.** It has been shown that digitalization influences various aspects of the formation of the cognitive, personal sphere of children and adolescents. The use of digital technologies in education and entertainment activities should be balanced with traditional methods of communication and education.

Keywords: adolescent, digital childhood, information environment, dysontogenesis, prevention

Funding. The study carried out within the framework of State Assignment No. 123022000056-7 "Development of comprehensive models of clinical and psychological diagnostics, examination, prevention, interdepartmental interaction when working with children and adolescents in the context of crimes committed in the information environment and cyberspace" (2023—2025).

For citation: Fedonkina, A.A. (2025). Mental development of children and adolescents in the context of digitalization of society. *Psychology and Law*, 15(3), 24—36. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150302>

Введение

В последнее время наблюдается изменение социальной ситуации развития детей. Современное социальное пространство характеризуется транзитивностью, поэтому «...формирование ребенка происходит в условиях неопределенности, крайней изменчивости, наличия множественности выборов и ценностей» (Дубовская, 2014; Марцинковская, 2015).

Личностное развитие и социализация детей и подростков сегодня происходят в условиях особой ситуации, когда интернет-технологии являются их постоянным спутником. Часто используются понятия «цифровое детство», «цифровая социализация», что подразумевает необходимость анализа инфокоммуникационного контекста развития наряду с культурно-историческим, социальным и психологическим контекстами (Карабанова, 2020; Солдатова, Рассказова, 2023). Цифровая, или информационная, социализация детей и подростков становится составляющей процесса социализации в целом. Возрастание роли цифровых технологий является одним из факторов, определяющих особенности формирования идентичности у подростков, для которых данный процесс важен в силу возрастных характеристик и их высокой активности в Сети.

Неопределенность и сложность современного мира создают условия, в которых развитие подростка приходится на «...период изменения самих изменений» (Асмолов, 2015), что требует от исследователей постоянного обновления инструментария для оценки этих процессов. За изменением особенностей нормального развития детей и подростков идет и трансформация динамики формирования его аномальных вариантов. Влияние социальной ситуации развития на проявления дизонтогенеза в каждом из возрастных периодов жизни является существенным. Подобные изменения имеют высокую значимость для психологических и клинических дисциплин, что предполагает учет степени выраженности расстройств, их патоморфоз.

Влияние цифровой среды в разные возрастные периоды

Цифровые технологии активно распространяются в развлекательном времяпрепровождении детей и подростков и в образовании, что представляет как возможности для развития, так и определенные проблемы. Раннее детство и подростковый возраст являются теми периодами, когда головной мозг особенно восприимчив к внешним воздействиям. Такие традиционные элементы детской среды, как игровая деятельность, взаимодействие с семьей, образование и социальный опыт, тщательно изучены и изучаются с точки зрения их влияния на процесс развития. Однако быстрая интеграция цифровых технологий в среду вносит в этот процесс новые условия.

Компьютерные игры, приложения, социальные сети, платформы, в которых участвуют алгоритмы искусственного интеллекта, несут в себе помимо потенциала для развития ряд препятствий, если они отвлекают ребенка от взаимодействия с естественной средой. Время, которое маленькие дети проводят за экранами, а подростки в социальных сетях, может вытеснить занятия, которые в большей степени способствуют развитию. (Boone et al., 2007; Putnick et al., 2023; Schwarzer et al., 2022).

В младенчестве и дошкольном возрасте чрезмерное взаимодействие ребенка с цифровой средой и экраном может привести к снижению взаимодействия с физическими объектами, богатыми сенсорной стимуляцией, что имеет решающее значение в данном периоде. Подобное злоупотребление цифровыми технологиями приводит к снижению необходимого тактильного и двигательного опыта, который обеспечивают именно физические манипуляции с предметами, а это, в свою очередь, может иметь последствия для нормального сенсомоторного развития (Cadoret et al., 2016; Crescenzi, Jewitt, Price, 2014; Heffler et al., 2024; Suggate, Martzog, 2021). Сенсорная интеграция имеет существенное значение для социализации; от того, как

мозг обрабатывает сенсорную информации зависит дальнейшее развитие и поведение ребенка (Айрес, 2009).

Развитие когнитивной и личностной сфер, происходящее в подростковом возрасте имеет не меньшее значение. Примечательным аспектом является несоответствие между быстро созревающей лимбической системой, связанной с эмоциональными реакциями и обработкой вознаграждений, и более медленно созревающей префронтальной корой, ответственной за принятие решений, оценку рисков и контроль импульсов (Casey et al., 2008; Steinberg et al., 2018). Это приводит к тому, что подростки часто делают более рискованные выборы, когда речь идет о вознаграждениях, несмотря на их способность логически рассуждать в других ситуациях (Shulman et al., 2016; Steinberg et al., 2018). Подростковый возраст сопровождается возникновением различных психических расстройств. На фоне этих изменений подростки сталкиваются со сложной социальной средой, еще не обладая должным жизненным опытом и способностью здорового взрослого человека принимать взвешенные и адекватные решения (Andrews et al., 2021). Вместе с тем цифровые технологии развиваются так быстро, что значимые взрослые также не всегда могут оказать подростку должные поддержку и помощь для ориентации в цифровом пространстве; все это подчеркивает особую уязвимость подросткового возраста.

Чрезмерное использование подростками электронных гаджетов связано и с уменьшением контроля внимания, так как им сложно противостоять отвлекающим факторам и сохранять фокусировку на важной деятельности, например учебной и развивающей (Siebers et al., 2022). Существенное взаимодействие подростка с экраном также влияет на устойчивость внимания из-за уменьшения количества сна (De Oliveira et al., 2020; Perrault et al., 2024). Активная увлеченность цифровыми медиа в подростковом возрасте связана и со снижением исполнительных функций, в том числе за счет увеличения медиамногозадачности среди подростков (Alho, Moisala, Salmela-Aro, 2022). Медиамногозадачность представляет собой деятельность по совмещению различных информационных потоков, которые отвечают требованиям цифровой среды (Солдатова и др., 2020). Ряд исследований демонстрирует связь между данным явлением и снижением академической успеваемости у подростков и юношей (Baumgartner et al., 2017; Liu et al., 2020). Вместе с тем саму склонность к медиамногозадачности и ее влияние на внимание и исполнительные функции можно отнести к особенности, характеризующей определенные индивидуальные профили. Например, подростки, у которых диагностирован синдром дефицита внимания и гиперактивности, более склонны к медиамногозадачности, что еще больше усугубляет трудности с вниманием (Baumgartner et al., 2017).

Влияние технологии дополненной и виртуальной реальности

Дети склонны воспринимать опыт дополненной реальности (технология, которая накладывает цифровую информацию на реальные объекты) и виртуальной реальности (технология, которая дает ощущение присутствия в компьютерно-генерируемом мире) как более реалистичный, что может вызывать у них чувство тревоги и страха. Ряд исследователей отмечают, что дети приписывают большую часть как своих приятных сновидений, так и кошмарных потреблению цифровых медиа, подчеркивая их влияние на сон (Van Den Bulck, 2004; Woolley, Ghossainy, 2013; Zisenwine et al., 2013). В этом контексте технологии дополненной и виртуальной реальности оказывают еще большее воздействие. Эффект присутствия, который достигается при использовании подобных технологий, может влиять на

сон, усиливать кошмары и беспокойство, при этом взрослые могут иначе воспринимать устрашающий для ребенка контент, не придавая ему негативного значения и не имея возможности вовремя пресечь его использование.

Иммерсивный характер опыта в дополненной и виртуальной реальности увеличивает ощущение вовлеченности в действие (Солдатова, Рассказова, Клишевич, 2023). У подростков игра с использованием дополненной и виртуальной реальности, а не в традиционном формате настольного компьютера, приводит к более агрессивным действиям в игровом пространстве, а также к большей выраженности негативных эмоций и учащению сердцебиения. Подобное ощущение присутствия, которое может включать различного рода переживания, увеличивает уровень гнева и после игры (Persky, Blascovich, 2008; Terkildsen, Makransky, 2019). Таким образом, включение контента со сценами насилия в продукт с использованием дополненной и виртуальной реальности оказывает на игрока более выраженное влияние, чем при использовании традиционных видеоигр (Lull, Bushman, 2016; Bailey, Bailenson, 2017). Вместе с тем влияние компьютерных игр может значительно изменяться в зависимости от индивидуально-психологических особенностей игроков, игрового опыта, жанра видеоигр и иных факторов (Агеев, Дубовик, 2024).

Социальные сети и компьютерные ролевые игры

Социальные сети могут способствовать увеличению беспокойства по поводу образа тела, сосредоточивая внимание на внешности посредством воздействия идеализированных образов и количественных показателей одобрения в виде лайков (Choukas-Bradley et al., 2022; Scully, Swords, Nixon, 2023). Например, представление женских персонажей в видеоиграх часто демонстрирует выраженные гендерные различия, которые могут иметь негативные последствия для психологического благополучия девочек. Такие персонажи часто изображаются в подчиненной роли по отношению к мужчинам-героям, гиперсексуализируются, имеют нереалистичные пропорции тела, что отрицательно влияет на самооценку девочек и их восприятие образа тела, особенно в пубертатный период (Gestos, Smith-Merry, Campbell, 2018; Kaye, Pennington, 2016).

Одним из отрицательных последствий чрезмерного использования социальных сетей является развитие негативных эмоциональных состояний (Казаринова, Холмогорова, 2021). Вместе с тем ряд исследований показывает, что, наоборот, депрессивные симптомы могут предшествовать проблемному использованию социальных сетей. Подобные данные свидетельствуют о том, что депрессия может привести к более частому использованию социальных сетей в качестве компенсации, а это, в свою очередь, может ухудшить симптомы депрессии из-за нездорового поведения в Сети (Холмогорова, Герасимова, 2019; Puukko et al., 2020; Raudsepp, Kais, 2019).

Антропоморфизация

Тенденция к антропоморфизации роботов технических устройств наблюдается в большей степени у детей младшего возраста, по сравнению с подростками и взрослыми. В свою очередь, общение с помощью голоса, то, что продуцируется, например, умными колонками, имеет склонность к ее увеличению (Edwards, Shafer, 2022; Goldman, Baumann, Poulin-Dubois, 2023). Увлечение использованием цифровых помощников может усиливать социальную изоляцию, так как дети ориентированы на взаимность и реципрокность в отношениях с окружающими и того же ожидают от технических устройств, которые не могут такую

функцию предоставить. Подобные проблемы могут приводить к негативным последствиям для эмоционального состояния детей и их дальнейшего развития.

Чрезмерное взаимодействие с устройствами, предполагающими использование искусственного интеллекта, может приводить к затруднению формирования способности к эмпатии и принятию других, поскольку это приводит к изменению традиционных способов общения и трансформации социальных норм. Ряд исследований демонстрирует формирование специфических стилей общения у детей, которые проводят много времени за коммуникацией с гаджетами, управляемой искусственным интеллектом. Так, ребенок может игнорировать правила вежливости при взаимодействии с техникой, быть грубым и требовательным, что в дальнейшем переносится на общение с живыми людьми. Также чрезмерное взаимодействие с гаджетами препятствует полноценной социальной активности детей, в том числе общению со сверстниками и родителями (Edwards, Shafer, 2022; Rodogno, 2016).

Обучение, основанное преимущественно на взаимодействии с техническими инструментами, помимо определенных положительных свойств имеет и ряд проблем. Несмотря на то, что устройства для обучения могут включать последовательный и даже индивидуальный план работы, они не способны передавать тонкости эмоционального реагирования и специфику социального взаимодействия. Все это приводит к тому, что ребенок оказывается в обедненной эмоциональной среде, что в дальнейшем может ограничивать навыки понимания сложных человеческих эмоций, интерпретации социальных сигналов (Lee, Lew-Williams, 2023; Morgan et al., 2023). Вместе с тем реакция другого человека на деятельность ребенка важна, она обогащает спектр эмоций, улучшает когнитивное и эмоциональное развитие ребенка.

Еще один аспект, который может влиять на формирование навыков социального взаимодействия — чрезмерное доверие информации, которую продуцирует искусственный интеллект. Дети и подростки могут полностью полагаться на информацию, предоставленную техническими инструментами, а не человеком, даже если ранее они сталкивались с недостоверностью предоставляемых данных. Для решения личных проблем дети также демонстрируют большее доверие искусственному интеллекту, не оценивая информацию критически, что может формировать несамостоятельность в принятии решений, а, в свою очередь, советы, предложенные искусственным интеллектом, могут быть неэффективными или даже опасными (Baumann et al., 2023; Girouard-Hallam, Danovitch, 2022).

Деструктивный контент

Взаимодействие с информационным контентом, не соответствующим возрасту, связано с риском поведенческих и эмоциональных изменений, таких как повышенная агрессия (Гриненко, Ромеро Рейес, 2021; Calvert et al., 2017; Greitemeyer, 2022) или продуцирование небезопасного сексуального поведения (Дозорцева, Гулиева, Медведева, 2025; Massey, Burns, Franz., 2021). Дети и подростки в силу еще несформированной личности, как правило, не до конца понимают последствия своих действий, что делает их более уязвимыми для вовлечения в деструктивный онлайн-контент (Бадмаева и др., 2023). В свою очередь, внедрение искусственного интеллекта в процесс формирования привлекательного, но не всегда безопасного информационного контента представляет потенциальные риски. Дети и подростки полагаются больше на немедленное удовлетворение своих потребностей, чем на отсроченное, что провоцирует трудности с регулированием использования цифровых инструментов, особенно по мере того, как улучшается способность искусственного

интеллекта собирать виральный, быстро распространяющийся в информационной среде контент (Sanbonmatsu et al., 2013).

Информация, с которой дети и подростки сталкиваются в Сети, может быть тревожной и жестокой, не соответствовать возрасту, что может иметь негативные последствия для развития (Богданович, Делибалт, 2024). Например, было обнаружено, что TikTok рекомендует контент, связанный с расстройствами пищевого поведения и самоповреждающим поведением 13-летним детям в течение получаса после присоединения к платформе. По состоянию на 2023 год YouTube предлагал видео об оружии, насилии с применением огнестрельного оружия и инструкциями по трансформации травматического оружия в боевое, а также изображения и видео школьных расстрелов мальчикам, которые проявляли интерес к видеоиграм на платформе (Neugnot, Muss Laurenty, 2024). Это может приводить к формированию у уязвимых для такого контента подростков интереса к теме скулшуттинга, зависимости от просмотра жестоких видеороликов, мыслей о возможности реализации увиденного в реальной жизни.

Заключение

Активное изменение социальной ситуации развития современных детей и подростков, где интернет-технологии являются их постоянным спутником, требует учета инфокоммуникационного контекста развития наряду с культурно-историческим, социальным и психологическим контекстами. Исследования, определяющие влияние цифровизации на изменение социальной ситуации развития и формирование детей, демонстрируют как положительное, так и негативное влияние интернет-технологий; в том числе цифровизация влияет на различные аспекты формирования когнитивной, личностной сфер подрастающего поколения. Большинство зарубежных и отечественных авторов отмечают, что использование цифровых технологий в обучении и развлекательной активности должно балансировать с традиционными способами общения и образования, что позволит минимизировать риски влияния цифровизации на развитие.

Список источников / References

1. Агеев, Н.Я., Дубовик, И.А. (2024). Влияние видеоигр с агрессивным контентом на эмоциональное состояние и поведение игроков: обзор современных исследований. *Современная зарубежная психология*, 13(4), 108—119. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130410>
Ageev, N.Ya., Dubovik, I.A. (2024). The Impact of Video Games with Aggressive Content on Emotional State: Review of Current Research. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 13(4), 108—119. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130410>
2. Асмолов, А.Г. (2015). Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. *Психологические исследования*, 8(40). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.550>
Asmolov, A.G. (2015). Psychology of modernity: the challenges of uncertainty, complexity and diversity. *Psychological Studies*, 8(40). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.550>
3. Айрес Э.Д. (2009). *Ребенок и сенсорная интеграция. Понимание скрытых проблем развития*. Пер. с англ. М.: Теревинф.
Ayres, A.D. (2009). *Sensory Integration and the Child: Understanding hidden sensory challenges*. Trans. from Engl. Moscow: Terevinf Publ. (In Russ.).
4. Бадмаева, В.Д., Карауш, И.С., Чибисова, И.А., Федонкина, А.А. (2023). Социально опасное поведение подростков: клиничко-психопатологические и психологические

Федонкина А.А. (2025)
Особенности психического развития детей
и подростков в условиях цифровизации общества
Психология и право, 15(3), 24—36.

Fedonkina A.A. (2025)
Mental development of children and adolescents
in the context of digitalization of society
Psychology and Law, 15(3), 24—36.

- характеристики, роль деструктивного контента. *Психология и право*, 13(3), 16—29. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130302>
- zBadmaeva, V.D., Karaush, I.S., Chibisova, I.A., Fedonkina, A.A. (2023). Socially Dangerous Behavior of Adolescents: Clinical, Psychopathological and Psychological Characteristics, the Role of Destructive Content. *Psychology and Law*, 13(3), 16—29. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130302>
5. Богданович, Н.В., Делибалт, В.В. (2024). Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи. *Психология и право*, 14(2), 45—66. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204>
- Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V. (2024). Deviant Online Behavior: From the Classification of Types to an Analysis of Assistance Programmes and Technologies. *Psychology and Law*, 14(2), 45—66. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204>
6. Гриненко, У.Б., Ромеро Рейес, И.В. (2021). Семантический анализ цифрового деструктивного контента по тематике «скулшутинг» в социальной сети «ВКонтакте». *Психология и право*, 11(4), 180—195. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110413>
- Grinenko, U.B., Romero Reyes, I.V. (2021). Semantic Analysis of Digital Destructive Content of School Shooting in the Social Network ‘VKontakte’. *Psychology and Law*, 11(4), 180—195. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110413>
7. Дозорцева, Е.Г., Гулиева, А.Р., Медведева, А.С. (2025). Характеристики виктимного поведения несовершеннолетних в ситуации кибергруминга. *Психология и право*, 15(1), 181—192. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150112>
- Dozortseva, E.G., Gulieva, A.R., Medvedeva, A.S. (2025). Characteristics of victim behavior of adolescents in cybergrooming situation. *Psychology and Law*, 15(1), 181—192. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150112>
8. Дубовская, Е.М. (2019). Социализация личности в мультикультурном пространстве как один из аспектов проблемы «личность и общество». *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 4, 24—32. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-4-24-32>
- Dubovskaya, E.M. (2019). Socialization of personality in a multicultural space as one of the aspects of the problem “personality and society”. *RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, 4, 24—32. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-4-24-32>
9. Казаринова, Е.Ю., Холмогорова, А.Б. (2021). Предпочитаемый контент в интернете и социальная тревожность как факторы интернет-зависимости у подростков и студенческой молодежи. *Психолого-педагогические исследования*, 13(2), 123—139. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130208>
- Kazarinova, E.Y., Kholmogorova, A.B. (2021). Preferred Internet Content and Social Anxiety as Drivers of Internet Addiction in Teens and Students. *Psychological-Educational Studies*, 13(2), 123—139. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130208>
10. Карабанова, О.А. (2020). Риски информационной социализации как проявление кризиса современного детства. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 4—22. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.01>
- Karabanova O.A., (2020). The risks of information socialization as a manifestation crisis of modern childhood. *Moscow University Psychology Bulletin*, 3, 4—22. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.01>
11. Марцинковская, Т.Д. (2015). История, культура, развитие как образующие историко-генетической парадигмы. *Культурно-историческая психология*, 11(4), 69—78.

Федонкина А.А. (2025)
Особенности психического развития детей
и подростков в условиях цифровизации общества
Психология и право, 15(3), 24—36.

Fedonkina A.A. (2025)
Mental development of children and adolescents
in the context of digitalization of society
Psychology and Law, 15(3), 24—36.

<https://doi.org/10.17759/chp.2015110406>

Martsinkovskaya, T.D. (2015). History, Culture and Development as a Basis of Historical-Genetic Paradigm. *Cultural-Historical Psychology*, 11(4), 69—78. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/chp.2015110406>

12. Солдатова, Г.У., Никонова, Е.Ю., Кошечая, А.Г., Трифонова, А.В., (2020). Медиамногзадачность: от когнитивных функций к цифровой повседневности. *Современная зарубежная психология*, 9(4), 8—21. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090401>
<https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090401>
Soldatova, G.U., Nikonova, E.Yu., Koshevaya, A.G., Trifonova, A.V. (2020). Media multitasking: from cognitive functions to digital. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 9(4), 8—21. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090401>
13. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И. (2023). Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран. *Социальная психология и общество*, 14(3), 11—30. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302>
Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. (2023). Digital Socialization of Russian Adolescents: through the Prism of Comparison with Adolescents in 18 European Countries. *Social Psychology and Society*, 14(3), 11—30. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302>
14. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Клишевич, А.С. (2023). Смешанная среда с дополненной реальностью: эффекты присутствия в ситуации игрового взаимодействия. *Экспериментальная психология*, 16(2), 4—19. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160201>
Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., Klishevich, A.S. (2023). Mixed Environment with Augmented Reality: The Effects of Presence in Game Interaction Situation. *Experimental Psychology (Russia)*, 16(2), 4—19. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160201>
15. Холмогорова, А.Б., Герасимова, А.А. (2019). Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового и юношеского возраста. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(3), 138—155. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270309>
Kholmogorova, A.B., Gerasimova, A.A. (2019). Psychological Factors of Problematic Internet Use in Adolescent and Young Girls. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 27(3), 138—155. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270309>
16. Alho, K., Moisala, M., Salmela-Aro, K. (2022). Effects of Media Multitasking and Video Gaming on Cognitive Functions and Their Neural Bases in Adolescents and Young Adults. *European Psychologist*, 27(2), 131—140. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000477>
17. Andrews, J.L., Ahmed, S.P., Blakemore, S.-J. (2021). Navigating the Social Environment in Adolescence: The Role of Social Brain Development. *Biological Psychiatry*, 89(2), 109—118. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2020.09.012>
18. Bailey, J.O., Bailenson, J.N. (2017). Immersive Virtual Reality and the Developing Child. *Cognitive Development in Digital Contexts Elsevier*, 9, 181—200. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-809481-5.00009-2>
19. Baumann, A.-E., Goldman, E.J., Meltzer, A., Poulin-Dubois, D. (2023). People Do Not Always Know Best: Preschoolers Trust in Social Robots. *Journal of Cognition and Development*, 24(4), 535—562. <https://doi.org/10.1080/15248372.2023.2178435>
20. Baumgartner, S.E., Schuur, W.A. van der, Lemmens, J.S., Poel, F te (2017). The Relationship Between Media Multitasking and Attention Problems in Adolescents: Results of Two

- Longitudinal Studies: Media Multitasking and Attention Problems. *Human Communication Research*, 44(1), 3—30. <https://doi.org/10.1111/hcre.12111>
21. Boone, J.E., Gordon-Larsen, P., Adair, L.S., Popkin, B.M. (2007). Screen time and physical activity during adolescence: Longitudinal effects on obesity in young adulthood. *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*, 4(1), Article 26. <https://doi.org/10.1186/1479-5868-4-26>
 22. Cadoret, G., Bigras, N., Lemay, L., Lehrer, J.S., Lemire, J. (2016). Relationship between screen-time and motor proficiency in children: A longitudinal study. *Early Child Development and Care*, 188(2), 231—239. <https://doi.org/10.1080/03004430.2016.1211123>
 23. Calvert, S.L., Appelbaum, M., Dodge, K.A., Graham, S., Nagayama Hall, G.C., Hamby, S., Fasig-Caldwell, L.G., Citkowitz, M., Galloway, D P., Hedges, L.V. (2017). The American Psychological Association Task Force assessment of violent video games: Science in the service of public interest. *American Psychologist*, 72(2), 126—143. <https://doi.org/10.1037/a0040413>
 24. Casey, B.J., Heller, A.S., Gee, D.G., Cohen, A.O. (2019). Development of the emotional brain. *Neuroscience Letters*, 693, 29—34. <https://doi.org/10.1016/j.neulet.2017.11.055>
 25. Choukas-Bradley, S., Roberts, S.R., Maheux, A.J., Nesi, J. (2022). The Perfect Storm: A Developmental Sociocultural Framework for the Role of Social Media in Adolescent Girls' Body Image Concerns and Mental Health. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 25(4), 681—701. <https://doi.org/10.1007/s10567-022-00404-5>
 26. Crescenzi, L., Jewitt, C., Price, S. (2014). The role of touch in preschool children's learning using iPad versus paper interaction. *The Australian Journal of Language and Literacy*, 37(2), 86—95. <https://doi.org/10.1007/BF03651936>
 27. De Oliveira, M.L.C., De Nogueira Holanda, F.W., Valdez, P., De Almondes, K.M., De Azevedo, C.V.M. (2020). Impact of Electronic Device Usage Before Bedtime on Sleep and Attention in Adolescents. *Mind, Brain, and Education*, 14(4), 376—386. <https://doi.org/10.1111/mbe.12260>
 28. Edwards, A.D., Shafer, D.M. (2022). When Lamps Have Feelings: Empathy and Anthropomorphism Toward Inanimate Objects in Animated Films. *Projections*, 16(2), 27—52. <https://doi.org/10.3167/proj.2022.160202>
 29. Gestos, M., Smith-Merry, J., Campbell, A. (2018). Representation of Women in Video Games: A Systematic Review of Literature in Consideration of Adult Female Wellbeing. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 21(9), 535—541. <https://doi.org/10.1089/cyber.2017.0376>
 30. Girouard-Hallam, L.N., Danovitch, J.H. (2022). Children's trust in and learning from voice assistants. *Developmental Psychology*, 58(4), 646—661. <https://doi.org/10.1037/dev0001318>
 31. Goldman, E.J., Baumann, A.-E., Poulin-Dubois, D. (2023). Preschoolers' anthropomorphizing of robots: Do human-like properties matter? *Frontiers in Psychology*, 13, Article 1102370. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1102370>
 32. Greitemeyer, T. (2022). The dark and bright side of video game consumption: Effects of violent and prosocial video games. *Current Opinion in Psychology*, 46, Article 101326. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101326>
 33. Heffler, K.F., Acharya, B., Subedi, K., Bennett, D.S. (2024). Early-Life Digital Media Experiences and Development of Atypical Sensory Processing. *JAMA Pediatrics*, 178(3), 266—273. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2023.5923>

34. Kaye, L.K., Pennington, C.R. (2016). “Girls can’t play”: The effects of stereotype threat on females’ gaming performance. *Computers in Human Behavior*, 59, 202—209. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.02.020>
35. Lee, C., Lew-Williams, C. (2023). The dynamic functions of social cues during children’s word learning. *Infant and Child Development*, 32(1), Article e2372. <https://doi.org/10.1002/icd.2372>
36. Liu, X., Luo, Y., Liu, Z.-Z., Yang, Y., Liu, J., Jia, C.-X. (2020). Prolonged Mobile Phone Use Is Associated with Poor Academic Performance in Adolescents. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 23(5), 303—311. <https://doi.org/10.1089/cyber.2019.0591>
37. Lull, R.B., Bushman, B.J. (2016). Immersed in violence: Presence mediates the effect of 3D violent video gameplay on angry feelings. *Psychology of Popular Media Culture*, 5(2), 133—144. <https://doi.org/10.1037/ppm0000062>
38. Massey, K., Burns, J., Franz, A. (2021). Young People, Sexuality and the Age of Pornography. *Sexuality and Culture*, 25(1), 318—336. <https://doi.org/10.1007/s12119-020-09771-z>
39. Morgan, J.K., Santosa, H., Conner, K.K., Fridley, R.M., Forbes, E.E., Iyengar, S., Joseph, H.M., Huppert, T.J. (2023). Mother-child neural synchronization is time linked to mother-child positive affective state matching. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 18(1), Article nsad001. <https://doi.org/10.1093/scan/nsad001>
40. Neugnot, M., Muss Laurenty, O., (2024). The Future of Child Development in the AI Era. Cross-Disciplinary Perspectives Between AI and Child Development Experts. *Computer Science. Human-Computer Interaction*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2405.19275>
41. Persky, S., Blascovich, J. (2008). Immersive Virtual Video Game Play and Presence: Influences on Aggressive Feelings and Behavior. *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*, 17(1), 57—72. <https://doi.org/10.1162/pres.17.1.57>
42. Perrault, A.A., Kebets, V., Kuek, N.M.Y., Cross, N.E., Tesfaye, R., Pomares, F.B., Li, J., Chee, M.W.L., Dang-Vu, T.T., Yeo, B.T.T. (2024). A multidimensional investigation of sleep and biopsychosocial profiles with associated neural signatures. *bioRxiv*. <https://doi.org/10.1101/2024.02.15.580583>
43. Putnick, D.L., Trinh, M.-H., Sundaram, R., Bell, E.M., Ghassabian, A., Robinson, S.L., Yeung, E. (2023). Displacement of peer play by screen time: Associations with toddler development. *Pediatric Research*, 93(5), 1425—1431. <https://doi.org/10.1038/s41390-022-02261-y>
44. Puukko, K., Hietajärvi, L., Maksniemi, E., Alho, K., Salmela-Aro, K. (2020). Social Media Use and Depressive Symptoms-A Longitudinal Study from Early to Late Adolescence. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(16), Article 5921. <https://doi.org/10.3390/ijerph17165921>
45. Raudsepp, L., Kais, K. (2019). Longitudinal associations between problematic social media use and depressive symptoms in adolescent girls. *Preventive Medicine Reports*, 15, Article 100925. <https://doi.org/10.1016/j.pmedr.2019.100925>
46. Rodogno, R. (2016). Social robots, fiction, and sentimentality. *Ethics and Information Technology*, 18(4), 257—268. <https://doi.org/10.1007/s10676-015-9371-z>
47. Sanbonmatsu, D.M., Strayer, D.L., Medeiros-Ward, N., Watson, J.M. (2013). Who Multi-Tasks and Why? Multi-Tasking Ability, Perceived Multi-Tasking Ability, Impulsivity, and Sensation Seeking. *PLOS ONE*, 8(1), Article e54402. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0054402>
48. Schwarzer, C., Grafe, N., Hiemisch, A., Kiess, W., Poulain, T. (2022). Associations of media use and early childhood development: Cross-sectional findings from the LIFE Child study. *Pediatric Research*, 91(1), 247—253. <https://doi.org/10.1038/s41390-021-01433-6>

Федонкина А.А. (2025)
Особенности психического развития детей
и подростков в условиях цифровизации общества
Психология и право, 15(3), 24—36.

Fedonkina A.A. (2025)
Mental development of children and adolescents
in the context of digitalization of society
Psychology and Law, 15(3), 24—36.

49. Scully, M., Swords, L., Nixon, E. (2023). Social comparisons on social media: Online appearance-related activity and body dissatisfaction in adolescent girls. *Irish Journal of Psychological Medicine*, 40(1), 31—42. <https://doi.org/10.1017/ipm.2020.93>
50. Shulman, E.P., Smith, A.R., Silva, K., Icenogle, G., Duell, N., Chein, J., Steinberg, L. (2016). The dual systems model: Review, reappraisal, and reaffirmation. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 17, 103—117. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2015.12.010>
51. Siebers, T., Beyens, I., Pouwels, J.L., Valkenburg, P.M. (2022). Social Media and Distraction: An Experience Sampling Study among Adolescents. *Media Psychology*, 25(3), 343—366. <https://doi.org/10.1080/15213269.2021.1959350>
52. Steinberg, L., Icenogle, G., Shulman, E.P., Breiner, K., Chein, J., Bacchini, D., Chang, L., Chaudhary, N., Giunta, L.D., Dodge, K.A., Fanti, K.A., Lansford, J.E., Malone, P.S., Oburu, P., Pastorelli, C., Skinner, A.T., Sorbring, E., Tapanya, S., Tirado, L.M.U., Takash, H.M.S. (2018). Around the world, adolescence is a time of heightened sensation seeking and immature self-regulation. *Developmental Science*, 21(2), Article e12532. <https://doi.org/10.1111/desc.12532>
53. Suggate, S.P., Martzog, P. (2021). Children's sensorimotor development in relation to screen-media usage: A two-year longitudinal study. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 74, Article 101279. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2021.101279>
54. Terkildsen, T., Makransky, G. (2019). Measuring presence in video games: An investigation of the potential use of physiological measures as indicators of presence. *International Journal of Human-Computer Studies*, 126, 64—80. <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2019.02.006>
55. Van Den Bulck, J. (2004). Media Use and Dreaming: The Relationship Among Television Viewing, Computer Game Play, and Nightmares or Pleasant Dreams. *Dreaming*, 14(1), 43—49. <https://doi.org/10.1037/1053-0797.14.1.43>
56. Woolley, J.D., Ghossainy, M. (2013). Revisiting the Fantasy-Reality Distinction: Children as Naïve Skeptics. *Child Development*, 84(5), 1496—1510. <https://doi.org/10.1111/cdev.12081>
57. Zisenwine, T., Kaplan, M., Kushnir, J., Sadeh, A. (2013). Nighttime Fears and Fantasy—Reality Differentiation in Preschool Children. *Child Psychiatry and Human Development*, 44(1), 186—199. <https://doi.org/10.1007/s10578-012-0318-x>

Информация об авторах

Анастасия Александровна Федонкина, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); ведущий аналитик Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail: afedonkina@gmail.com

Information about the authors

Anastasia A. Fedonkina, Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Leading Analyst of the Federal

Федонкина А.А. (2025)
Особенности психического развития детей
и подростков в условиях цифровизации общества
Психология и право, 15(3), 24—36.

Fedonkina A.A. (2025)
Mental development of children and adolescents
in the context of digitalization of society
Psychology and Law, 15(3), 24—36.

Coordinating Center for the Provision of Psychological Services in the Education System, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail: afedonkina@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 17.06.2025
Поступила после рецензирования 17.07.2025
Принята к публикации 17.07.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.06.17
Revised 2025.07.17
Accepted 2025.07.17
Published 2025.09.30

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

Риски социально-коммуникативной интеграции детей с нарушением интеллекта в условиях глобальной цифровизации

О.В. Защирина^{1, 2, 3}, П.А. Белимова^{1, 4}✉

¹ Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

⁴ Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ belimova_polina@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Аналитический обзор посвящен вопросам цифровой инклюзии детей с нарушением интеллекта. Глобальная цифровизация открывает новые образовательные и социальные перспективы, но также усиливает цифровое неравенство. Актуальность исследования определяется необходимостью анализа стратегий цифровой интеграции данной группы детей с учетом возможностей и рисков цифровой среды. **Цель.** Систематизировать актуальные данные о цифровой инклюзии, включая барьеры инклюзивного образования, использование средств альтернативной и дополнительной коммуникации и влияние цифровых технологий на социализацию детей с нарушением интеллектуального развития. **Гипотеза.** Цифровая среда может способствовать социализации и обучению детей с нарушением интеллекта при условии адаптации контента и инструментов в соответствии с их когнитивными возможностями. **Методы и материалы.** Исследование основано на анализе научных публикаций (2021—2024), посвященных вопросам цифровой доступности, правовому регулированию инклюзивного образования, а также применению современных технологий в обучении и социальной адаптации. Использованы методы систематизации, сравнительного анализа и обобщения. **Результаты.** Существует необходимость соблюдения стандартов доступности при создании цифровых образовательных платформ и развития междисциплинарного подхода, объединяющего педагогические, технические, психологические и правовые аспекты. Альтернативная коммуникация,

Заширинская О.В., Белимова П.А. (2025)
Риски социально-коммуникативной интеграции
детей с нарушением интеллекта
в условиях глобальной цифровизации
Психология и право, 15(3), 37—53.

Zaschirinskaia O.V., Belimova P.A. (2025)
Risks of social and communicative integration
of children with intellectual disability
in the context of global digitalization
Psychology and Law, 15(3), 37—53.

универсальный дизайн для обучения, виртуальная реальность и телемедицинские решения обладают потенциалом в образовании и реабилитации, но остаются вызовы: сложности восприятия мультимодального контента, перегрузка информацией и недостаточная адаптация цифровых платформ. **Заключение.** Для эффективной цифровой инклюзии требуется комплексная адаптация образовательных программ, модернизация цифровой инфраструктуры и формирование специализированных компетенций у специалистов для работы с детьми с нарушением интеллекта.

Ключевые слова: нарушение интеллекта, цифровые риски, цифровой разрыв, альтернативная и дополнительная коммуникация, стандарты цифровой доступности

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского.

Для цитирования: Заширинская, О.В., Белимова, П.А. (2025). Риски социально-коммуникативной интеграции детей с нарушением интеллекта в условиях глобальной цифровизации. *Психология и право*, 15(3), 37—53. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150303>

Risks of social and communicative integration of children with intellectual disability in the context of global digitalization

O.V. Zaschirinskaia^{1, 2, 3}, P.A. Belimova^{1, 4} ✉

¹ Russian Christian Academy for the Humanities named after F. Dostoevsky, Saint Petersburg, Russian Federation

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

³ Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation

⁴ ITMO University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ belimova_polina@mail.ru

Abstract

Context and relevance. This analytical review addresses the issue of digital inclusion for children with intellectual disabilities. The ongoing global digitalization process creates new educational and social opportunities while also exacerbating digital inequality. The relevance of this study is determined by the necessity of analyzing strategies for digital integration of this group of children, considering both the opportunities and risks associated with the digital environment. **Objective.** The study aims to systematize current data on digital inclusion, focusing on barriers to inclusive education, the use of augmentative and alternative communication tools, and the impact of digital technologies on the socialization of children with intellectual developmental disorders. **Hypothesis.** The digital environment can facilitate the socialization and learning of children with intellectual disabilities, provided that content and tools are adapted to their cognitive abilities. **Methods and materials.** The research is based on the analysis of scientific publications (2021—2024) on digital

Заширинская О.В., Белимова П.А. (2025)
Риски социально-коммуникативной интеграции
детей с нарушением интеллекта
в условиях глобальной цифровизации
Психология и право, 15(3), 37—53.

Zaschirinskaia O.V., Belimova P.A. (2025)
Risks of social and communicative integration
of children with intellectual disability
in the context of global digitalization
Psychology and Law, 15(3), 37—53.

accessibility, legal regulation of inclusive education, and the application of modern technologies in learning and social adaptation. The study employs methods of systematization, comparative analysis, and synthesis. **Results.** The findings highlight the need to adhere to accessibility standards in the development of digital educational platforms and to foster an interdisciplinary approach that integrates pedagogical, technical, psychological, and legal aspects. Augmentative and alternative communication, universal design for learning, virtual reality, and telemedicine solutions hold potential in education and rehabilitation. However, challenges remain, including difficulties in processing multimodal content, information overload, and insufficient adaptation of digital platforms. **Conclusions.** Effective digital inclusion requires a comprehensive adaptation of educational programs, modernization of digital infrastructure, and the development of specialized competencies among professionals working with children with intellectual disabilities.

Keywords: intellectual disability, digital risks, digital divide, alternative and augmentative communication, digital accessibility standards

Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01653, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01653/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

For citation: Zaschirinskaia, O.V., Belimova, P.A. (2025). Risks of social and communicative integration of children with intellectual disability in the context of global digitalization. *Psychology and Law*, 15(3), 37—53. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150303>

Введение

Социальная адаптация является ключевым элементом функционирования общественных институтов, поскольку она обеспечивает включение различных групп населения в социальные, экономические и культурные процессы. Эффективная адаптация способствует снижению социальной напряженности, укреплению гражданской солидарности и созданию инклюзивной среды, в которой каждый человек может реализовать свой потенциал. Особенно важно учитывать потребности уязвимых групп, включая людей с ограниченными возможностями. Государственные, образовательные и общественные институты должны разрабатывать стратегии и механизмы, способствующие социальной адаптации, опираясь на принципы равных возможностей, доступности и поддержки.

Глобальная цифровизация трансформирует общественные институты, меняет формы коммуникации, образования и социальной интеграции (Glencross et al., 2021). У детей с нарушением интеллекта существуют серьезные барьеры в использовании информационно-компьютерных технологий, что приводит к усилению их цифрового неравенства. Недостаточная адаптация цифровых образовательных ресурсов ведет к усилению их цифрового разрыва в меняющемся социуме и снижению общественной самостоятельности (Владимирова, Чистякова, Мирошниченко, 2023). Данный феномен проявляется в ограниченном интернет-взаимодействии, низкой функциональной грамотности и недостаточной адаптации к использованию гаджет-приложений (Стариков, 2021). Важной проблемой остается недостаточное соответствие цифровых образовательных ресурсов

Защиринская О.В., Белимова П.А. (2025)
Риски социально-коммуникативной интеграции
детей с нарушением интеллекта
в условиях глобальной цифровизации
Психология и право, 15(3), 37—53.

Zaschirinskaia O.V., Belimova P.A. (2025)
Risks of social and communicative integration
of children with intellectual disability
in the context of global digitalization
Psychology and Law, 15(3), 37—53.

международным и национальным стандартам доступности, что значительно ограничивает возможности данной группы детей (Buchner et al., 2021).

Проблема социальной интеграции детей с нарушением интеллекта с помощью цифровых технологий начала активно рассматриваться в последние десятилетия в контексте инклюзивного образования и универсального дизайна для обучения, в основе которого лежат принципы вовлеченности (привлечение интереса, поддержание усилий и настойчивости, саморегуляция), репрезентации (восприятие языка и символов), а также принцип действия и выражения (физические действия, выражение в коммуникации, исполнительная функция) (AlRawi, AlKahtani, 2022; Bencini, 2023).

Исследования показывают, что традиционные образовательные и коммуникационные методы оказываются недостаточно эффективными без адаптации цифровых технологий к потребностям данной группы (Bencini, 2023). В рамках международных правозащитных инициатив, включая Конвенцию ООН о правах инвалидов, активно обсуждается вопрос их цифровой доступности (Buchner et al., 2021). При современных тенденциях в модернизации нормативных актов для улучшения цифрового поведения детей с нарушением интеллекта они по-прежнему остаются одной из наиболее уязвимых групп с существенными трудностями в освоении обширной информационной среды (Young, Quibell, 2000).

В условиях активного внедрения цифровых технологий в образовательный процесс возникает необходимость анализа рисков и возможностей цифровой инклюзии для детей с учетом их когнитивных особенностей. Отсутствие систематического подхода в создании адаптированных цифровых решений обуславливает низкую доступность многих цифровых образовательных платформ и сервисов для данной категории пользователей (Владимирова, Чистякова, Мирошниченко, 2023). Информационное неравенство не только ограничивает образовательные перспективы детей, но и затрудняет их социализацию, ограничивая возможности участия в жизни цифровизированного общества и влияя на их самоотношение (Рафикова, 2024; Glencross et al., 2021).

Настоящее исследование предлагает комплексный анализ рисков социально-коммуникативной интеграции детей с нарушением интеллекта в условиях мировой цифровизации. В отличие от предыдущих работ, в которых основное внимание уделяется проблемам инклюзивного образования (Buchner et al., 2024; Göransson et al., 2022) или техническим аспектам доступности (Владимирова и др., 2023), в данной статье представлен междисциплинарный научный подход, объединяющий педагогические, технические и социальные риски социально-коммуникативной интеграции детей изучаемой категории.

Существующие исследования показывают, что большинство цифровых образовательных ресурсов не адаптированы для пользователей с нарушением интеллекта (AlRawi, AlKahtani, 2022). При наличии международных стандартов доступности, таких как Web Content Accessibility Guidelines (WCAG), их внедрение в образовательную практику происходит медленно и не всегда учитывает когнитивные особенности детей данной группы (Bencini, 2023). Исследования альтернативной и дополнительной коммуникации (Белимова, Защирина, 2024) подтверждают, что графические системы, используемые в цифровых средах, не всегда интуитивно понятны этим детям.

Цель исследования — выявить ключевые риски и барьеры, препятствующие социально-коммуникативной интеграции детей с нарушением интеллекта в условиях цифровизации, а

также предложить рекомендации по созданию доступных цифровых решений. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи.

1. Проанализировать современные исследования в области цифровой инклюзии и альтернативной коммуникации.
2. Выявить основные цифровые барьеры, которые проявляются у детей с нарушением интеллекта.
3. Исследовать эффективность различных подходов к созданию доступных цифровых решений.
4. Разработать рекомендации по внедрению цифровых технологий, учитывающих когнитивные особенности этих детей.

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что цифровая среда может способствовать социализации и обучению детей с нарушением интеллекта при условии адаптации контента и инструментов в соответствии с их когнитивными возможностями. Цифровые технологии, разработанные с учетом принципов доступности (WCAG, ГОСТ Р 52872-2019) и альтернативной коммуникации, могут значительно снизить уровень цифрового неравенства и способствовать социальной интеграции детей с нарушением интеллекта.

Материалы и методы

Настоящее исследование представляет собой аналитический обзор научных публикаций, посвященных вопросам социально-коммуникативной интеграции детей с нарушением интеллекта в условиях глобальной цифровизации. Основной целью является анализ рисков и возможностей цифровых технологий в обучении и социальной адаптации данной группы, а также выявление эффективных стратегий инклюзии.

Исследование проводилось в несколько этапов.

1. Поиск и отбор источников — анализ научных публикаций за 2021—2024 годы в российских и зарубежных базах данных, включая Web of Science, Scopus, eLibrary и CyberLeninka.
2. Классификация материалов — отбор исследований по тематическим направлениям: цифровое неравенство, инклюзивное образование, альтернативная и дополнительная коммуникация (АДК), использование цифровых технологий и риски цифровизации.
3. Анализ данных — выявление ключевых проблем, сравнительный анализ подходов к цифровой инклюзии и формулировка выводов.

В обзор были включены 26 научных статей, затрагивающих различные аспекты цифровой интеграции детей с нарушением интеллекта. Критериями включения стали:

- публикация в рецензируемом научном журнале;
- соответствие тематике исследования;
- наличие эмпирических данных или систематического обзора;
- открытый доступ к полному тексту.

Среди ключевых работ можно выделить исследования цифрового неравенства и доступности (Владимирова, Чистякова, Мирошниченко, 2023; Glencross et al., 2021; Young, Quibell, 2000), проблемы инклюзивного образования (Buchner et al., 2024; Göransson et al., 2022; Mavropalias, Alevriadou, Rachanioti, 2021), влияние цифровых технологий на

социализацию (Рафикова, 2024; Стариков, 2021), а также применение альтернативной коммуникации (Белимова, Защирина, 2024; Защирина, Белимова, 2024).

Для достижения поставленных целей были использованы следующие методы.

1. Систематический анализ научной литературы — оценка актуальных публикаций по вопросам цифровой инклюзии и интеграции детей с нарушением интеллекта.
2. Метод сравнительного анализа — сопоставление стратегий инклюзивного образования и цифровых решений в разных странах.
3. Метод контент-анализа — выявление ключевых факторов, влияющих на успешность использования цифровых технологий в социальной адаптации детей с нарушением интеллекта.
4. Обобщение эмпирических данных — систематизация результатов исследований, оценивающих эффективность телемедицины, виртуальной реальности и цифровых образовательных платформ.

Результаты

Цифровое неравенство и доступность цифровых технологий

Цифровая трансформация общества создала новые возможности для социальной интеграции детей с нарушением интеллекта, но усилила существующие барьеры, связанные с доступностью и адаптацией цифровых ресурсов. Современные исследования показывают, что использование цифровых технологий в образовательной и социальной сферах может как способствовать, так и препятствовать общественной вовлеченности данной группы детей.

Одной из наиболее значимых проблем остается цифровое неравенство. Люди с нарушением интеллекта часто испытывают психическое напряжение в связи с когнитивными ограничениями при доступе к цифровым сервисам из-за технических причин и нехватки адаптированных интерфейсов, а также сложности индивидуального восприятия цифровой информации. При росте доступности Интернета и цифровых сервисов эти дети испытывают специфические трудности при использовании онлайн-ресурсов. Исследования показывают, что даже при наличии технического доступа, они ограничены в применении цифровых инструментов по типу пассивного потребления контента, а не для активного взаимодействия или обучения (Glencross et al., 2021). У них использование цифровых ресурсов при наличии доступа к Интернету ограничено узким набором функций, таких как просмотр видео или игры, а образовательные и коммуникативные возможности остаются недостаточно освоенными. Данная проблематика отражает не только низкую цифровую грамотность, но и недостаточный уровень адаптации контента для пользователей с когнитивными особенностями (Стариков, 2021). Одним из препятствий его доступности является сложность восприятия интерфейсов и отсутствие адаптированных образовательных программ, учитывающих когнитивные особенности пользователей (Стецко, Киселёва, 2024).

Исследователи подчеркивают, что для устранения цифровых барьеров необходимо внедрение стандартов доступности (таких как WCAG и ГОСТ Р 52872—2019), включая использование понятного языка и визуально-интуитивных интерфейсов (Владимирова, Чистякова, Мирошниченко, 2023). На практике большинство цифровых продуктов не учитывают потребности пользователей с нарушением интеллектуального развития, что ограничивает их включенность в цифровое пространство (Young, Quibell, 2000).

Инклюзивное образование: барьеры и перспективы

В образовательной сфере, несмотря на провозглашаемые принципы инклюзивного обучения, дети с нарушением интеллекта остаются одной из наиболее изолированных групп. С учетом барьеров, обуславливающих низкую вовлеченность родителей в образование детей с нарушением интеллектуального развития и включающих низкий уровень родительского образования, негативное отношение учителей, экономические ограничения, стигматизацию лиц с ограниченными возможностями, отсутствие поддержки, родительский стресс/депрессия, недостаток знаний и навыков, количество братьев и сестер в семье, несоответствие ожиданий (между родителями и учителями), отсутствие правовых/политических рамок относительно родительского участия, отсутствие четких каналов коммуникации между родителями и персоналом школы, а также тяжесть инвалидности ребенка, процесс инклюзии оказывается крайне затруднен для данной категории обучающихся (Oranga, Obuba, Boinet, 2022).

В ряде европейских стран в связи с ратификацией Конвенции ООН о правах инвалидов включенность детей с нарушением интеллекта в общеобразовательную среду возросла, но до сих пор остается низкой. Несмотря на внедрение инклюзивных практик в образовательные системы, учащиеся с нарушением интеллектуального развития чаще других продолжают обучаться в специализированных школах (Buchner et al., 2021). Шведские исследования показывают, что учителя специализированных классов часто скептически относятся к возможности интеграции таких учащихся в массовую школу, полагая, что специализированное обучение является более эффективным (Göransson et al., 2022). Аналогичные тенденции наблюдаются в Южной Африке, где образовательная политика привела к созданию трех отдельных учебных программ в зависимости от степени выраженности интеллектуального нарушения, что потенцирует детскую сегрегацию вместо интеграции (McKenzie, 2021). В Греции родители высказывают умеренное удовлетворение инклюзивной моделью, но отмечают недостаточную поддержку со стороны педагогов и нехватку индивидуального подхода к их ребенку (Mavropalias, Alevriadou, Rachanioti, 2021). В США и Ирландии реализуются программы расширенного доступа к высшему образованию, однако студенты с нарушением интеллекта испытывают системные препятствия, связанные с ограничением применения адаптированных образовательных материалов и низким уровнем готовности вузов к их обучению (Grigal, Dukes, Walker, 2021; O'Donovan, 2021). В России выявлены серьезные трудности при подготовке дошкольников с нарушением интеллекта к обучению в инклюзивных условиях: исследования показывают, что у большинства из них наблюдаются выраженные дефициты в фонематическом восприятии, лексико-грамматических навыках и зрительно-пространственной ориентации (Мурашова, Саюк, 2022).

Альтернативная и дополнительная коммуникация

Одним из наиболее перспективных направлений в поддержке социально-коммуникативной интеграции стало развитие альтернативной и дополнительной коммуникации (АДК). Использование пиктографических систем существенно облегчает процесс социального взаимодействия детей с нарушением интеллекта, повышая их самостоятельность и уверенность в общении (Белимова, Защирина, 2024). Эффективность таких систем зависит от их графической структуры и уровня их иконичности (Защиринская, Белимова, 2024): простые пиктограммы лучше воспринимаются и быстрее интерпретируются детьми с клиническим диагнозом «легкая умственная отсталость» (по МКБ-10). При этом важно учитывать не только визуальную доступность, но и особенности речевых и языковых

Заширинская О.В., Белимова П.А. (2025)
Риски социально-коммуникативной интеграции
детей с нарушением интеллекта
в условиях глобальной цифровизации
Психология и право, 15(3), 37—53.

Zaschirinskaia O.V., Belimova P.A. (2025)
Risks of social and communicative integration
of children with intellectual disability
in the context of global digitalization
Psychology and Law, 15(3), 37—53.

процессов, поскольку дети с нарушением интеллекта могут испытывать трудности с формированием и декодированием языковых и информационных систем (Закрепина, Стребелева, 2023).

Использование цифровых технологий в обучении и поддержке

Современные технологии предлагают широкий спектр цифровых инструментов, способствующих образовательной и социальной интеграции детей с нарушением интеллекта. Телемедицинские платформы показали свою эффективность в дистанционном консультировании и поддержке лиц с когнитивными особенностями, обеспечивая удобный доступ к медицинской помощи (Krysta et al., 2021). Виртуальная реальность активно используется в обучении навыкам самообслуживания и адаптации к окружающей среде, но требует дальнейшего исследования в контексте ее влияния на когнитивное развитие детей (Almuaqel, 2023). Универсальный дизайн для обучения (Universal Design for Learning, UDL), подразумевающий возможность самостоятельного управления обучением с учетом индивидуальных потребностей, показал хорошие результаты в образовательном процессе, особенно при использовании цифровых книг, аудиосистем и специализированного программного обеспечения (AlRawi, AlKahtani, 2022). В России активно развиваются методики коррекционно-развивающих занятий, способствующих развитию когнитивных функций и повышению учебной мотивации, которые могут быть дополнены применением цифровых инструментов (Закрепина, Стребелева, 2023).

Риски цифровизации и влияние цифровых медиа

Несмотря на потенциал цифровых технологий, существует ряд рисков. Исследования показывают, что у детей с нарушением интеллекта отмечаются трудности при интерпретации визуального контента, включая эмодзи и мемы, что может приводить к неправильному пониманию сообщений (Белимова, Микляева, 2024). Кроме того, мультимодальные медиатексты, включающие сложные сочетания текстовой и визуальной информации, могут оказывать повышенную когнитивную нагрузку, затрудняя восприятие содержания (Ахренова, Зарипов, 2023).

Изменение цифрового языка вносит методические и коррекционно-педагогические сложности: в коммуникации все чаще используются символы, пиктограммы и сокращения, которые создают затруднения в интерпретации их детьми. Развитие альтернативного языка, включающего эмодзи и пиктограммы, требует тщательного изучения в контексте его влияния на формирование коммуникативных навыков у детей с нарушением интеллекта (Копусь, 2021). Современные исследования указывают на необходимость разработки специальных методик цифровой грамотности для таких пользователей, чтобы снизить риски их социальной изоляции и когнитивных перегрузок (Белимова, Микляева, 2024), а также риски, связанные с кибернасилием (Бадмаева, Дозорцева, 2024) и возможными последствиями в виде формирования агрессивного паттерна поведения (Шипкова, Шпорт, Булыгина, 2024).

Таким образом, анализ существующих исследований подтверждает, что цифровизация оказывает значительное влияние на социальную интеграцию детей с нарушением интеллекта. С одной стороны, технологии открывают новые возможности для коммуникации, обучения и социализации, с другой — создают новые барьеры, связанные с когнитивной нагрузкой, сложностью восприятия информации и недостаточной адаптацией к цифровой среде. Решение этих проблем требует междисциплинарного подхода, включающего разработку доступных

цифровых инструментов, модернизацию учебных программ и учет особенностей альтернативной коммуникации в современном образовательном пространстве.

Обсуждение результатов

Результаты анализа научных публикаций подтверждают, что цифровизация оказывает значительное влияние на социально-коммуникативную интеграцию детей с нарушением интеллекта, создавая как новые возможности, так и дополнительные барьеры. Исследование выявило несколько ключевых аспектов, требующих детального рассмотрения: цифровое неравенство, проблемы инклюзивного образования, роль альтернативной и дополнительной коммуникации (АДК), эффективность цифровых технологий и существующие риски цифровой среды.

Несмотря на развитие цифровых технологий, дети с нарушением интеллекта остаются уязвимой группой в контексте цифрового неравенства. Ограниченность цифровой грамотности, недостаточная адаптация интерфейсов и сложность восприятия информации приводят к когнитивным затруднениям в использовании интернет-ресурсов в образовательных и социальных целях (Стариков, 2021; Glencross et al., 2021). При изучении международного опыта инклюзии подтверждается гипотеза о труднодоступности цифровой среды для данной группы пользователей.

Исследования показывают, что отсутствие единых стандартов цифровой доступности усугубляет ситуацию (Владимирова, Чистякова, Мирошниченко, 2023). Существуют международные нормативные акты (WCAG) и их российский аналог (ГОСТ Р 52872-2019). Однако их внедрение в практику нуждается в правовом и нормативном регулировании в области доступности цифровой среды для людей с нарушением интеллекта (Стецко, Киселёва, 2024).

На фоне мировых трендов в развитии инклюзивного образования учащиеся с нарушением интеллекта с существенными затруднениями применяют в реальной жизни свои цифровые возможности. В Европе наблюдается рост числа учащихся с особыми образовательными потребностями, инклюзивно включенных в массовые школы; но дети с интеллектуальными нарушениями остаются исключенной группой (Buchner et al., 2021; Göransson et al., 2022). Формальная реализация инклюзивных инициатив не всегда приводит к реальной интеграции.

В странах с менее развитыми образовательными системами ситуация еще сложнее. В Южной Африке переход к инклюзии привел к разработке трех различных учебных программ для детей с разной степенью интеллектуальных нарушений, что фактически закрепило их сегрегацию (McKenzie, 2021). В Греции родители в целом поддерживают идею инклюзии, но отмечают нехватку квалифицированных педагогов и персонализированного подхода в обучении (Mavropalias, Alevriadou, Rachanioti, 2021).

В высшем образовании проблема становится еще более острой. В США и Ирландии внедрены программы для студентов с нарушением интеллекта, но их успех ограничен нехваткой адаптированных учебных материалов и недостаточной подготовленностью вузов к работе с этой группой субъектов вузовского образования (Grigal, Dukes, Walker, 2021; O'Donovan, 2021). В России исследование в дошкольной среде выявило существенные ограничения в готовности этих детей к обучению в инклюзивной среде, что усложняет выбор дальнейшего образовательного маршрута (Мурашова, Саюк, 2022).

Таким образом, результаты анализа современных первоисточников подтверждают, что инклюзия требует не только правовых, но и ведомственных актов с целью изменения подходов и методик в преподавании, внедрении адаптивных образовательных программ и подготовки специалистов.

В качестве одного из преимуществ социальной интеграции детей с нарушением интеллекта рассматривается альтернативная и дополнительная коммуникация (АДК). Использование пиктографических систем значительно облегчает процесс общения и способствует формированию самостоятельности (Белимова, Защирина, 2024). Эффективность пиктограмм зависит от уровня их иконичности: простые графические символы воспринимаются точнее, чем детализированные изображения (Защиринская, Белимова, 2024). Данный эмпирический факт согласуется с гипотезой о том, что визуальная простота способствует лучшему пониманию. В этом контексте концепция универсального дизайна приобретает особое значение, поскольку позволяет создавать интуитивно понятные интерфейсы для пользователей с разными интеллектуальными возможностями (Bencini, 2023).

Цифровые технологии могут эффективно использоваться для обучения и социализации детей с нарушением интеллекта, но их внедрение требует понимания специфики данной группы. Например, телемедицинские платформы показали свою полезность в организации дистанционного консультирования и поведенческих вмешательств (Krysta et al., 2021). Виртуальная реальность используется для обучения базовым социальным навыкам, но пока остается недостаточно изученной в области когнитивной коррекции (Almuaqel, 2023).

Методики универсального дизайна для обучения демонстрируют высокую эффективность в образовании, особенно при использовании цифровых книг, аудиосистем и специализированных программ (AlRawi, AlKahtani, 2022). В российских исследованиях подчеркивается важность адаптированных коррекционно-развивающих занятий, в том числе с применением цифровых технологий (Закрепина, Стребелева, 2023). Технологии могут способствовать инклюзии, если они адаптированы под потребности детей с нарушением интеллекта.

Результаты исследования выявили ряд рисков, связанных с цифровизацией. Одной из проблем является сложность интерпретации визуального контента, включая эмодзи и мемы, что может вызывать когнитивную перегрузку и недопонимание (Белимова, Микляева, 2024). Мультимодальные медиатексты, включающие текст, изображения и звук, могут затруднять восприятие информации у детей с нарушением интеллекта (Ахренова, Зарипов, 2023). Изменения в цифровом языке оказывают влияние на коммуникацию: современные текстовые форматы включают большое количество сокращений, пиктограмм и символов, что затрудняет их понимание людьми с когнитивными особенностями (Копусь, 2021).

Цифровизация требует дополнительных механизмов адаптации для пользователей с нарушением интеллекта. Разработка специальных методик цифровой грамотности способствует учету когнитивных ограничений при создании цифрового контента и внедрению персонализированных интерфейсов.

Обобщая полученные данные, можно утверждать, что цифровые технологии обладают высоким потенциалом для поддержки социальной и образовательной интеграции детей с нарушением интеллекта. Однако их успешное применение требует устранения барьеров цифрового неравенства, внедрения адаптивных методик инклюзивного образования и учета специфики восприятия информации данной группой. Таким образом, результаты

исследования подтверждают исходную гипотезу о том, что технологии могут уменьшить цифровое неравенство и способствовать инклюзии, но для этого необходима комплексная адаптация образовательной среды, информационных ресурсов и инструментов цифровой коммуникации.

Заключение

Применение метода систематического анализа позволило получить целостное представление о проблемах и перспективах цифровой инклюзии, определить ключевые барьеры и предложить рекомендации по их преодолению. Анализ научных исследований показал, что цифровые технологии могут выступать как инструментом инклюзии, так и фактором, усугубляющим цифровое неравенство. В контексте международных усилий по развитию инклюзивного образования и созданию доступной цифровой среды, дети с нарушением интеллекта на практике испытывают влияние системных барьеров, связанных с недоступностью цифровых ресурсов, неподготовленностью образовательных систем и сложностью восприятия мультимодального контента. В современных работах рассматриваются как технологические, так и педагогические аспекты создания инклюзивной цифровой среды, однако остаются пробелы в исследованиях, касающихся специфики когнитивных ограничений и адаптации интерфейсов.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что технологии могут способствовать социальной интеграции данной группы, если они адаптированы в соответствии с принципами универсального дизайна, альтернативной коммуникации и цифровой доступности. Однако для успешного внедрения таких технологий требуется междисциплинарный подход, включающий педагогические, технические и правовые аспекты.

Для эффективной цифровой интеграции детей необходимо уделить особое внимание разработке адаптированных цифровых решений. Важно создавать интуитивно понятные интерфейсы и интегрировать альтернативные способы коммуникации, такие как пиктограммы и визуальные подсказки. Наиболее успешными стратегиями являются персонализированные интерфейсы, мультимодальные способы взаимодействия, а также универсальный дизайн на образовательных и социальных цифровых платформах. Однако внедрение данных решений требует детального изучения индивидуальных потребностей пользователей и многоуровневой адаптации цифровых продуктов. Особое внимание следует уделить внедрению стандартов доступности, таких как WCAG, в национальные нормативные документы, регулирующие разработку цифровых образовательных ресурсов. Это позволит снизить барьеры в использовании цифровых технологий и повысить их эффективность для изучаемой группы детей.

Важна целенаправленная подготовка педагогов и специалистов, работающих с детьми с нарушением интеллекта, по вопросам применения цифровых технологий в образовательном процессе. В современных условиях цифровая грамотность должна включать не только базовые навыки работы с цифровыми ресурсами, но и умение адаптировать их для детей с особыми образовательными потребностями. Развитие специализированных программ подготовки и повышения квалификации педагогов позволит более эффективно использовать возможности цифровых технологий в инклюзивном образовании.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение эффективности современных цифровых технологий, таких как виртуальная реальность,

телемедицина и адаптивные образовательные платформы, в формировании когнитивных и коммуникативных навыков у детей с нарушением интеллекта. Дополнительные исследования необходимы для оценки влияния различных форм цифрового контента, включая мультимодальные медиатексты и эмодзи, на процесс восприятия информации и развитие социального взаимодействия у данной группы пользователей.

Особое внимание следует уделить анализу рисков цифровой среды, поскольку ее стремительное развитие приводит к новым когнитивным вызовам. Дальнейшие исследования могут быть направлены на понимание эффективности внедрения в языковую среду цифровых технологий, включая пиктограммы, символы и мультимодальные форматы. Специалистам следует учитывать роль цифровых возможностей в повышении когнитивной нагрузки для детей и разработке рекомендаций по оптимизации интерфейсов и образовательных платформ для обучающихся с нарушением интеллекта.

В целом, дальнейшие исследования должны быть ориентированы на междисциплинарный подход, объединяющий педагогические, технические, психологические и нормативно-правовые аспекты. Комплексные решения, учитывающие потребности детей с нарушением интеллекта на всех уровнях жизнедеятельности — от образования до социальной жизни — позволят добиваться реального снижения цифрового неравенства и повышения уровня инклюзии.

Таким образом, разработка рекомендаций позволила сформулировать ключевые принципы внедрения цифровых технологий, ориентированных на потребности детей с нарушением интеллекта. Среди них: необходимость создания интуитивно понятных интерфейсов, использование простых и предсказуемых навигационных схем, адаптация цифрового контента с учетом когнитивных особенностей, а также привлечение специалистов по инклюзивному дизайну на всех этапах разработки цифровых решений.

Цифровая среда может способствовать и одновременно препятствовать интеграции изучаемой категории детей. Для минимизации рисков и использования потенциала технологий необходимо внедрение комплексных стратегий, объединяющих методические, технические и нормативные компоненты социально-коммуникативной интеграции детей с нарушением интеллекта. При условии создания доступных цифровых решений и адаптивных образовательных программ можно преодолевать цифровое неравенство и повышать уровень социальной инклюзии данной группы детей.

Ограничения. Исследование основано на анализе ограниченного числа кейсов и экспертных мнений, что может снижать степень обобщаемости результатов. В работе использованы доступные источники и эмпирические материалы, однако некоторые аспекты интеграционных процессов остаются недостаточно освещенными из-за закрытости информации. Интеграционные процессы изменяются под влиянием внешних факторов (экономических, технологических, политических), что может требовать обновления выводов в будущем.

Limitations. The study is based on the analysis of a limited number of cases and expert opinions, which may reduce the generalizability of the results. The research relies on available sources and empirical materials; however, certain aspects of integration processes remain insufficiently covered due to restricted access to information. Integration processes are influenced by external factors (economic, technological, and political), which may necessitate future revisions of the conclusions.

Защиринская О.В., Белимова П.А. (2025)
Риски социально-коммуникативной интеграции
детей с нарушением интеллекта
в условиях глобальной цифровизации
Психология и право, 15(3), 37—53.

Zaschirinskaia O.V., Belimova P.A. (2025)
Risks of social and communicative integration
of children with intellectual disability
in the context of global digitalization
Psychology and Law, 15(3), 37—53.

Список источников / References

1. Ахренова, Н.А., Зарипов, Р.И. (2023). Лингвопрагматические характеристики современного поликодового мультимодального медиатекста в контексте информационно-психологического воздействия. *Медиалингвистика*, 10(4), 428—449. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.401>
Akhrenova, N.A., Zaripov, R.I. (2023). The linguopragmatic characteristics of modern polycode-multimodal media text in the context of information-psychological influence. *Media Linguistics*, 10(4), 428—449. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.401>
2. Бадмаева, В.Д., Дозорцева, Е.Г. (2024). Дети и преступления с использованием интернет-технологий. М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68579568> (дата обращения: 14.03.2025).
Badmaeva, V.D., Dozortseva, E.G. (2024). Children and crimes using internet technologies. Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68579568> (viewed: 14.03.2025).
3. Белимова, П.А., Защи́ринская, О.В. (2024). Восприятие пиктографических систем альтернативной коммуникации при расстройствах интеллектуального развития. *Клиническая и специальная психология*, 13(3), 100—122. <https://doi.org/10.17759/cpse.2024130305>
Belimova, P.A., Zashchirinskaia, O.V. (2024). Perception of Pictographic Alternative Communication Systems in Disorders of Intellectual Development. *Clinical Psychology and Special Education*, 13(3), 100—122. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2024130305>
4. Белимова, П.А., Микляева, А.В. (2024). Как применение визуальных образов изменяет коммуникацию, опосредованную использованием цифровых устройств? Обзор эмпирических исследований. *СибСкрипт*, 26(5), 782—794. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-5-782-794>
Belimova, P.A., Miklyaeva, A.V. (2024). Effect of Visual Images on Digital Communication: Empirical Research Review. *SibScript*, 26(5), 782—794. (In Russ.). <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-5-782-794>
5. Владимирова, О.Н., Чистякова, Н.П., Мирошниченко, О.А. (2023). Вопросы информационной доступности для людей с инвалидностью, имеющих ментальные нарушения, включая РАС. *Аутизм и нарушения развития*, 21(1), 49—58. <https://doi.org/10.17759/autdd.202321010>
Vladimirova, O.N., Chistyakova, N.P., Miroshnichenko, O.A. (2023). Information Accessibility for People with Mental Disabilities, Including Autism Spectrum Disorders. *Autism and Developmental Disorders*, 21(1), 49—58. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/autdd.202321010>
6. Закрепина, А.В., Стребелева, Е.А. (2023). Теоретико-методические ориентиры для разработки содержания коррекционно-развивающих занятий с обучающимися с умственной отсталостью I—IV классов (АООП вариант 9.1). *Специальное образование*, 2(70), 16—34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54093982> (дата обращения: 14.03.2025).
Zakrepina, A.V., Strebeleva, E.A. (2023). Theoretical and methodological guidelines for developing the content of rehabilitation classes for students with intellectual disability of grades

Заширинская О.В., Белимова П.А. (2025)
Риски социально-коммуникативной интеграции
детей с нарушением интеллекта
в условиях глобальной цифровизации
Психология и право, 15(3), 37—53.

Zaschirinskaia O.V., Belimova P.A. (2025)
Risks of social and communicative integration
of children with intellectual disability
in the context of global digitalization
Psychology and Law, 15(3), 37—53.

I-IV (ABGEP variant 9.1). *Special Education*, 2(70), 16—34. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54093982> (viewed: 14.03.2025).

7. Заширинская, О.В., Белимова, П. А. (2024). Когнитивные нарушения у подростков с расстройствами интеллектуального развития при декодировании символов альтернативной коммуникации разной иконичности. *Российский психиатрический журнал*, 2, 46—52. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=73735133> (дата обращения: 14.03.2025).
Zashchirinskaya, O.V., Belimova, P. A. (2024). Cognitive impairments in adolescents with disorders of intellectual development in decoding alternative communication symbols with varying iconicity. *Russian Journal of Psychiatry*, 2, 46—52. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=73735133> (viewed: 14.03.2025).
8. Копусь, Т.Л. (2021). К вопросу об исследовании цифрового языка. *Сервис plus*, 15(2), 13—23. <https://doi.org/10.24412/2413-693X-2021-2-13-23>
Kopus, T.L. (2021). On the research of digital language. *Service Plus*, 15(2), 13—23. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2413-693X-2021-2-13-23>
9. Мурашова, И.Ю., Саюк, Ю.С. (2022). Логопедическое сопровождение дошкольников с нарушениями интеллекта по формированию готовности к обучению грамоте в группе комбинированной направленности. В: *Проблемы инклюзии детей с интеллектуальными нарушениями в современном образовании: материалы научно-практической онлайн-конференции (29 марта 2021 г.)* (с. 26—31). М. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48609829> (дата обращения: 14.03.2025).
Murashova, I.Yu., Sayuk, Yu.S. (2022). Speech therapy supports preschoolers with intellectual disabilities in developing readiness for literacy in a mixed-focus group. In: *Problems of Inclusion of Children with Intellectual Disabilities in Modern Education: materials of the scientific and practical online conference (March 29, 2021)* (pp. 26—31). Moscow. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48609829> (viewed: 14.03.2025).
10. Рафикова, Р.А. (2024). Теоретические аспекты социализации детей подросткового возраста с легкой степенью умственной отсталости. *Science and Education*, 5(3), 566—577.
Rafikova, R.A. (2024). Theoretical aspects of socialization of adolescent children with mild mental retardation. *Science and Education*, 5(3), 566—577. (In Russ.).
11. Стариков, А.В. (2021). Актуальность информационной компетентности для обучающихся с нарушениями интеллекта в современном информационном обществе. В: Н.В. Чекалева (ред.), *Горизонты образования: материалы II Международной научно-практической конференции (Омск, 22–23 апреля 2021 г.)* (с. 159—161). Омск: Изд-во ОмГПУ. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47260229> (дата обращения: 14.03.2025).
Starikov, A.V. (2021). The relevance of information competence for students with intellectual disabilities in the modern information society. In: N.V. Chekaleva (ed.), *Horizons of Education: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference (Omsk, April 22-23, 2021)* (pp. 159—161). Omsk: Publishing house of Omsk State Pedagogical University. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47260229> (viewed: 14.03.2025).
12. Стецко, Е.В., Киселёва, Д.А. (2024). Цифровые потребности инвалидов и перспективы их реализации в системе городских сервисов. *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*, 4(73), 25—32. https://doi.org/10.53115/19975996_2024_04_025_032
Stetsko, E.V., Kiseleva, D.A. (2024). Digital needs of people with disabilities and prospects for

Защиринская О.В., Белимова П.А. (2025)
Риски социально-коммуникативной интеграции
детей с нарушением интеллекта
в условиях глобальной цифровизации
Психология и право, 15(3), 37—53.

Zaschirinskaia O.V., Belimova P.A. (2025)
Risks of social and communicative integration
of children with intellectual disability
in the context of global digitalization
Psychology and Law, 15(3), 37—53.

- their implementation in the urban services system. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 4(73), 25—32. (In Russ.). https://doi.org/10.53115/19975996_2024_04_025_032
13. Шипкова, К.М., Шпорт, С.В., Булыгина, В.Г. (2024). Зарубежные исследования нейропсихологических и биологических основ агрессивного поведения. *Психология и право*, 14(4), 161—175. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140411>
Shipkova, K.M., Shport, S.V., Bulygina, V.G. (2024). Foreign Studies of the Neuropsychological and Biological Bases of Aggressive Behavior. *Psychology and Law*, 14(4), 161—175. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140411>
 14. Almuaqel, I.A. (2023). Virtual reality and inclusive learning of individuals with intellectual and developmental disabilities: A review of findings and the path ahead. *IEEE Transactions on Engineering Management*, 71, 13049—13065. <https://doi.org/10.1109/TEM.2023.3243530>
 15. AlRawi, J.M., AlKahtani, M.A. (2022). Universal design for learning for educating students with intellectual disabilities: A systematic review. *International Journal of Developmental Disabilities*, 68(6), 800—808. <https://doi.org/10.1080/20473869.2021.190050>
 16. Bencini, G. (2023). Universal Design and Communication Rights: Meeting the Challenge of Linguistic and Communicative Diversity. In: I. Garofolo, G. Bencini (Eds.), *Design for Inclusion* (pp. 76—82). Amsterdam: IOS Press. <https://doi.org/10.3233/SHTI230402>
 17. Buchner, T., Shevlin, M., Donovan, M.-A., Gercke, M., Goll, H., Šiška, J., Janyšková, K., Smogorzewska, J., Szumski, G., Vlachou, A., Demo, H., Feyerer, E., Corby, D. (2021). Same progress for all? Inclusive education, the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities and students with intellectual disability in European countries. *Journal of Policy and Practice in Intellectual Disabilities*, 18(1), 7—22. <https://doi.org/10.1111/jppi.12368>
 18. Glencross, S., Mason, J., Katsikitis, M., Greenwood, K.M. (2021). Internet use by people with intellectual disability: Exploring digital inequality—A systematic review. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 24(8), 503—520. <https://doi.org/10.1089/cyber.2020.0499>
 19. Göransson, K., Bengtsson, K., Hansson, S., Klang, N., Lindqvist, G., Nilholm, C. (2022). Segregated education as a challenge to inclusive processes: A total population study of Swedish teachers' views on education for pupils with intellectual disability. *International Journal of Inclusive Education*, 26(14), 1367—1382. <https://doi.org/10.1080/13603116.2020.1810789>
 20. Grigal, M., Dukes III, L.L., Walker, Z. (2021). Advancing access to higher education for students with intellectual disability in the United States. *Disabilities*, 1(4), 438—449. <https://doi.org/10.3390/disabilities1040030>
 21. Krysta, K., Romańczyk, M., Diefenbacher, A., Krzystanek, M. (2021). Telemedicine treatment and care for patients with intellectual disability. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(4), Article 1746. <https://doi.org/10.3390/ijerph18041746>
 22. Mavropalias, T., Alevriadou, A., Rachanioti, E. (2021). Parental perspectives on inclusive education for children with intellectual disabilities in Greece. *International Journal of Developmental Disabilities*, 67(6), 397—405. <https://doi.org/10.1080/20473869.2019.1675429>
 23. McKenzie, J. (2021). Intellectual disability in inclusive education in South Africa: Curriculum challenges. *Journal of Policy and Practice in Intellectual Disabilities*, 18(1), 53—57. <https://doi.org/10.1111/jppi.12337>
 24. O'Donovan, M.-A. (2021). The elusive inclusive university: What does this look like for students with intellectual disability? An Irish perspective. *Journal of Policy and Practice in Intellectual Disabilities*, 18(1), 68—74. <https://doi.org/10.1111/jppi.12375>

Защиринская О.В., Белимова П.А. (2025)
Риски социально-коммуникативной интеграции
детей с нарушением интеллекта
в условиях глобальной цифровизации
Психология и право, 15(3), 37—53.

Zaschirinskaia O.V., Belimova P.A. (2025)
Risks of social and communicative integration
of children with intellectual disability
in the context of global digitalization
Psychology and Law, 15(3), 37—53.

25. Oranga, J., Obuba, E., Boinett, F.J. (2022). Barriers to parental involvement in the education of learners with intellectual disabilities. *Open Journal of Social Sciences*, 10(2), 410—423. <https://doi.org/10.4236/jss.2022.102029>
26. Young, D.A., Quibell, R. (2000). Why rights are never enough: Rights, intellectual disability and understanding. *Disability & Society*, 15(5), 747—764. <https://doi.org/10.1080/713661998>

Информация об авторах

Оксана Владимировна Защи́ринская, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психотравматологии, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского (АНО ВО «РХГА»); профессор кафедры педагогики и педагогической психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ); доцент кафедры клинической психологии и психологической помощи, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2666-3529>, e-mail: zaoks@mail.ru

Полина Андреевна Белимова, научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского (АНО ВО «РХГА»); инженер центра юзабилити и смешанной реальности, Национальный исследовательский университет ИТМО (НИУ ИТМО), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8581-4924>, e-mail: belimova_polina@mail.ru

Information about the authors

Oksana V. Zaschirinskaia, Doctor of Science (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychotraumatology, Russian Christian Academy for the Humanities named after F. Dostoevsky; Professor of the Department of Pedagogy and Educational Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology and Psychological Care, Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2666-3529>, e-mail: zaoks@mail.ru

Polina A. Belimova, Research Assistant, Russian Christian Academy for the Humanities named after F. Dostoevsky; Engineer of the Center of Usability and Mixed Reality, ITMO University, Saint-Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8581-4924>, e-mail: belimova_polina@mail.ru

Вклад авторов

Защиринская О.В. — идеи исследования; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Белимова П.А. — аннотирование, написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Oksana V. Zaschirinskaia — ideas; planning of the research; control over the research.

Заширинская О.В., Белимова П.А. (2025)
Риски социально-коммуникативной интеграции
детей с нарушением интеллекта
в условиях глобальной цифровизации
Психология и право, 15(3), 37—53.

Zaschirinskaia O.V., Belimova P.A. (2025)
Risks of social and communicative integration
of children with intellectual disability
in the context of global digitalization
Psychology and Law, 15(3), 37—53.

Polina A. Belimova — annotation, writing and design of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 07.04.2025
Поступила после рецензирования 26.04.2025
Принята к публикации 30.04.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.04.07
Revised 2025.04.26
Accepted 2025.04.30
Published 2025.09.30

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

Отношения в семье и зависимость от социальных сетей как факторы суицидального поведения подростков

В.Е. Купченко¹✉

¹ Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Российская Федерация

✉ kupchenkove@omsu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В условиях растущей обеспокоенности мировой проблемой подросткового суицида актуальным выступает вопрос причин суицидального поведения, в том числе в контексте понимания роли семейных взаимоотношений и увлеченности подростка социальными сетями. **Цель.** Проанализировать и обобщить результаты современных исследований по вопросу взаимосвязи между внутрисемейными отношениями, использованием социальных сетей и суицидальным поведением подростков с целью формулирования рекомендаций родителям по выстраиванию конструктивной коммуникации. **Исследовательские вопросы.** Какие факторы семейных отношений способствуют/препятствуют риску суицидального поведения у подростка? Какова роль вовлеченности в социальные сети в проявлении суицидального поведения у подростка? Каковы меры профилактики суицидального поведения в подростковом возрасте? **Методы и материалы.** Теоретический анализ научных публикаций в базах данных Web of Science и Scopus за последние 5 лет. **Результаты.** Конфликты между родителем и подростком, авторитарный стиль воспитания, недостаток материнского тепла наряду с выраженным контролем, проблемное использование Интернета выступают ключевыми факторами суицидального поведения в подростковом возрасте. **Выводы.** Полученные в исследованиях данные позволяют определить роль отношений в семье и вовлеченности в социальные сети в проявлении суицидального поведения подростка, разработать теоретические основания для организации эффективной профилактической и психокоррекционной работы с подростками и их семьями.

Ключевые слова: суицидальное поведение, зависимость от социальных сетей, внутрисемейные отношения, факторы, подростковый возраст, профилактика

Купченко В.Е. (2025)
Отношения в семье и зависимость от социальных сетей
как факторы суицидального поведения подростков
Психология и право, 15(3), 54—65.

Kupchenko V.E. (2025)
Family relationships and social network addiction
as factors of suicidal behavior in adolescents
Psychology and Law, 15(3), 54—65.

Для цитирования: Купченко, В.Е. (2025). Отношения в семье и зависимость от социальных сетей как факторы суицидального поведения подростков. *Психология и право*, 15(3), 54—65. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150304>

Family relationships and social network addiction as factors of suicidal behavior in adolescents

V.E. Kupchenko¹✉

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

✉ kupchenkove@omsu.ru

Abstract

Context and relevance. In the context of growing global concern about the problem of teenage suicide, the question of the causes of suicidal behavior is relevant, including in the context of understanding the role of family relationships and a teenager's passion for social networks. **Target.** To analyze and summarize the results of modern research on the relationship between intrafamily relationships, the use of social networks and suicidal behavior of adolescents in order to formulate recommendations for parents on building constructive communication. **Research question.** What factors in family relationships contribute to/prevent the risk of suicidal behavior in a teenager? What is the role of social media involvement in adolescent suicidal behavior? What are the measures to prevent suicidal behavior in adolescence? **Methods and materials.** Theoretical analysis of scientific publications in the Web of Science and Scopus databases over the past 5 years. **Results.** Conflicts between parent and teenager, authoritarian parenting style, lack of maternal warmth along with pronounced control, problematic use of the Internet are key factors in suicidal behavior in adolescence. **Conclusions.** The data obtained in the research allows us to determine the role of family relationships and involvement in social networks in the manifestation of suicidal behavior in adolescents, and to develop theoretical foundations for organizing effective preventive and psychocorrectional work with adolescents and their families.

Keywords: suicidal behavior, addiction to social networks, family relationships, factors, adolescence, prevention

For citation: Kupchenko, V.E. (2025). Family relationships and social network addiction as factors of suicidal behavior in adolescents. *Psychology and Law*, 15(3), 54—65. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150304>

Введение

По данным ВОЗ, самоубийство является основной причиной смерти во всем мире, ежегодно унося жизни более 720000 человек¹. Именно самоубийство входит в тройку основных причин смертности в подростковом возрасте, став поистине глобальной общественной проблемой в области здоровья за последние десятилетия (Kim et al., 2024). Во время пандемии

¹ *Suicide*. (2025). World Health Organization. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (дата обращения: 01.06.2025).

коронавирусной болезни (COVID-19) социальная и семейная изоляция, коллективные опасения по поводу экономических проблем, физического здоровья способствовали частому и сильному проживанию негативных эмоций (Tandon, 2021), выступив фактором большего использования молодежью смартфонов и компьютерных устройств (Wang et al., 2022). Как итог, резко возросли тревожность и депрессия, что привело к росту самоубийств молодежи (Barlattani et.al., 2023).

Традиционно самоубийство понимается в качестве фатального разрушительного действия с явным или предполагаемым намерением умереть, причиненное самому себе. Суицидальное поведение включает в себя ряд стадий: суицидальные мысли, планирование самоубийства и попытка самоубийства. По статистическим данным ежегодно количество подростков, нуждающихся в медицинской помощи в связи с зафиксированным суицидальным поведением, составляет порядка 1—3%². Однако фактическое количество попыток самоубийства гораздо выше, поскольку многие молодые люди не обращаются за помощью, в результате чего попытки остаются не задокументированными. Очевидно, что суицидальное поведение молодежи — многоплановое сложное явление, связанное с разнообразными факторами, повышающими риск суицидального эпизода. Понимание причин суицида и разработка эффективных профилактических программ выступают важнейшим приоритетом общественного здравоохранения и социальной политики в современном обществе. Особая роль в профилактике риска закономерно отводится психологическим мероприятиям, построенным на научно-доказательной эмпирической базе.

Глубокие социальные и культурные изменения, трансформации в контексте общества, с одной стороны, относительный уровень различий в образовательно-воспитательных практиках семей по отношению к своим детям, с другой стороны, в последние десятилетия создают ситуации психических и эмоциональных вызовов. Несмотря на демонстрируемое желание быть взрослым, подростки остаются одной из наиболее уязвимых возрастных групп, проявляя зависимость от ситуации взаимоотношений в семье. Отношения между родителями и подростками — широкое понятие, поскольку охватывает несколько измерений, таких как эмоциональная поддержка, контроль, конфликты и конфиденциальность. Родитель в каждом из этих измерений может вносить существенный вклад в социальное, эмоциональное и умственное развитие подростков, включая принятие эффективных стратегий преодоления стресса и неблагоприятных жизненных событий.

Согласно статистике по состоянию на 2024, год число пользователей Интернета во всем мире составляет 5,5 миллиарда по сравнению с 5,4 миллиарда в предыдущем году³. Это 68% мирового населения. Сегодня практически каждый имеет доступ в Интернет и пользуется мобильным телефоном. Использование онлайн-платформы социальных сетей особенно привлекательно для молодежи, для тех, кто в силу возраста интегрирует технологии в свои развлечения, образование, досуг и общение (Hamilton et al., 2021). Интернет может стать источником зависимости, особенно когда используется в качестве стратегии преодоления неприятных жизненных ситуаций.

² ICD-11 2022 release. (2022). World Health Organization. URL: <https://www.who.int/news/item/11-02-2022-icd-11-2022-release> (дата обращения: 01.06.2025).

³ Number of internet users worldwide from 2005 to 2024. (2025). Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/273018/number-of-internet-users-worldwide/> (дата обращения: 01.06.2025).

Социальные сети — широко распространенные платформы, где каждый может поделиться своими мыслями и переживаниями. Наряду с положительными возможностями социальных сетей, существует риск негативного воздействия, ведь Интернет упрощает взаимодействие с людьми, расширяя географию общения, повышая вероятность доступа к информации самоповреждения на платформах социальных сетей.

В данной статье мы рассматриваем детско-родительские отношения в совокупности с увлеченностью социальными сетями как факторы суицидального поведения подростка, что позволяет формулировать рекомендации родителям по выстраиванию конструктивной коммуникации с подростком с целью профилактики риска суицида.

Отношения в семье и мысли о суициде у подростка

Несмотря на острую актуальность вопроса, научная литература, освещающая вопрос роли семейного воспитания в суицидальном поведении подростка, довольно немногочисленна. Исследования подтверждают, что **конфликты** между родителями и подростком являются важным фактором риска и, наоборот, родительская привязанность защищает подростка от фактора суицида (Kushal et al., 2021). В ходе исследования под руководством Р. Лайу обнаружено, что **стили воспитания** взаимосвязаны с суицидальными мыслями у подростков Китая (Liu et al., 2025). Неблагоприятное или антагонистическое воспитание, обычно характерное для авторитарного воспитания, связано с суицидальными действиями подростков (Aziz et al., 2024). Дети авторитетных родителей получают преимущества, в то время как дети отвергающих и пренебрегающих родителей сталкиваются с попытками самоубийства в подростковом возрасте (Singh, Behmani, 2018). Авторитарное воспитание, проявляющееся в форме недостатка родительского тепла и высокого материнского контроля, связано с наличием суицидальных мыслей у подростков (Bakken et al., 2024). Повышение теплоты в общении родителей и подростков отрицательно коррелирует с суицидальными мыслями, выступая защитным фактором против суицидального поведения (Kwok, Shek, 2010).

Установлено, что **взаимоотношение подростка с матерью** более тесно взаимосвязано с суицидальными мыслями по сравнению с общением подростка и отца. Подобный вывод нашел подтверждение в исследовании отечественных авторов, отмечающих, что подростки с высоким суицидальным риском более негативно оценивают типы родительского отношения, преимущественно со стороны матери (Минуллина, Муртазина, 2017, с. 332). Чрезмерное вмешательство, отвержение и наказание со стороны матери, недостаток эмоционального тепла со стороны отца выступили ключевым фактором риска суицидального поведения, не сформировав чувство сострадания к себе у китайских подростков (Liu et al., 2024).

В настоящее время одной из популярных теорий, объясняющих природу суицида в подростковом возрасте, является межличностная теория самоубийства (Joiner, 2005). Согласно данной концепции, любой человек испытывает потребность в принадлежности, первоначальная реализация которой осуществляется в семье. В случае ее дефицита у ребенка возникает чувство одиночества, ощущение отсутствия заботы. На субъективном уровне формируется чувство обремененности, выражаемое в повышенной ответственности и ненависти к себе, результатом чего может стать суицидальное поведение (Van Orden et al., 2010).

Способность самоубийства развивается как нарушение эволюционно-адаптивного механизма после неоднократного воздействия болезненных и провокационных событий

(например, физическое жестокое обращение, суицидальное поведение в семье), что, в свою очередь, снижает страх смерти и повышает терпимость к физической боли. Индикаторами суицидального риска выступает самооценка одиночества, малое количество друзей, замкнутость, чувство безнадежности, нарушенные отношения в семье и семейные конфликты (Van Orden et al., 2010). Мы предполагаем, что в случае дефицита реализации потребности в принадлежности и любви в семье подросток становится повышенно ориентированным на социальные сети, погружаясь в виртуальное пространство.

Зависимость от социальных сетей как фактор суицидального поведения подростка

В результате активного распространения социальных сетей закономерно повышенное внимание исследователей к феномену зависимости от социальных сетей (ЗСС) (Karakuş, Balcı, Tiryaki, 2024). Взяв за основу парадигму зависимости, С. Андреассен и С. Паллесен определили ЗСС как чрезмерное беспокойство по поводу сайтов социальных сетей, вызванное сильным желанием их постоянного и длительного посещения (Andreassen, Pallesen, 2014). Растущий объем исследований ЗСС позволяет предположить, что данное аддиктивное поведение представляет собой тип психосоциального расстройства, характеризующегося признаками абстиненции, эмоциональными нарушениями и прерываниями социальных отношений (Ozimek, Förster, 2021). Наряду с констатацией мощного распространения и пагубностью последствий увлеченности социальными сетями актуален вопрос о причинах формирования ЗСС.

Страх упустить выгоду определяется как «...всепроникающее опасение, что другие могут получать полезный опыт, как желание упустить что-то полезное для себя» (Przybylski et al., 2013, p. 1841). В исследованиях выявлено, что существует прямая взаимосвязь между страхом упустить выгоду и широким взаимодействием с Интернетом (Przybylski et al., 2013), проблемным использованием смартфонов (Wolniewicz et al., 2018), медиа-зависимостью и усталостью от социальных сетей (Dhir et al., 2018).

Компульсивное поведение при использовании социальных сетей определяется как «...ненормальность в контроле поведенческого потребления, при котором человек неспособен рационально управлять своей рутинной деятельностью» (Dhir et al., 2018, p. 143). Ученые отмечают, что компульсивное поведение при использовании социальных сетей напрямую предсказывает усталость от социальных сетей, ЗСС и зависимость от смартфонов (Lin et al., 2017).

Самооценка определяется как «...эволюция собственной Я-концепции, выражающаяся в отраженной оценке, социальном сравнении и самоатрибуции» (Lemmens et al., 2015). Существует отрицательная корреляция между самооценкой и интернет-расстройством (Lemmens et al., 2015), ЗСС и интернет-зависимостью (Nie et al., 2017). В частности, люди с более низким уровнем самооценки более склонны к аддиктивному поведению.

Одиночество в виде «...неприятного опыта, возникающего в результате ощущения недостаточности социальных отношений у человека» идентифицировано как важный фактор, влияющий на зависимость от онлайн-игр (Lemmens et al., 2015), от Интернета и использования социальных сетей (Yam, Yıldırım, Köksal, 2024). Именно чувство одиночества способно предопределить увлеченность социальными сетями, Интернетом, что, в свою очередь, может привести к повышенному суицидальному риску (Khatcherian et al., 2022). Обнаружено, что

нарциссизм положительно взаимосвязан с зависимостью от Интернета и социальных сетей (Nguyen et al., 2024). Так, нарциссические личности злоупотребляют социальными сетями, чтобы получить вознаграждение в форме «лайков» и положительных комментариев от своих подписчиков (Andreassen, Pallesen, 2014).

В ряде исследований *депрессия* рассматривалась как одно из последствий зависимости от социальных сетей. Например, Е. Доннелли и Д. Кусс показали, что использование ЗСС — важная детерминанта депрессии (Donnelly, Kuss, 2016). Однако другие исследования выявили депрессию как ключевой предиктор ЗСС, что в свою очередь, тесно связано с суицидальным риском (Ghosal, Jain, 2023).

Эмпатия признана важным фактором в объяснении психологического состояния человека. Лишь немногие исследования изучали связь между эмпатией и зависимым от технологий поведением. Например, исследователи отмечают, что более низкий уровень эмпатии положительно связан с расстройствами, связанными с использованием Интернета и смартфонов (Wu et al., 2024).

Таким образом, в качестве факторов ЗСС выступают страх упустить выгоду, низкая самооценка, одиночество, нарциссизм, низкий уровень эмпатии, что закономерно связано с неблагоприятным климатом в семье. Являясь виртуальным пространством, Интернет позволяет подростку находить близких по духу людей, конструировать свою идентичность, что может выполнять компенсаторную функцию для детско-родительских отношений. Однако использование Интернета может иметь и негативные последствия, в первую очередь в части развития зависимости, усиливая вероятность суицидальных наклонностей.

Согласно результатам исследования А. Чамарро, среди наиболее значимых факторов, влияющих на риск самоубийства у подростков, выступают ***проблемное использование Интернета***, игровые расстройства и трудности в саморегуляции (Chamarro et al., 2024). Метаанализ показал, что интернет-зависимость взаимосвязана с суицидальным поведением (Wang et al., 2025). Во время стрессовых ситуаций эмоциональная регуляция выступает важным фактором, способствующим эффективному преодолению трудностей, поскольку ситуация требует от человека понимания своих собственных мыслей, поведения, эмоциональных реакций и социальных взаимодействий. В рамках исследования Дж. Гизберт-Переза с коллегами выявлено, что низкий уровень эмоциональной регуляции предопределяет развитие игровой зависимости (Gisbert-Perez, Badenes-Ribera, Marti-Vilar, 2024). Человек, у которого проявляются паттерны игровой зависимости, демонстрирует повышенный уровень грусти, суицидальных мыслей и суицидальных планов. Лица с несформированной эмоциональной регуляцией, как правило, используют платформы социальных сетей с целью саморегуляции, что закономерно приводит к формированию зависимости от них у части пользователей (Ozimek, Förster, 2021). Следовательно, адаптивная эмоциональная регуляция может считаться защитным фактором от стрессовых ситуаций и суицидального риска. Кроме того, Дж. Твенг предположил, что проблемное использование Интернета может быть связано с суицидальным риском и эту связь можно объяснить проблемами с контролем над импульсами, чрезмерным использованием Интернета как механизма доступа к информации о самоубийстве и общением с группами или отдельными людьми, которые пропагандируют самоубийство (Twenge et. al., 2018).

Согласно Н.А. Польской и Я.К. Якубовской, онлайн-активность способна определять самоповреждающее поведение, «...в некоторых случаях усиливая или провоцируя болезненные эмоциональные реакции у подростков, вызывая нарушения самооценки и

поведения» (Польская, Якубовская, 2019, с. 160). В исследовании А. Мемона социальные сети лидируют по увеличению риска самоповреждающего поведения в связи с тем, что пользователи получают негативные сообщения, рекламирующие членовредительство, активно запуская процесс подражания (Memon et al., 2018). Социальные сети предоставляют онлайн-платформу для «киберзапугивания», проявляемого в виде агрессивного, умышленного действия или поведения, систематически осуществляемого отдельным лицом или группой с использованием электронных форм связи, против жертвы, которая не может легко защитить себя. Киберзапугивание предопределяет более высокий уровень депрессии, низкую самооценку, поведенческие проблемы, злоупотребление психоактивными веществами, суицидальные мысли и попытки, как для жертвы, так и для инициатора. Реклама в социальных сетях знакомит подростков с веществами, вызывающими зависимость, включая алкоголь, табак, наркотики, что может привести к потенциальному членовредительству, самоубийству, способствовать вовлечению в преступную деятельность.

Заключение

Подростки сталкиваются с трансформацией своего тела, гормональными перестройками, предопределяющими эмоциональные всплески и импульсивные действия, с острым желанием быть принятым. С одной стороны, они стремятся сепарироваться от мира взрослых, одновременно ориентируясь на общество сверстников. С другой стороны, сложность в реализации потребности в привязанности и принадлежности обостряет чувство одиночества, что в сочетании с импульсивностью формирует высокий риск суицидального поведения. Мы можем сделать вывод, что подросток, хорошо интегрированный в структуру семьи и группу друзей, проживает чувство принадлежности. Однако далеко не всегда реальные взаимоотношения в семье и среде сверстников позволяют подростку чувствовать свою нужность. Эмоциональная холодность, насилие в семье, частые конфликты подталкивают подростка к чрезмерному использованию социальных сетей. Уход подростка в социальные сети может выступать копинг-стратегией преодоления трудностей в реальном общении, позволяя:

- компенсировать негативную жизненную ситуацию и связанные с ней эмоции;
- реализовывать собственную импульсивность, находясь в постоянном поиске новизны и краткосрочного вознаграждения;
- увеличивать социальные связи, что может снижать чувство одиночества при поддержке извне и ощущении принадлежности к значимой группе сверстников.

Однако именно онлайн-пространство может явиться полем для ретравматизации подростка. Усиление чувства одиночества за счет воспроизведения трудностей, возникших в реальной жизни, способно приводить к увеличению суицидальных мыслей у подростка, возникающих в результате нежелательного разрыва эмоциональных связей. Подросток, погруженный в интернет-пространство, с большой вероятностью может стать жертвой/соучастником разного рода преступных деяний, насилия и киберзапугивания, получить примеры самоповреждения.

Развитие ощущения внутренней безопасности в сочетании с качеством эмоциональной связи с родительскими фигурами позволяет формировать у подростка позитивный внутренний образ себя как достойного любви, комфорта и ощущение эмоциональной поддержки со стороны других, обеспечивая способность к адаптации.

Осознание возрастающей угрозы подросткового суицида и влияния на этот процесс цифровой среды, принятие активной позиции в обеспечении психического благополучия своих детей позволяют взрослому создавать благоприятные условия для обеспечения благоприятной среды для развития. Этому способствует ряд рекомендаций.

1. **Укрепление семейных связей.** Создание атмосферы открытости и доверия в семье, где подросток чувствует поддержку и понимание, наличие времени для общения позволяет выслушивать проблемы и переживания ребенка, проявлять интерес к его жизни и интересам. Регулярные совместные мероприятия, такие как семейные ужины, прогулки или хобби, помогают укреплять взаимосвязь между членами семьи и усиливают чувство принадлежности к ней.

2. **Обучение навыкам эмоциональной регуляции.** Важно помочь подростку научиться распознавать свои эмоции и управлять ими. Следует обучать подростков стратегиям преодоления стресса, тревоги и негативных эмоций, таким как дыхательные упражнения, медитация, физическая активность или творчество. Поощрение открытого выражения эмоций и обсуждение сложных ситуаций помогают подростку развить эмоциональную устойчивость.

3. **Контроль и мониторинг использования социальных сетей.** Разумные ограничения на время, проводимое подростком в социальных сетях, позволяет сформировать навык управления контентом. Важно обсуждать с ребенком риски кибербуллинга, дезинформации и негативного влияния социальных сетей на его самооценку и психическое здоровье. Рекомендуется поощрять использование социальных сетей для позитивного общения, обучения и развития.

4. **Повышение цифровой грамотности.** Родителям необходимо повышать свою цифровую грамотность, чтобы понимать особенности онлайн-мира и уметь защищать своих детей от потенциальных угроз. Важно знать о популярных социальных сетях, трендах и рисках, а также о способах мониторинга и контроля онлайн-активности подростка.

5. **Своевременное обращение за профессиональной помощью.** Внимательное отношение к изменениям в поведении, настроении и социальной активности подростка, которые могут свидетельствовать о депрессии, тревоге или суицидальных наклонностях, позволит распознать первые индикаторы деструктивного поведения. При обнаружении тревожных признаков необходимо своевременно обращаться за помощью к квалифицированным специалистам.

6. **Содействие развитию увлечений и интересов.** Поддержка хобби, спорта, творчества и других занятий, которые приносят подростку удовольствие, позволит реализовать его потенциал. Вовлеченность подростков в интересные дела способствует повышению их самооценки, формированию позитивного мировоззрения и снижению риска депрессии.

Следуя этим рекомендациям, родители, педагоги, психологи могут создавать благоприятную среду для психического здоровья детей и снизить риск суицидального поведения в эпоху цифровых технологий.

Список источников / References

1. Минуллина, А.Ф., Муртазина, Э.И. (2017). Взаимосвязь детско-родительских отношений и суицидальной активности подростков. *Проблемы современного педагогического образования*, 54-66, 332—339. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28998766> (дата обращения: 02.06.2025).
- Minullina A.F., Murtazina E.I. (2017). The relationship of parent-child relationships and social

activity of teenagers. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 54-6, 332—339. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28998766> (viewed: 02.06.2025).

2. Польская, Н.А., Якубовская, Д.К. (2019). Влияние социальных сетей на самоповреждающее поведение у подростков. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(3), 156—174. <https://doi.org/10.17759/cpp.20192703010>
Polskaya, N.A., Yakubovskaya, D.K. (2019). The Impact of Social Media Platforms on Self-Injurious Behavior in Adolescents. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 27(3), 156—174. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.20192703010>
3. Andreassen C.S., Pallesen S. (2014). Social network site addiction-an overview. *Current Pharmaceutical Design*, 20(25), 4053—4061. <https://doi.org/10.2174/13816128113199990616>
4. Aziz, M., Chemnad, K., Al-Harashsheh, S., Abdelmoneium, A.O., Baghdady, A., Ali, R. (2024). Depression, stress, and anxiety versus internet addiction in early and middle adolescent groups: the mediating roles of family and school environments. *BMC psychology*, 12(1), Article 184. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-01659-z>
5. Bakken, V., Lydersen, S., Skokauskas, N., Sund, A.M., Kaasbøll, J. (2024). Protective factors for suicidal ideation: a prospective study from adolescence to adulthood. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 33(9), 3079—3089. <https://doi.org/10.1007/s00787-024-02379-w>
6. Barlattani, T., D'Amelio, C., Capelli, F., Mantenuto, S., Rossi, R., Socci, V., Stratta, P., Di Stefano, R., Rossi, A., Pacitti, F. (2023). Suicide and COVID-19: a rapid scoping review. *Annals of General Psychiatry*, 22(1), Article 10. <https://doi.org/10.1186/s12991-023-00441-6>
7. Chamarro, A., Díaz-Moreno, A., Bonilla, I., Cladellas, R., Griffiths, M.D., Gómez-Romero, M.J., Limonero, J.T. (2024). Stress and suicide risk among adolescents: the role of problematic internet use, gaming disorder and emotional regulation. *BMC Public Health*, 24(1), Article 326. <https://doi.org/10.1186/s12889-024-17860-z>
8. Dhir, A., Yossatorn, Y., Kaur, P., Chen, S. (2018). Online social media fatigue and psychological wellbeing—A study of compulsive use, fear of missing out, fatigue, anxiety and depression. *International Journal of Information Management*, 40, 141—152. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2018.01.012>
9. Donnelly, E., Kuss, D.J. (2016). Depression among users of social networking sites (SNSs): The role of SNS addiction and increased usage. *Journal of Addiction and Preventive Medicine*, 1(2), Article 107.
10. Ghosal, S., Jain, A. (2023). Depression and Suicide Risk Detection on Social Media using fastText Embedding and XGBoost Classifier. *Procedia Computer Science*, 218, 1631—1639. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2023.01.141>
11. Gisbert-Perez, J., Badenes-Ribera, L., Marti-Vilar, M. (2024). Emotional intelligence and gaming disorder symptomatology: A systematic review and meta-analysis. *Adolescent Research Review*, 9(4), 621—646. <https://doi.org/10.1007/s40894-024-00233-3>
12. Hamilton, J. L., Biernesser, C., Moreno, M.A., Porta, G., Hamilton, E., Johnson, K., Poling, K.D., Sakolsky, D., Brent, D.A., Goldstein, T. G. (2021). Social media use and prospective suicidal thoughts and behaviors among adolescents at high risk for suicide. *Suicide & Life-Threatening Behavior*, 51(6), 1203—1212. <https://doi.org/10.1111/sltb.12801>
13. Joiner, T. (2005). *Why people die by suicide*. Harvard University Press.
14. Karakuş, M., Balcı, E.V., Tiryaki, S. (2024). Examining the Studies on "Social Media Addiction": A Bibliometric Analysis. *Cyprus Turkish Journal of Psychiatry & Psychology (CTJPP)*, 6(1). <https://doi.org/10.35365/ctjpp.24.1.91>

15. Khatcherian, E., Zullino, D., De Leo, D., Achab, S. (2022). Feelings of loneliness: understanding the risk of suicidal ideation in adolescents with internet addiction. A theoretical model to answer to a systematic literature review, without results. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(4), 2012. <https://doi.org/10.3390/ijerph19042012>
16. Kim, S., Park, J., Lee, H., Lee, H., Woo, S., Kwon, R., Kim, S., Koyanagi, A., Smith, L., Rahmati, M., Fond, G., Boyer, L., Kang, J., Lee, J.H., Oh, J., Yon, D.K. (2024). Global public concern of childhood and adolescence suicide: a new perspective and new strategies for suicide prevention in the post-pandemic era. *World Journal of Pediatrics*, 20(9), 872—900. <https://doi.org/10.1007/s12519-024-00828-9>
17. Kushal, S.A., Amin, Y.M., Reza, S., Shawon, M.S.R. (2021). Parent-adolescent relationships and their associations with adolescent suicidal behaviours: Secondary analysis of data from 52 countries using the Global School-based Health Survey. *E Clinical Medicine*, 31, Article 100691. <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2020.100691>
18. Kwok, S.L.Y.C., Shek, D.T.L. (2010). Cognitive, emotive, and cognitive-behavioral correlates of suicidal ideation among Chinese adolescents in Hong Kong. *The Scientific World Journal*, 10(1), 366—379. <https://doi.org/10.1100/tsw.2010.42>
19. Lemmens, J.S., Valkenburg, P.M., Gentile, D.A. (2015). The internet gaming disorder scale. *Psychological Assessment*, 27(2), Article 567. <https://doi.org/10.1037/pas0000062>
20. Lin, Y.H., Lin, Y.C., Lin, S.H., Lee, Y.H., Lin, P.H., Chiang, C.L., Chang, L.R., Yang, C.C.H., Kuo, T.B. (2017). To use or not to use? Compulsive behavior and its role in smartphone addiction. *Translational Psychiatry*, 7(2), Article e1030. <https://doi.org/10.1038/tp.2017.1>
21. Liu, J., Cheng, C., Edeleva, K., Zhao, Z., Yang, L., Kang, C., Wang, X., Zhao, N., Hu, J. (2024). Association of parental rearing styles with suicidal ideation in Chinese adolescent patients with depression: a large-scale cross-sectional study. *Frontiers in Psychiatry*, 15, Article 1414887. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2024.1414887>
22. Liu, P., Liu, J., Li, Y., Lu, J. (2024). Effect of Parenting Style, attachment to parents and self-compassion on the occurrence and recovery motivation for non-suicidal self-injury in adolescents. *Frontiers in Psychology*, 15, Article 1408396. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1408396>
23. Memon, A.M., Sharma, S.G., Mohite, S.S., Jain, S. (2018). The role of online social networking on deliberate self-harm and suicidality in adolescents: A systematized review of literature. *Indian Journal of Psychiatry*, 60(4), 384—392. https://doi.org/10.4103/psychiatry.IndianJPsychiatry_414_17
24. Nguyen, T.N.D., Tran, H.Y., Nguyen, G.H.M., Nguyen, Y.K., Dinh, H.T.M. (2025). Narcissism, Social Media Addiction, Self-Esteem, and Haxeco Traits: Exploring Influences on Life Satisfaction Among Generation Z. *Psychology Research and Behavior Management*, 18, 419—434. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S447067>
25. Nie, J., Zhang, W., Liu, Y. (2017). Exploring depression, self-esteem and verbal fluency with different degrees of internet addiction among Chinese college students. *Comprehensive Psychiatry*, 72, 114—120. <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2016.10.006>
26. Ozimek, P., Förster, J. (2021). The social online-self-regulation-theory. *Journal of Media Psychology*, 33(4), 181—190. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000304>
27. Przybylski, A.K., Murayama, K., DeHaan, C.R., Gladwell, V. (2013). Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out. *Computers in Human Behavior*, 29(4), 1841—1848. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.02.014>

Купченко В.Е. (2025)

Отношения в семье и зависимость от социальных сетей
как факторы суицидального поведения подростков
Психология и право, 15(3), 54—65.

Kupchenko V.E. (2025)

Family relationships and social network addiction
as factors of suicidal behavior in adolescents
Psychology and Law, 15(3), 54—65.

28. Singh, V., Behmani, R.K. (2018). Parenting style and adolescent suicide ideation: A review. *International Journal of Academic Research and Development*, 3(2), 1245—1252.
29. Tandon, R. (2021). COVID-19 and suicide: just the facts. Key learnings and guidance for action. *Asian Journal of Psychiatry*, 60, Article 102695. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2021.102695>
30. Twenge, J.M., Joiner, T.E., Rogers, M.L., Martin, G.N. (2018). Increases in depressive symptoms, suicide-related outcomes, and suicide rates among US adolescents after 2010 and links to increased new media screen time. *Clinical Psychological Science*, 6(1), 3—17. <https://doi.org/10.1177/2167702617723376>
31. Van Orden, K.A., Witte, T.K., Cukrowicz, K.C., Braithwaite, S.R., Selby, E.A., Joiner Jr, T.E. (2010). The interpersonal theory of suicide. *Psychological Review*, 117(2), Article 575. <https://doi.org/10.1037/a0018697>
32. Wang, S., Tan, Y., Yu, M., Wang, H., Wang, T., Feng, S., Liu, K., Xiang, B. (2025). Association of Internet Addiction Disorder with self-injurious behavior: a meta-analysis. *Addiction Research & Theory*, 33(4), 1—10. <https://doi.org/10.1080/16066359.2025.2463408>
33. Wang, Y., Liu, B., Zhang, L., Zhang, P. (2022). Anxiety, depression, and stress are associated with internet gaming disorder during COVID-19: fear of missing out as a mediator. *Frontiers in Psychiatry*, 13, Article 827519. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2022.827519>
34. Wolniewicz, C.A., Tiamiyu, M.F., Weeks, J.W., Elhai, J.D. (2018). Problematic smartphone use and relations with negative affect, fear of missing out, and fear of negative and positive evaluation. *Psychiatry Research*, 262, 618—623. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2017.09.058>
35. Wu, W., Zou, X., Tang, Q., Tao, Y., Wang, S., Ma, Z., Li, M., Liu, G. (2024). Effects of empathy on the bidirectional relationships between problematic smartphone use and aggression among secondary school students: a moderated network approach. *Frontiers in Psychiatry*, 15, Article 1359932. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2024.1359932>
36. Yam, F.C., Yıldırım, O., Köksal, B. (2024). The mediating and buffering effect of resilience on the relationship between loneliness and social media addiction among adolescent. *Current Psychology*, 43(28), 24080—24090. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06148-5>

Информация об авторах

Виктория Евгеньевна Купченко, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского (ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского»), Омск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5893-0225>, e-mail: kupchenkove@omsu.ru

Information about the authors

Victoria E. Kupchenko, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5893-0225>, e-mail: kupchenkove@omsu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Купченко В.Е. (2025)
Отношения в семье и зависимость от социальных сетей
как факторы суицидального поведения подростков
Психология и право, 15(3), 54—65.

Kupchenko V.E. (2025)
Family relationships and social network addiction
as factors of suicidal behavior in adolescents
Psychology and Law, 15(3), 54—65.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 12.06.2025
Поступила после рецензирования 29.07.2025
Принята к публикации 29.07.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.06.12
Revised 2025.07.29
Accepted 2025.07.29
Published 2025.09.30

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

Парные суициды в подростковом возрасте

А.А. Кастальская-Бороздина¹✉

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ aleksandra.kastbor@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Суицидальный пакт является добровольным соглашением между двумя или более людьми о совместной реализации самоубийства. Данный феномен является редким, однако в последние годы отмечается увеличение числа парных самоубийств среди молодых и несовершеннолетних лиц. **Цель.** Выделить клинические и психосоциальные особенности подростков, совершивших или планировавших совершить парный суицид, описать динамику развития суицидального кризиса. **Гипотеза.** Развитие суицидального поведения в парных суицидах имеет свою динамику и происходит в контексте развития специфических межличностных взаимодействий между партнерами по суицидальному соглашению. **Материалы и методы.** Проведено исследование 9 случаев парных подростковых самоубийств, а также 5 случаев одиночных самоубийств, когда подростки находились в поиске партнера для парного суицида. При обработке данных использовались методы описательной статистики и качественного анализа. **Результаты.** Выделены клинические, социальные и психологические характеристики несовершеннолетних, вовлеченных в парную суицидальную активность. Отмечен потенциальный негативный вклад Интернета. Описана динамика суицидального поведения в контексте взаимодействия участников соглашения о парном самоубийстве. **Выводы.** Полученные результаты могут расширить понимание феномена парных самоубийств среди подростков, что имеет профилактическую значимость.

Ключевые слова: суицидальное поведение, подростковый возраст, суицидальный пакт, парный суицид, диадический суицид, Интернет

Финансирование. Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы «Разработка комплексных моделей клинико-психологической диагностики, экспертизы, профилактики, межведомственного взаимодействия при работе с детьми и подростками в контексте преступлений, совершенных в информационной среде и киберпространстве», осуществляемой ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (рег. № НИОКТР 123022000056-7).

Для цитирования: Кастальская-Бороздина, А.А. (2025). Парные суициды в подростковом возрасте. *Психология и право*, 15(3), 66—77. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150305>

Pair suicides in adolescence

A.A. Kastalskaya-Borozdina¹✉

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ aleksandra.kastbor@mail.ru

Abstract

Context and relevance. A suicide pact is an agreement between two or more individuals to die by suicide together. Although rare, in recent years there has been an increase in the number of double suicides among adolescents and minors. **Objective.** To identify the clinical and socio-psychological characteristics of adolescents who have committed or planned to commit a paired suicide, and to describe the dynamics of the suicidal crisis. **Hypothesis.** The development of suicidal behavior in cases of paired suicides follows its own trajectory and occurs within the context of specific interpersonal interactions between the partners involved in the suicide pact. **Methods and materials.** A retrospective study was conducted on 9 cases of adolescent suicide pacts and 5 cases of single suicides, who intended to carry out a paired suicide. Descriptive statistics and qualitative methods were used for data analysis. **Results.** The clinical, social, and psychological characteristics of minor suicide victims involved in suicide pacts are presented. The potentially harmful role of the Internet in facilitating or influencing suicidal behavior is noted. The dynamics of suicidal behavior in the context of interpersonal interactions within a suicide pact are described. **Conclusions.** The findings may contribute to a deeper understanding of the phenomenon of paired suicides among adolescents. It holds important implications for prevention efforts.

Keywords: suicidal behavior, adolescence, suicidal pact, pair suicide, dyadic suicide, Internet

Funding. The study was carried out within the framework of the research work “Development of comprehensive models of clinical and psychological diagnostics, examination, prevention, interdepartmental interaction when working with children and adolescents in the context of crimes committed in the information environment and cyberspace”, carried out by the V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation (reg. no. NIOKTR 123022000056-7).

For citation: Kastalskaya-Borozdina, A.A. (2025). Pair suicides in adolescence. *Psychology and Law*, 15(3), 66—77. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150305>

Введение

В настоящее время феномен суицидального поведения представляется значимой проблемой общественного здравоохранения. При этом особую и малоизученную группу составляют так называемые парные или диадические самоубийства. По определению, к данной форме суицида относятся самоубийства, совершенные группой от двух человек (Ateriya et al., 2019; Prat, Rérolle, Saint-Martin, 2013). В свою очередь, они могут подразделяться на постгомицидные самоубийства — самоубийства, совершенные после убийства третьих лиц (включая особую редкую форму постфилицидных самоубийств, при которых происходит убийство родителем своих детей с последующим самоубийством самого родителя), и самоубийства с суицидальным пактом (соглашением), обязательным признаком которых является взаимное согласие на совместную реализацию суицидального замысла без принуждения со стороны одного из партнеров (Jayanth et al., 2014; Nardi et al., 2022; Rajagopal, 2004).

Современные исследователи отмечают появление новых тенденций, связанных с развитием цифровых технологий и повышением частоты использования Интернета в мире. В то же время в последние годы фиксируется рост случаев, когда незнакомые люди посредством сетевого взаимодействия заключают соглашения о совместном суициде и занимаются планированием самоубийства с использованием сайтов с суицидальным содержанием, что существенно отличается от традиционных форм договоров о самоубийстве, в которых соглашение заключалось между близкими людьми (Lee, Kwon, 2018; Rajagopal, 2004). К другой тенденции, вероятно связанной с набирающей обороты цифровизацией общества, можно отнести увеличение распространенности парных самоубийств среди молодых людей и подростков (Durkee et al., 2011; Jiang et al., 2017), в то время как в ранних работах отмечено, что суицидальные соглашения наиболее распространены среди зрелых лиц, в особенности пожилых супружеских пар (Brown, Barraclough, 1987; Brown, Barraclough, 1999; Young, Rich, Fowler, 1984). При этом недостаточная изученность феномена самоубийств с суицидальным соглашением обуславливает необходимость проведения исследований в данной области с учетом вклада киберсоциальной среды, что определило цель данной работы — выделить клинические и психосоциальные особенности подростков, совершивших или планировавших совершить парный суицид, описать динамику развития суицидального кризиса.

Материалы и методы

Исследование проводилось на основе анализа документации посмертных КСППЭ, проведенных в период 2014—2024 гг. на базе ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. При обработке данных использовались методы описательной статистики и качественного анализа.

За период исследования было проанализировано 9 случаев (17 человек) парных самоубийств подростков, заключивших соглашение о совместном суициде, а также 5 случаев, одиночных самоубийств, когда подростки находились в поиске партнера для заключения суицидального пакта. Возраст несовершеннолетних — от 12 до 17 лет (табл.), средний возраст — $14,73 \pm 1,69$ лет ($M \pm SD$, где M — среднее выборочное, SD — стандартное отклонение). Отмечено преобладание лиц женского пола (составили 63,64% от общей выборки, 14 человек).

Таблица / Table

**Распределение несовершеннолетних по полу и возрасту/
The distribution of minors by gender and age**

Возраст / Age	Пол / Gender		Всего / Total
	Девушки / Girls	Юноши / Boys	
12—14	9	2	11
15—17	5	6	11
Всего / Total	14	8	

Результаты

Анализ случаев парных суицидов среди подростков позволил выделить следующие особенности. Суицидальные соглашения заключались практически в равной степени как между лицами разного пола (4 случая парных суицидов составили 44,44% от всех случаев парных самоубийств), так и между лицами одного пола (1 случай парного самоубийства, совершенного двумя юношами, составил 11,11%; 4 случая парных самоубийств, где все участники были женского пола, — 44,44%).

Практически у каждого второго подростка (45,45%, 95% доверительный интервал, 0,22—0,68, $p \leq 0,001$, 10 человек от общей выборки), совершившего либо попытавшегося совершить самоубийство в рамках суицидального пакта, врачами-психиатрами было установлено психическое расстройство по результатам проведенной КСППЭ, независимо от их роли в паре (доминирующий или ведомый участник). При этом в 18,18% случаев (4 человека) у психически здоровых несовершеннолетних были выявлены акцентуированные личностные черты, определявшие особенности их реагирования в различных ситуациях, а также влияющие на снижение адаптации в социуме. Наибольшее распространение получили невротические, связанные со стрессом, и соматоформные расстройства (F40—F48) (6 человек, составили 60% от всех расстройств, 95% доверительный интервал, 0,94—2,46, $p \leq 0,001$), также в 20% (95% доверительный интервал, 0,94—2,46, $p \leq 0,001$, 2 человека) подросткам было установлено «Формирующееся смешанное расстройство личности» (F61.03). Наиболее редко встречались «Шизотипическое расстройство» (F21) (1 человек, 10% от всех расстройств, 95% доверительный интервал, 0,94—2,46, $p \leq 0,001$) и «Эмоциональные расстройства и расстройства поведения, начинающиеся обычно в детском и подростковом возрасте» (F98) (1 человек, 10% от всех расстройств, 95% доверительный интервал, 0,94—2,46, $p \leq 0,001$).

Сфера межличностных отношений: приблизительно в каждой второй паре у обоих подростков (44,44 %) отмечалось отсутствие каких-либо ссор и конфликтов как с родителями, так и со сверстниками; при этом окружающими не фиксировались внешние признаки внутреннего неблагополучия. В то же время примерно у половины подростков (52,94%) наблюдались снижение коммуникативной активности и рост изолированности от окружающих, формирование или усиление внутренней закрытости, что в результате приводило к появлению признаков социальной дезадаптации. С другой стороны, 47,06% подростков оставались включенными в активные социальные взаимодействия, однако их общение с окружающими носило поверхностный, недостаточно эмоционально окрашенный характер. Несовершеннолетним данной группы были присущи закрытость и скрытность, стремление не сообщать окружающим о собственных переживаниях и трудностях.

Во всех проанализированных случаях в пресуицидальный период подростки, заключившие суицидальное соглашение, уже состояли в дружеских либо романтических отношениях.

Зачастую сближение между ними происходило на почве общих переживаний и жизненных трудностей, что способствовало установлению доверительного и взаимоподдерживающего контакта.

Независимо от характера внешней социальной активности между участниками суицидального соглашения формировались особые, «инкапсулированные» отношения, характеризующиеся установлением доверительного, эмоционально-близкого контакта, при котором присутствовал постоянный обмен внутренними переживаниями и страхами, в том числе суицидальной направленности. При этом общение с партнером и стремление к ориентации на его ценности и нормы могли приобретать особую значимость в ситуации фрустрации потребности в интимно-личностном взаимодействии при трудностях коммуникации с окружающими, либо при наличии романтической привязанности к партнеру, особой субъективной значимости этих отношений, что особенно характерно для подросткового возраста (Савина, Морозова, 2020; Савина, Морозова, 2022; Эльконин, 1989).

В соответствии с данными литературы (Любов, 2022; Marcikic et al., 2011; Nardi B. et al., 2022) отмечалось распределение следующих ролей между участниками суицидального пакта:

- 1) ведущего или доминирующего партнера, проявляющего наибольшую инициативу в реализации суицидальных замыслов, активно транслирующего свои установки и взгляды, побуждающего к реализации обсуждаемых намерений о суициде; подросткам в этой роли были свойственны такие особенности, как эгоцентричность и демонстративность, большая погруженность в мир собственных фантазий и образов, увлеченность мистическими и эзотерическими концепциями;
- 2) ведомого партнера, проявляющего значимо меньшую, либо изначально внешне отсутствующую суицидальную активность;
- 3) в редких случаях наблюдалась равнозначная вовлеченность в суицидальную активность, что отмечалось в ситуациях, когда у обоих подростков изначально наблюдались признаки выраженного внутреннего неблагополучия, длительной эмоциональной напряженности.

Непрерывное взаимодействие между участниками суицидального договора в ситуации полного отказа от взаимодействия либо дистанцирования в отношениях с окружающими, а также тщательного сокрытия своих суицидальных замыслов при нарастающей частоте общения с партнером способствовало возникновению (у ведомого партнера) и/или интенсификации внутренних тягостных переживаний и суицидальных установок, что, в свою очередь, препятствовало возможности формирования альтернативной, критичной позиции в отсутствии обсуждения с другими намерений о самоубийстве, внутренних переживаний. При этом попытки рефлексии собственных переживаний и трудностей зачастую могли направляться деструктивным, суицидальным содержанием представлений второго участника по соглашению, что впоследствии интериоризировалось в еще несформированное смысловое поле подростков.

Виртуальное пространство при этом выступало местом сокрытого взаимодействия между участниками смертельного договора, позволяющего подросткам не только свободно общаться вне временных и пространственных рамок, но и заниматься активным планированием совместного ухода из жизни, обмениваться сетевыми материалами с суицидальным содержанием, изучать различные способы совершения суицида, позволявшие выбирать наиболее летальные и безболезненные варианты. Возможности непрерывного взаимодействия способствовали развитию внутреннего неблагополучия у подростков. Также важно отметить, что часть несовершеннолетних (13,64%) были предположительно вовлечены

в «группы смерти», что позволяет отметить другую сторону рисков цифровой активности подростков.

Исследование *мотивационно-смысловой и когнитивной сфер* позволило выделить следующие особенности. Стремление к уходу из жизни зачастую было полимотивированно, усиливалось по мере накопления внутренних переживаний: ощущения непонятности и отвергнутости окружающими («Зачем я всем Вам нужен»; «Ищу любовь... родительскую любовь... хотел, чтобы меня любили таким, какой я есть»; «Надо мной издеваются из-за того, что я не такая как все»); чувства безнадежности и душевной боли («Уходим от боли...»), собственного внутреннего неблагополучия). Были выделены следующие группы мотивов:

- 1) трудности в социальной сфере, межличностной коммуникации: дисгармоничная семья, конфликты, утрата/препятствия в отношениях со значимым близким (другом, романтическим партнером, родителем), социальная дезадаптация, нарушения межличностной коммуникации;
- 2) трудности в построении собственной идентичности;
- 3) переживания экзистенциального плана (утрата/трудности нахождения смысла жизни и ценности собственного существования, а также возведение романтических отношений в высшую ценность жизни, определяющую все существование);
- 4) искаженные, в том числе романтизированные, мотивы, связанные с нереалистичными, некритичными представлениями о суициде: суицид как доказательство любви («вот это истинная любовь... ради него умереть... любовь»; суицид по фантазийным или эзотерическим причинам (например, смерть как способ перехода в другое измерение, «астральный мир»)).

Отдельную группу составляют мотивы, связанные со стремлением разделить последние минуты существования и уйти из жизни совместно с другим человеком. Одним из них выделен *мотив преодоления страха* смерти, связанного с тревогой и естественным антисуицидальным барьером. Так, согласно Межличностной модели суицидального поведения, люди биологически предрасположены к страху перед самоубийством, поскольку суицид неизбежно связан с воздействием стимулов и сигналов, ассоциированных с угрозой выживанию (Joiner, 2005; Van Orden et al., 2010). Таким образом, мысли о самоубийстве естественным образом связаны с переживанием тревоги и страха. Для возникновения способности к планированию и осуществлению суицидальных замыслов необходимо преодоление этого барьера. Возможность совершения суицида совместно с кем-то, по всей видимости, связано со снижением тревоги и повышением способности к совершению самоубийства, что обусловлено следующими факторами:

- 1) возможностью обсуждения с другим лицом своих страхов по поводу суицида и получением эмоциональной поддержки;
- 2) тщательным совместным планированием, обдумыванием рисков, выбором наиболее летального способа;
- 3) нормализацией и подкреплением представлений о суициде как выходе из ситуации;
- 4) снижением страха реализации в одиночестве за счет ощущения поддержки со стороны партнера по суицидальному соглашению. При этом поддержка могла быть как эмоциональной («вместе не так страшно»; «все будет хорошо»), так и практической (например, представление или договоренность о том, что в момент осуществления суицида партнер не даст сомнениям и страху взять верх, в случае чего поможет проявить решимость, «столкнет»).

Вторая группа причин совершения парного самоубийства непосредственно совпадала с личными искаженными, романтизированными мотивами. Таким образом, выявленные выше особенности в форме снижения тревоги перед смертью и усиления негативных переживаний способствовали повышению суицидальной мотивации и готовности к его реализации.

Анализ *поведенческой сферы* выявил трудности, связанные с попыткой отказа от осуществления суицидальных намерений в случаях парных суицидов, что, вероятно, обусловлено трудностями разрыва уже установленных соглашений и планов с другим участником, а также реакцией второго участника суицидального соглашения. Вместе с тем, ввиду недостаточности данных, данный вывод требует дальнейшего исследования и подтверждения.

Таким образом, обобщив результаты проведенного анализа, можно выделить следующие особенности.

1. Сфера межличностных отношений: поверхностные контакты, не имеющие должной эмоциональной окраски, дистанцирование; социальная разобщенность, изолированность, «инкапсуляция» в паре с участником по суицидальному соглашению, признаки социальной дезадаптации.

2. Киберсоциальная сфера: интенсификация переживаний в условиях гиперподключенности, гиперинтенсивного взаимодействия между участниками; осуществление знакомств и обмена контентом с суицидальным содержанием, поиска сведений о способах самоубийства.

3. Поведенческая сфера: тщательное продумывание суицидальных планов, подготовка и их сокрытие от окружающих; трудности отказа от реализации намеченных планов с учетом заключенной договоренности о совместной реализации суицида.

4. Эмоциональная сфера: усиление суицидальных установок и переживаний; снижение тревоги, связанной со страхом смерти и реализации суицида.

5. Мотивационно смысловая и когнитивная сферы:

- рефлексия переживаний и имеющихся проблем, направляемая представлениями партнера; ощущение инвариантности, безальтернативности в решении имеющихся проблем, где суицид начинает рассматриваться как единственный выход;
- усвоение пессимистичных, деструктивных, искаженных представлений об окружающей действительности при несформированности собственной смысловой сферы;
- повышение суицидальной мотивации;
- ориентация на ценности и смыслы сверстников, потребность в интимно-личностном общении при трудностях во взаимодействии с окружающими, страхом одиночества;
- страх смерти в одиночестве.

Обсуждение результатов

В рамках проведенного исследования были описаны клинические и психосоциальные особенности на выборке 22 подростков, совершивших или планировавших совершить парный суицид; описана динамика развития суицидального кризиса. Были выделены основные роли участников суицидального соглашения, отражающие динамику взаимодействия между ними: роль ведущего (доминирующего партнера) и роль ведомого участника. Полученные выводы согласуются с данными литературы, в которой ролевая структура парных самоубийств включает инициатора, занимающего более активную позицию в планировании суицида, и

зависимого партнера, находящегося под его влиянием (Любов, 2022; Marcikic et al., 2011; Nardi et al., 2022).

Отмеченная в зарубежных работах (Marcikic et al., 2011; Nardi et al., 2022) гендерная специфичность (в подавляющем большинстве случаев роль инициатора принадлежала лицам мужского пола, тогда как зависимыми участниками чаще становились девушки) в рамках настоящего исследования не была выявлена. Согласно полученным данным, в роли ведущего партнера могли выступать как девушки-подростки, так и юноши. Этот вывод, вероятно, связан с практически равным распределением случаев заключения суицидальных соглашений между лицами как одного пола, так и разного, тогда как в предыдущих исследованиях на выборках взрослых наблюдалось значительное преобладание разнополых пар (Marcikic et al., 2011). Возможно, это указывает на возрастную специфику формирования пар в рамках суицидальных пактов среди подростков.

Среди участников суицидальных соглашений отмечена высокая распространенность психических расстройств (психические расстройства выявлялись приблизительно в половине случаев) независимо от принадлежавшей им роли (ведомый, ведущий). Наибольшее распространение получила группа невротических расстройств, связанных с выраженной социальной дезадаптацией подростков. В то же время ведущим партнерам были свойственны такие особенности, как эгоцентричность и демонстративность, большая погруженность в мир собственных фантазий и образов, увлеченность мистическими и эзотерическими концепциями. Полученные результаты во многом подтверждают данные зарубежных исследований. Так, в работе британских исследователей было показано, что психические расстройства выявлялись примерно в половине всех случаев парных самоубийств (Brown, King, Barraclough, 1995; Brown, Barraclough, 1999). В исследовании В. Nardi с соавторами было показано, что доминирующие партнеры чаще всего имели недиагностированные психические расстройства либо патологические подпороговые личностные черты, такие как нарциссизм и черты пограничной личности (Nardi, 2022). В то же время среди ведомых участников чаще встречались лица с выраженными зависимыми чертами личности, что не было обнаружено в рамках текущей работы.

Сфера межличностных отношений подростков, заключивших суицидальный пакт, с одной стороны, характеризовалась существенным снижением контактов со сверстниками и другими значимыми взрослыми, а с другой — установлением эмоционально близких отношений с партнером по соглашению. Подобный тип взаимодействия был описан R.E. Hemphill и F.I. Thornley (Hemphill, Thornley, 1969) и назван «инкапсулированным взаимодействием» (encapsulated unity), при котором наблюдается высокая степень социальной изоляции обоих партнеров при тесной эмоциональной связи между ними (Nardi, 2022). Активное взаимодействие между участниками суицидального соглашения при отсутствии возможности обсудить свои переживания и замыслы с другими способствовало усвоению деструктивных установок и смыслов, что, в свою очередь, вело к нарастанию внутреннего неблагополучия и суицидального кризиса.

Также важно отметить, что приблизительно в половине случаев подростки продолжали поддерживать социальные связи с другими, при этом их межличностные контакты отличались поверхностностью и слабой эмоциональной окрашенностью. Можно предположить, что данный аспект является особенностью подростковой популяции, поскольку в исследованиях зрелых лиц — участников парных суицидов социальная сфера характеризовалась изоляцией и дистанцированием от окружающих (Hemphill, Thornley, 1969).

С одной стороны, цифровая среда облегчала социальное взаимодействие между несовершеннолетними и служила платформой для общения и обмена деструктивным контентом между участниками соглашения, обеспечивая возможность свободного общения, не ограниченного временными и пространственными рамками, что было связано с интенсификацией переживаний и внутреннего неблагополучия, а также осуществлением планирования суицида в тайне от других. С другой стороны, деструктивное содержание сетевых ресурсов могло приводить к усвоению искаженных представлений о смерти, либо доступу к сведениям о наиболее безболезненных и летальных способах самоубийства, что снижало страх смерти и было связано с повышением риска реализации суицида (Joiner, 2005), а также к актуализации аутоагрессивного поведения в сложных для подростков ситуациях (Александрова и др., 2014; Савина, Морозова, 2020; Савина, Морозова, 2022).

Заключение

Парные суициды являются редким феноменом, что существенно ограничивает возможности его исследования. При этом высокие показатели сетевой активности подростков и легкий доступ к сетевым материалам с деструктивным содержанием, вероятно, способствует повышению частоты случаев заключения суицидальных пактов и снижению возраста его участников.

Процесс формирования и развития суицидального кризиса в случаях парных суицидов происходит в результате сложного взаимодействия различных биологических, психологических и социальных факторов. При этом ключевое значение приобретают особенности межличностных отношений, развивающихся по двум основным направлениям: взаимоотношения подростка с его ближайшим окружением, характеризующееся снижением качества контактов, либо изоляцией и дезадаптацией; тесное взаимодействие со вторым участником суицидального соглашения. Интернет при этом может способствовать интенсификации общения, опосредованно способствуя нарастанию внутреннего неблагополучия и кризисного состояния.

Результаты исследования позволяют расширить представления о феномене парных суицидов среди подростков. Понимание механизмов формирования и развития парных суицидов имеет профилактическую значимость. Однако необходимо отметить, что полученные выводы требуют дальнейшей проверки и уточнения в последующих работах.

Ограничения. Исследование имеет ограниченный размер выборки. Материалы исследования характеризуются ограниченным объемом данных.

Limitations. The study has a limited sample size. The research materials are characterized by a limited amount of data.

Список источников / References

1. Александрова, Н.В., Денисова, Н.Г., Швидкова, Г.Р., Егорова, О.В., Жиделева, И.А. (2014). Анализ случая парного подросткового суицида. *Тюменский медицинский журнал*, 16(1), 4—5. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22299134> (дата обращения: 15.05.2025). Aleksandrova, N.V., Denisova, N.G., Shvidkova, G.R., Egorova, O.V., Zhideleva, I.A. (2014). Analysis of a case of paired teenage suicide. *Tyumen Medical Journal*, 16(1), 4—5. (In Russ). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22299134> (viewed: 15.05.2025).

2. Любов, Е.Б. (2022). Суицидальный договор в картинах и образах. Часть II: характеристики и экспертиза. *Суицидология*, 13(3), 58—87. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03\(48\)-58-87](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-58-87)
3. Lyubov, E.B. (2022). Suicidal contract in pictures and images. Part II: characteristics and expertise. *Suicidology*, 13(3), 58—87. (In Russ). [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03\(48\)-58-87](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-58-87)
4. Савина, О.Ф., Морозова, М.В. (2020). К проблеме экспертного анализа суицидоопасного состояния у несовершеннолетних В: *Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием* (с. 51—53). М.: МГППУ. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46211830> (дата обращения: 15.05.2025).
Savina, O.F., Morozova M.V. (2020). To the problem of expert analysis of suicidal state in minors. In: *Kochenov Readings "Psychology and Law in modern Russia". Collection of abstracts of participants of the All-Russian Conference on Legal Psychology with international participation* (pp. 51—53). Moscow: MSUPE Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46211830> (viewed: 15.05.2025).
5. Савина, О.Ф., Морозова, М.В. (2022). Проблемные зоны экспертного исследования по факту суицида у несовершеннолетних. *Психология и право*, 12(3), 52—65. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120305>
Savina, O.F., Morozova, M. (2022). Problem Areas of Expert Research on the Fact of Suicide in Minors. *Psychology and Law*, 12(3), 52—65. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120305>
6. Эльконин, Д.Б. (1989). *Избранные психологические труды*. М.: Педагогика.
Elkonin, D. B. (1989). *Selected psychological works*. Moscow: Pedagogy. (In Russ.).
7. Ateriya, N., Saraf, A., Kanchan, T., Meshram, V.P., Shekhawat, R.S., Setia, P. (2019). Filicide-suicide: An unusual variant of dyadic death. *The Medico-Legal Journal*, 87(1), 44—46. <https://doi.org/10.1177/0025817218787392>
8. Brown, M., Barraclough, B. (1997). Epidemiology of suicide pacts in England and Wales 1988—92. *British Medical Journal*, 315(7103), 286—287. <https://doi.org/10.1136/bmj.315.7103.286>
9. Brown, M., Barraclough, B. (1999). Partners in life and in death: the suicide pact in England and Wales 1988—1992. *Psychological Medicine*, 29(6), 1299—1306. <https://doi.org/10.1017/s0033291799001294>
10. Brown, M., King, E., Barraclough, B. (1995). Nine Suicide Pacts a Clinical Study of a Consecutive Series 1974–93. *British Journal of Psychiatry*, 167(4), 448—451. <https://doi.org/10.1192/bjp.167.4.448>
11. Durkee, T., Hadlaczky, G., Westerlund, M., Carli, V. (2011). Internet Pathways in Suicidality: A Review of the Evidence. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 8(10), 3938—3952. <https://doi.org/10.3390/ijerph8103938>
12. Hemphill, R.E., Thornley, F.I. (1969). Suicide pacts. *South African Medical Journal*, 43(44), 1335—1338. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/5351594/> (viewed: 15.05.2025).
13. Jayanth, S.H., Girish Chandra, Y.P., Hugar, B.S., Kainoor, S. (2014). Secondary combined suicide pact. *Journal of Forensic and Legal Medicine*, 23, 76—79. <https://doi.org/10.1016/j.jflm.2014.02.001>
14. Jiang, F.F., Xu, H.L., Liao, H.Y., Zhang, T. (2017). Analysis of Internet Suicide Pacts Reported by the Media in Mainland China. *Crisis*, 38(1), 36—43. <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000402>

15. Joiner, T.E. (2005). *Why people die by suicide*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
16. Lee, S.Y., Kwon, Y. (2018). Twitter as a place where people meet to make suicide pacts. *Public Health*, 159, 21—26. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2018.03.001>
17. Marcikic, M., Vuksic, Z., Dumencic, B., Matuzalem, E., Cacinovic, V. (2011). Double suicide. *The American Journal of Forensic Medicine and Pathology*, 32(3), 200—201. <https://doi.org/10.1097/paf.0b013e31821a553f>
18. Nardi, B., Del Prete, L., Amatori, G., Carpita, B., Carmassi, C., Pompili, M., Dell'Osso, L. (2022). An attempted “suicide pact” in Covid-19 era — psychiatric perspectives. *BMC Psychiatry*, 22, Article 686. <https://doi.org/10.1186/s12888-022-04333-z>
19. Prat, S., Rérolle, C., Saint-Martin, P. (2013). Suicide pacts: six cases and literature review. *Journal of Forensic Sciences*, 58(4), 1092—1098. <https://doi.org/10.1111/1556-4029.12056>
20. Rajagopal, S. (2004). Suicide pacts and the internet. *British Medical Journal*, 329(7478), 1298—1299. <https://doi.org/10.1136/bmj.329.7478.1298>
21. Van Orden, K.A., Witte, T.K., Cukrowicz, K.C., Braithwaite, S.R., Selby, E.A., Joiner, T.E. Jr. (2010). The Interpersonal Theory of Suicide. *Psychological Review*, 117(2), 575—600. <https://doi.org/10.1037/a0018697>
22. Young, D., Rich, C.L., Fowler, R.C. (1984). Double suicides: four modal cases. *The Journal of Clinical Psychiatry*, 45(11), 470—472. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/6490594/> (viewed: 15.05.2025).

Информация об авторах

Александра Алексеевна Кастальская-Бороздина, младший научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3646-9208>, e-mail: aleksandra.kastbor@mail.ru

Information about the authors

Aleksandra A. Kastalskaya-Borozdina, Junior Researcher of the Laboratory for Child and Adolescent Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3646-9208>, e-mail: aleksandra.kastbor@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование рассмотрено на заседании клинической секции Этического комитета Федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (№ протокола 47/6 от 12.05.2025 г.). Учитывая, что научное исследование проводится по

Кастальская-Бороздина А.А. (2025)
Парные суициды в подростковом возрасте
Психология и право, 15(3), 66—77.

Kastalskaya-Borozdina A.A. (2025)
Pair suicides in adolescence
Psychology and Law, 15(3), 66—77.

документации с отсутствием риска для субъектов исследования, принято решение о том, что представленное исследование не нуждается в этической экспертизе.

Ethics statement

The study was reviewed during a meeting of the Clinical Section of the Ethics Committee of the V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation (Protocol No. 47/6 dated 12.05.2025). Given that research involves only the analysis of documentation and poses no risk to the study subjects, it was determined that the study does not require ethical review.

Поступила в редакцию 01.06.2025
Поступила после рецензирования 03.07.2025
Принята к публикации 05.07.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.06.01
Revised 2025.07.03
Accepted 2025.07.05
Published 2025.09.30

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

Сексторция в сети Интернет: реакции несовершеннолетних и их уязвимость

А.С. Медведева^{1, 2}✉

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

² Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ 98765_89@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Вовлечение детей и подростков в сексуализированные интернет-коммуникации стало одной из наиболее значимых для юридической психологии детства проблем. Подобное взаимодействие нередко приводит к тому, что взрослые люди получают доступ к интимным материалам несовершеннолетних, после чего шантажируют их. Данный процесс (сексторция) способен оказать максимально деструктивное воздействие на психику ребенка, в связи с чем требует углубленного изучения.

Цель. Проанализировать динамику сексуализированных коммуникаций детей и подростков со взрослыми интернет-пользователями, выявить и описать особенности реагирования несовершеннолетних на онлайн-шантаж для разработки мер профилактики их вовлечения в процесс сексторции. **Гипотеза.**

В ситуации сексторции дети и подростки проявляют разные реакции на шантаж: кто-то всерьез воспринимает угрозы вымогателей, другие не придают им значения, одни подчиняются и удовлетворяют требования агрессоров, а другие оказывают им сопротивление. **Методы и материалы.** Контент-анализ 18 письменных коммуникаций несовершеннолетних (9 мальчиков и 9 девочек от 9 до 15 лет) с 8 взрослыми онлайн-пользователями, реализующими сексторцию, с использованием методов описательной статистики. **Результаты.** Описана динамика онлайн-взаимодействия взрослых людей и несовершеннолетних, которая включает три этапа: сначала происходит завоевание доверия ребенка, затем посягатель побуждает его к съемке в обнаженном виде, после чего реализует сексторцию. Выделены три разных сценария коммуникации несовершеннолетних в процессе шантажа. **Выводы.** В большинстве случаев дети и подростки мотивированы на сопротивление сексторции и прерывание

контакта с вымогателями, что требует от них серьезных усилий и готовности пойти на риск из-за вероятности «порномести». В ряде случаев несовершеннолетние стремятся сформировать дружеские отношения с вымогателями и, несмотря на шантаж, поддерживать взаимодействие с ними. Предложены меры профилактики вовлечения несовершеннолетних в сексуализированное взаимодействие с интернет-пользователями.

Ключевые слова: вымогательство, интернет, кибергруминг, коммуникация, несовершеннолетние, порноместь, секстинг, сексторция, шантаж

Финансирование. Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы «Разработка комплексных моделей клиничко-психологической диагностики, экспертизы, профилактики, межведомственного взаимодействия при работе с детьми и подростками в контексте преступлений, совершенных в информационной среде и киберпространстве», осуществляемой ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (рег. № НИОКТР 123022000056-7).

Для цитирования: Медведева, А.С. (2025). Сексторция в сети Интернет: реакции несовершеннолетних и их уязвимость. *Психология и право*, 15(3), 78—89. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150306>

Sextortion on the Internet: reactions of minors and their vulnerability

A.S. Medvedeva^{1, 2}✉

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² North-Western Regional Center of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation

✉ 98765_89@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The involvement of children and adolescents in sexual Internet communications has become one of the most significant childhood problems for legal psychology. Such interaction leads to adults gaining access to intimate materials of minors, after which they blackmail them. This process (sextortion) has learned to have the maximum destructive impact on the child's psyche, and therefore requires in-depth study. **Objective.** To analyze the dynamics of sexualized communications between children and adolescents and adult Internet users, to identify and describe the characteristics of minors' response to online blackmail in order to develop measures to prevent their involvement in the process of sextortion. **Hypothesis.** In a situation of sextortion, children and adolescents show different reactions to blackmail: some take the threats of extortionists seriously, others do not attach any importance to them, some submit and satisfy the demands of the aggressors, while others resist them. **Methods and materials.** Content analysis of 18 written communications between minors (9 boys and 9 girls aged 9 to 15) and 8 adult online users engaging in sextortion, using descriptive statistics methods. **Results.** The dynamics of online interaction between adults and minors are described, which

includes three stages: first, the child's trust is gained, then the offender encourages him to take nude photographs, after which he carries out sextortion. Three different scenarios of communication of minors in the process of blackmail are identified.

Conclusions. In most cases, children and adolescents are motivated to resist sextortion and cut off contact with extortionists, which requires serious effort and a willingness to take risks due to the possibility of «revenge porn». In some cases, minors seek to form friendly relations with extortionists, and, despite blackmail, maintain interaction with them. Measures have been proposed to prevent the involvement of minors in sexualized interactions with Internet users.

Keywords: extortion, Internet, cybergrooming, communication, minors, revenge porn, sexting, sextortion, blackmail

Funding. The study was carried out within the framework of the research work “Development of comprehensive models of clinical and psychological diagnostics, examination, prevention, interdepartmental interaction when working with children and adolescents in the context of crimes committed in the information environment and cyberspace”, carried out by the V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation (reg. no. NIOKTR 123022000056-7).

For citation: Medvedeva, A.S. (2025). Sextortion on the Internet: reactions of minors and their vulnerability. *Psychology and Law*, 15(3), 78—89. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150306>

Введение

В цифровую эпоху социальное взаимодействие детей и подростков претерпевает значительные изменения, обуславливая постепенное угасание актуальности ранее принятых законов социализации. Сейчас образ Я, социальный статус и репутация ребенка во многом формируются исходя из специфики опубликованных фото- и видеоизображений, текстовой самопрезентации, количества подписчиков, полученных лайков (дизлайков) и комментариев. При этом чем младше подросток, тем более он зависим от подобных процессов (Солдатов, Войсунский, 2021). Как следствие, онлайн-профили несовершеннолетних чаще всего являются открытыми с целью привлечения внимания большего количества пользователей, при этом увидеть их могут люди с любыми социально-демографическими характеристиками, потребностями и мотивами, в том числе криминальными.

Вступление в онлайн-коммуникацию с ребенком лишено тех преград, которые могли бы возникнуть при необходимости контакта с ним в реальной жизни. Особенности сети Интернет позволяют взаимодействовать дистанционно, сохранять анонимность, скрывать заметные при непосредственном общении признаки, подчеркивать преимущества или присваивать таковые своей виртуальной личности, сокращать спонтанность действий и высказываний. Данные условия стали инструментом в руках посягателей на половую неприкосновенность детей и подростков.

Одной из первых проблем в контексте сексуального злоупотребления в интернете, с которой столкнулось общество, стал кибергруминг — домогательство по отношению к несовершеннолетним в форме онлайн-коммуникации с ними, предполагающее формирование дружеского и доверительного отношения к посягателю и последующую стимуляцию

совершения каких-либо действий и сексуальной активности с применением манипулятивных тактик воздействия (Дозорцева, Медведева, 2019). Дети и подростки, проявляющие доверие к интернет-посягателям, могут быть вовлечены ими в процесс секстинга — пересылку сексуализированных или обнаженных изображений в процессе виртуальной коммуникации (Борисенко, Дозорцева, 2023). В дальнейшем подобные материалы нередко используются для запугивания и шантажа, что получило название «сексторция» (Okprokwasili, 2023).

При сексторции к числу требований вымогателей, как правило, относятся продолжение сексуализированного онлайн-общения, создание и отправка дополнительных изображений (часто в еще более раскрепощенном виде), перечисление денежных средств, оказание секс-услуг, вовлечение других детей в коммуникацию с агрессором (Шалагин, Идиятуллов, 2021; Joleby et al., 2021; Nilsson et al., 2022; O'Malley, Holt, 2022). Ситуации, когда посягатели реализуют свои угрозы, принято называть «порноместью» (в зарубежной литературе используются термины «revenge porn» или «non-consensual pornography»), хотя в числе их мотивов может быть не только стремление отомстить, но также поиздеваться над ребенком, унижить его, пошутить, социально утвердиться или другие (Henry, Flynn, Powell., 2019). Подобный поступок может быть реализован как в результате неповиновения ребенка, так и в случаях, если он удовлетворил требования агрессора.

Случаи сексторции наблюдаются во всех странах, где несовершеннолетние имеют доступ к интернету и могут организовывать свое взаимодействие с другими онлайн-пользователями. Например, в 2023 году в правоохранительные органы США поступило более 7000 сообщений о вымогательстве, в Великобритании с 2020 по 2021 годы их число выросло на 90%, в Канаде — на 300% за последние десять лет (Wang, 2025). В Китае сексторция приобрела особую форму, называемую «Luo Dai»: нуждающиеся в финансовой поддержке девушки предоставляют незаконным кредиторам фотографии, на которых они запечатлены в обнаженном виде с удостоверением личности в руках, получают кредит со ставкой около 30% и, в случае невозможности вовремя его погасить, подвергаются вымогательству (Li, Peng, Xiong, 2021; Wang, 2025). Кроме того, известны случаи, когда вымогатели, используя инструменты искусственного интеллекта, с целью дальнейшего принуждения сами создают сексуализированные изображения или видеозаписи с участием своих жертв; по данным Internet Watch Foundation (IWF), в Великобритании в 2023 году были зарегистрированы 194 подобные ситуации, в 2024 году — 245¹.

Данные относительно половозрастных характеристик детей и подростков, вовлекаемых в процесс сексторции, неоднозначны. Одни авторы сообщают, что девочки чаще страдают от подобных криминальных действий (Gamez-Guadix, Sorrel, Martinez-Bacaicoa, 2023), другие отмечают большую подверженность мальчиков подросткового возраста и их более выраженный страх остракизма перед реализацией обидчиком угрозы распространить в интернете интимные материалы (Patchin, Hinduja, 2020).

Согласно описаниям зарубежных авторов, в ситуации онлайн-шантажа социальный статус, репутация, межличностные отношения, самооценка субъективно воспринимаются детьми и подростками как находящиеся под угрозой разрушения, прежнее доверие к собеседнику оказывается обманутым, от чего возникают чувства вины, стыда, страха, отчаяния, гнева,

¹ Savage, M. AI tools used for child sexual abuse images targeted in Home Office crackdown (2025, февраль 1). *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2025/feb/01/ai-tools-used-for-child-sexual-abuse-images-targeted-in-home-office-crackdown> (дата обращения: 12.06.2025).

ощущение беспомощности, потери достоинства; все это впоследствии может приводить к социальной изоляции, депрессии, тревоге, самоповреждающему поведению, суицидальным мыслям и попыткам (Gamez-Guadix et al., 2022; Nilsson et al., 2022; Wang, 2025). Не отрицая результатов зарубежных исследований психоэмоционального состояния потерпевших, можно предположить, что несовершеннолетние демонстрируют разные реакции на сексторцию: кто-то всерьез воспринимает угрозы вымогателей, другие не придают им значения, одни подчиняются и удовлетворяют требования агрессоров, а другие оказывают им сопротивление.

Материалы и методы

Эмпирический материал исследования составили 18 транскриптов письменных коммуникаций (переписка) между 8 взрослыми интернет-пользователями и 18 несовершеннолетними (9 мальчиков и 9 девочек от 9 до 15 лет, средний возраст — 11,5 лет), реализованных в социальной сети «ВКонтакте» в период с 2014 по 2023 год. Объем переписка варьирует от 102 до 3679 сообщений, длительность — от 1 до 37 дней. В процессе данных коммуникаций в отношении детей и подростков была реализована сексторция, в связи с чем переписки выступают вещественными доказательствами, приобщенными к уголовным делам.

Коммуникации были изучены путем контент-анализа, поскольку подобные тексты являются продуктом человеческой деятельности, содержащим в себе следы влияния разнообразных социальных и психологических факторов. Для верификации результатов контент-анализа был привлечен эксперт-психолог; измерение уровня согласия между автором статьи и экспертом определялось с помощью коэффициента каппа Коэна, среднее значение составило 0,86.

Применялись методы описательной статистики с использованием программ Microsoft Office Excel 2016 и SPSS Statistics версии 23.0.

Результаты

Динамика онлайн-взаимодействия взрослых и несовершеннолетних

В коммуникативном взаимодействии между посягателями и несовершеннолетними выделены три ключевых этапа, обозначенных как «кибергрумминг», «секстинг» и «сексторция».

На первом этапе («кибергрумминг») происходило знакомство интернет-пользователей и начиналось общение между ними, инициаторами чего преимущественно выступали взрослые (77,8%). В некоторых ситуациях первыми писали несовершеннолетние (22,2%): в одном случае девочка вышла на контакт через свою подругу, другие три ребенка сообщили, что встретили собеседника в Сети случайно. Спецификой данного этапа являлся нейтральный (несексуализированный) характер коммуникации и стремление взрослых сперва завоевать доверие своих несовершеннолетних собеседников. Чаще всего они представлялись их сверстниками женского пола, при этом с мальчиками преимущественно изображали влюбленность в них, а с девочками — желание стать близкой подругой. Кроме того, независимо от истинности или ложности используемого образа и пола несовершеннолетнего адресата посягатели нередко мотивировали к общению путем обещания награды (промокоды в онлайн-игре, игрушки). Все дети и подростки проявили готовность к коммуникации, воспринимая собеседников в качестве: потенциального возлюбленного (61,1%), друга (16,7%) или благодетеля (22,2%).

На втором этапе («секстинг») взрослые вводили в разговор сексуальные темы, в частности обсуждение интимных материалов. Первое предложение осуществить съемку в обнаженном виде вызвало у большинства несовершеннолетних отказ (66,7%), и только шесть человек сразу его приняли (33,3%). Готовность отказавшихся детей и подростков к интимной съемке стимулировалась взрослыми при помощи демонстрации обнажения других людей с целью вызвать реакцию подражания или сформировать чувство обязанности прислать материалы в ответ, многократных навязчивых призывов сделать это, заверений в безопасности коммуникации, обещаний наградить за продукцию; нередко посягатели провоцировали у несовершеннолетних чувство вины, изображая страдания из-за их невнимательности, отсутствия увлеченности беседой или нежелания присылать изображения. В целом, побуждение несовершеннолетних изготовить и прислать интимные материалы длилось от 1 до 8 дней (в среднем $2,6 \pm 2,3$) в зависимости от их устойчивости и количества изображений, которые хотели получить посягатели. В результате все дети и подростки прислали интимные материалы вследствие доверия, привязанности к посягателям, отсутствия ожидания наступления негативных последствий, интереса к теме сексуальных взаимоотношений.

На третьем этапе («сексторция») посягатели начинали шантажировать несовершеннолетних, требуя от них дополнительные материалы интимного характера (94,5%) или встречу в реальном мире с предоставлением ребенком возможности совершить с ним сексуальные действия (5,5%). Причинами перехода от секстинга к сексторции являлись растущие «аппетиты» агрессоров, их восприятие коммуникативной активности детей и подростков как недостаточной и желание удержать контакт с ними. Длительность сексторции составила от 1 до 31 дня (в среднем $6,7 \pm 9,2$). В качестве угрозы взрослые демонстрировали намерение отправить ранее полученные интимные материалы социально значимым людям (родителям, родственникам, учителям, одноклассникам, друзьям) или опубликовать их в Сети. В зарубежной литературе описаны и другие способы вызвать у ребенка чувство страха при сексторции, например угроза убить его в случае неповиновения (Tarja, 2023). В некоторых ситуациях вымогательство сопровождалось описанием будущих негативных последствий реализации угрозы. Например, один из посягателей подробно рассказал девочке о том, как родители откажутся от нее и отдадут в интернат, если узнают о специфике ее онлайн-поведения.

Угроза посягателей распространить полученные от несовершеннолетних интимные материалы («порномест») была реализована только в одном случае, — взрослый отправил сексуализированные изображения девочки некоторым из ее одноклассников. Характерно, что после этого шантаж продолжился, агрессор угрожал расширить число адресатов изображений. Таким образом, процесс сексторции может длиться настолько долго, насколько это необходимо вымогателю, а удовлетворение его требований не является гарантом прекращения криминального воздействия.

Сценарии коммуникации несовершеннолетних при сексторции

Основанием для выделения трех сценариев стали реакции детей и подростков в ситуации шантажа, свидетельствующие об их устойчивости или уязвимости.

Первый сценарий наблюдался у двух мальчиков и трех девочек в возрасте от 10 до 15 лет (27,7%). При столкновении с сексторцией они сосредоточились на оказании сопротивления вымогателям. В частности, несовершеннолетние стремились определить потенциальную реализуемость угроз, сделать их несостоятельными, умоляли не распространять интимные изображения, провоцировали у собеседников чувство жалости к себе, проявляли негативное

отношение, угрожали привлечь защитников, пытались определить мотивы вымогателей и вразумить их. Сопротивление длилось от 1 до 7 дней, после чего несовершеннолетние успешно пресекали общение, так и не удовлетворив требований агрессоров. Подобная борьба свидетельствует об осознанном анализе проблемы, восприятии стрессовой ситуации как подконтрольной и требует от ребенка серьезных когнитивных, эмоциональных усилий, смелости и готовности пойти на риск из-за потенциальной реализуемости угроз вымогателей.

Второй сценарий был выражен в коммуникации двух мальчиков и трех девочек в возрасте от 10 до 13 лет (27,7%). В ситуации онлайн-шантажа несовершеннолетние предпринимали попытки противостоять агрессии путем указания на недозволённость происходящего, отсрочивания реализации требуемых действий, сообщений об отсутствии технической возможности изготовить сексуализированные материалы, отказа от предыдущих договорённостей, мольбы и угроз. Несмотря на сопротивление, выраженный страх детей и подростков перед реализацией собеседниками угроз привел к подчинению и отправке сексуализированных изображений.

Третий сценарий присутствовал у пяти мальчиков и трех девочек от 9 до 12 лет (44,6%). Несовершеннолетние были ориентированы на продолжение коммуникации с посягателями без конфликтной составляющей (как было до сексторции). Мотивация сохранения контакта у детей была различной. Два человека хотели получить ранее обещанную награду за взаимодействие, в связи с чем, проигнорировав факт шантажа, активно предоставляли сексуализированные изображения. Один мальчик был убежден в том, что имеет компромат на вымогателя в виде его ранее присланных интимных изображений, поэтому в ситуации сексторции он не испытывал какого-либо беспокойства, просил прислать ему видеозапись обнаженной девочки и инициировал процесс секстинга на следующий день. Другие несовершеннолетние были заинтересованы в наличии близких отношений с агрессорами; несмотря на понимание того, что по отношению к ним осуществляется шантаж, они его прощали, предлагали вымогателям дружбу, по собственной инициативе продолжали общение и присылали свои сексуализированные материалы. Вероятно, их мотивация поддержания взаимодействия с вымогателями могла быть связана с имеющимися внутриличностными проблемами, чувством одиночества и стремлением обрести близкого друга, сексуальным или материальным интересом. Понимание дружбы у детей и подростков может быть искаженным в силу подмены ее подлинной сущности поверхностными отношениями, где вместо доверия, уважения, поддержки и общих ценностей присутствуют выгода, иллюзия близости, чрезмерная зависимость или идеализация.

Обсуждение результатов

Информированность людей о коммуникационных интернет-рисках постепенно увеличивается благодаря активной научной и просветительской работе специалистов. Однако проведение эмпирического исследования кибергрумнга, секстинга и сексторции чаще всего затруднительно ввиду недоступности онлайн-переписок посягателей с пострадавшими детьми (их скрывают, удаляют сами пользователи или относят к вещественным доказательствам по уголовным делам). При этом сексторция, относящаяся к числу основных проявлений сексуальных преступлений в Сети, наименьшим образом изучена. Тем не менее можно реализовать определенное соотнесение полученных в рамках настоящего исследования результатов с данными других авторов.

Процесс сексторции реализуется вымогателем после получения «компромата» на ребенка и обмана его доверия, которое было сформировано на начальных этапах взаимодействия (Okpokwasili, 2023). В проанализированных нами случаях посягатели также стремились сперва завоевать доверие детей и подростков, демонстрируя влюбленность, дружеское расположение или используя подкуп. Аналогичные сведения сообщают специалисты из университета города Бат (Великобритания). Описывая указанные приемы воздействия, они отмечают, что ощущение ребенком связи с посягателем, романтическое отношение к нему усиливают вероятность будущего подчинения без какого-либо принуждения (Thomas et al., 2023). Таким образом, общая модель сексторции, обнаруженная в ходе настоящего исследования, совпадает с той, которая выявляется зарубежными авторами.

В результате проведенного исследования установлено, что все мальчики и девочки доверяли посягателям, воспринимая их как возлюбленного, близкого друга или благодетеля, способного наградить за взаимодействие. Данное отношение, интерес к беседе, отсутствие ожидания наступления негативных последствий, усугубляемые манипуляциями взрослых, привели к отправке интимных материалов. Аналогичная направленность коммуникации несовершеннолетних с посягателями в ситуации секстинга была описана специалистами в области юридической психологии детства (Борисенко, Дозорцева, 2023).

Согласно полученным данным, при столкновении с шантажом только пять человек оказали сопротивление вымогателям и пресекли общение, так и не удовлетворив их требования. Вопрос целесообразности прерывания контакта с вымогателями в литературе рассматривается по-разному. Так, описан случай, когда одному мальчику, обратившемуся в полицию по факту сексторции, было рекомендовано игнорировать шантаж, что в дальнейшем привело к «порноместии» и самоубийству несовершеннолетнего (Nilsson et al., 2022). Вместе с тем в ситуациях, когда дети и подростки принимают решение продолжить взаимодействие с агрессором, велика вероятность того, что в определенный момент времени они все-таки подчинятся его требованиям. Хотя некоторые авторы рекомендуют продолжать коммуникацию с посягателем для того, чтобы получить как можно больше информации о нем и тем самым в будущем оказать помощь полиции (Ponna, 2020), длительное пребывание ребенка в подобных условиях может усилить вероятность наступления негативных последствий.

Заключение

В период активного использования интернета и выраженного интереса к онлайн-коммуникации с другими людьми дети и подростки уязвимы для сексуального домогательства со стороны взрослых пользователей. Несовершеннолетние могут быть вовлечены в недозволенное общение, а также сами инициировать его, не отдавая себе отчет в том, что первоначальное дружелюбие собеседника может превратиться в агрессию. Так, личные материалы, которые нередко направляются незнакомым людям в период доверия и интереса к ним, в будущем могут стать инструментом шантажа.

Анализ коммуникации детей и подростков в ситуации подобного вымогательства позволил описать три сценария. Первые два включают активные попытки преодолеть негативное воздействие при помощи самых разных способов (проверка осуществимости угрозы, убеждение агрессора в недозволенности происходящего и др.), но отличаются результативностью данной борьбы: не все дети способны проявить психологическую устойчивость, справиться со своим страхом и пресечь шантаж, не удовлетворив требования

агрессоров. Существует и третий сценарий, при котором несовершеннолетние в принципе не желают прекращать общение с вымогателями и стараются возобновить его позитивную направленность, что, вероятно, связано с наличием внутриличностных проблем, дефицитом позитивных эмоциональных связей, романтическим, сексуальным или материальным интересом.

Рассматривая гендерную специфику реагирования несовершеннолетних на сексторцию, следует обратить внимание на большую приверженность мальчиков третьему сценарию. Они в меньшей степени оказывали сопротивление, чем девочки. Можно предположить, что потерпевшие мужского пола не так хорошо информированы о сексуализированных интернет-рисках (профилактика скорее рассчитана на девочек), либо тот факт, что агрессор притворяется лицом противоположного пола, не позволяет мальчикам проявить перед ними свой страх и тревогу.

Дальнейшее изучение феномена сексторции требует анализа большего числа интернет-коммуникаций детей и подростков с вымогателями и может быть направлено на выявление особенностей мотивации взаимодействия и психологической резильентности несовершеннолетних.

Полученная информация о специфике коммуникации детей и подростков позволяет сформулировать следующие рекомендации относительно профилактики их вовлечения в сексуализированное взаимодействие с интернет-пользователями.

Прежде всего, нужно советовать детям и подросткам с осторожностью принимать запросы на дружбу от незнакомых людей в интернете; рассказывать о существовании киберпреступности и о тактиках воздействия посягателей; формировать понимание того, что коммуникации онлайн и офлайн неравносильны. Следует поощрять скептическое отношение к поступающим просьбам изготовить и прислать интимные материалы, объяснять детям, что отправка личных изображений в обмен на обещанную награду или для удовлетворения «дружеской» просьбы является недопустимой. Важно контролировать психоэмоциональное состояние несовершеннолетних, их успеваемость в школе, наблюдать за качеством взаимоотношений со взрослыми и сверстниками с целью недопущения формирования серьезных межличностных и внутриличностных проблем, связанных с дефицитом общения в офлайне, недостаточностью позитивных эмоциональных связей с реальными людьми и сниженной самооценкой. Целесообразно развивать у детей и подростков способность рассказывать близким людям о вовлечении в процесс кибергруппинга, секстинга и сексторции, сообщать о любых подозрительных или некомфортных ситуациях в интернете. Следует научить, как блокировать онлайн-собеседников, которые ведут себя неподобающим образом. В ситуации «порномести» положительный эффект окажет принятие и поддержка представителей того сообщества, в котором были распространены сексуализированные изображения несовершеннолетнего — близкие друзья, одноклассники, учителя, родные. Родителям, в частности, важно поддерживать оптимальный уровень контроля за интернет-активностью своих детей, не вторгаясь в их личную жизнь.

Ограничения. Проведенное исследование ограничено анализом всего 18 интернет-коммуникаций, в связи с чем результаты не могут претендовать на широкие обобщения. Небольшое количество связано с тем, что подобные переписки существуют в рамках уголовных дел, носят закрытый характер и практически не становятся материалом исследований. При этом решение автора изучить имеющийся в его распоряжении небольшой объем информации связано с несомненной важностью и актуальностью затронутой

проблематики. Наиболее полная картина психического состояния несовершеннолетних потерпевших может быть получена только путем очного психологического обследования, включающего деликатное обсуждение интернет-переписки с посягателем и учет иных сведений о ребенке.

Limitations. The conducted research is limited to the analysis of only 18 Internet communications, and therefore the results cannot claim to be broad generalizations. A small number are due to the fact that such correspondence exists within the framework of criminal cases, is of a closed nature and practically does not become research material. At the same time, the author's decision to study the small volume at his disposal is due to the undoubted importance and relevance of the issues raised. The most complete picture of the mental state of minor victims can be obtained only through face-to-face psychological examination, which includes a sensitive discussion of online correspondence with the assailant and taking into account other information about the child.

Список источников / References

1. Борисенко, Е.В., Дозорцева, Е.Г. (2023). Мотивационно-смысловые характеристики участия в секстинге несовершеннолетних девочек. *Психология и право*, 13(3), 3—15. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130301>
Borisenko, E.V., Dozortseva, E.G. (2023). Motivation and Subjective Meaning of Participation in Sexting in Minor Girls. *Psychology and Law*, 13(3), 3—15. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130301>
2. Дозорцева, Е.Г., Медведева, А.С. (2019). Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования. *Психология и право*, 9(2), 250—263. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090217>
Dozortseva, E.G., Medvedeva, A.S. (2019). Sexual Online Grooming as an Object of Psychological Research. *Psychology and Law*, 9(2), 250—263. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090217>
3. Солдатова, Г.У., Войскунский, А.Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 431—450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
Soldatova, G.U., Voiskounsky, A.E. (2021). Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 18(3), 431—450. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
4. Шалагин, А.Е., Идиятуллов, А.Д. (2021). Трансформация преступности в XXI веке: особенности предупреждения и противодействия. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 12(2), 227—235. <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.95.12.016>
Shalagin, A.E., Idiyatullo, A.D. (2021). Transformation of Crime in the XXI Century: Features of Prevention and Counteraction. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 12(2), 227—235. (In Russ.). <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.95.12.016>
5. Gamez-Guadix, M., Mateos-Perez, E., Wachs, S., Wright, M., Martinez, J., Incera, D. (2022). Assessing image-based sexual abuse: Measurement, prevalence, and temporal stability of sextortion and nonconsensual sexting (“revenge porn”) among adolescents. *Journal of Adolescence*, 94(5), 789—800. <https://doi.org/10.1002/jad.12064>

6. Gamez-Guadix, M., Sorrel, M.A., Martinez-Bacaicoa, J. (2023). Technology-Facilitated Sexual Violence Perpetration and Victimization Among Adolescents: A Network Analysis. *Sexuality Research and Social Policy*, 20, 1000—1012. <https://doi.org/10.1007/s13178-022-00775-y>
7. Henry, N., Flynn, A., Powell, A. (2019). *Responding to “revenge pornography”: Prevalence, nature and impacts*. Australian Institute of Criminology. URL: https://www.aic.gov.au/sites/default/files/2020-05/CRG_08_15-16-FinalReport.pdf (viewed: 16.06.2025).
8. Joleby, M., Lunde, C., Landstrom, S., Jonsson, L.S. (2021). Offender strategies for engaging children in online sexual activity. *Child Abuse & Neglect*, 120, 105—214. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2021.105214>
9. Li, D., Peng, Z., Xiong, K. (2021). Usury crimes in post-crisis China: The underlying economics and beyond. *Journal of Economic Issues*, 55(4), 1023—1033. <https://doi.org/10.1080/00213624.2021.1988628>
10. Nilsson, M.G., Tzani-Pepelasis, C., Ioannou, M., Lester, D. (2022). Understanding the link between Sextortion and Suicide. *International Journal of Cyber Criminology*, 13(1), 55—69. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3402357>
11. Okpokwasili, O. (2023). Online Predators: Protecting Teenagers from Internet Sexual Exploitation. *International Journal of Modern Science and Research Technology*, 1(4), 41—51.
12. O'Malley, R.L., Holt, K.M. (2022). Cyber sextortion: An exploratory analysis of different perpetrators engaging in a similar crime. *Journal of Interpersonal Violence*, 37(1-2), 258—283. <https://doi.org/10.1177/0886260520909186>
13. Patchin, J.W., Hinduja, S. (2020). Sextortion among adolescents: Results from a national survey of U.S. youth. *Sexual Abuse*, 32(1), 30—54. <https://doi.org/10.1177/1079063218800469>
14. Ponna, S. (2020). Online sexual blackmail sextortion. *ResearchGate*. URL: https://www.researchgate.net/publication/347454254_Online_sexual_blackmail_sextortion (viewed: 13.05.2025).
15. Tapia, J. (2023). Cibercrimen en Republica Dominicana Sexting Sextortion Stalking and Groomming. *ResearchGate*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.32032.25603>
16. Thomas, K., Hamilton-Giachritsis, C., Branigan, P., Hanson, E. (2023). Offenders' approaches to overcoming victim resistance in technology-assisted child sexual abuse. *Child Abuse & Neglect*, 141, 106—143. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2023.106143>
17. Wang, F. (2025). Breaking the silence: Examining process of cyber sextortion and victims' coping strategies. *International Review of Victimology*, 31(1), 91—116. <https://doi.org/10.1177/02697580241234331>

Информация об авторах

Анна Сергеевна Медведева, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), Москва, Российская Федерация; ведущий государственный судебный эксперт, Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации (ФБУ СЗРЦСЭ Минюста России), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Медведева А.С. (2025)
Сексторция в сети Интернет: реакции
несовершеннолетних и их уязвимость
Психология и право, 15(3), 78—89.

Medvedeva A.S. (2025)
Sextortion on the Internet: reactions
of minors and their vulnerability
Psychology and Law, 15(3), 78—89.

Information about the authors

Anna S. Medvedeva, Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher of the Laboratory for Child and Adolescent Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Lead Forensic Expert, North-Western Regional Center of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

При проведении исследования автором использовались только документы в обезличенном виде, что не требует рассмотрения и решения этического комитета.

Ethics statement

When conducting the study, the author used only documents in anonymized form, which does not require review and decision by an ethics committee.

Поступила в редакцию 29.05.2025
Поступила после рецензирования 08.08.2025
Принята к публикации 08.08.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.05.29
Revised 2025.08.08
Accepted 2025.08.08
Published 2025.09.30

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА |
LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

**Adolescents' self-efficacy in preventing
substance addiction and associated factors**

V. Kaplan¹✉, N. Kapağan²

¹ Harran University, Şanlıurfa, Turkey

² Abdurrahman Şimşek Vocational High School, Şanlıurfa, Turkey

✉ vyslkpln@hotmail.com

Abstract

Context and relevance. Substance addiction is a serious public health problem that can generally occur during adolescence. Since this problem will lead to many more complex problems, it is very important to determine what protective factors adolescents can have in this regard. **Objective.** This descriptive study aimed to assess adolescents' self-efficacy in preventing substance addiction and to identify the associated influencing factors. **Hypothesis.** There is a positive relationship between adolescents' self-efficacy levels for protecting themselves from substance addiction and their addiction protection behaviors. **Methods.** The research was conducted between September and December 2024 in a high school setting. The sample comprised 448 students who voluntarily participated in the study. Data were collected using a personal information form and the Self-Efficacy Scale for Substance Addiction Protection. Descriptive statistics, independent samples t-tests, and ANOVA were used to analyze the data. **Results:** The mean age of participants was 15.49 ± 1.16 years. Of the participants, 46.4% were female, 30.8% were in the 10th grade, and 64% lived in nuclear families. The mean total score on the self-efficacy scale was 101.83 ± 14.82 . Self-efficacy levels were found to be higher among female students, 12th graders, those whose fathers were retired, and those reporting positive family relationships, better parental relationships, and higher income levels. **Conclusion:** The findings indicate that family dynamics, social relationships, and adolescents' self-perception significantly influence self-efficacy in preventing substance use. Programs aimed at enhancing adolescents' development in these domains may contribute to the prevention of substance addiction.

Keywords: adolescence, self-efficacy, substance addiction, prevention, related factors

Acknowledgements. The authors are grateful for all the students who were volunteer for the research.

Каплан В., Капаган Н. (2025)
Самозффективность подростков в профилактике
наркотической зависимости и сопутствующих факторов
Психология и право, 15(3), 90—106.

Kaplan V., Kapağan N. (2025)
Adolescents' self-efficacy in preventing
substance addiction and associated factors
Psychology and Law, 15(3), 90—106.

For citation: Kaplan, V., Kapağan, N. (2025). Adolescents' self-efficacy in preventing substance addiction and associated factors. *Psychology and Law*, 15(3), 90—106. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150307>

Самозффективность подростков в профилактике наркотической зависимости и сопутствующих факторов

В. Каплан¹✉, Н. Капаган²

¹ Университет Харрана, Шанлыурфа, Турция

² Профессиональная средняя школа Абдурахмана Шимшека, Шанлыурфа, Турция

✉ vyslkpln@hotmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Наркомания является серьезной проблемой общественного здравоохранения, которая обычно может возникнуть в подростковом возрасте. Поскольку эта проблема приведет к множеству более сложных проблем, очень важно определить, какие защитные факторы могут быть у подростков в этом отношении. **Цель.** Это описательное исследование направлено на оценку самозффективности подростков в профилактике наркотической зависимости и выявление сопутствующих факторов влияния. **Гипотеза.** Существует положительная связь между уровнем самозффективности подростков в плане защиты от наркотической зависимости и их поведением по защите от наркозависимости. **Методы.** Исследование проводилось в период с сентября по декабрь 2024 года в условиях средней школы. В выборку вошли 448 учащихся, которые добровольно приняли участие в исследовании. Данные собирались с использованием формы личной информации и шкалы самозффективности для защиты от наркотической зависимости. Для анализа данных использовались описательная статистика, независимые выборочные t-тесты и ANOVA. **Результаты.** Средний возраст участников составил $15,49 \pm 1,16$ года. Из участников 46,4% — женщины, 30,8% учились в 10-м классе, а 64% жили в нуклеарных семьях. Средний общий балл по шкале самозффективности составил $101,83 \pm 14,82$. Было обнаружено, что уровень самозффективности был выше среди учащихся женского пола, учащихся 12-го класса, тех, чьи отцы были на пенсии, и тех, кто сообщил о позитивных семейных отношениях, лучших родительских отношениях и более высоком уровне дохода. **Заключение.** Результаты показывают, что динамика семьи, социальные отношения и самовосприятие подростков существенно влияют на самозффективность в профилактике употребления психоактивных веществ. Программы, направленные на улучшение развития подростков в этих областях, могут способствовать профилактике наркотической зависимости.

Ключевые слова: подростковый возраст, самозффективность, наркотическая зависимость, профилактика, сопутствующие факторы

Благодарности. Авторы благодарны всем студентам, которые добровольно согласились принять участие в исследовании.

Каплан В., Капаган Н. (2025)
Самоеффективность подростков в профилактике
наркотической зависимости и сопутствующих факторов
Психология и право, 15(3), 90—106.

Kaplan V., Kapağan N. (2025)
Adolescents' self-efficacy in preventing
substance addiction and associated factors
Psychology and Law, 15(3), 90—106.

Для цитирования: Каплан, В., Капаган, Н. (2025). Самоеффективность подростков в профилактике наркотической зависимости и сопутствующих факторов. *Психология и право*, 15(3), 90—106. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150307>

Introduction

Adolescence is an important transition/development period in an individual's life (Yüzbaşı, Yılmaz, 2022). According to the World Health Organization (WHO), it is a period between the ages of 10—19¹. During adolescence, the individual experiences biological, cognitive, spiritual and social development and changes (Kaynak, Irgit, Çakmak, 2022).

With the biological changes experienced during this period, the adolescent's body gains an adult body appearance with muscle increase, growth in the genitals and hair growth (Papadimitriou et al., 2010; Soliman et al., 2014). In addition, estrogen increases in girls to reach reproductive maturity and maturing eggs initiate the menstrual cycle. In men, testosterone hormone increases and sperm production occurs with the maturation of the erectile glands (Robeva, Kumanov, 2016; Blakemore 2019; Yoon et al., 2022).

According to Piaget, this period is the stage of abstract operations. With cognitive maturation in adolescents, individuals move from concrete thought to abstract thought. As a result, individuals gain the ability to think hypothetically, self-organize and evaluate (Kaplan, Sadock, 1989; Kaufman, Lichtenberger, 2005; Piaget, 1937). While solving their problems, they can judge the society by developing new thoughts, values and some beliefs with a broader perspective (Senemoğlu, 2010; Gander, Gardiner, 2015).

Adolescents are in a state of intense enthusiasm and novelty as a result of spiritual changes. They often go through a challenging process in their feelings, thoughts, decisions and relationships with the environment (Yıldız, 2021). The fact that individuals get sufficient satisfaction from this process and are in a cheerful mood helps individuals to develop healthier solutions to the problems they face (Biswar-Diener, 2006; Park, Peterson, 2008).

During this period, adolescents try to discover their own identity and self and acquire some social skills. In addition, they have started to get closer to the opposite sex and their plans and curiosity about professional skills have increased (Erikson, 1993; Yıldız, 2021). If individuals have undergone a healthy identity development, they can better gain their roles in transition to adulthood and develop stronger social relationships (Yüzbaşı, Yılmaz, 2022). Adolescents experience their first socialization processes in the family environment (Koç, 2004). The family provides a place for the individual in the society and prepares the adolescent for the culture and adulthood (Razon, 2003; Yavuzer, 2005). In the following processes, socialization that starts with the family expands further with the environment of friends and school (Koç, 2004).

Although adolescence is a healthy period in an individual's life, it also contains some risks (Yalçın, Koyuncu, Avşaroğlu, 2022). During adolescence, individuals may experience outbursts of anger, crisis, conflict with the family, confusion within themselves, embarrassment, isolation from society and some negative emotions (Ögel, 2010; Peterson et al., 2003; Raposo, Francisco, 2022) and physical and mental changes may cause the individual to experience difficulties and disrupt social interaction. Adolescents who have not yet reached social and psychological crisis skills may exhibit risky behaviors as a coping method (Jessor, 1992; Senemoğlu, 2010; Şimşek, Çöplü, 2018).

¹ *Adolescent health*. (2024). World Health Organization. URL: <https://www.who.int/health-topics/adolescent-health> (viewed: 15.05.2024).

Substance addiction can be behaviors that they frequently exhibit in dangerous situations (Yalçın, Koyuncu, Avşaroğlu, 2022). Addiction refers to any strong desire, passion or quest (Rosenthal, Faris, 2019). According to Snoek, addicted individuals are myopic and see the substance as a short-term relief or reward to get away from problems (Snoek, 2023). The substance reduces the pain of the individual, gives them a short-term pleasure and distracts them from negative emotions. With this short-term relief, it can lead to loss of self-control in the long term, loss of many skills, unhealthy state, deterioration in social relations and dangerous behaviors (Özcan, Gürhan, 2016). Addiction now becomes a chronic disease in the life of the individual and leaves a destructive effect that becomes a routine (Snoek, 2023). It is known that the most commonly used substance is cannabis and the average age of cannabis use is 17 years².

According to some studies, it has been determined that adolescents encounter risk factors does not mean that they will show a risky behavior (Balık-Okutan, 2017). The formation of addiction can be prevented by identifying the strong dynamics that keep the individual away from the addictive substance (Witkiewitz, Tucker, 2024). In our research, it was aimed to find some dynamics that make adolescents strong in protecting adolescents from substance addiction. Looking at the literature, the presence of high self-efficacy is a situation that makes the individual strong. Self-efficacy is the belief that an individual has the ability to implement the behaviors required to achieve a desired state (Kadden, Litt, 2011). It is thought that positive family environment and family relationships, friendship environment and school environment (Yıldız, 2021) are effective at the beginning of some of the social environments where the individual spends the most time to protect from substance addiction (Rowe, 2012; Wells et al., 2013). While individuals with a positive environment have a healthier adolescence period, the negative family environment negatively affects the development of the adolescent against risky situations (Yıldız, 2021). In addition, it has been determined that the financial opportunities of the adolescent, his/her positive view of himself/herself and course success are strong dynamics that protect the individual from substance addiction by supporting self-efficacy (Kirk, Schutte, Hine, 2008; Toraman et al., 2023).

In line with this purpose, the following questions were sought to be answered in the study:

- What is the self-efficacy of adolescents towards protection from substance addiction?
- What are the factors associated with adolescents' self-efficacy to protect substance addiction?

Materials and methods

Purpose and Method of the Study

The present study was conducted as a descriptive study to determine adolescents' self-efficacy and related factors for protection from substance addiction.

Sample and Inclusion Criteria

The sample of this study consists of a total of 450 students in a high school. The participants were between the ages of 14-18 and were enrolled in the 9th, 10th, 11th, and 12th grades of the high school. Inclusion criteria:

- Being a high school student
- Being between 14 and 18 years of age
- Not having received any prior training on the research topic

² Turkey, Country Drug Report 2019. (2019). The European Union Drugs Agency (EUDA). URL: https://www.euda.europa.eu/publications/country-drug-reports/2019/turkey_en (viewed: 15.05.2024).

Data Collection

The study's data were collected between September 2024 and December 2024 in a high school located in a city in Turkey. Datas were collected by using face-to-face method. The study was started by first informing potential participants about the purpose and process of the research. Then, individual questionnaires were filled out with participants who agreed to participate in the study. It took approximately 10 minutes for each participant to fill out the questionnaires.

Data Collection Tools

Personal identification form and Self-Efficacy Scale for Substance Addiction Protection were used in the study.

Personal information form: The individual identification form was developed by the researcher. There are 14 questions in the form. The questions are about socio-demographic characteristics such as age, gender, class, family type, and subjective evaluations such as self-identification, relationship between parents, relationship with mother and father, course success, and relationship with friends (Teze, Ayhan, 2023; Uzun, Kelleci, 2018).

The Self-Efficacy for Adolescents Protecting Substance Addiction Scale [SEAPSAS]: The scale created by Eker, Akkuş & Kapisız can be applied to high school students in adolescence (Eker, Akkuş, Kapisız, 2013). A five-point Likert scale is used for scoring the scale. The responses to the items are evaluated as '1-I am not sure at all', '2-I am very little sure', '3-I am moderately sure', '4-I am quite sure', '5-I am extremely sure'. While 23 items in the scale are scored positively, the scoring in the control question is '5-I am not sure at all', '1-I am extremely sure'. The minimum score that can be obtained from the scale is 23 and the maximum score is 115. A high total scale score can be interpreted as indicating a high self-efficacy in protecting substance addiction. The scale consists of 4 sub-dimensions. Dimension A, abstinence from drugs/stimulants, has 12 items. Dimension B, abstaining from drugs/stimulants under pressure, has 4 items. Dimension C, seeking help about drugs/stimulants has 4 items. Dimension D, supporting a friend about drugs/stimulants consists of 3 items and the Control question: It is an item that can provide information about self-efficacy even alone. The total Cronbach's alpha value of the scale was found to be 0.81. In this study, the total Cronbach's alpha value of the scale was 0.89.

Data analysis

The suitability of the data for normal distribution was analyzed. Descriptive statistics such as number, percentage, mean values, T test and Anova tests in independent groups were used.

Ethical Principles of Research

This study was approved by a university Social Sciences Ethics Committee (session numbered E-76244175-050.04-392981 and decision numbered 2024/266). The participants were first given information about this study aims and details, and then their verbal and written consent were obtained. Participation was entirely on a voluntary basis. Participants were also informed that they could contact the research team at any time for questions or to discuss the study.

Results

The descriptive characteristics of the 448 students who participated in the study are given in Table 1. The average age of the students was $15,49 \pm 1,16$ years. It was determined that 53,6% of the students were male, 31,9% were 9th grade students and 64,1% had a nuclear family structure. It was determined that 42,4% of the students' mothers were primary school graduates, 38,6% of the students' fathers were secondary school graduates, 98,4% of the students' mothers were housewives and 34,4%

of the students' fathers were farmers. It was determined that 61,6% of the student's family had a medium income level, 79,7% of children evaluate their parents' relationship is good and 74,1% had a good relationship with their parents. It was determined that 61,2% of the students had moderate course success, 67,9% had good relationships with friends and 74,8% had a positive self-identification.

Table 1

Descriptive Characteristics of Secondary School Students Participating in the Study

Descriptive Characteristics	Mean	Min-Max
Age	15,49 ± 1,16	14—18
	Number (n)	Percentage (%)
Gender		
Female	208	46,4
Male	240	53,6
Classroom		
9th grade	143	31,9
10th grade	138	30,8
11th grade	122	27,2
12th grade	45	10
Family type		
Extended (nuclear family with grandparents)	97	21,7
Nuclear	287	64,1
Crowded (more than one nuclear family)	64	14,3
Mother's education level		
Illiterate	171	38,2
Primary School	190	42,4
Middle School	74	16,5
High School	13	2,9
Father's education level		
Illiterate	14	3,1
Primary School	141	31,5
Middle School	173	38,6
High School	105	23,4
University	15	3,3
Mother occupation		
Housewife	441	98,4
Worker	7	1,6
Father occupation		
Farmer	154	34,4
Worker	91	20,3

Каплан В., Капаган Н. (2025)
 Самоэффективность подростков в профилактике
 наркотической зависимости и сопутствующих факторов
Психология и право, 15(3), 90—106.

Kaplan V., Kapağan N. (2025)
 Adolescents' self-efficacy in preventing
 substance addiction and associated factors
Psychology and Law, 15(3), 90—106.

Unemployed	31	6,9
Self-employment	146	32,6
Officer	16	3,6
Retired	10	2,2
Perception of income level		
Bad	108	24,1
Middle	276	61,6
Good	64	14,3
Evaluating the relationship between mother and father		
Bad	13	2,9
Middle	78	17,4
Good	357	79,7
Evaluating his/her relationship with parents		
Bad	23	5,1
Middle	93	20,8
Good.	332	74,1
Course success		
Bad	17	3,8
Middle	274	61,2
Good	157	35
Evaluation of Friend relationship		
Bad	20	4,5
Middle	124	27,7
Good	304	67,9
Self-identification		
Positive	335	74,8
Negative	113	25,2
Total	448	100

The total scores of the adolescents who participated in the study are shown in Table 2. The SEAPSAS mean total score of the adolescents included in the study was $101,83 \pm 14,82$ and the sub-dimension scores of the adolescents included in the study were determined as follows; the Staying Away From Substance (General) was $55,14 \pm 8,03$, the Staying Away From Substance (Under Pressure) was $18,72 \pm 2,78$, the Help-Seeking about Substance was $16,11 \pm 4,32$ and the Supporting a Friend about Substance was $11,84 \pm 3,31$.

Table 2

SEAPSAS and subscale mean score		
Scale	X ± SD	Participant's min-max point
SEAPSAS Total	101,83 ± 14,82	23—115
Staying Away from Substance (General)	55,14 ± 8,03	12—60
Staying Away from Substance (Under Pressure)	18,72 ± 2,78	4—20
Help-Seeking about Substance	16,11 ± 4,32	4—20
Supporting a Friend about Substance	11,84 ± 3,31	3—15

Table 3 shows the relationship between the total and sub-dimension scores of the SEAPSAS and personal data. There was a significant difference between the total and sub-dimension scores of the SEAPSAS for female students compared to male students ($p < 0,05$).

Table 3

**Distribution of Total and Subscale Scores of SEAPSAS
 and Some Demographic Characteristics**

Features	SEAPSAS Total Mean ± SD	SEAPSAS Staying Away from Drugs / Stimulant Drugs — General Mean ± S	SEAPSAS Staying Away From Drugs/ Stimulant Drugs — Under Pressure Mean ± SD	SEAPSAS Help-Seeking about Drugs/ Stimulant Drugs Mean ± SD	SEAPSAS Supporting a Friend about Drugs / Stimulant Drugs Mean ± SD
Gender					
Female (208)	103,34 ± 12,11	55,88 ± 6,63	19,00 ± 2,22	16,27 ± 4,11	12,18 ± 2,94
Male (240)	100,52 ± 16,73	54,51 ± 9,04	18,48 ± 3,17	15,97 ± 4,49	11,55 ± 3,58
	p = 0,040, t = 2,061	p = 0,066, t = 1,846	p = 0,046, t = 2,000	p = 0,459, t = 0,740	p = 0,041, t = 2,051
Class type					
9th grade (143)	100,03 ± 17,14	54,48 ± 9,45	18,33 ± 3,43	16,02 ± 4,34	11,18 ± 3,47
10th grade (138)	100,94 ± 14,04	54,63 ± 7,88	18,71 ± 2,67	15,90 ± 4,27	11,69 ± 3,29
11th grade (122)	103,95 ± 13,25	56,14 ± 6,71	19,03 ± 2,31	16,34 ± 4,36	12,42 ± 2,98
12th grade (45)	104,48 ± 12,38	56,13 ± 6,62	19,15 ± 1,59	16,40 ± 4,32	12,80 ± 3,30
	F = 2,194, p = 0,088	F = 1,369, p = 0,252	F = 1,803, p = 0,146	F = 0,309, p = 0,819	F = 4,568, p = 0,004
Family type					
Extended (97)	102,03 ± 13,86	54,90 ± 7,39	18,64 ± 2,58	16,54 ± 4,08	11,92 ± 3,17
Nuclear (287)	101,85 ± 15,39	55,26 ± 8,45	18,73 ± 2,90	16,05 ± 4,39	11,79 ± 3,36
Crowded (64)	101,42 ± 13,79	54,98 ± 7,06	18,79 ± 2,53	15,68 ± 4,32	11,95 ± 3,32

	F = 0,033, p = 0,967	F = 0,089, p = 0,915	F = 0,059, p = 0,943	F = 0,820, p = 0,441	F = 0,102, p = 0,903
Mother's Education Status					
Illiterate (171)	102,22 ± 15,12	55,53 ± 8,08	18,84 ± 2,84	16,13 ± 4,32	11,70 ± 3,52
Primary School (190)	100,91 ± 15,35	54,83 ± 8,09	18,68 ± 2,67	15,78 ± 4,66	11,60 ± 3,37
Middle School (74)	103,93 ± 11,76	55,60 ± 7,24	18,78 ± 2,63	16,98 ± 0,28	12,55 ± 2,59
High School (13)	98,15 ± 18,21	52,00 ± 10,52	17,30 ± 4,04	15,61 ± 3,88	13,23 ± 2,58
	F = 1,047 p = 0,372	F = 0,975 p = 0,404	F = 1,261 p = 0,287	F = 1,438 p = 0,231	F = 2,362 p = 0,071
Father's Education Status					
Illiterate (14)	102,00 ± 10,07	56,71 ± 6,42	19,42 ± 1,39	15,57 ± 3,52	10,28 ± 3,36
Primary School (141)	100,46 ± 14,64	54,48 ± 8,24	18,84 ± 2,50	15,51 ± 4,27	11,62 ± 3,31
Middle School (173)	102,64 ± 16,34	55,58 ± 8,51	18,66 ± 3,11	16,57 ± 4,42	11,82 ± 3,58
High School (105)	102,89 ± 12,76	55,48 ± 6,86	18,68 ± 2,58	16,37 ± 4,36	12,35 ± 2,81
University (15)	97,60 ± 15,13	52,53 ± 9,26	17,93 ± 3,49	15,13 ± 3,48	12,00 ± 2,92
	F = 0,869 p = 0,482	F = 0,940 p = 0,441	F = 0,61 p = 0,651	F = 1,523 p = 0,194	F = 1,565 p = 0,183
Mother Occupation					
Housewife (441)	101,88 ± 14,88	55,17 ± 8,05	18,73 ± 2,78	16,12 ± 4,33	11,84 ± 3,33
Worker (7)	98,57 ± 10,76	53,28 ± 6,62	18,42 ± 2,93	15,00 ± 3,36	11,85 ± 1,95
	p = 0,558 t = 0,586	p = 0,537 t = 0,618	p = 0,774 t = 0,284	p = 0,493 t = 0,686	p = 0,991 t = -0,011
Father Occupation					
Farmer (154)	100,22 ± 16,87	54,50 ± 9,12	18,51 ± 3,17	15,35 ± 4,66	11,85 ± 3,39
Worker (919)	102,97 ± 13,09	55,70 ± 6,93	19,07 ± 2,15	16,60 ± 4,19	11,59 ± 3,39
Unemployed (31)	99,25 ± 17,81	54,51 ± 8,93	18,61 ± 3,44	15,70 ± 5,04	10,41 ± 3,69
Selfemployment (146)	103,15 ± 13,39	55,58 ± 7,69	18,69 ± 2,65	16,58 ± 3,79	12,29 ± 3,07
Officer (16)	101,37 ± 9,44	54,75 ± 5,38	19,18 ± 1,93	16,37 ± 3,98	11,06 ± 2,71
Retired (10)	105,50 ± 11,52	56,40 ± 4,90	18,80 ± 2,14	17,20 ± 4,46	13,10 ± 3,10
	F = 1,019 p = 0,406	F = 0,464 p = 0,803	F = 0,561 p = 0,730	F = 1,756 p = 0,121	F = 2,288 p = 0,045
Perception of income level					
Bad (108)	100,63 ± 16,25	54,78 ± 8,59	18,56 ± 3,17	15,63 ± 4,53	11,64 ± 3,48
Medium (276)	103,11 ± 12,82	55,80 ± 7,17	18,96 ± 2,38	16,35 ± 4,14	12,00 ± 3,15

Good (64)	98,28 ± 19,23	52,93 ± 10,05	17,98 ± 3,45	15,85 ± 4,66	11,50 ± 3,67
	F = 3,260 p = 0,039	F = 3,486 p = 0,031	F = 3,475 p = 0,032	F = 1,195 p = 0,304	F = 0,839 p = 0,433
Evaluating the relationship between mother and father					
Bad (13)	91,84 ± 15,51	51,46 ± 9,48	17,84 ± 2,91	12,07 ± 3,66	10,46 ± 4,55
Medium (78)	99,05 ± 14,78	53,37 ± 8,53	18,38 ± 2,52	15,17 ± 4,57	12,11 ± 3,01
Good (357)	102,80 ± 14,63	55,67 ± 7,79	18,83 ± 2,82	16,46 ± 4,18	11,83 ± 3,32
	F = 5,181 p = 0,006	F = 4,088 p = 0,017	F = 1,501 p = 0,224	F = 8,969 p = 0,000	F = 1,397 p = 0,248
Evaluating his/her relationship with his/her parents					
Bad (23)	86,47 ± 22,26	46,00 ± 12,60	17,08 ± 3,94	12,43 ± 5,30	10,95 ± 3,83
Medium (93)	100,05 ± 13,43	54,48 ± 7,31	18,51 ± 2,58	15,29 ± 4,46	11,76 ± 3,41
Good (332)	103,39 ± 13,92	55,96 ± 7,42	18,89 ± 2,70	16,59 ± 4,05	11,92 ± 3,24
	F = 15,830 p = 0,000	F = 18,265 p = 0,000	F = 4,981** p = 0,007	F = 12,737** p = 0,000	F = 0,938 p = 0,384
Evaluation of course success					
Bad (17)	97,47 ± 20,57	52,00 ± 11,02	17,76 ± 3,97	16,23 ± 4,08	11,47 ± 4,28
Medium (274)	100,73 ± 14,56	54,77 ± 7,76	18,66 ± 2,74	15,68 ± 4,51	11,62 ± 3,33
Good (157)	104,21 ± 14,31	56,15 ± 8,04	18,94 ± 2,68	16,84 ± 3,89	12,27 ± 3,13
	F = 3,544 p = 0,030	F = 1,573 p = 0,209	F = 1,573 p = 0,209	F = 3,614 p = 0,028	F = 2,063 p = 0,128
Friend Relationship					
Bad (20)	101,80 ± 13,78	55,40 ± 6,54	18,75 ± 2,29	15,65 ± 4,20	12,00 ± 3,87
Medium (124)	101,28 ± 13,50	55,54 ± 6,69	18,89 ± 2,16	15,38 ± 4,68	11,45 ± 3,32
Good (304)	102,05 ± 15,42	54,97 ± 8,62	18,65 ± 3,02	16,43 ± 4,14	11,99 ± 3,26
	F = 0,120 p = 0,887	F = 0,237 p = 0,789	F = ,329 p = 0,719	F = 2,744 p = 0,065	F = 1,202 p = 0,302
Self-identification					
Positive (335)	103,07 ± 14,21	55,70 ± 7,69	18,90 ± 2,65	16,46 ± 4,11	11,99 ± 3,24
Negative (113)	98,13 ± 15,98	53,49 ± 8,79	18,18 ± 3,06	15,05 ± 4,72	11,39 ± 3,49
	p = 0,025 t = 2,921	p = 0,001 t = 2,383	p = 0,017 t = 2,233	p = 0,003 t = 2,839	p = 0,098 t = 1,595

A significant difference was found between the 12th graders' scores of supporting their friends about the substance, one of the sub-dimensions of the SEAPSAS, and the other grades branches ($p < 0,05$).

No significant difference was found between family type and scale scores. There was no significant relationship between mother's education level and the scale. There was no significant relationship between father's education level and the scale. There was no significant relationship between the mother's occupation and the scale ($p < 0,05$).

A significant difference was found between the scores of those whose fathers were retired and the sub-dimension scores of supporting friends about substance addiction ($p < 0,05$). Students' economic status was significantly associated with the total SEAPSAS score and the sub-dimensions of abstaining from drugs/stimulants and doing so under pressure ($p < 0,05$). A significant difference was found based on parent–child relationship quality in the total SEAPSAS score and the sub-dimensions of abstaining from substances and seeking help ($p < 0,05$). Differences were observed in the total SEAPSAS score and in all sub-dimensions, including abstaining under pressure and seeking help ($p < 0,05$). Academic success was significantly related to the total score and the help-seeking sub-dimension, while friendship quality showed no significant association ($p < 0,05$). Positive self-definitions were significantly associated with the total score and all SEAPSAS sub-dimensions ($p < 0,05$)."

Discussion

The findings of this study, which was conducted to examine adolescent high school students' self-efficacy to protect substance addiction and related factors, were discussed in line with the literature.

The mean total score of the students participating in our study from the self-efficacy scale for protection from substance addiction was 101.83 ± 14.82 . When the literature was examined, it was determined that the scores obtained in studies conducted in similar groups were similar (Karaca, 2023; Uzun, Kelleci, 2018). When the literature was examined, the scores were lower in some study. The reason for the difference in scores is seen to be affected by the cultural differences of the participants (Ayhan, Çöplü, Türkmen, 2021).

The total score of the SEAPSAS was found to be associated with the scores of staying away from the substance when under pressure and supporting a friend about substance use among the sub-dimension scores of female students compared to male students. According to a study, when the frequency of substance use in adolescents is evaluated, it is seen that boys are more likely to use substances than girls. In this regard, it can be concluded that female students protect themselves more (Akkuş et al., 2016).

A significant difference was found between 12th graders' scores of supporting their friends about substances and the sub-dimensions of SEAPSAS compared to other grade levels. Towards the end of adolescence, 12th grade students can establish stronger friendship relationships and their awareness levels increase. Protection from substance addiction is higher with the presence of friends who show less risky behaviors by establishing stronger friendships, supporting each other and sharing in their friendship environments (Uludağlı, Sayıl, 2009).

It was found that students whose fathers are retired have significantly higher SEAPSAS substance addiction support sub-dimension scores. According to a study, a significant relationship was found between father relations and behavioral problems. The absence of the father in the family, his being present but uninterested, or his weak involvement in the family cause the children to have negative behavioral patterns by damaging their psychological well-being. The time spent by pensioners and fathers with their children, the closeness and support they provide to them reduce behavioral problems in adolescence (Aynacı, Kutlu, 2022).

In our study, it was determined that the families of the students were mostly middle-income. It was determined that the SEAPSAS total score, staying away from drugs/stimulants and staying away from drugs/stimulants under pressure scores of the middle-income children were significantly higher. The

average income of the family may be a factor supporting the self-efficacy of the adolescents to protect themselves from substance abuse (Tilim, Murat, 2019).

In our study, students stated that their relationships with their parents were generally good. It was determined that students who stated that their parents had a good relationship had higher SEAPSAS total score averages. As a result of positive behavioral attitudes of parents during adolescence (Holden, Edwards, 1989) and strong bonds established with adolescents, adolescents feel closer to their parents and this can prevent many risky behaviors of adolescents (Aynacı, Kutlu, 2022; Tunç, 2023).

There was a correlation between the average total score of the MBSQ and the sub-dimensions of the SEAPSAS, including abstaining from drugs/stimulants, abstaining from drugs/stimulants when under pressure, and seeking help for drugs/stimulants. The quality of the adolescent's relationship with his/her parents positively affects his/her self-efficacy for protection from substance addiction. Families cannot establish healthy communication with their children have difficulties in controlling the behavior of the adolescent, undermine their authority over the adolescent and reduce their guiding aspects (Aynacı, Kutlu, 2022; Baumrind, 1991; Bornstein, 2002; Cüceloğlu, 2021).

In our study, correlations were found between the total scores of the SEAPSAS and the sub-dimension scores of seeking help for drugs/stimulants of the students who evaluated their course success as good. It is seen that as course success increases, they develop positive attitudes towards protection from substances (Akkuş et al., 2016). School is a place that prepares individuals for life. Most of the time, individuals can experience coping with difficulties in this environment. School success means that the student uses his/her time effectively and efficiently. This is mental occupation. It is an indication that they have plans for the future, which makes the individual conscious of taking purposeful and correct action. Naturally, it keeps them away from drugs (Niyazibeyoğlu, 2023). No significant relationship was found between the students' relationship with friends and the scale.

In our study, a relationship was found between the mean total score and all sub-dimension scores of the SEAPSAS when adolescents defined themselves with more positive characteristics. As a final result of these findings, it can be concluded that individuals who characterize themselves with positive definitions can stay away from substance addiction even under pressure, do not hesitate to seek help in this regard, and often support their friends (Şen, 2015). According to Kılınç, individuals who have a positive view of themselves have higher self-control, can cope more effectively with challenging situations, and this makes them psychologically stronger (Kılınç, Uz Baş, 2023). An individual with strong psychology can turn the negative situations and events in his/her life into a good and effective development factor for himself/herself and can also prevent the occurrence of this situation (Kılınç, Uz Baş, 2023; Santrock, 2014; Turgut, Eraslan-Çapan, 2017).

Conclusions

As a result of this study, which examined the effect of some related factors on the self-efficacy levels of adolescents to protect themselves from substance addiction, the self-efficacy levels of adolescents to protect themselves from substance addiction were found to be higher among female students and 12th graders, those whose fathers were retired, and those who stated that family income was at a medium level. There were relationships between the participants' evaluating the relationship between their parents as good, having a good relationship with their parents, having good academic achievement, and defining themselves with generally positive characteristics and their self-efficacy to protect themselves from substance addiction. However, there was no relationship between mother

Каплан В., Капаган Н. (2025)
Самозффективность подростков в профилактике
наркотической зависимости и сопутствующих факторов
Психология и право, 15(3), 90—106.

Kaplan V., Kapağan N. (2025)
Adolescents' self-efficacy in preventing
substance addiction and associated factors
Psychology and Law, 15(3), 90—106.

and father's education level, mother's occupation, family type and friendship and self-efficacy for protection of substance addiction.

As a result, it can be concluded that some demographic variables are effective in protecting adolescents from substance addiction, and positive dynamics such as positive family relationships, self-perception and high academic success are important variables.

- Protective/preventive interventions can be planned for adolescents before they reach high school, taking into account their individual, family and school characteristics.
- In improving adolescent mental health, studies can be conducted to strengthen basic family dynamics and increase the positive dynamics of the individual.
- It may be recommended to carry out protective projects with the cooperation of all relevant institutions at the local level, covering the family-school-living environment characteristics of students.

Limitations. The results of the study cannot be generalized to all adolescents in the city. The results of the study are limited to the adolescents in the specified high school.

Список источников / References

1. Akkuş, D., Karaca, A., Şener, D.K., Ankaralı, H. (2016). Incidence of Using Substances Among High School Students and Affecting Factors. *Bağımlılık Dergisi*, 17(4), 139—151.
2. Ayhan, F., Çöplü, M., Türkmen, A. (2021). The relationship between adolescents' self-efficacy for protection from substance abuse and parental attachment levels. *Bağımlılık Dergisi*, 22(3), 285—296. <https://doi.org/10.51982/bagimli.901638>
3. Aynacı, C., Kutlu, İ. (2022). Quantitative Study on Parental Relationships and Behavioral Problems in Adolescence. *Turkish Studies-Social Sciences*, 17(6), 1093—1108. <https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.62944>
4. Balık-Okutan, S. (2017). *The Relationship Between Childhood Childhood Traumas and Mental Status in Ergenlerde Showing Risky Behavior (Unpublished Master's Thesis)*. Istanbul Commerce University.
5. Baumrind, D. (1991). The Influence of Parenting Style on Adolescent Competence and Substance use. *The Journal of Early Adolescence*, 11(1), 56—95. <https://doi.org/10.1177/02724316911111004>
6. Biswar-Diener, R. (2006). From the Equator to the North Pole: A Study of Character Strengths. *Journal of Happiness Studies*, 7, 293—310. <https://doi.org/10.1007/s10902-005-3646-8>
7. Blakemore, S.J. (2019). Adolescence And Mental Health. *The Lancet*, 393(10185), 2030—2031. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(19\)31013-X](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(19)31013-X)
8. Bornstein M.H. (Ed.). (2002). *Handbook of parenting: Children and parenting: Vol I*. Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
9. Cüceloğlu, D. (2021). *The Child Within Us*. Remzi Bookstore.
10. Eker, F., Akkuş, D., Kapısız, Ö. (2013). The development and psychometric evaluation study of self-efficacy for protecting adolescences from substance abuse scale. *Journal of Psychiatric Nursing*, 4(1), 7—12. <https://doi.org/10.5505/phd.2013.74936>
11. Erikson, E.H. (1993). *Childhood and Society* (2nd ed.). London: Paladin Grafton Books.
12. Gander, M., Gardiner, H. (2015). *Child and Adolescent Development*. Ankara: İmge Bookstore.

Каплан В., Капаган Н. (2025)
 Самоэффективность подростков в профилактике
 наркотической зависимости и сопутствующих факторов
Психология и право, 15(3), 90—106.

Kaplan V., Kapağan N. (2025)
 Adolescents' self-efficacy in preventing
 substance addiction and associated factors
Psychology and Law, 15(3), 90—106.

13. Holden, G.W., Edwards, L.A. (1989). Parental Attitudes Toward Child Rearing: Instruments, Issues, and implications. *Psychological Bulletin*, 106, 29—58. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.106.1.29>
14. Jessor R. (1991). Risk behavior in adolescence: a psychosocial framework for understanding and action. *The Journal of Adolescent Health*, 12(8), 597—605. [https://doi.org/10.1016/1054-139x\(91\)90007-k](https://doi.org/10.1016/1054-139x(91)90007-k)
15. Kadden, R.M., Litt, M.D. (2011). The Role of Self-Efficacy in the Treatment of Substance Use Disorders. *Addictive Behaviors*, 36(12), 1120—1126. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2011.07.032>
16. Kaplan, H.I., Sadock, B. J. (1989). *Comprehensive textbook of psychiatry, Vols. 1-2*. Williams & Wilkins Co.
17. Karaca, H.N. (2023). *Investigation of the Relationship Between High School Students' Religious Beliefs and Self-Efficacy to Protect from Substance Addiction*. Inonu University Institute of Health Sciences.
18. Kaufman, A.S., Lichtenberger, E.O. (2005). *Assessing Adolescent and Adult Intelligence*. Canada: John Wiley & Sons.
19. Kaynak, D., Irgit, Y., Çakmak, S. (2022). The Relationship of Self-Esteem and Its Predictors with Culture in Adolescent Girls. *Current Approaches in Psychiatry*, 14(3), 358—370. <https://doi.org/10.18863/pgy.1009942>
20. Kılınç, B., Uz Baş, A. (2023). Investigation of Psychological Resilience Levels of Secondary School Students in Terms of Social Relations, School Belonging and Self-Efficacy. *Dokuz Eylül University Buca Education Faculty Journal*, 57, 1530—1554. <https://doi.org/10.53444/deubefd.1271996>
21. Kirk, B.A., Schutte, N.S., Hine, D.W. (2008). Development And Preliminary Validation of an Emotional Self-Efficacy Scale. *Personality And Individual Differences*, 45(5), 432—436. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2008.06.010>
22. Koç, M. (2004). Adolescence Period and General Characteristics in Terms of Developmental Psychology. *Erciyes University Journal of Institute of Social Sciences*, 1(17), 231—256.
23. Niyazibeyoğlu, T. (2023). The Evaluation of Biographies' Importance in Terms of Enhancing Teenagers' Hope Emotions. *Journal of National Education*, 52(240), 3221—3238. <https://doi.org/10.37669/milliegitim.1175457>
24. Ögel, K. (2010). *Smoking, Alcohol and Substance Use Disorders: Diagnosis, Treatment and Prevention*. Istanbul: Yeniden Publications.
25. Papadimitriou, A., Nicolaidou, P., Fretzayas, A., Chrousos, G. P. (2010). Constitutional advancement of growth, aka early growth acceleration, predicts early puberty and childhood obesity. *The Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism*, 95(10), 4535—4541. <https://doi.org/10.1210/jc.2010-0895>
26. Park, N., Peterson, C. (2008). Positive Psychology and Character Strengths: Application To Strengths-Based School Counseling. *Professional School Counseling*, 12(2), 85—92. <https://doi.org/10.5330/PSC.n.2010-12.85>
27. Peterson, F.L., Walker, L., Whatt, T.J., Rheinboldt, K., White, C., Hogkinson, M. (2003). Evidence-Based Sexuality Education. In: *American Public Health Association 2003 Annual Conference*. San Francisco, California.
28. Piaget, J. (1937). *The Birth of Intelligence in the Children*. Oxford, England. Delachaux and Niestle.

Каплан В., Капаган Н. (2025)
Самозффективность подростков в профилактике
наркотической зависимости и сопутствующих факторов
Психология и право, 15(3), 90—106.

Kaplan V., Kapağan N. (2025)
Adolescents' self-efficacy in preventing
substance addiction and associated factors
Psychology and Law, 15(3), 90—106.

29. Raposo, B., Francisco, R. (2022). Emotional (dys)Regulation and Family Environment in (non)Clinical Adolescents' Internalizing Problems: The Mediating Role of Well-Being. *Frontiers in Psychology*, 13, Article 703762. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.703762>
30. Razon, N. (2010). *Working Mother and Child: Parent School* (H. Yavuzer, ed.) (14th ed.). Istanbul: Remzi Kitabevi.
31. Robeva, R., Kumanov, P. (2016). Physical changes during pubertal transition. In: P. Kumanov, A. Agarwal (Eds.), *Puberty: Physiology and Abnormalities* (pp. 39—64). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32122-6_4
32. Rosenthal, R.J., Faris, S.B. (2019). Etymology and Early History of 'Addiction'. *Addiction Research and Theory*, 27(5), 437—449. <https://doi.org/10.1080/16066359.2018.1543412>
33. Rowe, C.L. (2012). Family Therapy for Drug Abuse: Review and Updates (2003—2010). *Journal of Marital and Family Therapy*, 38(1), 59—81. <https://doi.org/10.1111/j.1752-0606.2011.00280.x>
34. Santrock, J.W. (2014). *Lifelong Development* (G. Yüksel, ed.). Nobel Academic Publishing.
35. Şen, A.S. (2015). *Predictive Relationships Between Adolescents' Values and Future Expectations and Self-Efficacy for Protection from Substance Abuse: Doctoral Dissertation*. Necmettin Erbakan University.
36. Senemoğlu, N. (2010). *Development Learning and Teaching Theory to Practice* (16th ed.). Pegem Academy, Ankara.
37. Şimşek, H., Çöplü, F. (2018). Investigation of the Relationship Between High School Students' Levels of Showing Risky Behaviors and School Attachment Levels. *Ahi Evran University Journal of Institute of Social Sciences*, 4(1), 18—30. <https://doi.org/10.31592/aeusbed.358223>
38. Snoek, A. (2023). Addiction and Living in the Shadow of Death: The Influence of the Body on Agency and Self-Control. *Addiction Research and Theory*, 32(2), 143—151. <https://doi.org/10.1080/16066359.2023.2230874>
39. Soliman, A., De Sanctis, V., Elalaily, R., Bedair, S. (2014). Advances in Pubertal Growth and the Factors Affecting It: Can We Increase Pubertal Growth? *Indian Journal of Endocrinology and Metabolism*, 18(7), 53—62. <https://doi.org/10.4103/2230-8210.145075>
40. Tangül Özcan, C., Gürhan, N. (2016). *Fundamentals of Mental Health and Psychiatric Nursing*. Akademisyen Medical Bookstore, Ankara.
41. Teze, S. Ayhan, F. (2023). Does Ego Identity Process Have a Predictive Role in Drug Avoidance? *Bağımlılık Dergisi*, 24(1), 22—34. <https://doi.org/10.51982/bagimli.1107106>
42. Tilim, E., Murat, M. (2019). The Relationship Between Self-Efficacy Regarding Protection from Substance Abuse in Adolescents and Peer Pressure, Self-Expression Skills and Psychological Resilience. *OPUS International Journal of Society Researches*, 14(20), 929—955. <https://doi.org/10.26466/opus.608229>
43. Toraman, Ç., Sarıgedik, E., Toraman, M.Ç., Noyan, C.O. (2023). Assessment of Psychological Resilience, Self-Efficacy and Social Emotional Learning Skills of Adolescents in Institutional Care. *Community And Social Work*, 34(1), 169—184. <https://doi.org/10.33417/tsh.1062003>
44. Tunç, H. (2023). *Evaluation of Family Functions in Adolescents with and without Substance Use*. Celal Bayar University. Institute of Health Sciences.
45. Turgut, Ö., Eraslan-Çapan, B. (2017). The Predictors of Adolescent Resilience: Perceived Social Support and School Engagement. *Mehmet Akif Ersoy University Faculty of Education Journal*, 44, 162—183. <https://doi.org/10.21764/maeuefd.309934>

Каплан В., Капаган Н. (2025)
Самозффективность подростков в профилактике
наркотической зависимости и сопутствующих факторов
Психология и право, 15(3), 90—106.

Kaplan V., Kapağan N. (2025)
Adolescents' self-efficacy in preventing
substance addiction and associated factors
Psychology and Law, 15(3), 90—106.

46. Uludağlı, N.P., Sayıl, M. (2009). Risk-taking behavior in middle and late adolescence: The role of parents and peers. *Turkish Psychological Writings*, 12(23), 14—24.
47. Uzun, S., Kelleci, M. (2018). Substance Addiction in High School Students: Self-Efficacy and Related Factors on Protection from Substance Addiction. *Dusunen Adam*, 31(4), 356—363. <https://doi.org/10.5350/dajpn2018310404>
48. Wells, E.A., Kristman-Valente, A.N., Peavy, K.M., Jackson, T. R. (2013). Social Workers and Delivery of Evidence-Based Psychosocial Treatments for Substance Use Disorders. *Social Work in Public Health*, 28(3-4), 279—301. <https://doi.org/10.1080/19371918.2013.759033>
49. Witkiewitz, K., Tucker, J. (2024). Whole Person Recovery from Substance Use Disorder: A Call for Research Examining a Dynamic Behavioral Ecological Model of Contexts Supporting Recovery. *Addiction Research and Theory*, 33(1), 1—12. <https://doi.org/10.1080/16066359.2024.2329580>
50. Yalçın, S.B., Koyuncu, E., Avşaroğlu, S. (2022). *The Relationship Between High School Students' Career Difficulties, Risky Behavior Levels and Family Influence on Career Choice*. Academic Studies in Education and Culture I, 210.
51. Yavuzer, H. (2005) *Understanding Young People* (2nd ed.). Istanbul: Remzi Kitabevi.
52. Yıldız, H. (2021). *Investigation of Stresle Coping Strategies of Ergenlerin Stresle Coping Strategies in terms of Family Relations (Unpublished Master's Thesis)*. Istanbul: Maltepe University, Institute of Postgraduate Education.
53. Yoon, Y., Eisenstadt, M., Lereya, S.T., Deighton, J. (2022). Gender Difference in the Change of Adolescents' Mental Health and Subjective Wellbeing Trajectories. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 32, 1569—1578. <https://doi.org/10.1007/s00787-022-01961-4>
54. Yüzbaşı, D.V., Yılmaz, S.S. (2022). A Review Study on Parental Perceived Psychological Control in Adolescence. *Ege Eğitim Dergisi*, 23(3), 350—369. <https://doi.org/10.12984/egeefd.1068404>

Information about the authors

Veysel Kaplan, Associate Professor (Psychiatric Nursing) of the Nursing Department, Faculty of Health Sciences, Harran University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9082-1379>, e-mail: vysslkpln@hotmail.com

Nurşin Kapağan, Teacher, Abdurrahman Şimşek Vocational High School, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5937-4379>, e-mail: nursindundar8@gmail.com

Информация об авторах

Вейсел Каплан, доцент (психиатрическое сестринское дело) кафедры сестринского дела, факультет медицинских наук, Харранский университет, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9082-1379>, e-mail: vysslkpln@hotmail.com

Нурушин Капаган, преподаватель, Профессиональная средняя школа им. Абдурахмана Шимшека, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5937-4379>, e-mail: nursindundar8@gmail.com

Каплан В., Капаган Н. (2025)
Самозффективность подростков в профилактике
наркотической зависимости и сопутствующих факторов
Психология и право, 15(3), 90—106.

Kaplan V., Kapağan N. (2025)
Adolescents' self-efficacy in preventing
substance addiction and associated factors
Psychology and Law, 15(3), 90—106.

Contribution of the authors

Veysel Kaplan — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Nurşin Kapağan — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Вклад авторов

Каплан В. — идеи; написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за ходом исследования.

Капаган Н. — идеи; написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за ходом исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и одобрили окончательный текст рукописи.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ethics statement

This study was approved by Harran University Social Sciences Ethics Committee (document numbered E-76244175-050.04-392981 and decision numbered 2024/266).

Декларация об этике

Данное исследование было одобрено Комитетом по этике социальных наук Харранского университета (документ № E-76244175-050.04-392981 и решение № 2024/266).

Поступила в редакцию 06.04.2025
Поступила после рецензирования 30.06.2025
Принята к публикации 30.06.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.04.06
Revised 2025.06.30
Accepted 2025.06.30
Published 2025.09.30

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

Субъективное одиночество и психологическое благополучие лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности

Е.Л. Буслаева^{1,2}✉, Н.В. Власова¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

✉ moselena2201@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Проблема агрессивности молодого поколения не теряет своей актуальности, поскольку возрастает тенденция проявления жестокости, физического насилия среди молодежи. **Цель** исследования состояла в выявлении особенностей субъективного одиночества и психологического благополучия у лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности. **Гипотеза** заключалась в предположении о том, что у лиц юношеского возраста существуют особенности переживания субъективного одиночества и психологического благополучия, которые имеют разные уровни и связи показателей, в отличие от их сверстников с низким уровнем агрессивности. **Методы и материалы.** Выборку составили учащиеся общеобразовательной школы ($n = 76$) в возрасте 16–18 лет ($M = 17$, $SD = 0,7062$), 42 юноши и 34 девушки. Были использованы методики: опросник уровня агрессивности Басса—Перри ВРАQ (адаптация и валидизация С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского); методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев); дифференциальный опросник переживания одиночества ДОПО-3 (Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев); опросник «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф, адаптация Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной). **Результаты** исследования выявили высокие значения по показателям одиночества и низкие значения по показателям благополучия у лиц с высоким уровнем агрессивности, в отличие от респондентов с низким уровнем агрессивности. Обнаружены различия связей показателей агрессивности, одиночества и психологического благополучия в двух группах и схожие отрицательные связи проблемного одиночества с позитивными отношениями с окружающими и общего одиночества с психологическим благополучием в обеих группах. **Выводы.** Лица юношеского возраста с высоким и низким уровнем агрессивности имеют значимые различия по всем критериям переживания

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

одиночества и психологического благополучия. Агрессивность дает более сильное переживание одиночества и снижает психологическое благополучие личности.

Ключевые слова: агрессивность, агрессивное поведение, одиночество, переживание одиночества, психологическое благополучие, юношеский возраст

Для цитирования: Буслаева, Е.Л., Власова, Н.В. (2025). Субъективное одиночество и психологическое благополучие лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности. *Психология и право*, 15(3), 107—121. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150308>

Subjective Loneliness and Psychological Well-Being of Adolescents with High Aggressiveness

E.L. Buslaeva^{1, 2}✉, N.V. Vlasova¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

✉ moselena2201@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The problem of the younger generation aggressiveness does not lose its relevance, as the tendency of cruelty and physical violence among young people is increasing. **The aim of the study** was to identify the features of subjective loneliness and psychological well-being in adolescents with a high aggression level. **The hypothesis** was based on the assumption that adolescents have specific experiences of subjective loneliness and psychological well-being, which have different levels and correlations of indicators, unlike their peers with low levels of aggression. **Materials and methods.** The sample consisted of secondary school students (N = 76) aged 16-18 years (M = 17, SD = 0.7062), 42 male/34 female. The following methods were used: “Bass-Perry aggression level questionnaire” BPAQ (adaptation and validation by S.N. Enikolopov, N.P. Cybulsky); “Personal aggressiveness and conflict” (E.P. Ilyin, P.A. Kovalev); “Differential questionnaire of loneliness experience”, DOPO-3 (E.N. Osin, D.A. Leontiev); “Scale of psychological well-being” (K. Riff, adaptation by L.V. Zhukovskaya, E.G. Troshikhina). **The results** of the study revealed high values in terms of loneliness and low values in terms of well-being among people with a high level of aggression, in contrast to respondents with a low level of aggression. Differences in the relationships between aggression, loneliness, and psychological well-being were found in the two groups, and similar negative associations of problematic loneliness with positive relationships with others and general loneliness with psychological well-being in both groups. **Conclusions.** Adolescents with high and low levels of aggression have significant differences in all criteria of experiencing loneliness and psychological well-being. Aggression gives a stronger experience of loneliness and reduces the psychological well-being of the individual.

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

Keywords: aggressiveness, aggressive behavior, loneliness, experiencing loneliness, psychological well-being, adolescence

For citation: Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025). Family relationships and social network addiction as factors of suicidal behavior in adolescents. *Psychology and Law*, 15(3), 107—121. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150308>

Введение

В современном мире проблема агрессивности молодого поколения не теряет своей актуальности, поскольку возрастает проявление жестокости среди молодежи. Среди факторов роста агрессивности в юношеской среде выступают глобализация, создающая жесткие условия конкуренции и порождающая новые формы агрессии, и возрастающий уровень общей агрессивности в обществе. В контексте данной проблемы значимо всестороннее изучение агрессивной личности. «Агрессивность является личностным свойством, выражающимся в готовности к деструктивному поведению» (Реан, Коновалов, 2019).

Анализ отечественных и зарубежных исследований последних лет по проблеме агрессивного поведения молодежи показал, что «...причины и мотивы агрессивного поведения в полной мере остаются не исследованы, несмотря на обилие попыток раскрыть природу агрессивного общественно опасного поведения» (Гребнева, Слободенюк, Вариясова, 2019).

Агрессивность личности в юношеском возрасте может проявляться как причина и следствие имеющихся у него проблем в установлении социальных и межличностных отношений; в то же время агрессивное поведение «...нередко является средством его самоутверждения и самореализации во взаимодействии со сверстниками и взрослыми» (Буслаева, Власова, 2024).

Юношеский возраст является сложным периодом, так как переживаемый кризис взросления выражается во внутренних конфликтах, в неудовлетворенности, сомнении и неуверенности в себе. При отсутствии доверительных отношений в близком окружении возникает чувство одиночества, которое является особым психическим состоянием, эмоциональным переживанием, возникающим в результате фрустрации потребности в общении с другими людьми (Зинченко, 2015), а «...неудачный опыт взаимодействия может привести к намеренному отчуждению и избеганию людей» (Буслаева, 2020). Существует прямая связь переживания одиночества с привязанностью, ситуативной и личностной тревожностью, эмоциональной неустойчивостью у подростков и юношей (Мишина, Воробьева, 2023).

В психологии существуют различные трактовки феномена одиночества. В контексте данного исследования базовым выступает подход Д.А. Леонтьева, определяющий одиночество в общем виде «...как психологическое состояние переживания себя как не вовлеченного в связи с другими людьми» (Леонтьев, 2011). Феномен одиночества не следует рассматривать только с позиции негативного проявления. Д.А. Леонтьев выделяет в структуре переживания одиночества три фактора: общее одиночество, зависимость от общения и позитивное одиночество. Для самоактуализирующейся личности одиночество является в большей степени эмоционально позитивным состоянием, дающим возможность для рефлексии и внутреннего развития личности. Вынужденное одиночество приводит к ощущению своей ненужности, неудовлетворенности жизнью и другим психологическим

проблемам, снижая психологическое благополучие личности. (Леонтьев, 2011). Переживание одиночества как проблемы затрудняет процесс самореализации и самоопределения в обществе, препятствует саморазвитию и оказывает деструктивное влияние на личность, создавая различные социальные проблемы.

Переживание одиночества как проблемы может затруднять процесс самореализации и самоопределения в обществе, препятствовать саморазвитию и оказывать деструктивное влияние на личность, создавать различные социальные проблемы, повышать уровень агрессивности и усиливать чувства одиночества. Пытаясь компенсировать трудно складывающиеся отношения в реальности, подростки и юноши уходят в виртуальное пространство, которое позволяет путем выдуманной самопрезентации «...создавать социально одобряемый привлекательный виртуальный образ» (Корниенко, Руднова, 2024).

Психологическое благополучие в юношеском возрасте играет существенную роль в формировании гармоничной личности, поскольку оказывает влияние на личностное самоопределение, формирование психосоциальной идентичности и предопределяет последующее формирование личности в зрелом возрасте. «В результате успешной социализации в юношеском возрасте формируется здоровая идентичность, психодиагностическим показателем которой является психологическое благополучие личности» (Хриптович, 2021).

К. Рифф определяет психологическое благополучие как позитивное функционирование личности, которое формируется за счет внутренних стремлений человека в виде жизнеспособности, саморазвития и самореализации и по своей структуре отражает максимально возможное использование человеком своего внутреннего потенциала (Ryff, 1989).

В исследованиях отечественных психологов выявлены различные аспекты агрессивности, субъективного одиночества и психологического благополучия лиц юношеского возраста. Эмпирически доказаны отрицательные связи агрессивности и самоактуализации, как показателя психологического благополучия (Заусенко, 2019); субъективного благополучия и интернет-зависимости (Никитченко, Коротеева, 2023); количества и силы переживания воспринимаемых стрессоров и психологического благополучия (Галашева, Головей, 2023); уровня агрессивности и самооценки, самоэффективности и скромности (Реан и др., 2024); зависимость усиления переживания одиночества и снижения психологической безопасности личности от ориентированности на социум (Стрижицкая, Муртазина, Петраш, 2024). Это лишь некоторая часть исследований отечественных авторов, поскольку аналитический обзор в полной мере не представляется возможным в рамках данной статьи.

Для зарубежных исследований также актуальны проблемы агрессивности, одиночества и психологического благополучия в подростковом и юношеском возрасте, что подтверждает масштаб проблемы для мирового сообщества. В зарубежной периодизации возрастного развития период 15—18 лет относится к подростковому возрасту, поэтому имеются расхождения в названиях возрастных периодов по сравнению с российским подходом.

В кросскультурном исследовании Garcia, Sagone, De Caroli, Al Nima были выявлены различия понимания субъективного и психологического благополучия у итальянских и шведских подростков (16—18 лет), обусловленные влиянием национальных и культурных особенностей (Garcia et al., 2017). Moksnes, Bjørnsen, Eilertsen и Espnes показали влияние пола, возраста и самооценки социально-экономического статуса на переживание одиночества и психологическое благополучие норвежских подростков (от 15 до 21 года) (Moksnes et al., 2021).

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

Исследования турецких психологов выявили влияние социальной интеграции и изоляции в школе на одиночество и психологическое благополучие (Gökmen, 2021), влияние жизнестойкости и одиночества на психологическое благополучие (İme, Çakır, 2024), влияние высокого уровня социальной тревожности на усиление одиночества и снижение субъективного благополучия (Öztekin, 2024).

Индийские психологи на основе теории социального научения и социального сравнения показали сильное влияние социальных сетей на агрессию и одиночество (Amian, Mahadevaswamy, 2024).

Исследования индонезийских психологов подтвердили отрицательную связь уровня одиночества и субъективного благополучия у респондентов 13—18 лет (Angelina, Shausan, Wijaya, 2024), связь между показателями одиночества и субъективного благополучия, опосредованную такими переменными, как самооффективность и социальная онлайн-поддержка (Victory, Sahrani, 2025).

Таким образом, актуальность проблем агрессивности, субъективного одиночества и психологического благополучия в юношеском возрасте в современных условиях отмечается в отечественных и зарубежных исследованиях и нуждается в изучении в различных аспектах.

Материалы и методы

Цель исследования состояла в выявлении особенностей субъективного ощущения одиночества и психологического благополучия у лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности. Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что у лиц юношеского возраста существуют различия в переживании субъективного одиночества и психологического благополучия, которые имеют разные уровни и связи показателей, в сравнении с их сверстниками, имеющими низкий уровень агрессивности.

Для формирования исследуемых групп респондентов с высоким и низким уровнями агрессивности был использован «Опросник уровня агрессивности» Басса—Перри ВРАQ (адаптация и валидизация С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского), в котором приняли участие 162 учащихся 9—11-х классов общеобразовательной школы г. Москвы. В основном исследовании приняли участие 76 человек (42 юноши и 34 девушки) в возрасте 16—18 лет ($M = 17$, $SD = 0,7062$), у которых был выявлен высокий или низкий уровень агрессивности. Учащиеся со средним уровнем агрессивности в дальнейшем исследовании участия не принимали.

Исследование проводилось путем сравнительного анализа результатов исследуемых групп респондентов, полученных на основе следующих методик: методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев); дифференциальный опросник переживания одиночества ДОПО-3 (Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев); Шкала психологического благополучия (К. Рифф, адаптация Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной). Для обработки полученных результатов применен непараметрический критерий Манна—Уитни для независимых выборок и коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты

По результатам «Опросника уровня агрессивности» Басса—Перри, который проводился на 162 учащихся 9—11-х классов, были выявлены респонденты с высоким ($M = 88,15$, $SD = 6,22$)

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое благополучие лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological Well-Being of Adolescents with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

(32 человека), средним ($M = 59,046$, $SD = 6,518$) (86 человек) и низким ($M = 42,72$, $SD = 5,23$) (44 человека) уровнями общей агрессивности. Для дальнейшего исследования были сформированы две группы испытуемых: группа 1, которую составили респонденты юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности — 32 человека (20 юношей и 12 девушек) и группа 2, в которую вошли 44 человека (17 юношей и 27 девушек) с низким уровнем агрессивности.

Для полноты характеристики агрессивности респондентов двух групп была проведена методика «Личностная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина, П.А. Ковалева, по результатам которой выявлены высокие значения у лиц с высоким уровнем агрессивности по всем шкалам, в отличие от респондентов с низким уровнем агрессивности. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Личностная агрессивность и конфликтность (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев)
Personal aggressiveness and conflict (E.P. Ilyin, P.A. Kovalev)

Показатели / Indicators	Группа 1 / Group 1 (N = 32)	Группа 2 / Group 2 (N = 44)	U _{эмп} / U	Значение p / P-value
	M (SD)	M (SD)		
Вспыльчивость / Short temper	7,4 (2,03)	4,59 (1,97)	241,5**	< 0,00001
Напористость / Assertiveness	7,1 (2,05)	4,88 (1,81)	312,5**	< 0,00001
Обидчивость / Uchiness	7,3 (2,12)	4,5 (1,92)	261**	< 0,00001
Неуступчивость / Intransigence	7,4 (1,69)	4,75 (1,82)	199,5**	< 0,00001
Бескомпромиссность / Uncompromising	7,2 (1,88)	4,34 (1,928)	220**	< 0,00001
Мстительность / Vindictiveness	7,1 (1,89)	4,70 (1,47)	251,5**	< 0,00001
Нетерпимость к мнению других / Intolerance of the opinions of others	6,9 (2,03)	4,72 (1,62)	327,5**	< 0,00001
Подозрительность / Suspicion	7,3 (2,06)	4,15 (1,75)	195**	< 0,00001
Позитивная агрессивность / Positive aggressiveness	14,5 (2,29)	9,68 (2,57)	120,5**	< 0,00001
Негативная агрессивность / Negative aggression	13,9 (3,11)	9,43 (2,20)	175,5**	< 0,00001
Конфликтность / Conflictness	29,21 (5,02)	17,59 (3,91)	56**	< 0,00001

Примечание: M (SD) — среднее значение (стандартное отклонение); «**» — различия статистически значимы при $p \leq 0,01$; Группа 1 — лица с высоким уровнем агрессивности; Группа 2 — лица с низким уровнем агрессивности.

Note: M (SD) — average value (standard deviation); «**» — The result is significant at $p \leq 0,01$; Group 1 — people with a high level of aggression; Group 2 — people with low levels of aggression.

Дифференциальный опросник переживания одиночества ДОПО-3 Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева позволил выявить значения характеристик переживания одиночества. Для подтверждения достоверности различий применен критерий Манна—Уитни. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

**Результаты методики «Дифференциальный опросник переживания одиночества»
ДОПО-3 Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева**

Results of Differential Questionnaire of Loneliness, short version, by E.N. Osin, D.A. Leontiev

Субшкалы / Subscales	Группа 1 / Group 1 (N = 32)	Группа 2 / Group 2 (N = 44)	U _{мн} / U	Значение p / P-value
	M (SD)	M (SD)		
Изоляция / Isolation	15 (5,34)	8,61 (2,96)	108**	< 0,00001
Субъективное переживание одиночества / Subjective loneliness	14,1 (3,07)	8,36 (2,79)	130,5**	< 0,00001
Отчуждение / Alienation	13,1 (3,37)	8,7 (2,766)	251,5**	< 0,00001
Дисфория одиночества / Loneliness dysphoria	13,9 (2,98)	8,11 (2,76)	120**	< 0,00001
Одиночество как проблема / Loneliness as a problem	13,9 (3,10)	8,48 (2,62)	138,5**	< 0,00001
Потребность в компании / The need for a company	13,7 (3,54)	8,3 (3,23)	223**	< 0,00001
Радость уединения / Solitude as a pleasure	5,6 (1,79)	12,4 (2,35)	3**	< 0,00001
Ресурс уединения / Solitude as a resource	10,5 (3,24)	17,05 (3,07)	91**	< 0,00001
Показатели интегральных шкал / Integral scales indicators				
Общее одиночество / General loneliness	42,16 (5,31)	25,68 (4,42)	10**	< 0,00001
Зависимость от общения / Dependence on communication	27,78 (4,64)	16,59 (3,59)	31**	< 0,00001
Позитивное одиночество / Positive loneliness	29,18 (3,61)	16,09 (4,23)	1,5**	< 0,00001

Примечание: М (SD) — среднее значение (стандартное отклонение); «**» — различия статистически значимы при $p \leq 0,01$; Группа 1 — лица с высоким уровнем агрессивности; Группа 2 — лица с низким уровнем агрессивности.

Note: M (SD) — average value (standard deviation); «**» — The result is significant at $p \leq 0,01$; Group 1 — people with a high level of aggression; Group 2 — people with low levels of aggression.

Полученные результаты показали высокие значения почти по всем промежуточным субшкалам у лиц с высоким уровнем агрессивности, кроме субшкал «Радость уединения» и «Ресурс уединения». По интегральным показателям «Зависимость от общения» и «Позитивное одиночество» значения находятся на среднем уровне, показатель шкалы «Общее одиночество» имеет высокое значение.

У респондентов с низким уровнем агрессивности по промежуточным шкалам «Радость уединения» и «Ресурс уединения» обнаружен высокий уровень значений, по остальным — средний, по интегральным шкалам «Зависимость от общения» и «Позитивное одиночество» значения находятся на низком уровне, по шкале «Общее одиночество» — на среднем уровне. Результаты по двум группам имеют достоверные различия при $p < 0,01$.

Таким образом, лица юношеского возраста с высоким и низким уровнем агрессивности имеют различия на уровне статистической значимости по всем критериям переживания одиночества.

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое благополучие лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological Well-Being of Adolescents with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

Для изучения показателей психологического благополучия использовался опросник «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф, адаптация Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной). Достоверность различий в группах с разным уровнем агрессивности подтверждена критерием Манна—Уитни. Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Результаты методики «Шкала психологического благополучия» К. Рифф
Results on the method “Scale of psychological well-being” by K. Riff

Шкалы / Scales	Группа 1 / Group 1 (N = 32)	Группа 2 / Group 2 (N = 44)	U _{эмп} / U	Значение p / P-value
	M (SD)	M (SD)		
Автономность / Autonomy	44,5 (11,88)	63,39 (10,20)	173,5**	< 0,00001
Управление окружением / Managing the social environment	45,4 (12)	64,93 (9,65)	163**	< 0,00001
Личностный рост / Personal growth	43,4 (11,79)	63,91 (8,67)	136,5**	< 0,00001
Позитивные отношения / Positive relationships	43,8 (13,42)	63,75 (8,78)	187,5**	< 0,00001
Жизненные цели / Life goal	48,5 (12,13)	64,16 (8,56)	229,5**	< 0,00001
Самопринятие / Self-acceptance	44,4 (13,227)	65,77 (9,19)	146**	< 0,00001
Психологическое благополучие / Psychological well-being	270,09 (26,79)	385,91 (23,52)	112,5**	< 0,00001

Примечание: M (SD) — среднее значение (стандартное отклонение); «**» — различия статистически значимы при $p \leq 0,01$; Группа 1 — лица с высоким уровнем агрессивности; Группа 2 — лица с низким уровнем агрессивности.

Note: M (SD) — average value (standard deviation); «**» — The result is significant at $p \leq 0,01$; Group 1 — people with a high level of aggression; Group 2 — people with low levels of aggression.

По результатам исследования психологического благополучия в группе респондентов с высоким уровнем агрессивности были выявлены низкие показатели по всем шкалам. В группе респондентов с низким уровнем агрессивности все показатели обнаружены на среднем уровне. В обеих группах высокие показатели критериев психологического благополучия не обнаружены. Результаты по двум группам имеют достоверные различия при $p < 0,01$. Таким образом, лица юношеского возраста с высоким и низким уровнем агрессивности имеют различия на уровне статистической значимости по всем критериям психологического благополучия.

Корреляционный анализ характеристик агрессивности и показателей субшкал методик «Субъективное одиночество» и «Психологическое благополучие» по группам проводился с помощью коэффициента Спирмена и позволил выявить различия связей по группам. Результаты корреляционного анализа показали отсутствие схожих связей у лиц с высоким и низким уровнями агрессивности между характеристиками агрессивности и показателями субъективного одиночества и психологического благополучия.

У респондентов с высоким уровнем агрессивности выявлены отрицательные связи нетерпимости к мнению других и зависимостью от общения ($r_s = -0,438$ при $p \leq 0,05$), напористости и радости уединения ($r_s = -0,232$ при $p \leq 0,05$) и положительные связи вспыльчивости и изоляции ($r_s = 0,443$ при $p \leq 0,05$), обидчивости и отчуждения ($r_s = 0,359$ при $p \leq 0,05$), нетерпимости к мнению других и отчуждения ($r_s = 0,392$ при $p \leq 0,05$), нетерпимости к мнению других и изоляции ($r_s = 0,363$ при $p \leq 0,05$).

У респондентов с низким уровнем агрессивности обнаружена положительная связь неуступчивости и дисфории ($r_s = 0,332$ при $p \leq 0,05$), нетерпимости к мнению других и общим одиночеством ($r_s = 0,336$ при $p \leq 0,05$), а также отрицательная связь между нетерпимостью к мнению других и позитивными отношениями с окружающими ($r_s = -0,358$ при $p \leq 0,05$).

Корреляционный анализ показателей субшкал методик «Субъективное одиночество» и «Психологическое благополучие» проводился с помощью коэффициента Спирмена и позволил выявить различия связей по группам. В табл. 4 приведены только те субшкалы, по которым были обнаружены значимые связи.

Таблица 4 / Table 4

**Значимые корреляции между показателями методик
«Субъективное одиночество» и «Психологическое благополучие» в двух группах
Significant correlations between the indicators of the methods
“Subjective loneliness” and “Psychological well-being” in two groups**

Субшкалы / Subscales	Позитивные отношения с окружающими / Positive relationships with others		Психологическое благополучие / Psychological well-being	
	Группа 1 / Group 1 (N = 32)	Группа 2 / Group 2 (N = 44)	Группа 1 / Group 1 (N = 32)	Группа 2 / Group 2 (N = 44)
Изоляция / Isolation	–0,438*	–	–	–
Субъективное переживание одиночества / Subjective experience of loneliness	–	–0,377*	–	–
Отчуждение / Alienation	–0,436*	–	–0,392*	–
Проблемное одиночество / Oneliness as a problem	–0,480*	–0,408*		–
Общее одиночество / General loneliness	–0,332*	–	–0,424*	–0,356*

Примечание: «*» — корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя); «**» — корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя); Группа 1 — лица с высоким уровнем агрессивности; Группа 2 — лица с низким уровнем агрессивности.

Note: «*» — correlation is significant at the 0,05 level (two-sided); «**» — correlation is significant at the 0,01 level (two-sided); Group 1 — people with a high level of aggression; Group 2 — people with low levels of aggression.

Значимые связи были обнаружены не по всем субшкалам методик, по данным обеих групп. У респондентов с высоким уровнем агрессивности выявлена отрицательная связь субшкалы

«Позитивные отношения с окружающими» с такими показателями одиночества, как изоляция, отчуждение, проблемное одиночество и общее одиночество, а также между психологическим благополучием и отчуждением, психологическим благополучием и общим одиночеством.

У респондентов с низким уровнем агрессивности обнаружена отрицательная связь показателей шкалы «Позитивные отношения с окружающими» со значениями шкалы «Субъективное переживание одиночества» и шкалы «Проблемное одиночество», а также отрицательная связь между психологическим благополучием и общим одиночеством.

Таким образом, выявлены схожие для двух групп отрицательные связи проблемного одиночества с позитивными отношениями с окружающими и общего одиночества с психологическим благополучием.

Обсуждение

Цель исследования заключалась в выявлении особенностей субъективного одиночества и психологического благополучия лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности. Результаты исследования показали высокий уровень переживания ими субъективного одиночества в целом и по отдельным критериям в частности, в отличие от их сверстников с низкой агрессивностью. Они сложнее переживают отсутствие близких доверительных, дающих взаимопонимание контактов с другими людьми, не видят в одиночестве позитивных аспектов, не воспринимают его как возможность для рефлексии, самопознания и саморазвития. Отсутствие доверительных отношений с окружающими и неумение их выстраивать усугубляется свойственными агрессивной личности вспыльчивостью, напористостью, обидчивостью, неуступчивостью, бескомпромиссностью, мстительностью, подозрительностью и нетерпимостью к мнению других.

Полученные результаты показали низкий уровень психологического благополучия у лиц юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности. Они не удовлетворены собой, испытывают скуку и незаинтересованность в жизни, не проявляют открытости в межличностных отношениях, сложно находят компромисс, что создает проблемы в установлении межличностных отношений, и не склонны к саморазвитию.

Проблемное одиночество отрицательно коррелирует с наличием позитивных отношений с окружающими для юношей и девушек независимо от уровня агрессивности. Позитивные отношения с окружающими оказались самым значимым показателем в отношении субъективного благополучия для обеих групп респондентов, что еще раз доказывает значимость общения для юношеского возраста.

Полученные результаты не выявили связи психологического благополучия и его составляющих с позитивным одиночеством в юношеском возрасте ни в одной группе респондентов. Им не свойственно воспринимать одиночество как возможность переосмысления и рефлексии, что доказывает сложность этого возрастного периода, поскольку переживаемый кризис взросления выражается в ощущении внутреннего конфликта, неудовлетворенности, в сомнении и неуверенности в себе. Отсутствие жизненного опыта, необходимого для решения сложных ситуаций, делает их уязвимыми при возникающих проблемах.

Наличие связи переживания одиночества с психологическим благополучием личности, выявленное в данном исследовании, согласуется с отечественными и зарубежными

исследованиями, описанными выше, в которых указанные феномены изучались в других ракурсах.

Новизна данного исследования состоит в том, что феномены субъективного одиночества и психологического благополучия изучены в контексте личностных характеристик агрессивных респондентов юношеского возраста, что дополняет фонд исследований по проблемам агрессивности, одиночества и психологического благополучия личности.

Заключение

1. Лица юношеского возраста с высоким и низким уровнем агрессивности имеют различия на уровне статистической значимости по всем критериям переживания одиночества и психологического благополучия.

2. Лица юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности сильнее переживают субъективное одиночество и не ощущают психологического благополучия, в отличие от своих сверстников с низким уровнем агрессивности.

3. У лиц юношеского возраста с высоким и низким уровнем агрессивности отсутствуют схожие связи между характеристиками агрессивности и показателями субъективного одиночества и психологического благополучия.

4. Бескомпромиссность, обидчивость, вспыльчивость, нетерпимость к мнению других, свойственные агрессивным личностям, положительно связаны с отчуждением и изоляцией, усиливая субъективное одиночество.

5. Независимо от уровня агрессивности проблемное одиночество отрицательно связано с позитивными отношениями с окружающими, а общее одиночество — с психологическим благополучием.

Результаты исследования могут быть использованы в практике оказания психологической помощи при разрешении проблем субъективного одиночества и психологического благополучия при наличии высокого уровня агрессивности.

Проявление агрессивности может быть причиной и следствием изоляции, усугубляющей переживание одиночества и снижающей психологическое благополучие личности, и приводить к рискам появления других эмоциональных и поведенческих проблем.

Актуальны дальнейшие исследования в контексте полученных результатов, направленные на выявление связи агрессивности и одиночества с другими характеристиками личности, влияния внешних и внутренних факторов на повышение/снижение агрессивности и проблемного одиночества в юношеском возрасте, а также для более глубокого и всестороннего понимания проблем агрессивной личности.

Ограничения исследования. В качестве ограничений проведенного исследования следует отметить отсутствие половой дифференциации респондентов при анализе результатов, а также самооценивание респондентов по предлагаемым опросникам, что не исключает социальной желательности их ответов.

Limitations of the study. The limitations of the study include the lack of gender differentiation of respondents when analyzing the results, as well as self-assessment of respondents according to the proposed questionnaires, which does not exclude the social desirability of their answers.

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

Список источников / References

1. Буслаева, Е.Л. (2020). Проблема одиночества в студенческом возрасте. В: А.Ю. Нагорнова (ред.), *Феномен одиночества в современном обществе: Коллективная монография* (с. 5—15). Ульяновск: Зебра. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44416310>
Buslaeva, E.L. (2020). The problem of loneliness in college age. In: A.Yu. Nagornova (Ed.), *The phenomenon of loneliness in modern society: Collective monograph* (pp. 5—15). Ulyanovsk: Zebra Publ. (In Russ.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=44416310>
2. Буслаева, Е.Л., Власова, Н.В. (2024). Особенности межличностного взаимодействия подростков, склонных к проявлению агрессии. *Психология и право*, 14(2), 33—44. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140203>
Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2024). Characteristics of Interpersonal Interaction of Adolescents Prone to Aggression. *Psychology and Law*, 14(2), 33—44. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140203>
3. Галашева, О.С., Головей, Л.А. (2023). Повседневный стресс и психологическое благополучие мальчиков и девочек подросткового возраста. *Психология человека в образовании*, 5(4), 500—511. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-4-500-511>
Galasheva, O.S., Golovey, L.A. (2023). Everyday stress and psychological well-being of male and female adolescents. *Psychology in Education*, 5(4), 500—511. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-4-500-511>
4. Гребнева, Н.Н., Слободенюк, М.А., Вариясова, Е.В. (2019). Аналитический обзор исследований по проблеме агрессивного общественно опасного поведения молодежи. *Психология и право*, 9(4). 134—148. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090410>
Grebneva, N.N., Slobodenuk, M.A., Variyasova, E.V. (2019). Analytical review of studies on the problem of aggressive socially dangerous behavior of youth. *Psychology and Law*, 9(4). 134—148. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090410>
5. Заусенко, И.В. (2019). Связь агрессивности и самоактуализации личности. *Педагогическое образование в России*, 6, 131—137. <https://doi.org/10.26170/po19-06-18>
Zausenko, I.V. (2019). The relationship of aggressiveness and self-actualization of personality. *Pedagogical Education in Russia*, 6, 131—137. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/po19-06-18>
6. Зинченко, Е.В. (2015). Одиночество. В: А.А. Бодалев (ред.), *Психология общения: энциклопедический словарь* (с. 98—99). М.: Когито-Центр. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007581576> (дата обращения: 10.03.2025).
Zinchenko, E.V. Loneliness. In: A.A. Bodalev (Ed.), *Psychology of communication: an encyclopedic dictionary* (pp. 98—99). Moscow: Kogito-Tsentr Publ. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01007581576> (viewed: 10.03.2025).
7. Корниенко, Д.С., Руднова, Н.А. (2024). Фальшивая самопрезентация подростков в социальных сетях: связь с характеристиками использования социальных сетей и одиночеством. *Социальная психология и общество*, 15(2), 47—64. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150204>
Kornienko, D.S., Rudnova, N.A. (2024). Adolescents' false Self-Presentation in Online Social Networks: Relationship with Social Media Use, Motives, and Loneliness. *Social Psychology and Society*, 15(2), 47—64. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150204>
8. Леонтьев, Д.А. (2011). Экзистенциальный смысл одиночества. *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*, 2(19), 101—108. URL:

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

<https://istina.msu.ru/publications/article/1207508/> (дата обращения: 18.02.2025).

Leontiev, D.A. (2011). The existential meaning of loneliness. *Existential Tradition: Philosophy, Psychology, Psychotherapy*, 19(2), 101—108. (In Russ.). URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/1207508/> (viewed: 18.02.2025).

9. Мишина, М.М., Воробьева, К.А. (2023). Психологические аспекты субъективного ощущения одиночества у подростков и юношей. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 1, 70—85. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2023-1-70-85>
Mishina, M.M., Vorob'eva, K.A. (2023). Psychological aspects of the subjective feeling of loneliness in adolescents and young men. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 1, 70—85. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2023-1-70-85>
10. Никитченко, И.А., Коротева, Е.М. (2023). Взаимосвязь субъективного благополучия, жизненной перспективы, переживания одиночества и интернет-зависимости в юношеском возрасте: гендерный аспект. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*, 2, 29—38. <https://doi.org/10.24147/2410-6364>
Nikitchenko, I.A., Koroteeva, E.M. (2023). The relationship of subjective well-being, life prospects, loneliness and internet addiction in adolescence: gender aspect. *Herald of Omsk University. Series: Psychology*, 2, 29—38. (In Russ.). <https://doi.org/10.24147/2410-6364>
11. Реан, А.А., Егорова, А.В., Коновалов, И.А., Ставцев, А.А., Шевченко, А.О., Кузьмин, Р.Г. (2024). Взаимосвязь рисков агрессивности студенческой молодежи с показателями самоэффективности, самооценки и скромности. *Психологическая наука и образование*, 29(6), 21—34. <https://doi.org/10.17759/pse.2024290602>
Rean, A.A., Egorova, A.V., Konovalov, I.A., Stavtsev, A.A., Shevchenko, A.O., Kuzmin, R.G. (2024). The Relationship between the Risks of Aggression among University Students and Indicators of Self-Efficacy, Self-Esteem, and Humility. *Psychological Science and Education*, 29(6), 21—34. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2024290602>
12. Реан, А.А., Коновалов, И.А. (2019). Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи. *Национальный психологический журнал*, 1(33), 23—33. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103>
Rean, A.A., Konovalov, I.A. (2019). Manifestation of the aggression in adolescents depending on gender and socio-economic status of the family. *National Psychological Journal*, 1(33), 23—33. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103>
13. Стрижицкая, О.Ю., Муртазина, И.Р., Петраш, М.Д. (2024). Одиночество и ориентированность на социум: модулирующая роль возраста, пола и психологического благополучия. *Консультативная психология и психотерапия*, 32(1), 103—121. <https://doi.org/10.17759/cpp.2024320105>
Strizhitskaya, O.Yu., Murtazina, I.R., Petrash, M.D. (2024). Loneliness and Sociotropy: the Moderation Effect of Age, Gender and Psychological Well-Being. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 32(1), 103—121. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2024320105>
14. Хриптович, В.А. (2021). Психологическое благополучие как показатель успешности социализации в юношеском возрасте. В: *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. Выпуск 21. Часть 4* (с. 401—410). Минск: РИВШ. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46651060> (дата обращения: 22.03.2025).
Khriptovich, V. A. (2021). Psychological well-being as an indicator of socialization success in

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

young people. In: *Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological-pedagogical sciences. Issue 21. Part 4* (pp. 401—410). Minsk: Republican Institute of Higher Education Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46651060> (viewed: 22.03.2025).

15. Amian, N., Mahadevaswamy, P. (2024). Conceptual Paper: The Impact of Social Media Usage on Aggression and Loneliness in Adolescents. *Shanlax International Journal of Arts, Science and Humanities*, 12(S1), 44—51. <https://doi.org/10.34293/sijash.v12iS1-i2-Oct.8417>
16. Angelina, A., Shausan, A., Wijaya, E. (2024). The Role of Loneliness on Subjective Well-Being in Adolescents. *Edunity Kajian Ilmu Sosial dan Pendidikan*, 3, 1269—1275. <https://doi.org/10.57096/edunity.v3i12.352>
17. Gökmen, A. (2021). School belongingness, well-being, and mental health among adolescents: exploring the role of loneliness. *Australian Journal of Psychology*, 73(1), 70—80, <https://doi.org/10.1080/00049530.2021.1904499>
18. Garcia, D., Sagone, E., De Caroli, M., Al Nima, A. (2017). Italian and Swedish adolescents: Differences and Associations in Subjective Well-Being and Psychological Well-Being. *PeerJ – Life and Environment*, 5, Article e2868. <https://doi.org/10.7717/peerj.2868>
19. İme, Y., Çakır, E. (2024). The link between bullying victimization, loneliness, resilience, and mental well-being in adolescents. *Ceskoslovenska Psychologie*, 68, 490—500. <https://doi.org/10.51561/cspsych.68.6.490>
20. Moksnes, U.K., Bjørnsen, H.N., Eilertsen, M.-E.B., Espnes, G.A. (2021). The role of perceived loneliness and sociodemographic factors in association with subjective mental and physical health and well-being in Norwegian adolescents. *Scandinavian Journal of Public Health*, 50(4), 432—439. <https://doi.org/10.1177/1403494821997219>
21. Öztekin, G.G. (2024). The Effects of Social Anxiety on Subjective Well-Being among Adolescents: The Mediating Roles of Mindfulness and Loneliness. *Iğdır Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 36, 220—236. <https://doi.org/10.54600/igdirsosbilder.1433959>
22. Ryff, C.D. (1989). Happiness is everything of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 59, 1069—1081. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.57.6.1069>
23. Victory, J., Sahrani, R. (2025). Hubungan Antara Loneliness dan Subjective Well-being yang Dimediasi oleh Online Social Support dan Self-efficacy pada Individu Dewasa Awal yang Menggunakan Media Sosial di Indonesia. *Jurnal Manajemen Pendidikan Dan Ilmu Sosial*, 6, 362—381. <https://doi.org/10.38035/jmpis.v6i1.3089>

Информация об авторах

Елена Леонидовна Буслаева, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация; доцент кафедры психологии и педагогической антропологии, Институт гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Наталья Викторовна Власова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва,

Буслаева Е.Л., Власова Н.В. (2025)
Субъективное одиночество и психологическое
благополучие лиц юношеского возраста
с высоким уровнем агрессивности
Психология и право, 15(3), 107—121.

Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2025)
Subjective Loneliness and Psychological
Well-Being of Adolescents
with High Aggressiveness
Psychology and Law, 15(3), 107—121.

Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail:
11025173@yandex.ru

Information about the authors

Elena L. Buslaeva, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Nataliya V. Vlasova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в концепцию, проведение исследования, анализ данных и подготовку рукописи.

Author Contributions

The authors contributed equally to the research, data analysis, and preparation of this manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Декларация об этике

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей.

Ethics Statement

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human.

Поступила в редакцию 24.03.2025
Поступила после рецензирования 23.06.2025
Принята к публикации 23.06.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.03.24
Revised 2025.06.03
Accepted 2025.06.03
Published 2025.09.30

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

Восстановительная медиация с участием несовершеннолетних: сравнительный анализ программ по школьным конфликтам и уголовным делам

Е.Г. Пастухова^{1,2}✉

¹ 1 Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

² 2 Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ paseka0706@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Подростковый возраст является наиболее уязвимым в контексте деструктивной формы протекания конфликтов, что связано с желанием самоутверждения, выстраивания границ и недостаточностью коммуникативной и конфликтной компетентностей. Одним из направлений конструктивного разрешения конфликтов и приобретения нового опыта представляется проведение восстановительной медиации, которая является одним из типов программ, реализующихся в восстановительном подходе, наряду с «кругами сообщества» и семейными конференциями. Восстановительная медиация предполагает привлечение третьей стороны для организации безопасной атмосферы, диалога, обращения к чувствам и потребностям сторон.

Цель. Провести сравнительный анализ двух направлений реализации восстановительной медиации — по школьным конфликтам и уголовным делам с участием несовершеннолетних. **Методы и материалы.** Исследование было проведено методом качественного анализа, с использованием как дедуктивной, так и индуктивной стратегий категоризации. Всего было проанализировано 15 описаний программ по уголовным делам с участием несовершеннолетних и 25 текстов с описанием программ по школьным конфликтам. **Результаты.** Сравнительный анализ позволил выделить три ключевых отличия восстановительной медиации по школьным конфликтам от программ по уголовным конфликтам: 1) размытие границ между ролью обидчика и пострадавшего, которое подчеркивает сложность социального контекста и социальных связей в школьной среде; 2) в случае школьных ситуаций у каждого инцидента есть своя предыстория конфликта; 3) в школьных программах отмечается участие в конфликте одноклассников, с которыми также необходимо

Пастухова Е.Г. (2025)
Восстановительная медиация с участием
несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
Restorative mediation with juvenile participants:
A comparative study of school conflict
and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

проведение встречи. **Выводы.** Практическая реализация восстановительных программ отражает основные теоретические постулаты восстановительного подхода. При этом школьная среда характеризуется большей сложностью социального взаимодействия, необходимостью учета истории общения сторон, обсуждения дальнейшей коммуникации, а также работы не только с непосредственными участниками программы, но и их друзьями, одноклассниками.

Ключевые слова: восстановительная медиация, восстановительный подход, восстановительные программы, конфликты, разрешение конфликтов несовершеннолетних

Для цитирования: Пастухова, Е.Г. (2025). Восстановительная медиация с участием несовершеннолетних: сравнительный анализ программ по школьным конфликтам и уголовным делам. *Психология и право*, 15(3), 122—145.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150309>

Restorative mediation with juvenile participants: A comparative study of school conflict and criminal case programs

E.G. Pastukhova^{1, 2}✉

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ paseka0706@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Adolescence is the most vulnerable in the context of the destructive form of conflict, which is associated with the desire for self-affirmation, building boundaries and lack of communicative and conflict competencies. One of the ways to constructively resolve disagreements and gain new experience is to conduct restorative mediation, which involves the involvement of a third party to organize a safe atmosphere and dialogue, addressing the feelings and needs of the parties. **Goal.** To conduct a comparative analysis of two areas of implementation of restorative mediation — school conflicts and criminal cases involving minors. **Methods and materials.** The study was conducted by qualitative analysis, using both deductive and inductive categorization strategies. In total, 15 descriptions of programs on criminal cases involving minors and 25 texts describing programs on school conflicts were analyzed. **Results.** A comparative analysis allowed us to identify three key differences between restorative mediation in school conflicts: 1) Blurring the boundaries between the role of the abuser and the victim, which highlights the complexity of the social context and social connections in the school environment; 2) In the case of school situations, each incident has its own background to the conflict; 3) School curricula note the participation of classmates in the conflict, with whom it is also necessary to conduct a program. **Conclusions.** The practical implementation of rehabilitation programs reflects the main theoretical postulates of the rehabilitation approach. At the

same time, the school environment is characterized by a greater complexity of social interaction, the need to take into account the history of communication between the parties, discuss further communication, as well as work not only with the direct participants of the program, but also their friends and classmates.

Keywords: restorative mediation, restorative approach, restorative programs, conflicts, juvenile conflict resolution

For citation: Pastukhova, E.G. (2025). Restorative mediation with juvenile participants: A comparative study of school conflict and criminal case programs. *Psychology and Law*, 15(3), 122—145. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150309>

Введение

Изучение конфликтного взаимодействия является одним из классических направлений в социальной психологии. Внимание исследователей направлено как на выявление причин, типологий, специфики конфликтов, так и на определение путей и стратегий их разрешения. В настоящее время отмечается наличие не только деструктивных, но и конструктивных функций конфликта, однако ключевым вопросом является способ преодоления разногласий (Андреева, 2021; Анцупов, Шипилов, 2000; Гришина, 2023; Петровская, 2007; Coser, 1968; Goddard, 1986; Thomas, Kilmann, 1990).

Особое место занимает проблематика конфликтов среди подростков, поскольку в этом возрасте социальные взаимодействия отличаются высокой эмоциональностью, импульсивностью и недостаточной сформированностью навыков конструктивного разрешения противоречий. Подростковый конфликт часто возникает на фоне стремления к самоутверждению, борьбы за статус в группе или реакции на социальную несправедливость (Кондратьев, 2025а; Кондратьев, 2025б). При этом несовершеннолетние могут использовать как вербальную, так и физическую агрессию, а в современных условиях конфликты нередко переходят в киберпространство. Подростковые конфликты опасны быстрой эскалацией в насилие и травлю, а кибербуллинг усугубляет ситуацию мгновенным распространением унижений и анонимностью агрессоров. Отмечается ряд негативных последствий как для дальнейшей жизни подростка, так и для его психоэмоционального состояния. Неразрешенные конфликты способны формировать деструктивные модели поведения, которые могут привести к правонарушениям (Буслаева, Власова, 2024; Гришина, 2023; Пономарёва, 2014; Синягина, Райфшнайдер, 2016; Хасан, 2006; Goksoy, Argon, 2016).

В связи с вышесказанным встает вопрос не только о возможных конструктивных путях разрешения конфликтов, но и о формировании конфликтной компетентности, которая характеризуется удерживанием продуктивной рамки конфликта и его разрешения, способностью эффективно управлять конфликтами, что включает в себя умение распознавать, анализировать и решать конфликты. Ключевыми навыками конфликтной компетентности являются умение слушать и понимать точку зрения другой стороны, умение выражать свои мысли и чувства четко и конструктивно, а также способность находить совместные решения (Гришина, 2023; Петровская 2007; Привалихина, 2004; Скутина, 2008; Хасан, 1996).

Одним из направлений работы с конфликтами с участием несовершеннолетних является практика восстановительного подхода, основанного на диалоге, взаимопонимании и

Пастухова Е.Г. (2025)
Восстановительная медиация с участием
несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
Restorative mediation with juvenile participants:
A comparative study of school conflict
and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

стремлении восстановить нарушенные отношения, а не на поиске и наказании виновного (Пастухова, 2025).

Нильс Кристи, норвежский криминолог, рассматривал конфликт как естественную и даже позитивную часть социальной жизни, которую не следует подавлять через формальные правовые системы. Он утверждал, что современные институты, такие как суды и тюрьмы, «крадут» конфликты у людей, лишая их возможности самостоятельно разрешать споры и укреплять социальные связи. Вместо этого Н. Кристи предлагал децентрализованные, восстановительные формы правосудия, где стороны конфликта активно участвуют в его урегулировании. По его мнению, это способствует большей справедливости и восстановлению отношений, непосредственному участию сторон в разрешении конфликта. Кристи также подчеркивал, что конфликты могут быть ресурсом для развития общества, если их правильно использовать, а не подавлять (Кристи, 1999).

Восстановительные практики реализуются в различных формах, или восстановительных программах: восстановительная медиация, «круги сообщества», семейные конференции. В рамках настоящей статьи мы сконцентрируем наше внимание на восстановительной медиации, которая предполагает разрешение конфликта между двумя сторонами с помощью привлечения третьей стороны — ведущего восстановительной программы. Восстановительная медиация обращается к потребностям сторон, которые далеко не всегда сводятся к материальной компенсации вреда (Зер, 2002; Карнозова, 2024; Коновалов, 2012). Зачастую примирение, ответы на вопросы о причинах поступка и установление контакта представляется более ценным, чем финансовое возмещение ущерба (Рецинджер, Шефф, 2002). Восстановительная медиация в школах направлена на создание безопасной и доверительной атмосферы, где ученики учатся брать на себя ответственность за свои поступки, понимать причины произошедшего, последствия своих действий и находить пути примирения и заглаживания вреда (Коновалов, 2012). В уголовной сфере этот подход предлагает альтернативу традиционному судебному процессу, фокусируясь на восстановлении справедливости для жертвы, на активной ответственности правонарушителя, которая не тождественна наказанию, а реализуется в разных формах заглаживания причиненного вреда, а также на его реинтеграции в общество (Карнозова, 2024).

Несмотря на различия в масштабах и последствиях конфликтов, школьные и уголовные случаи объединяет общая цель восстановительной медиации — трансформировать конфликт в возможность для диалога, исцеления и развития навыков разрешения противоречий.

Изучение опыта школ и уголовной системы показывает, что восстановительный подход способен не только разрешать конкретные конфликты, но и влиять на культуру взаимоотношений в обществе в целом. В школах восстановительные программы положительно влияют на социально-психологический климат, успеваемость учащихся, дисциплину в классе, укрепление взаимоотношений между подростками, развитие социально-психологических навыков (Huang, 2018; Hollands et al., 2022; Joseph-McCatty, Hnilica, 2023; Marcucci, 2021; Moran et al., 2024; Short, Case, McKenzie, 2018; Türnüklü, 2011; Todić et al., 2020; Weber, Vereenoghe, 2020, Kehoe, Bourke-Taylor, Broderick, 2018). В правовой же системе восстановительная практика способствует гуманизации способов реагирования на преступления и снижению уровня повторных преступлений (Hayes, McGee, Cerruto, 2011; Latimer, Dowden, Muise, 2005).

Нам представляется, что сравнительный анализ применения восстановительной медиации в школьных и уголовных конфликтах позволит выявить как общие черты, так и специфические особенности каждого из этих направлений. Такой анализ может позволить углубить понимание того, как адаптировать восстановительные практики к разным социальным ситуациям, что необходимо учитывать при планировании и проведении программы.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование было проведено методом качественного контент-анализа, который предполагает работу непосредственно с контекстом, смыслом и спецификой повествования. В качественном контент-анализе применяются пошаговые техники анализа: 1) материал разбивается на аналитические содержательные единицы (в нашем исследовании такими единицами выступили предложения); 2) работа с категориями, которая может идти по двум направлениям: дедуктивный способ выделения категорий подразумевает анализ текста по заранее подготовленным категориям, а индуктивный способ направлен на выделение категорий из самого текста. После выделения категорий происходит обобщение полученного материала (Бусыгина, 2011). В нашем эмпирическом исследовании мы использовали оба направления. Дедуктивный путь заключался в использовании сетки категорий, созданной при исследовании восстановительной медиации по уголовным делам¹. Индуктивный же путь предполагал выделение новых категорий, не выявленных ранее.

Источниками анализируемых текстов стали «Вестники восстановительной юстиции» Общественного центра «Судебно-правовая реформа», опубликованные в первом десятилетии 21 века, а также сборники описаний восстановительных программ школьных служб примирения². Всего было отобрано 15 описаний программ по уголовным делам и 25 по школьным конфликтам, авторами которых являются непосредственные ведущие программ.

Выбор такой исследовательской стратегии обусловлен сложностью изучаемого феномена, невозможностью непосредственного наблюдения как за протеканием конфликта, так и за проведением программы, так как восстановительная медиация носит конфиденциальный характер. В связи с этим на данный момент представляется возможность лишь косвенного изучения интересующего нас процесса.

Результаты

Сравнительный анализ проводился по 11 общим категориям.

I. Общие характеристики программы.

II. Основания согласия на участие в программе.

III. Описание произошедшего.

IV. Чувства.

V. «Действия» медиатора на встречах.

¹ Пастухова, Е.Г. (2022). *Социально-психологические характеристики медиации в восстановительном правосудии: Курсовая работа*. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М. URL: <https://istina.msu.ru/diplomas/coursework/451743662/> (дата обращения: 10.05.2025).

² *Каталог материалов*. [б. г.]. Движение за распространение идей восстановительного правосудия (Россия). URL: <https://rj-rus.ru/articles/#herald> (дата обращения: 10.05.2025).

VI. Намерения сторон.

VII. Реализация намерений.

VIII. Обсуждаемые темы на примирительной встрече.

IX. Результаты программы.

X. Факты о дальнейшей жизни потерпевшего.

XI. Факты о дальнейшей жизни обидчика.

В рамках статьи мы остановимся на ряде содержательных различий, которые отражают специфику восстановительной медиации в рассматриваемых нами двух ситуациях.

Из табл. 1 мы видим следующие существенные различия между программами по уголовным делам и школьным конфликтам в категории «Общие характеристики программы»:

1) в случае школьной медиации не делается акцент на времени, прошедшем после инцидента до программы;

2) в школе родители не участвуют в восстановительной медиации, происходит лишь их уведомление о реализации программ;

3) в школах привлекаются свидетели конфликта, как правило, одноклассники;

4) подкатегория последствий отражает тот факт, что в результате школьных конфликтов нарушаются взаимоотношения в классе, страдает психологическое состояние пострадавшего, при этом юридических последствий, а также последствий для родителей сторон выявлено не было;

5) в случае школьной медиации отсутствует категория «юридические характеристики» случившегося, что неудивительно, так как мы целенаправленно отбирали те случаи, в которых не было уголовного контекста;

6) существуют заметные различия в случае «категории заявки» — в школе, как правило, заявку в службу примирения подают классные руководители или же сами участники, в то время как в уголовных конфликтах источником выступали государственные органы.

Важно указать, что в данной общей категории была выявлена подкатегория первого порядка, которая имеет яркую представленность в описаниях школьных программ. Речь идет о категории «предыстория конфликта между сторонами». В данную категорию вошли предложения, описывающие взаимоотношения между сторонами до того случая, который стал причиной примирительной программы. Почти во всех случаях имел место затяжной конфликт, который в итоге вылился в драку.

Таблица 1 / Table 1

Категория «Общие характеристики программы»
Category “General characteristics of the program”

Медиация по уголовным делам / Mediation in criminal cases	Школьная медиация / School mediation
1. Принципы ВМ / Principles А) информирование / informing Б) конфиденциальность / confidentiality В) нейтральность медиатора / neutrality of the mediator	1. Принципы ВМ / Principles А) информирование / informing Б) - В) нейтральность медиатора / neutrality of the mediator

Пастухова Е.Г. (2025)
 Восстановительная медиация с участием
 несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
 по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
 Restorative mediation with juvenile participants:
 A comparative study of school conflict
 and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

Г) добровольность / voluntariness	Г) добровольность / voluntariness
2. Время, прошедшее после инцидента до начала программы / Time gone after the incident before the start of the program А) несколько дней* / a few days Б) неделя* / a week В) несколько месяцев / a few months	2. Время, прошедшее после инцидента до начала программы* / Time gone after the incident before the start of the program А) несколько дней / a few days Б) - В) -
3. Участники программы / Participants of the program А) обидчик / offender Б) потерпевший / victim В) родитель(и) обидчика / parent(s) of the offender Г) родитель(и) потерпевшего (если потерпевший несовершеннолетний) / parent(s) of the victim (if the victim is a minor) Д) психолог* / psychologist Е) -	3. Участники программы / Participants of the program А) обидчик / offender Б) пострадавший / victim В) родитель(и) обидчика* / parent(s) of the offender Г) родитель(и) потерпевшего* / parent(s) of the victim Д) - Е) свидетели конфликта-одноклассники / witnesses of the conflict, classmates
4. Этапы программы / Stages of the program А) информирование сторон о возможности программы* / informing the parties about the availability of the program Б) получение согласия на участие в программе стороны обидчика / obtaining offender's consent to participate in the program - согласие / agree - несогласие / disagree В) предварительная встреча со стороной обидчика / preliminary meeting with the offender's side Г) получение согласия на участие в программе потерпевшей стороны / obtaining victim's consent to participate in the program Д) предварительная встреча с потерпевшей стороной / preliminary meeting with the victim Е) примирительная встреча / conciliatory meeting Ж) мониторинг соблюдения договоренностей* / monitoring compliance with agreements	4. Этапы программы / Stages of the program А) информирование сторон о возможности программы* / informing the parties about the availability of the program Б) получение согласия на участие в программе стороны обидчика / obtaining offender's consent to participate in the program - согласие / agree - несогласие / disagree В) предварительная встреча со стороной обидчика / preliminary meeting with the offender's side Г) получение согласия на участие в программе потерпевшей стороны / obtaining victim's consent to participate in the program Д) предварительная встреча с потерпевшей стороной / preliminary meeting with the victim Е) примирительная встреча / conciliatory meeting Ж) мониторинг соблюдения договоренностей* / monitoring compliance with agreements
5. Последствия произошедшего / Consequences А) для потерпевшего / for the victim	5. Последствия произошедшего / Consequences А) для пострадавшего / for the victim

Пастухова Е.Г. (2025)
 Восстановительная медиация с участием
 несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
 по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
 Restorative mediation with juvenile participants:
 A comparative study of school conflict
 and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

<ul style="list-style-type: none"> - физические / physical - психологические / psychological ~ страх / fear ~ тревожность / anxiety - поведенческие / behavioral ~ снижение успеваемости* / decline in school performance ~ проблемы в межличностных отношениях / issues in interpersonal relations Б) для обидчика - материальные / material - заведение уголовного дела / institution of a criminal case - постановка на учет / registration with the law enforcement - - В) для родителей потерпевшего / for the victim's parents - финансовые затраты* / financial costs - психологические* / psychological Г) для родителей обидчика / for the offender's parents - финансовые затраты* / financial costs 	<ul style="list-style-type: none"> - физические / physical - психологические / psychological ~ страх / fear ~ тревожность / anxiety - поведенческие / behavioral ~ снижение успеваемости* / decline in school performance ~ проблемы в межличностных отношениях / issues in interpersonal relations Б) для обидчика / for the offender - - - постановка на учет* / registration with the law enforcement - ухудшение отношений с одноклассниками / deterioration of relations with classmates В) для родителей потерпевшего / for the victim's parents - - психологические* / psychological Г) для родителей обидчика / for the offender's parents - финансовые затраты* / financial costs
<p>6. Юридические характеристики / Юридические характеристики А) возбуждено уголовное дело / criminal case Б) уголовное дело прекращено в связи с недостижением возраста уголовной ответственности обидчика* / The criminal case was terminated due to the failure to reach the age of criminal responsibility of the offender. В) отказ в возбуждении уголовного дела в связи с недостижением возраста уголовной ответственности обидчика / refusal to initiate criminal proceedings in connection with the failure to reach the age of criminal responsibility of the offender Г) наличие адвоката со стороны обидчика / the presence of a lawyer on the part of the offender</p>	<p>6. -</p>

Пастухова Е.Г. (2025)
 Восстановительная медиация с участием
 несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
 по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
 Restorative mediation with juvenile participants:
 A comparative study of school conflict
 and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

Д) материальные требования пострадавшей стороны / material claims of the injured party - есть / yes - нет / no Е) решение суда / the court's decision прекращение уголовного дела / termination of the criminal case	
7. Жизненная ситуация потерпевшего / The victim's life situation	7. Жизненная ситуация пострадавшего / The victim's life situation
8. Жизненная ситуация обидчика / The life situation of the offender	8. Жизненная ситуация обидчика / The life situation of the offender
9. Источник заявки в службу примирения / The source of the application to the reconciliation service А) КДНиЗП / Commission on Juvenile Affairs and Protection of Their Rights Б) районный отдел [внутренних дел]* / District Department of Internal Affairs В) родитель пострадавшей* / parent of the victim Г) - Д) -	9. Источник заявки в службу примирения / The source of the application to the reconciliation service А) - Б) - В) - Г) классный руководитель / classroom supervisor Д) сами участники конфликта / the parties to the conflict themselves
10. -	10. Предыстория конфликта между сторонами / Background of the conflict between the parties А) Долгосрочный конфликт / Long-term conflict Б) Усугубление ситуации в последнее время / The situation has been getting worse lately

Примечание: знаком «*» отмечены категории, которые встретились 1—2 раза.

Note: the “*” sign marks categories that have met 1—2 times.

Основания согласия на участие в программе существенно различаются в программах по уголовным и школьным конфликтам в контексте мотивации пострадавшего. В случае школьных примирительных программ пострадавшему важно восстановить отношения с обидчиком или же классом, разрешить давний конфликт и разобраться в ситуации, в медиации по уголовным делам также присутствует желание призвать к ответственности, рассказать о последствиях. В случае же обидчика, у него также возникает желание разобраться в ситуации и обсудить взаимоотношения с оппонентом в обоих случаях медиации.

Говоря о категории «Описание произошедшего», стоит отметить, что в случае школьных программ приводятся описания ситуаций со слов классного руководителя или же свидетелей ситуации, а не только непосредственных участников конфликта.

Категория «Чувства», представленная в табл. 2, сохраняет свою актуальность и широкую представленность. Однако в описаниях школьной медиации не уделяется внимания чувствам

Пастухова Е.Г. (2025)
 Восстановительная медиация с участием
 несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
 по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
 Restorative mediation with juvenile participants:
 A comparative study of school conflict
 and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

родителей сторон, в силу того что родители не присутствуют на встречах. Категория представлена палитрой разнообразных чувств, среди которых особо выделяются страх, обида, вина и сожаление. В случае школьных конфликтов размываются ролевые границы между обидчиком и пострадавшим, так как зачастую конфликты имеют долгосрочный характер, в связи с чем на первый план выходят «долгоиграющие» чувства, такие как обида. При этом снова возникает контекст нарушения тех взаимоотношений, которые уже сложились, в связи с чем возникают страх разрушения отношений, чувство предательства, переживание из-за конфликта. Данная категория показывает, что во время конфликта, а также после него и во время его обсуждения, все участники испытывают разнообразные чувства, перечень которых обогащается от программы к программе.

Таблица 2 / Table 2

Категория «Чувства»
Category “Feelings”

Медиация по уголовным делам / Mediation in criminal cases	Школьная медиация / School mediation
1. Потерпевшего во время инцидента / of the victim А) страх / fear Б) безысходность / helplessness В) шок* / shock Г) обида / resentment Д) испуг* / fright Е) неожиданность* / surprise Ж) непонимание / misunderstanding И) -	1. Потерпевшего во время инцидента / of the victim А) страх / fear Б) безысходность / helplessness В) шок* / shock Г) обида / resentment Д) испуг* / fright Е) неожиданность* / surprise Ж) непонимание / misunderstanding И) чувство предательства / betrayal
2. Потерпевшего во время программы / of the victim during the program А) сомнение в возможности конструктивного диалога / doubt about the possibility of constructive dialogue Б) негатив к обидчику / negativity towards the offender В) недоумение / perplexity Г) неприятно вспоминать / It's unpleasant to remember Д) - Е) -	2. Потерпевшего во время программы / of the victim during the program А) - Б) негатив к обидчику / negativity towards the offender В) недоумение / perplexity Г) неприятно вспоминать / It's unpleasant to remember Д) обида / resentment Е) чувство предательства / betrayal
3. Обидчика во время инцидента / of the offender А) злость / anger Б) стыд / shame В) испуг / fright	3. Обидчика во время инцидента / of the offender А) злость / anger Б) - В) испуг / fright Г) -

Пастухова Е.Г. (2025)
 Восстановительная медиация с участием
 несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
 по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
 Restorative mediation with juvenile participants:
 A comparative study of school conflict
 and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

Г) непонимание себя* / failure to understand themselves Д) вина / guilt Е) сожаление / regret Ж) - З) -	Д) - Е) - Ж) обида / resentment З) беззащитность / helplessness
4. Обидчика после инцидента / of the offender after the incident А) страх* / fear Б) - В) - Г) - Д) -	4. Обидчика после инцидента / of the offender after the incident А) - Б) сожаление / regret В) вина / guilt Г) переживание из-за произошедшего / worry about what happened Д) огорчение / sorrow
5. Обидчика во время программы / of the offender during the program А) сожаление / regret Б) раскаяние / remorse В) стыд / shame Г) расстройство / distress Д) радость (из-за согласия потерпевшего поговорить)* / joy (because of the victim's consent to talk) Е) -	5. Обидчика во время программы / of the offender during the program А) сожаление / regret Б) раскаяние / remorse В) стыд / shame Г) - Д) - Е) недовольство поведением оппонента / dissatisfaction with the opponent's behavior
6. Родителей потерпевшего / of victim's parents А) обеспокоенность / worry Б) расстройство / distress В) возмущение / resentment	6. Родителей потерпевшего / of victim's parents А) обеспокоенность / worry Б) - В) -
7. Родителей обидчика / of the offender's parents А) «не могла поверить»* / couldn't believe Б) «надежда на чудо»* / hope for a miracle В) волнение за будущее ребенка / worry about the child's future Г) опасение последствий / fear of consequences Д) неприятное удивление / an unpleasant surprise Е) беспокойство / worry	7. Родителей обидчика / of the offender's parents А) - Б) - В) - Г) - Д) - Е) беспокойство* / worry

Примечание: знаком «*» отмечены категории, которые встретились 1—2 раза
Note: The "*" sign marks categories that have met 1—2 times.

Пастухова Е.Г. (2025)
 Восстановительная медиация с участием
 несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
 по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
 Restorative mediation with juvenile participants:
 A comparative study of school conflict
 and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

В табл. 3 представлена категория, посвященная тем действиям, которые предпринимает медиатор в ходе встреч со сторонами конфликта. Данная категория является одной из наиболее интересующих нас, так как она отражает работу медиатора, направленную на организацию диалога между сторонами и разрешение разногласий. Несмотря на наш интерес, данная категория не представляет собой единой картины и структуры происходящего на встречах. Основываясь на тех данных, которые у нас имеются, можно сделать вывод, что действия медиаторов схожи в анализируемых типах восстановительной медиации. Различающиеся подкатегории являются частными, редкими случаями.

Таблица 3 / Table 3

Категория «Действия» медиатора на встречах»
Category “Mediator’s actions at meetings”

Медиация по уголовным делам / Mediation in criminal cases	Школьная медиация / School mediation
1. Вопросы / questions А) о произошедшем* / about the incident Б) на уточнение позиции обидчика* / to clarify the position of the offender В) о желании обидчика выразить свое видение ситуации* / about the offender's desire to express his vision of the situation Г) уточнение информации / clarifying information Д) о чувствах обидчика / about the feelings of the offender Е) о чувствах потерпевшего / about the victim's feelings Ж)-	1. Вопросы / questions А) о произошедшем* / about the incident Б) на уточнение позиции обидчика* / to clarify the position of the offender В) о желании обидчика выразить свое видение ситуации* / about the offender's desire to express his vision of the situation Г) уточнение информации / clarifying information Д) о чувствах обидчика / about the feelings of the offender Е) о чувствах потерпевшего / about the victim's feelings Ж) на прояснение взаимоотношений между сторонами / to clarify the relationship between the parties
2. Реализация альтернативной формы коммуникации между сторонами* / Implementation of an alternative form of communication between the parties	2. -
3. Исцеление жертвы / Healing the victim А) психологическая работа / psychological work Б) предложение психологических занятий	3. -
4. Создание комфортной атмосферы / Creating a comfortable atmosphere	4. Создание комфортной атмосферы / Creating a comfortable atmosphere
5. Организация диалога между сторонами / Organization of a dialogue between the parties	5. Организация диалога между сторонами / Organization of a dialogue between the parties

Пастухова Е.Г. (2025)
Восстановительная медиация с участием
несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
Restorative mediation with juvenile participants:
A comparative study of school conflict
and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

6. Выяснение последствий произошедшего* / Clarifying the consequences of the incident	6. Выяснение последствий произошедшего / Clarifying the consequences of the incident
7. Донесение до потерпевшего намерения обидчика встретиться / Informing the victim of the offender's intention to meet	7. -
8. Напоминание потерпевшему о намерении обсудить случившееся* / Reminding the victim of the intention to discuss the incident	8. -
9. Помощь в поиске лучшей формы речи для выражения мнения* / Help in finding the best form of speech to express an opinion	9. -
10. Контроль установления особой формы коммуникации* / Control over the establishment of a special form of communication	10. -
11. Фиксация тем для примирительной встречи* / Fixing topics for a reconciliation meeting	11. Фиксация тем для примирительной встречи* / Fixing topics for a reconciliation meeting
12. Объяснение нейтральной позиции медиатора / Explanation of the mediator's neutral position	12. Объяснение нейтральной позиции медиатора / Explanation of the mediator's neutral position
13. Обсуждение чувств / Discussing feelings	13. Обсуждение чувств / Discussing feelings
14. Мотивирование участников к разговору* / Motivating participants to talk	14. Мотивирование участников к разговору* / Motivating participants to talk
15. «Нравоучение»* / moralizing	15. -
16. Обсуждение / discussion А) последствий произошедшего / the consequences of the incident Б) потребностей потерпевшего / victim's needs В) ценностей потерпевшего / victim's values	16. Обсуждение / discussion А) последствий произошедшего / the consequences of the incident Б) - В) ценностей потерпевшего / victim's values
17. Привлечение дополнительных участников / Inviting additional participants А) психолог* / psychologist Б) - В) -	17. Привлечение дополнительных участников / Inviting additional participants А) - Б) свидетелей конфликта / witnesses В) одноклассников / classmates
18. Управление ходом встречи / moderating the meeting	18. Управление ходом встречи / moderating the meeting

Примечание: знаком «*» отмечены категории, которые встретились 1—2 раза.

Note: the “*” sign marks categories that have met 1—2 times.

Говоря о намерениях сторон конфликта, можно отметить (табл. 4), что в случае описаний школьного примирения авторами в меньшей степени описываются разнообразные намерения, нежели в случае уголовных конфликтов. При этом намерения обидчика и пострадавшего

направлены именно на разрешение ситуации, восстановление отношений, объяснение причин поступка, разговор о сложившихся взаимоотношениях. Оригинальными категориями в случае уголовных кейсов являются те, которые отражают желание обидчика помочь пострадавшему, компенсировать материальный вред пострадавшему или своему родителю. При этом, в силу отсутствия родителей на программах, подкатегория их намерений не раскрыта.

Таблица 4 / Table 4

Категория «Намерения сторон»
Category “Intentions of the parties”

Медиация по уголовным делам / Mediation in criminal cases	Школьная медиация / School mediation
1. Обидчика / offender А) разрешить конфликт / resolve the conflict Б) примириться / reconcile В) извиниться / apologize Г) помогать потерпевшему / help the victim Д) наладить контакт с потерпевшим / establish contact with the victim Е) компенсировать материальный вред потерпевшему / compensate for material damage to the victim Ж) компенсировать своим родителям потраченные деньги / compensate your parents for the money spent З) объяснить причины поступка / explain the reasons for the action И) предотвращение подобных (случайных) поступков* / preventing such (accidental) acts К) - Л) -	1. Обидчика / offender А) разрешить конфликт / resolve the conflict Б) примириться / reconcile В) извиниться / apologize Г) - Д) наладить контакт с потерпевшим / establish contact with the victim Е) - Ж) - З) объяснить причины поступка / explain the reasons for the action И) - К) разобраться в ситуации / understand the situation Л) разрешить конфликт / resolve the conflict
2. Потерпевшего / victim А) узнать причины произошедшего / find out the reasons for the incident Б) готовность примирения / willingness to reconcile В) - Г) -	2. Потерпевшего / victim А) узнать причины произошедшего / find out the reasons for the incident Б) готовность примирения / willingness to reconcile В) разобраться в ситуации / understand the situation Г) разрешить конфликт / resolve the conflict
3. Родителей потерпевшего / victim's parents А) подать заявление в суд * / to sue Б) потребовать материальную компенсацию* / to demand financial compensation В) -	3. Родителей потерпевшего / victim's parents А) - Б) - В) разобраться в ситуации* / understand the situation
4. Родителей обидчика / offender's parents	4. -

Пастухова Е.Г. (2025)
Восстановительная медиация с участием
несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
Restorative mediation with juvenile participants:
A comparative study of school conflict
and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

А) извиниться / apologize	
Б) возместить расходы / compensate the costs	

Примечание: знаком «*» отмечены категории, которые встретились 1—2 раза.

Note: the “*” sign marks categories that have met 1—2 times.

В большинстве случаев, задуманные намерения реализовывались, вследствие чего стороны предпринимали действия с целью прояснения ситуации конфликта, извинения, обсуждения произошедшего.

Категория «Обсуждаемые темы на примирительной встрече» в табл. 5 наглядно отражает специфику восстановительных программ в школе. Помимо общих тем с программами по уголовным делам, медиаторы в школе поднимают темы, посвященные предотвращению повторных конфликтов, изменению взаимоотношений между сторонами, обсуждению причин конфликта и произошедшего. Анализ данной категории является важным, так как он отражает социальный контекст, в котором происходит взаимодействие между участниками. А взаимодействие имеет свое прошлое, настоящее и будущее, так как стороны разногласий являются учащимися одной школы, что исключает возможность забывания друг о друге, произошедшем конфликте и разногласиях.

Таблица 5 / Table 5

Категория «Обсуждаемые темы на примирительной встрече»
Category “Topics discussed at the reconciliation meeting”

Медиация по уголовным делам / Mediation in criminal cases	Школьная медиация / School mediation
1. Будущее обидчика / the future of the offender	1. -
2. Мотивы обидчика / the motives of the offender	2. Мотивы обидчика / the motives of the offender
3. Причины важности мирного разрешения для стороны обидчика / The reasons for the importance of a peaceful resolution for the abuser's side	3. Причины важности мирного разрешения для стороны обидчика / 3. The reasons for the importance of a peaceful resolution for the abuser's side
4. Реализованное родителями наказание обидчика* / Punishment of the offender implemented by the parents	4. -
5. Обсуждение произошедшего / Discussing what happened	5. Обсуждение произошедшего / Discussing what happened
6. Вопросы материальной компенсации / Financial compensation issues	6. -
7. Давний конфликт* / Long-standing conflict	7. Давний конфликт* / Long-standing conflict
8. Причины конфликта / Causes of the conflict	8. Причины конфликта / Causes of the conflict
9. Чувства сторон / Feelings if the parties	9. Чувства сторон / Feelings if the parties

Пастухова Е.Г. (2025)
Восстановительная медиация с участием
несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
Restorative mediation with juvenile participants:
A comparative study of school conflict
and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

10. -	10. Неповторение ситуации конфликта / Preventing repetition of a conflict situation
11. -	11. Взаимоотношения между сторонами / Relationship between the parties
12. -	12. Дальнейшее взаимодействие сторон / Further interaction of the parties
13. -	13. Возможное изменение поведения при дальнейшем взаимодействии / Possible behavior change during further interaction
14. -	14. Способы улучшения взаимоотношений / Ways to improve relationships
15. -	15. Последствия конфликта / Consequences of the conflict

Примечание: знаком «*» отмечены категории, которые встретились 1—2 раза.

Note: the “*” sign marks categories that have met 1—2 times.

Анализируя табл. 6, можно заключить, что в качестве результатов реализации программы выделяются как общие, так и различные аспекты итогов примирительной встречи. Если в случае медиации по уголовным делам в качестве основных результатов отмечаются примирение, извинение обидчика, прекращение уголовного дела, удовлетворенность программой и ее итогами, то в случае школьной медиации, помимо вышеперечисленного (кроме прекращения уголовного дела) на первый план выходит именно восстановление отношений, причем как между непосредственными сторонами инцидента, так и с одноклассниками. Кроме этого, отмечается важность изменения стратегий поведения после завершения программ и изменение видения конфликта (его причин и последствий), а также важным становится пережитый участниками опыт конструктивного разрешения конфликтов, обсуждение разногласий, открытый диалог.

Таблица 6 / Table 6

Категория «Результаты программы»
Category “Results of the program”

Медиация по уголовным делам / Mediation in criminal cases	Школьная медиация / School mediation
1. Примирение / Reconciliation - да / yes - нет* / no	1. Примирение / Reconciliation - да / yes - нет* / no
2. Удовлетворенность итогами стороны обидчика / Satisfaction with the results of the offender's side	2. Удовлетворенность итогами стороны обидчика / Satisfaction with the results of the offender's side
3. Удовлетворенность итогами стороны пострадавшего / Satisfaction with the results of the victim's side	3. Удовлетворенность итогами стороны пострадавшего / Satisfaction with the results of the victim's side
4. Исцеление пострадавшего / Healing the victim	4. -

Пастухова Е.Г. (2025)
 Восстановительная медиация с участием
 несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
 по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
 Restorative mediation with juvenile participants:
 A comparative study of school conflict
 and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

5. Прекращение уголовного дела / Termination of the criminal case	5. -
6. Реабилитация обидчика / Rehabilitation of the offender	6. Реабилитация обидчика (в глазах одноклассников) / Rehabilitation of the offender (with classmates)
7. Извинение обидчика / The offender's apology	7. Извинение обидчика / The offender's apology
8. Осознание вины обидчиком / Awareness of the offender's guilt	8. Осознание вины обидчиком / Awareness of the offender's guilt
9. Благодарность сторон / Gratitude of the parties	9. Благодарность сторон / Gratitude of the parties
10. Принятие на себя ответственности обидчиком / Assuming responsibility by the offender	10. Принятие на себя ответственности обидчиком / Assuming responsibility by the offender
11. Изменение отношений в семье обидчика / Changing relationships in the abuser's family	11. -
12. Работа с идентичностью обидчика* / Dealing with the identity of the abuser	12. -
13. Работа с идентичностью потерпевшего* / Working with the victim's identity	13. -
14. Установление контакта между обидчиком и потерпевшим после программы* / Establishing contact between the abuser and the victim after the program	14. Установление контакта между обидчиком и потерпевшим после программы / Establishing contact between the offender and the victim after the program
15. Изменения в поведении обидчика после программы / Changes in the offender's behavior after the program А) появление чувства ответственности* / the emergence of a sense of responsibility Б) снижение агрессивности / reduction of aggression	15. Изменения в поведении обидчика после программы / Changes in the offender's behavior after the program А) - Б) -
16. -	16. Дружба между конфликтующими сторонами / Friendship between conflicting parties
17. -	17. Разрешение длящегося конфликта / Resolution of the ongoing conflict
18. -	18. Примирительный договор / Reconciliation agreement
19. -	19. Изменения в поведении при взаимодействии сторон / Changes in behavior during interaction between the parties
20. -	20. Опыт участников в разрешении конфликтов конструктивным путем /

Пастухова Е.Г. (2025)
Восстановительная медиация с участием
несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
Restorative mediation with juvenile participants:
A comparative study of school conflict
and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

	Participants' experience in resolving conflicts in a constructive way
21. -	21. Урегулирование конфликта без привлечения администрации и родителей / Conflict resolution without involving the administration and parents
22. -	22. Признание своей неправоты участниками конфликта / Recognition of their wrongdoing by the parties to the conflict
23. -	23. Изменение видения конфликта сторонами конфликта / Changing the vision of the conflict by the parties to the conflict

Примечание: знаком «*» отмечены категории, которые встретились 1—2 раза.

Note: the “*” sign marks categories that have met 1—2 times.

К основным фактам дальнейшей жизни сторон конфликта, которые медиаторы могли наблюдать непосредственно или же по рассказам классного руководителя, относятся улучшение как межличностных отношений, так и отношений с классом, а также изменение поведения в конфликтных ситуациях и во взаимодействии друг с другом. В случае же уголовных ситуаций данные категории, к сожалению, не отражают какие-либо изменения в жизни, кроме как улучшение отношений в семье у пострадавшего.

Обсуждение результатов

Проведенное эмпирическое исследование подтверждает реализацию основных положений восстановительного подхода на практике, как в контексте уголовных дел, так и при разрешении школьных конфликтов. Так, контент-анализ подтвердил, что на встречах происходят обращение к чувствам участников, исцеление пострадавшего/потерпевшего и ресоциализация обидчика, соблюдается нейтральная позиция медиатора, обсуждается вопрос о предотвращении повторных инцидентов. Также обидчик имеет возможность не только осознать свой проступок, но и предпринять действия по заглаживанию причиненного вреда.

На основании проведенного сравнительного анализа двух направлений реализации восстановительной медиации можно заключить о трех существенных отличиях программ по школьным конфликтам от программ по уголовным делам с участием несовершеннолетних.

1. Размытие границ между ролью обидчика и пострадавшего.

Несмотря на то, что в рамках программы данные роли, как правило, обозначены, в действительности же мы имеем дело с более сложной структурой взаимоотношений. Из описаний программ видно, что зачастую обидчиком в конкретном инциденте выступает тот, над кем издевались некоторое время одноклассники. Или же тот, кто первым «не выдержал» и применил силу в драке. Также в описаниях встречаются случаи, когда школьник защищался от агрессии одноклассника, но из-за способа защиты перешел из роли жертвы в роль обидчика. Также нами было проанализировано несколько программ, которые в принципе не предполагали ролевого разделения. Целью данных восстановительных программ было примирение сторон в ходе затяжного или внезапного конфликта.

2. У каждого инцидента есть своя предыстория конфликта.

Ситуации, разрешением которых занимается медиация по уголовным делам, зачастую, возникают внезапно, без особого взаимодействия между участниками до момента инцидента. По завершению программы также напрямую не предполагается взаимодействие сторон, а продолжение взаимоотношений является сугубо инициативой участников. В случае же школьной медиации участники находятся в одной социальной среде, а значит, имеют опыт взаимодействия друг с другом. Более того, после завершения программы предполагается, что в одной среде участники и останутся. Данный факт определяет необходимость не только поспособствовать конструктивному диалогу, примирить стороны, привести к какому-либо соглашению, но и обсудить способы и пути дальнейшего взаимодействия между участниками.

3. Участие в конфликте одноклассников.

Помимо того, что не всегда удастся определить, где обидчик, а где пострадавший (не в контексте конкретной программы медиации, а в контексте общего конфликта), также имеет значение тот факт, что зачастую в конфликте участвуют одноклассники и друзья непосредственных участников программы. То есть медиаторы начинают программу с двумя оппонентами, но на самом деле в конфликте задействованы и другие люди. В связи с этим возникает необходимость рассматривать конфликт между группами и группой и личностью. Как правило, медиаторы учитывают данную специфику и приглашают на встречи свидетелей-участников конфликта. Или же организывают дополнительные встречи либо другие восстановительные программы (к примеру, «Круги сообщества») для вовлечения всех школьников, принимавших участие в конфликте.

Заключение

Проведя эмпирическое исследование, мы получили результаты, которые расширяют понимание специфики практической реализации восстановительной медиации в работе с несовершеннолетними. Описание программ, реализованных в рамках восстановительного подхода, представляет собой разносторонний материал, включающий в себя как реализацию идей восстановительного правосудия, так и информацию об особенностях проведения программ в нашей стране. В процессе восстановительных программ происходит установление контакта между пострадавшим и обидчиком, который необходим для организации непосредственного взаимодействия сторон. Еще одним важным действием, реализующимся в восстановительных программах, является обращение к чувствам участников, причем к чувствам на разных этапах развития конфликта. Во время примирения школьников деятельность медиатора направлена не только на примирение, учет потребностей и организацию диалога, но и на обсуждение дальнейших стратегий и путей взаимодействия в едином социальном контексте.

В работе был осуществлен сравнительный анализ восстановительных программ, проведенных в рамках уголовных дел и школьных конфликтов. Сравнительный анализ показал специфику восстановительных программ в школе, которая заключается в необходимости учета предыстории конфликта, обсуждении дальнейшего общения, привлечении одноклассников, а также в сложности ролевого распределения «обидчика» и «пострадавшего».

В дальнейших исследованиях нам представляется важным уделить внимание социально-психологическим эффектам, которые оказывают восстановительные программы.

Пастухова Е.Г. (2025)
Восстановительная медиация с участием
несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
Restorative mediation with juvenile participants:
A comparative study of school conflict
and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

Необходимым является смещение фокуса внимания с процедуры программ на те эффекты, которые оказывает опыт участия в восстановительных программах, такими эффектами могут быть развитие коммуникативных навыков, улучшение социально-психологического климата, профилактика девиантного поведения. Данное направление является перспективным в связи с тем, что, во-первых, восстановительный подход ставит перед собой цель не только разрешить конфликт, но и восстановить отношения, получить опыт конструктивного взаимодействия и наладить атмосферу в сообществе, а во-вторых, имеется ряд зарубежных исследований, посвященных данной проблематике, в связи с чем актуально исследование положения дел в России. В силу методологической сложности изучения процесса разрешения конфликта видится перспективным использование смешанных методов исследования, которые предполагают совмещение качественной и количественной стратегий исследования.

Ограничения. К ограничениям проведенного исследования можно отнести опосредованное изучение программ в силу конфиденциальности процесса и сложной доступностью эмпирического материала. Кроме того, к ограничениям стоит отнести тот факт, что тексты представляют собой неструктурированное описание, авторами которых выступили непосредственные ведущие программ, что может влиять на перечень выделенных категорий.

Limitations. The limitations of the conducted research include the indirect study of programs due to the confidentiality of the process and the difficulty of accessing empirical material. In addition, the limitations include the fact that the texts are an unstructured description, the authors of which were the direct hosts of the programs, which may affect the list of selected categories.

Список источников / References

1. Андреева, Г.М. (2021). *Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений* (5-е изд., испр. и доп.). М.: Аспект Пресс.
Andreeva, G.M. (2021). *Social Psychology: A Textbook for Higher Educational Institutions* (5th rev. and exp ed.). Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
2. Анцупов, А.Я., Шипилов, А.И. (2000). *Конфликтология: Учебник для вузов*. М.: Юнити.
Antsupov, A.Ya., Shipilov, A.I. (2000). *Conflictology: A Textbook for Universities*. Moscow: Unity Publ. (In Russ.).
3. Буслаева, Е.Л., Власова, Н.В. (2024). Особенности межличностного взаимодействия подростков, склонных к проявлению агрессии. *Психология и право*. 14(2), 33—44.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140203>
Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2024). Characteristics of Interpersonal Interaction of Adolescents Prone to Aggression. *Psychology and Law*, 14(2), 33—44. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140203>
4. Бусыгина, Н.П. (2011). *Методология качественных исследований в психологии: Учебное пособие*. М.: МГППУ.
Busygina, N.P. (2011). *Methodology of Qualitative Research in Psychology: Textbook*. Moscow: MSUPE Publ. (In Russ.).
5. Гришина, Н.В. (2023). *Психология конфликта* (3-е изд.). СПб: Питер.
Grishina, N.V. (2023). *Psychology of Conflict* (3rd ed.). Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).
6. Зер, Х. (2002). *Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание* (Л.М. Карнозова, общ. ред.). Пер с англ. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа».
Zehr, H. (2002). *Restorative Justice: A New Perspective on Crime and Punishment*

Пастухова Е.Г. (2025)
Восстановительная медиация с участием
несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
Restorative mediation with juvenile participants:
A comparative study of school conflict
and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

(L.M. Karnozova, ed.). Trans. from Eng. Moscow: Center for Judicial and Legal Reform. (In Russ.).

7. Карнозова, Л.М. (2024). *Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление)*. М.: Проспект.
Karnozova, L.M. (2024). *Introduction to Restorative Justice (Mediation in Response to Crime)*. Moscow: Prospect Publ. (In Russ.).
8. Кондратьев М.Ю. (2025а). *Социальная психология образования* (2-е изд.). М.: Юрайт.
Kondratyev, M.Yu. (2025a). *Social Psychology of Education* (2nd ed.). Moscow: Yurait Publ. (In Russ.).
9. Кондратьев, М.Ю. (2025б). *Социально-психологическая служба в образовании* (2-е изд.). М.: Юрайт.
Kondratyev, M.Yu. (2025b). *Socio-Psychological Service in Education* (2nd ed.). Moscow: Yurait. (In Russ.).
10. Коновалов, А.Ю. (2012). *Школьные службы примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство* (Л.М. Карнозова, ред.). М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа».
Konovalov, A.Yu. (2012). *School Reconciliation Services and Restorative Culture of Relationships: A Practical Guide* (L.M. Karnozova, ed.). Moscow: Center for Judicial and Legal Reform. (In Russ.).
11. Кристи, Н. (1999). *Конфликт как собственность*. Пер. с англ. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия.
Christie, N. (1999). *Conflict as Property*. Trans. from Eng. Moscow: Center for the Promotion of Criminal Justice Reform. (In Russ.).
12. Пастухова Е.Г. (2025). От наказания к диалогу: практика школьных служб примирения. *Социальная психология и общество*, 16(2), 155—176. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160210>
Pastukhova, E.G. (2025). From punishment to dialogue: the practice of school reconciliation services. *Social Psychology and Society*, 16(2), 155—176. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160210>
13. Петровская, Л.А. (2007). *Общение — компетентность — тренинг: избранные труды* (О.В. Соловьева ред.-сост.). М.: Смысл.
Petrovskaya, L.A. (2007). *Communication-Competence-Training: Selected Works* (O.V. Solovyova, ed.). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.).
14. Пономарёва, Е.А. (2014). Буллинг как социально-педагогическая проблема взаимоотношений в подростковой среде. *Социальное развитие современного российского общества: достижения, проблемы, перспективы*, 6, 143—151. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21810697> (дата обращения: 15.05.2025).
Ponomareva, E.A. (2014). Bullying as a socio-pedagogical problem of relationships in the adolescent environment. *Social Development of Modern Russian Society: Achievements, Problems, Prospects*, 6, 143—151. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21810697> (viewed: 15.05.2025).
15. Привалихина, Т.И. (2004). *Уровень и содержание конфликтной компетентности как образовательный эффект начальной школы: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 Психология развития, акмеология*. Красноярский государственный университет.

Пастухова Е.Г. (2025)
Восстановительная медиация с участием
несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
Restorative mediation with juvenile participants:
A comparative study of school conflict
and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

Красноярск.

Privalikhina, T.I. (2004). *The level and content of conflict competence as an educational effect of primary school: Diss. Cand. of Psychol. Sci.: 19.00.13 Developmental Psychology, Acmeology*. Krasnoyarsk State University. Krasnoyarsk. (In Russ.).

16. Рецинджер, С.М., Шефф, Т.Дж. (2001). Стратегия для общинных конференций: эмоции и социальные связи. *Вестник восстановительной юстиции*, 3, 94—114.
Retzinger, S.M., Sheff, T.J. (2001). A strategy for community conferences: emotions and social connections. *Bulletin of Restorative Justice*, 3, 94—114. (In Russ.).
17. Синягина, Н.Ю., Райфшнайдер, Т.Ю. (2016). *Наставничество в системе образования России*. М.: Рыбаков Фонд.
Sinyagina, N.Y., Reifschneider, T.Yu. (2016). *Mentoring in the Russian education system*. Moscow: Rybakov Foundation Publ. (In Russ.).
18. Скутина, Т.В. (2008). *Конфликтная компетентность как ресурс развития межличностного общения подростков: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 Психология развития, акмеология*. М.
Skutina, T.V. (2008). *Conflict Competence as a Resource for the Development of Interpersonal Communication in Adolescents: Diss. Cand. of Psychol. Sci.: 19.00.13 Developmental Psychology, Acmeology*. Moscow. (In Russ.).
19. Хасан, Б.И. (1996). *Психотехника конфликта и конфликтная компетентность*. Красноярск: Фонд ментального здоровья.
20. Khasan, B.I. (1996). *Psychotechnics of conflict and conflict competence*. Krasnoyarsk: Mental Health Foundation Publ. (In Russ.).
21. Хасан, Б.И. (2006). *Психология конфликта и переговоры: Учебное пособие (2-е изд.)*. М.: Академия.
Khasan, B.I. (2006). *Psychology of conflict and negotiation: Textbook (2nd ed.)*. Moscow: Akademiya Publ. (In Russ.).
22. Coser, L. (1968). *The Functions of Social Conflict*. London: Routledge and Paul.
23. Goddard, R. (1986). The healthy side of conflict. *Management World*, 15, 8—12.
24. Göksoy, S., Argon, T. (2016). Conflicts at schools and their impact on teachers. *Journal of Education and Training Studies*, 4(4), 197—205. <https://doi.org/10.11114/jets.v4i4.1388>
25. Hayes, H., McGee, T.R., Cerruto, M. (2011). Explaining continuity and change in offending behaviour after a restorative justice conference. *Current Issues in Criminal Justice*, 23(2), 127—143. <https://doi.org/10.1080/10345329.2011.12035915>
26. Hollands, F.M., Leach, S.M., Shand, R., Head, L., Wang, Y., Dossett, D., Chang, F., Yan, D, Martin, M., Pan, Y., Hensel, S. (2022). Restorative Practices: Using local evidence on costs and student outcomes to inform school district decisions about behavioral interventions. *Journal of School Psychology*, 92, 188—208. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2022.03.007>
27. Huang, F.L. (2018). Mediation as a tool for reducing bullying in schools. *Australian Journal of Education*, 62(1), 57—70.
28. Joseph-McCatty, A.A., Hnilica, R.J. (2023). Restorative practices: The application of restorative circles in a case study school. *Teaching and Teacher Education*, 121, Article 103935. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103935>

Пастухова Е.Г. (2025)
Восстановительная медиация с участием
несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
Restorative mediation with juvenile participants:
A comparative study of school conflict
and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

29. Kehoe, M., Bourke-Taylor, H., Broderick, D. (2018). Developing student social skills using restorative practices: A new framework called H.E.A.R.T. *Social Psychology of Education*, 21(1), 189—207. <https://doi.org/10.1007/s11218-017-9402-1>
30. Latimer, J., Dowden, C., Muise, D. (2005). The Effectiveness of Restorative Justice Practices: A Meta-Analysis. *Prison Journal*, 85(2), 127—144. <https://doi.org/10.1177/0032885505276969>
31. Marcucci, O. (2021). Why restorative justice works in schools: An investigation into the interactional dynamics of restorative circles. *Learning, Culture and Social Interaction*, 31(1), Article 100561. <https://doi.org/10.1016/j.lcsi.2021.100561>
32. Moran, E., Sloan, S., Walsh, E., Taylor, L. (2024). Exploring restorative practices: Teachers' experiences with early adolescents. *International Journal of Educational Research Open*, 6, Article 100323. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2024.100323>
33. Short, R., Case, G., McKenzie, K. (2018). The long-term impact of a whole school approach of restorative practice: The views of secondary school teachers. *Pastoral Care in Education*, 36(4), 313—324. <https://doi.org/10.1080/02643944.2018.1528625>
34. Thomas, K.W., Kilmann, R.H. (1990). *The Thomas-Kilman Conflict Mode Instrument*. XICOM.
35. Todić, J., Cubbin, C., Armour, M., Rountree, M., González, T. (2020). Reframing school-based restorative justice as a structural population health intervention, *Health and Place*, 62, Article 102289. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2020.102289>
36. Törnklü, A. (2011). Peer mediators' perceptions of the mediation process. *Education and Science*, 36(159), 179—190.
37. Weber, C., Vereenoghe, L. (2020). Reducing conflicts in school environments using restorative practices: A systematic review. *International Journal of Educational Research Open*, 1, Article 100009. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2020.100009>

Информация об авторах

Екатерина Георгиевна Пастухова, аспирант кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация; ассистент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0068-0972>, e-mail: paseka0706@gmail.com

Information about the authors

Ekaterina G. Pastukhova, Postgraduate Student, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Assistant Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0068-0972>, e-mail: paseka0706@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Пастухова Е.Г. (2025)
Восстановительная медиация с участием
несовершеннолетних: сравнительный анализ программ
по школьным конфликтам и уголовным делам
Психология и право, 15(3), 122—145.

Pastukhova E.G. (2025)
Restorative mediation with juvenile participants:
A comparative study of school conflict
and criminal case programs
Psychology and Law, 15(3), 122—145.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 30.05.2025
Поступила после рецензирования 30.07.2025
Принята к публикации 30.07.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.05.30
Revised 2025.07.30
Accepted 2025.07.30
Published 2025.09.30

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Асоциальная креативность и информационно-смысловое поле личности

Н.В. Мешкова¹✉, В.Т. Кудрявцев^{1,2}, М.С. Рыбакова¹, Д.В. Яковлева¹, И.А. Мешков³

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация

³ Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация

✉ nmeshkova@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Описанный ранее феномен асоциальной (антисоциальной) креативности реализуется в поведении людей не непосредственно, а через реорганизацию информационно-смыслового поля, которое задает социальная ситуация развития современного человека. Психологические характеристики этого процесса недостаточно ясны и требуют детализации в эмпирическом исследовании. **Цель.** Проанализировать связь склонности к поведению, в котором реализуется асоциальная (антисоциальная) креативность, с информационно-смысловым полем личности в соотношении с чертами Светлой триады и оценками современного общества и выявить особенности профиля людей с высоким уровнем асоциальной креативности. **Гипотеза.** существуют различия в информационно-смысловом поле, в оценке современного общества и уровне развития черт Светлой триады у людей с выраженной склонностью к поведению, в котором реализуется асоциальная креативность. **Методы и материалы.** Выборку составили 316 человек ($M = 30,6$, $SD = 14$, из них 68% — женщины). Использовались методики: «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (адаптация Н.В. Мешковой и др.), шкала «Светлая триада» (адаптация Н.В. Мешковой и др.), методика «Характеристики информационно-смыслового поля» (В.Т. Кудрявцев и др.), модифицированный опросник изучения правосознания сотрудников органов внутренних дел (Е.В. Распопин, О.В. Ермош). **Результаты.** Были выявлены значимые отрицательные корреляции антисоциальной креативности со светлой триадой и значимо положительные — с более негативным восприятием современного общества и с суммарным показателем информационно-смыслового поля. Непараметрические сравнения показали различия между людьми с разной склонностью к антисоциальной креативности в чертах Светлой

Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Рыбакова М.С.,
Яковлева Д.В., Мешков И.А. (2025)
Асоциальная креативность
и информационно-смысловое поле личности
Психология и право, 15(3), 146—159.

Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T., Rybakova, M.S.,
Yakovleva, D.V., Meshkov, I.A. (2025)
Malevolent creativity
and information-meaning field
Psychology and Law, 15(3), 146—159.

триады, восприятию современного общества и в информационно-смысловом поле личности. **Выводы.** 1. Люди с высокой склонностью к антисоциальной креативности обладают менее развитыми чертами Светлой триады по сравнению с теми, у кого эта склонность имеет низкие показатели. 2. Люди с низкой склонностью к антисоциальной креативности и высокими показателями Светлой триады более позитивны в восприятии современного общества. 3. Повышенная склонность к антисоциальной креативности сочетается с более высокими значениями по шкале «Применение информации» и суммарному показателю информационно-смыслового поля. Высокие значения в данном случае указывают на противоречия в информации и смыслах, которые составляют информационно-смысловое поле личности.

Ключевые слова: асоциальная (антисоциальная) креативность, социальная ситуация развития, информационно-смысловое поле, аберрации информационно-смыслового поля, манипулирование поведением, Светлая триада

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 25-18-00486 «Эффекты влияния асоциальной креативности на формирование информационно-смыслового поля в условиях проблемности социальной ситуации развития современного человека (2025—2027)», <https://rscf.ru/project/25-18-00486>

Для цитирования: Мешкова, Н.В., Кудрявцев, В.Т., Рыбакова, М.С., Яковлева, Д.В., Мешков, И.А. (2025). Асоциальная креативность и информационно-смысловое поле личности. *Психология и право*, 15(3), 146—159. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150310>

Malevolent creativity and information-meaning field

N.V. Meshkova¹✉, V.T. Kudryavtsev^{1, 2}, M.S. Rybakova¹, D.V. Yakovleva¹, I.A. Meshkov³

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

³ Independent Researcher, Moscow, Russian Federation

✉ nmeshkova@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The phenomenon of antisocial (antisocial) creativity described earlier is realized in human behavior not directly, but through the reorganization of the information and semantic field, which sets the social situation of modern human development. The psychological characteristics of this process are not clear enough and require detailed empirical research. **Objective.** To analyze the relationship between the propensity for behavior in which antisocial (antisocial) creativity is realized with the information and semantic field of personality in relation to the features of the bright triad and the assessments of modern society and to identify the profile features of people with a high level of antisocial creativity. **Hypothesis.** There are differences in the information and semantic field, in the assessment of modern society and the level of development of the features of the light triad in people

with a pronounced tendency to behavior in which antisocial creativity is realized.

Methods and materials. The sample: $N=316$, $M = 30.6$, $SD = 14.68\%$ women. The following methods were used: "Behavioral features of malevolent creativity" (Meshkova's adaptation, etc.), the "Light Triad Scale" (Meshkova's adaptation, etc.), the "Characteristics of the information and semantic field" methodology (Kudryavtsev, etc.), a modified questionnaire for studying the legal awareness of law enforcement officers (Raspopin, Ermosh). **Results.** Significant negative correlations of antisocial creativity with the light triad were revealed, and significantly positive correlations with a more negative perception of modern society and with the total indicator of the information and semantic field. Nonparametric comparisons have shown differences between people with different tendencies to antisocial creativity in the features of the light triad, perception of modern society and in the information and semantic field of personality. **Conclusions.** 1. People with a high tendency to antisocial creativity have less developed features of the light triad compared to those with low levels of this tendency. 2. People with a low tendency to antisocial creativity and high indicators of the light triad are more positive in their perception of modern society. 3. An increased tendency to antisocial creativity is combined with higher values on the scale of "Information application" and the total indicator of the information and semantic field. High values in this case indicate contradictions in information and meanings that make up the information and semantic field of a personality.

Keywords: malevolent creativity, social situation of development, information-meaning field, aberrations of the information-meaning field, manipulation of behavior, LTS

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number № 25-18-00486, <https://rscf.ru/project/25-18-00486>

For citation: Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T., Rybakova, M.S., Yakovleva, D.V., Meshkov, I.A. (2025). Malevolent creativity and information-meaning field. *Psychology and Law*, 15(3), 146—159. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150310>

Введение

Социальная ситуация развития современного человека в системе деятельности и человеческих отношений, складывающихся внутри и по поводу нее, отличается крайней проблемностью. Сложившиеся общественные значения подвергаются постоянной проблематизации в разнообразных формах переосмысления на индивидуальном и групповом уровне (Кудрявцев и др., 2025). «Зоны развития» совпадают с «зонами рисков», что не всегда является очевидным. Так, творчество может приобретать форму антисоциальной креативности, проявляющейся в широком диапазоне феноменов — от троллинга, буллинга и дезинформации, до мошенничества и политического манипулирования поведением людей в узкокорыстных интересах с опорой на мощный инструментарий, прежде всего цифровой, совершенствующийся быстрее, чем осмысливается сложившаяся ситуация. В итоге возникает особое информационно-смысловое поле с непредсказуемыми эффектами социальных взаимодействий в нем людей. Такова своего рода «обратная сторона креативности».

Под информационно-смысловым полем мы понимаем динамическую систему, объединяющую жизненное пространство субъекта(ов) и определяющую условия восприятия, интерпретации и реорганизации информации через отношение и поведение субъекта(ов). Эта система складывается в «синергии» личностных особенностей, жизненного опыта, культурных контекстов и социальных взаимодействий субъектов, создавая и объединяя внутреннее и внешнее «пространство смыслов» через сигнификацию — как инструмент управления информацией и регуляции поведения (Кудрявцев и др., 2025).

В нынешних условиях, когда ужесточается не только открытое идеологическое, военное, но и скрытое информационно-психологическое противостояние в рамках «транзитивной» модели жизни современного человека, можно говорить об абберациях информационно-смыслового поля личности внутри человеческой общности как эффектов асоциальной (антисоциальной) креативности. Ее прямыми продуктами являются слухи, домыслы, фальсификации, искажения, замалчивание информации — не просто в целях психологической манипуляции, а в той мере, в какой они становятся инструментами деформации образа мира и его смысловых фокусов, а в итоге — самоотношения личности.

Манипулирование информацией, целью которого является трансформация представлений, влияющих на социальное поведение (Тагильцева и др., 2022), их «информационный сбой» превращается в форму ее трансляции, циркулирования в обществе. Люди все чаще вовлекаются в различные процессы массовой коммуникации, социальная и психологическая деструктивность которых не всегда и не в полной мере оценивается ее участниками. Они невольно становятся «соучастниками» в порождении негативных информационно-смысловых полей, идентифицируя это с социально одобряемыми формами поведения, сферой самореализации, освоения новых социальных компетенций. Опираясь на понимание Л.С. Выготским творчества как порождения новых форм поведения при помощи инструментария культуры, мы рассматриваем креативность генераторов негативных информационно-смысловых полей как асоциальную, проявляющуюся в создании новых форм манипулирования поведением и их подчас добровольном принятии («я сам обманываться рад»).

При исследовании психологических особенностей жертв манипулятивного поведения на примере мошенничества ранее было выявлено, что такие характеристики, как интенция к сотрудничеству, целеустремленность, добросовестность, мотивированность, надежность, пунктуальность, в сочетании со страхом потерять имеющиеся материальные ценности, в определенных ситуациях могут усиливать предрасположенность к виктимности (Мешкова, Кудрявцев, Ениколопов, 2022), а сочетание низкого макиавеллизма, значимости ценностей безопасности и развитых черт Большой пятерки создает риск использования неконструктивных стратегий и подверженности молодежи манипулятивному воздействию (Мешкова и др., 2020). В то же время у людей, обладающих высоким макиавеллизмом и низко развитыми чертами Большой пятерки (согласие и добросовестность), отмечается склонность к асоциальной креативности: а) к генерированию оригинальных идей, наносящих вред (Jia, Wang, Lin, 2020; Jonason et al., 2017; Kapoor, 2015; Kapoor, Khan, 2018; Szabó et al., 2022) и б) к реализации этих идей в поведении — ко лжи, к мести и злым розыгрышам (Мешкова и др., 2020; Nao et al., 2016; Szabó et al., 2022). Таким образом, создается впечатление, что люди с высокой антисоциальной креативностью и характеристиками, противоположными

характеристикам жертв манипулятивного воздействия, могут не поддаваться манипуляциям других.

Между тем анализ результатов исследований, изучающих личностные и когнитивные корреляты веры обывателей в теории заговора и различным источникам дезинформации, показывает, что такие переменные, как компоненты Темной триады, черта согласие, высокая склонность к конспиративному мышлению (Кароор et al., 2024), низкое аналитическое и критическое мышление, низкая когнитивная рефлексия, связаны с подверженностью веры самым разным источникам дезинформации и неспособностью отличить правду от лжи (Кароор, Puthillam, 2024; Tagat et al., 2025). Это означает, что обладатели антисоциальной креативностью также могут быть не способны отличить правду от лжи.

Исходя из вышесказанного, возникают вопросы:

1. Существуют ли особенности информационно-смыслового поля у людей с высокой антисоциальной креативностью?

2. Каковы характеристики информационно-смыслового поля у людей, обладающих позитивными чертами личности? В данном случае нас интересуют черты Светлой триады, что задает рамку настоящего исследования. Авторы этого конструкта, С. Кауфман с коллегами, выявили положительные корреляции светлой триады с чертой согласие, с пунктами реактивности, описывающими прощение тех, кто украл деньги, и доброжелательность к тем, на кого следовало бы злиться, и отрицательные — с проактивной и реактивной агрессией, и пришли к выводу о том, что Светлая триада делает человека уязвимым для манипулятивного воздействия (Kaufman et al., 2019).

3. Одинаково ли выделенные нами категории людей оценивают современное общество?

Цель авторов данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать связь склонности к поведению, в котором реализуется асоциальная (антисоциальная) креативность, с информационно-смысловым полем личности в соотношении с чертами Светлой триады и оценками современного общества и выявить особенности профиля людей с разным уровнем асоциальной креативности. Мы выдвигаем гипотезу о том, что существуют различия в информационно-смысловом поле, в оценке современного общества и уровне развития черт Светлой триады у людей с выраженной склонностью к поведению, в котором реализуется асоциальная креативность.

Материалы и методы

Исследование проводилось в 2025 году с помощью Яндекс онлайн-формы. Выборку составили 316 человек ($M = 30,6$, $SD = 14$, из них 68% — женщины).

Использовались следующие методики: «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (в адаптации Н.В. Мешковой и др., 2018) и шкала «Светлая триада» (Kaufman et al., 2019, адаптация Н.В. Мешковой и др., 2025 (в печати) (далее — СТ). Шкала СТ состоит из трех шкал: «Вера в человечество» (вера в фундаментальную доброту людей), «Гуманизм» (оценка достоинства и ценности каждого человека) и «Кантианство» (отношение к другим людям как самоцели, а не средству достижения собственных целей) (Kaufman et al., 2019). Ввиду того, что работа над наполнением шкал опросника еще продолжается и авторы оригинальной версии рекомендуют использовать именно суммарный показатель светлой триады (Kaufman et al., 2019), мы анализировали данные по этому показателю. Шкала состоит

из 12 утверждений, на каждое из которых респонденту предлагается выразить степень своего согласия/несогласия по 5-балльной шкале (например: «Я склонен видеть в людях лучшее»; «Я склонен восхищаться другими», «Мне не комфортно манипулировать людьми, заставляя их делать то, что я хочу»).

Для исследования информационно-смыслового поля личности использовалась методика «Характеристики информационно-смыслового поля» (далее ХИСП), включающая 3 шкалы и состоящая из 9 утверждений: шкала «Получение информации» (далее — Пинф), шкала «Обработка информации» (далее — Обринф) и шкала «Применение информации» (далее — Приминф). Шкала «Пинф» описывает характеристики информационной составляющей информационно-смыслового поля личности. Шкала «Обринф» демонстрирует способность личности к когнитивной переработке информации — ее осмыслению, ведущему к формированию смысловой компоненты информационного поля. Шкала «Приминф» раскрывает ценность информационно-смыслового поля для удовлетворения потребностей личности. Методика построена по принципу семантического дифференциала. Респондентам предлагается выразить степень своего согласия/несогласия с предлагаемыми характеристиками информации о современном обществе по 7-балльной шкале: избыточность, динамичность и разнородность (шкала «Пинф»), понятность, размытость, запутанность (шкала «Обринф») и ошибочность, полезность и негативность (шкала «Приминф»). Баллы складываются по каждой шкале и затем по всем шкалам подсчитывается суммарный показатель информационно-смыслового поля (далее — СуммИСП). Методика была апробирована и в настоящий момент проходит проверка внешней валидности опросника, оценка его дискриминантных возможностей путем изучения различий в выборках лиц, имеющих разный доступ к информации, отличающихся способностями по ее обработке и возможностями применения (Кудрявцев и др., 2025).

Методика «ХИСП» была дополнена модифицированным опросником изучения правосознания сотрудников органов внутренних дел (Распопин, Ермош, 2015). Методика представляет собой ряд пословиц и поговорок, с которыми нужно выразить степень своего согласия/несогласия по 4-балльной шкале. Мы использовали шкалу «Правовой нигилизм». По задумкам авторов опросника данная шкала оценивает степень доверия/недоверия, уважения/неуважения испытуемого к нормам права, действенности и эффективности закона (Распопин, Ермош, 2015). Мы использовали данную шкалу для оценки идеального и современного общества, предложив выразить степень своего согласия с тем, насколько пословицы и поговорки характерны для современного и идеального общества (например: «Правила придуманы для того, чтобы их нарушать»; «Не подмажешь — не поедешь» и т. д., всего 10 утверждений). С помощью шкалы мы планировали выявить, насколько в восприятии респондентов в обществе распространен правовой нигилизм.

Статистическая обработка проводилась в программе jamovi 2.6.16 с использованием описательных статистик, корреляционного анализа и непараметрических сравнений по критерию Манна—Уитни.

Результаты

Описательные статистики полученных данных представлены в табл. 1.

Таблица / Table 1

Описательные статистики антисоциальной креативности, суммарного показателя черт светлой триады, переменных информационно-смыслового поля и оценки современного общества (N = 316)

**Descriptives of malevolent creativity, Information-Meaning Field,
Assessment of modern society, Light Triade Scale (N = 316)**

Переменные / Parameters	<i>M (SD)</i>	Минимум / Minimum	Максимум / Maximum	Асимметрия / Skewness SE = 0,13	Эксцесс / Kurtosis SE = 0,27
АК / MC	12,7 (7,35)	0	37	0,67	0,27
Оценка современного общества / AMS	28,6 (7,0)	10	40	−0,80	0,25
СуммИСП / Information-meaning field	29,6 (6,28)	9	49	−0,28	0,28
Пинф / IR	8,27 (3,45)	3	21	0,48	0,08
Обринф / IP	11,3 (3,46)	3	21	−0,06	−0,16
Приминф / IU	10,1 (3,03)	3	17	−0,30	−0,20
Суммарный показатель Светлой триады / LTS	44,1 (6,51)	23	60	−0,58	−0,32

Примечание: MC — Антисоциальная креативность, СуммИСП — Информационно-смысловое поле; Пинф — Получение информации; Обринф — Обработка информации; Приминф — Применение информации; SE — стандартная ошибка.

Note: MC — Malevolent Creativity, AMC — Assessment of modern society, IMF — Information-Meaning Field; IR — Information Receiving; IP — Information Processing; IU — Information Using; LTS — Light Triade Scale; SE — standard error.

Оценка нормальности распределения шкал проводилась на основе асимметрии и эксцесса. Только одна шкала «Обработка информации» имеет нормальное распределение, остальные переменные имеют ненормальное распределение, поскольку значение асимметрии больше критического значения для выборки 300 человек, составляющего $\pm 0,230$, при этом показатели эксцесса у всех переменных — в пределах критических значений: $\pm 0,818$.

Были выявлены следующие значимые корреляции антисоциальной креативности, по Спирмену: положительные — с оценками современного и идеального общества, с суммарным показателем информационно-смыслового поля, с обработкой и применением информации; отрицательные — со Светлой триадой. Светлая триада значимо отрицательно коррелирует с суммарным показателем информационно-смыслового поля, с оценкой современного общества и шкалой «Применение информации». Оценка современного общества значимо отрицательно коррелирует с получением информации и значимо положительно — с обработкой и применением информации (табл. 2).

Таблица / Table 2

**Корреляции антисоциальной креативности, суммарного показателя черт
Светлой триады, переменных информационно-смыслового поля
и оценки современного общества, по Спирмену (N = 316)**
**Correlation Matrix (rho) of malevolent creativity, Information-Meaning Field,
Assessment of modern society, Light Triade Scale (N = 316)**

Переменные / Parameters	АК / МС	Суммарный показатель светлой триады / LTS	Оценка современного общества / AMS
Оценка современного общества / AMS	0,14*	−0,20***	-
СуммИСП / Information-Meaning Field	0,17**	−0,16**	-
Пинф / IR	-	-	−0,17**
Обринф / IP	0,17**	-	0,12*
Приминф / IU	0,28***	−0,22***	0,22***
Суммарный показатель светлой триады / LTS	−0,35***	-	-
Оценка идеального общества / AIS	0,20***	-	-

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$; АК — Антисоциальная креативность, СуммИСП — Информационно-смысловое поле; Пинф — Получение информации; Обринф — Обработка информации; Приминф — Применение информации.

Note: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$; MC — Malevolent Creativity, AMC — Assessment of modern society, IMF — Information-Meaning Field; IR — Information Receiving; IP — Information Processing; IU — Information Using; LTS — Light Triade Scale; AIS — Assessment of ideal society.

Выборка была разделена на 2 группы по величине среднего переменной антисоциальной креативности: группа 1 (N = 179) — респонденты со значением меньше среднего и группа 2 (N=137) — респонденты со значением выше и равно среднему. Непараметрические сравнения по критерию Манна—Уитни показали, что выделенные группы различаются по следующим переменным: по сравнению с группой 1 у группы 2 ниже суммарный показатель черт Светлой триады и выше значения оценки современного общества, суммарного показателя информационно-смыслового поля и шкалы «Применение информации» (табл. 3).

Таблица / Table 3

**Непараметрические сравнения переменных (критерий Манна—Уитни) в группах со
значением антисоциальной креативности выше и ниже среднего значения**
**Nonparametric comparisons of variables (Mann-Whitney U) in groups with malevolent
creativity values above and below the mean**

Переменные / Parameters	Результат / Statistic	p	Значение эффекта / Rank biserial correlation Effect Size
Суммарный показатель светлой триады / LTS	8331	< 0,001	−0,3206

Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Рыбакова М.С.,
Яковлева Д.В., Мешков И.А. (2025)
Асоциальная креативность
и информационно-смысловое поле личности
Психология и право, 15(3), 146—159.

Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T., Rybakova, M.S.,
Yakovleva, D.V., Meshkov, I.A. (2025)
Malevolent creativity
and information-meaning field
Psychology and Law, 15(3), 146—159.

Оценка современного общества / AMS	10666	0,047	0,1301
СуммИСП / Information-Meaning Field	10634	0,043	0,1327
Приминф / IU	9325	< 0,001	0,2395

Примечание: СуммИСП — Информационно-смысловое поле; Приминф — Применение информации.

Note: LTS — Light Triade Scale; AMC — Assessment of modern society, IMF — Information-Meaning Field; IU — Information Using.

Обсуждение результатов

Согласно выдвинутой гипотезе были проанализированы результаты в двух группах: в группе с повышенной антисоциальной креативностью, т. е. выше или равно среднему значению по выборке, и пониженной антисоциальной креативностью, т. е. со значениями ниже среднего по выборке. В данном случае под антисоциальной креативностью мы понимали склонность к поведению, в котором она может реализоваться — ложь, нанесение вреда с помощью оригинальных способов мести, злые шутки и розыгрыши над окружающими (Мешкова и др., 2018). Результаты исследования показали, что у людей с повышенной антисоциальной креативностью есть различия в уровне развития черт Светлой триады по сравнению с теми, у кого антисоциальная креативность имеет низкие показатели. Низкие баллы по Светлой триаде характерны для людей с установками на поведение человека, свойственное не адаптированным, ценностно и морально не сформировавшимся и имеющим не сформированные фундаментальные взгляды на мир (Kaufman et al., 2019). Наше исследование дополняет эту характеристику: у таких людей повышена склонность к антисоциальной креативности. Полученные результаты согласуются с результатами С. Кауфмана и коллег, показавшими отрицательную связь Светлой триады с агрессией (Kaufman et al., 2019), являющейся одним из предикторов антисоциальной креативности (Мешкова и др., 2018). Интересно, что пониженные показатели Светлой триады сочетаются с более негативными оценками современного общества, восприятием его как общества, в котором не уважаются нормы права, а действующие законы не эффективны (Распопин, Ермош, 2015).

Люди с низкой склонностью к антисоциальной креативности и высокими показателями Светлой триады более позитивны в восприятии современного общества, что согласуется с данными С. Кауфмана и коллег, показавшими, что высокие значения Светлой триады сочетаются со сформированностью фундаментальных взглядов на мир (Kaufman et al., 2019).

Что касается информационно-смыслового поля, то по этому показателю в группах с низкой и высокой антисоциальной креативностью выявлены различия. Повышенная антисоциальная креативность сочетается с более высокими значениями по шкале «Применение информации» и суммарному показателю информационно-смыслового поля. Шкала «Применение информации» раскрывает ценность информационно-смыслового поля для удовлетворения потребностей личности, а ее высокие значения указывают на противоречия в информации и смыслах, которые составляют информационно-смысловое поле личности. Что, в свою очередь, приводит к ошибкам и неудачам при применении информации в различных видах деятельности (Кудрявцев и др., 2025). Высокие значения суммарного показателя информационно-смыслового поля указывают на избыточность, динамичность и разнородность информационной составляющей ИСП, сопряженной с трудностью в обработке

содержащейся информации, совместно приводящих к снижению ценности практического применения знаний и смыслов (Кудрявцев и др., 2025). Иными словами, у людей с высокой склонностью к поведению, в котором реализуется антисоциальная креативность, имеются искажения в информационно-смысловом поле. В данном случае эти искажения проявляются в более негативном восприятии современного общества.

Таким образом, гипотеза о различиях между людьми с разным уровнем антисоциальной креативности в уровне развития черт Светлой триады, оценках современного общества и информационно-смысловом поле получила свое подтверждение.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие **выводы**.

1. Люди с высокой склонностью к антисоциальной креативности обнаруживают различия в уровне развития черт Светлой триады по сравнению с теми, у кого эта склонность имеет низкие показатели.

2. Люди с низкой склонностью к антисоциальной креативности и высокими показателями Светлой триады более позитивны в восприятии современного общества.

3. Повышенная склонность к антисоциальной креативности сочетается с более высокими значениями по шкале «Применение информации» и суммарным показателем информационно-смыслового поля. Высокие значения в данном случае указывают на противоречия в информации и смыслах, которые составляют информационно-смысловое поле личности.

Что касается профиля людей с повышенной склонностью к антисоциальной креативности, то он включает в себя следующие компоненты: низко развитые просоциальные черты и искажения в информационно-смысловом поле, приводящие к снижению ценности практического применения знаний и смыслов и обусловленные трудностью в обработке поступающей к ним информации.

Результаты исследования могут быть рекомендованы к использованию специалистами в области психологической поддержки разнообразных процессов коммуникации, включая медиации, деятельность сотрудников правоохранительных органов, а также для научно (психологически) обоснованного выбора и принятия широкого класса стратегических управленческих решений.

Ограничения. Ограничением является состав выборки, состоящей на 68% из женщин. Направлением дальнейшей работы может стать анализ различий по исследуемым переменным между выборками мужчин и женщин.

Limitations. The limitation is the composition of the sample, which consists of 68% of women. The direction of further work may be the analysis of differences in the studied variables between samples of men and women.

Список источников / References

1. Кудрявцев, В.Т., Злоказов, К.В., Ениколопов, С.Н., Мешкова, Н.В., Рыбакова, М.С. (2025). Феномен информационно-смыслового поля с позиций культурно-исторического подхода. *Культурно-историческая психология*, 21(2), 73—87. <https://doi.org/10.17759/chp.2025210207>
Kudryavtsev, V.T., Zlokazov, K.V., Enikolopov, S.N., Meshkova, N.V., Rybakova, M.S. (2025). The phenomenon of the information-meaning field from a cultural-historical perspective.

Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Рыбакова М.С.,
Яковлева Д.В., Мешков И.А. (2025)
Асоциальная креативность
и информационно-смысловое поле личности
Психология и право, 15(3), 146—159.

Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T., Rybakova, M.S.,
Yakovleva, D.V., Meshkov, I.A. (2025)
Malevolent creativity
and information-meaning field
Psychology and Law, 15(3), 146—159.

Cultural-Historical Psychology, 21(2), 73—87. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/chp.2025210207>

2. Мешкова, Н.В., Ениколопов, С.Н., Кудрявцев, В.Т., Кравцов, О.Г., Бочкова, М.Н., Мешков, И.А. (2020). Возрастные и половые особенности личностных предикторов антисоциальной креативности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(1), 60—72. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-1-60-72>
Meshkova, N.V., Enikolopov, S.N., Kudryavtsev, V.T., Kravtsov, O.G., Bochkova, M.N., Meshkov, I.A. (2020). Age and Gender Characteristics of Personality Predictors for Antisocial Creativity. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 17(1), 59—71. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-1-60-72>
3. Мешкова, Н.В., Ениколопов, С.Н., Митина, О.В., Мешков, И.А. (2018). Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности». *Психологическая наука и образование*, 23(6), 25—40. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230603>
Meshkova, N.V., Enikolopov, S.N., Mitina, O.V., Meshkov, I.A. (2018). Adaptation of the questionnaire "Behavioral features of antisocial creativity. *Psychological Science and Education*, 23(6), 25—40. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2018230603>
4. Мешкова, Н.В., Кудрявцев, В.Т., Ениколопов, С.Н. (2022). К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 138—157. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06>
Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T., Enikolopov, S.N. (2022) To the Psychological Portrait of the Victims of Telephone Fraud. *Moscow University Psychology Bulletin*, 1, 138—157. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06>
5. Мешкова, Н.В., Яковлева, Д.В., Мешков, И.А. (2025). Адаптация опросника «Светлая триада» на выборке подростков и юношей мужского пола. Может ли светлая триада остановить антисоциальную креативность? *Психолого-педагогические исследования*, 17(3) (в печати).
Meshkova, N.V., Yakovleva, D.V., Meshkov, I.A. (2025). Adaptation of the "Light Triad Scale" on a sample of adolescents and young men. May light triad stop malevolent creativity? *Psychological-Educational Studies*, 17(3) (In Press). (In Russ.).
6. Распопин, Е.В., Ермош, О.В. (2015). Методика изучения правосознания сотрудников органов внутренних дел. *Правоохранительные органы: теория и практика*, 1, 124—129. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=txnxgf> (дата обращения: 15.05.2025).
Raspopin, E.V., Ermosh, O.V. (2015). Method of study of legal awareness police officers. *Law Enforcement Agencies: Theory and Practice*, 1, 124—129. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=txnxgf> (viewed: 15.05.2025).
7. Тагильцева, Ю.Р., Бабилова, М.Р., Ваторопин, А.С., Злоказов, К.В., Лату, М.Н., Порозов, Р.Ю. (2022). *Когнитивные интернет-технологии трансформации социального поведения: риски и профилактика: Монография*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50261097> (дата обращения: 15.05.2025).
Tagiltseva, Yu.R., Babikova, M.R., Vatoropin, A.S., Zlokazov, K.V., Latu, M.N., Porozov, R.Yu. (2022). *Cognitive Internet technologies for the transformation of social behavior: risks and prevention: monograph*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50261097> (viewed: 15.05.2025).

Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Рыбакова М.С.,
Яковлева Д.В., Мешков И.А. (2025)
Асоциальная креативность
и информационно-смысловое поле личности
Психология и право, 15(3), 146—159.

Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T., Rybakova, M.S.,
Yakovleva, D.V., Meshkov, I.A. (2025)
Malevolent creativity
and information-meaning field
Psychology and Law, 15(3), 146—159.

8. Hao, N., Tang, M., Yang, J., Wang, Q., Runco, M.A. (2016). A new tool to measure malevolent creativity: The malevolent creativity behavior scale. *Frontiers in Psychology*, 7, Article 682. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00682>
9. Jia, X., Wang, Q., Lin, L. (2020). The Relationship between childhood neglect and malevolent creativity: The mediating effect of the dark triad personality. *Frontiers in Psychology*, 11, Article 613695. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.613695>
10. Jonason, P.K., Abboud, R., Tomé J., Dummett, M., Hazer, A. (2017) The Dark Triad traits and individual differences in self-reported and other-rated creativity. *Personality and Individual Differences*, 117, 150—154, <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.06.005>
11. Kapoor, H. (2015). The creative side of the Dark Triad. *Creativity Research Journal*, 27(1), 58—67. <https://doi.org/10.1080/10400419.2014.961775>
12. Kapoor, H., Gurjar, S., Mahadeshwar, H., Mehta, N., Puthillam, A. (2024). Do you trust the rumors? Examining the determinants of health-related misinformation in India. *Asian Journal of Social Psychology*, 27(2), 144—160. <https://doi.org/10.1111/ajsp.12586>
13. Kapoor, H., Khan, A. (2020). Creators and presses: The person—situation interaction in negative creativity. *The Journal of Creative Behavior*, 54(1), 75—89. <https://doi.org/10.1002/jocb.346>
14. Kapoor, H., Puthillam, A. (2024). The crisis of misinformation and dark creativity. In: Z. Ivcevic, R. Reiter-Palmon, M. Tang, M.G. Grohman (Eds.), *Crises, creativity and innovation* (pp. 179—203). Palgrave Macmillan/Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-031-61782-9_9
15. Kaufman, S.B., Yaden, D.B., Hyde, E., Tsukayama, E. (2019). The Light vs. Dark Triad of Personality: Contrasting Two Very Different Profiles of Human Nature. *Frontiers in Psychology*, 10, Article 467. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00467>
16. Szabó, E., Körmendi, A., Kurucz, G., Cropley, D., Olajos, T., Pataky, N. (2022). Personality Traits as Predictors of Malevolent Creative Ideation in Offenders. *Behavioral Sciences*, 12(7), Article 242. <https://doi.org/10.3390/bs12070242>
17. Tagat, A., Thakur, A., Rezaei, S., Gurjar, S., George, D., Budhwar, Y., Puthillam, A., Kapoor, H. (2025). Can Incentives for Sharing True Information Affect Discernment? Results From an Online Experiment in India. In: L. Khan (Ed.), *Oxford Intersections: Social Media in Society and Culture*. Oxford: Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/9780198945253.003.0057>

Информация об авторах

Наталья Владимировна Мешкова, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии; ведущий научный сотрудник лаборатории изучения асоциальной креативности в условиях современных вызовов и угроз, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Владимир Товиевич Кудрявцев, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); профессор, Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО МИП), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vt kud@mail.ru

Марина Сергеевна Рыбакова, младший научный сотрудник лаборатории изучения асоциальной креативности в условиях современных вызовов и угроз, Московский

Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Рыбакова М.С.,
Яковлева Д.В., Мешков И.А. (2025)
Асоциальная креативность
и информационно-смысловое поле личности
Психология и право, 15(3), 146—159.

Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T., Rybakova, M.S.,
Yakovleva, D.V., Meshkov, I.A. (2025)
Malevolent creativity
and information-meaning field
Psychology and Law, 15(3), 146—159.

государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1622-7715>, e-mail: rybmar@yandex.ru

Дарья Владимировна Яковлева, студент факультета социальной психологии, лаборант-исследователь лаборатории изучения асоциальной креативности в условиях современных вызовов и угроз, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6166-6345>, e-mail: dasha.yak04@mail.ru

Мешков Иван Андреевич, магистр психологии, независимый исследователь, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8789-4614>, e-mail: ivan_meshkov1985@gmail.com

Information about the authors

Natalya V. Meshkova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor at the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Leading Research Fellow at the “Research of Malevolent Creativity in the Context of Modern Challenges and Threats” Laboratory, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Vladimir T. Kudryavtsev, Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor of the UNESCO Department “Cultural-Historical Psychology of Childhood”, Moscow State University of Psychology and Education; Professor, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, email: vtkud@mail.ru

Marina S. Rybakova, Junior Researcher at the “Research of Malevolent Creativity in the Context of Modern Challenges and Threats” Laboratory, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1622-7715>, e-mail: rybmar@yandex.ru

Darya V. Yakovleva, Student, Faculty of Social Psychology, Research Assistant at the “Research of Malevolent Creativity in the Context of Modern Challenges and Threats” Laboratory, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6166-6345>, e-mail: dasha.yak04@mail.ru

Ivan A. Meshkov, Master of Psychology, Independent Researcher, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8789-4614>, e-mail: ivan_meshkov1985@gmail.com

Вклад авторов

Мешкова Н.В. — идеи исследования; аннотирование, написание рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Кудрявцев В.Т. — идеи исследования; написание рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Рыбакова М.С. — сбор и анализ данных, оформление статьи.

Яковлева Д.В. — сбор данных, оформление статьи.

Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Рыбакова М.С.,
Яковлева Д.В., Мешков И.А. (2025)
Асоциальная креативность
и информационно-смысловое поле личности
Психология и право, 15(3), 146—159.

Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T., Rybakova, M.S.,
Yakovleva, D.V., Meshkov, I.A. (2025)
Malevolent creativity
and information-meaning field
Psychology and Law, 15(3), 146—159.

Мешков И.А. — применение статистических и математических методов для анализа данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Natalya V. Meshkova — research ideas; annotation, writing of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Vladimir T. Kudryavtsev — research ideas, writing of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Marina S. Rybakova — data and analysis collection; design of the manuscript and references.

Darya V. Yakovleva — data collection; design of the manuscript.

Ivan A. Meshkova — application of statistical and mathematical methods for data analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Сбор эмпирических данных проводился анонимно. Все испытуемые, участвующие в исследовании, дали добровольное согласие на заполнение опросных форм.

Ethics statement

The collection of empirical data was carried out anonymously. All subjects participating in the study gave voluntary consent to fill out the survey forms.

Поступила в редакцию 30.07.2025
Поступила после рецензирования 04.08.2025
Принята к публикации 04.08.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.07.30
Revised 2025.08.04
Accepted 2025.08.04
Published 2025.09.30

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних.

Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ

Е.Э. Бойкина¹✉, О.Д. Гурина^{1, 2}, Е.А. Куприянова¹, А.С. Радчиков¹, Е.В. Стратийчук¹,
Р.В. Чиркина¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Московский исследовательский центр, Москва, Российская Федерация

✉ boykinaee@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Работа продолжает представление результатов формирующего эксперимента, направленного на коррекцию деструктивной жизненной позиции воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа (далее — СУВУ). **Цель.** Анализ и интерпретация результатов исследования влияния технологий с доказанной эффективностью сопровождения подростков групп выявленного риска (в динамике от первого ко второму психодиагностическому срезу). **Гипотеза.** Модель диагностики на основе структуры жизненной позиции личности подростка (С. Бонкало, 2012) позволяет выявить группы риска (личностные профили воспитанников СУВУ), которые дифференцируются по типу устойчивой жизненной позиции просоциального или антисоциального характера. **Методы и материалы.** Выборка: воспитанники СУВУ. 1-й этап исследования ($N = 379$, $M_{age} = 15,4 \pm 1,5$ (КГ — 237, ЭГ — 142)); 2-й этап ($N = 386$, $M_{age} = 15,5 \pm 1,2$ (КГ — 248, ЭГ — 132)). Базы исследования: 15 СУВУ. **Результаты.** Проведенный кластерный анализ до применения комплексной коррекционной программы показал разделение воспитанников на три основных личностных профиля: 1) с устойчивой антисоциальной жизненной позицией; 2) с устойчивой просоциальной жизненной позицией, 3) с ситуативной жизненной позицией). После проведения программы значимые сдвиги зафиксированы в Кластере 1. **Выводы.** Повторная психодиагностика в данном исследовании реплицирует результаты, подтверждающие наличие закономерностей в построении модели жизненной позиции подростка с делинквентным поведением (наличие повторяющихся ядер и периферии корреляционных связей), но при этом

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

наглядно демонстрирует динамику произошедших за время коррекционной программы изменений.

Ключевые слова: делинквентное поведение, жизненная позиция несовершеннолетних, профилактика, психологические предикторы, профиль личности, специальные учебно-воспитательные учреждения, доказательный подход

Финансирование. Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта ФГБОУ ВО МГППУ «Доказательное исследование эффективности программ и технологий профилактики социальных рисков, применяемых в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» по государственному заданию Министерства просвещения № 073-00037-24-01 от 09.02.2024 г.

Для цитирования: Бойкина, Е.Э., Гурина, О.Д., Куприянова, Е.А., Радчиков, А.С., Стратийчук, Е.В., Чиркина, Р.В. (2025). Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ. *Психология и право*, 15(3), 160—178. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150311>

Psychological predictors of deviant behavior of minors. Part 2. Portrait of a special educational institution's student

E.E. Boykina¹✉, O.D. Gurina^{1,2}, E.A. Kupriyanova¹, A.S. Radchikov¹, E.V. Stratiychuk¹,
R.V. Chirkina¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Moscow Research Center, Moscow, Russian Federation

✉ boykinaee@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. The work continues to present the results of a formative experiment aimed at correcting the destructive life position of pupils of special closed-type educational institutions. **Objective.** Analysis of the impact of technologies with proven effectiveness in accompanying adolescents of identified risk groups (in dynamics from the first to the second psychodiagnostic section). **Hypothesis.** A diagnostic model based on the structure of a teenager's life position (S. Bonkalo, 2012.) allows to identify risk groups (personality profiles of students), which are differentiated by the type of stable life position of a prosocial or antisocial nature. **Methods and materials.** Sample: students of special closed-type educational institutions. Stage 1 of the study (N = 379, Mage 15.4 ± 1.5 (KG-237, EG-142); Stage 2 (N = 386, Mage 15.5 ± 1.2 (KG — 248, EG — 132). Research base: 15 special closed-type educational institutions. **Results.** The cluster analysis conducted before the application of the comprehensive correctional program showed the division of pupils into three main personality profiles (pupils 1. with a stable antisocial life position; 2. with a stable prosocial life position, 3. with a situational life position). After the program, significant shifts were demonstrated in Cluster 1. **Conclusions.** Repeated

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

psychodiagnostics in this study replicates the results which confirm the presence of patterns in the construction of a model of the life position of a teenager with delinquent behavior (the presence of repetitive cores and peripheries of correlations), but at the same time clearly demonstrates the dynamics of the changes that occurred during the correction program.

Keywords: delinquent behavior, minors' life position, prevention, psychological predictors, personality profile, special educational institutions, evidence-based approach

Funding. The study was carried out within the framework of the Moscow State University of Psychology & Education research project «Evidence-based study of the effectiveness of technology programs for the prevention of social risks used in institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency» according to the state assignment of the Ministry of Education No. 073-00037-24-01 dated 02/09/2024.

For citation: Boykina, E.E., Gurina, O.D., Kupriyanova, E.A., Radchikov, A.S., Stratiychuk, E.V., Chirkina, R.V. (2025). Psychological predictors of deviant behavior of minors. Part 2. Portrait of a special educational institution's student. *Psychology and Law*, 15(3), 160—178. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150311>

Введение

В системе профилактики противоправного поведения несовершеннолетних специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа для обучающихся с девиантным поведением (СУВУ), куда по решению суда помещаются подростки в конфликте с законом, ставят перед научной общественностью практическую задачу оценки результатов и эффектов программ воспитания и психологической профилактики, а также выделения значимых параметров для снижения рисков девиантного поведения, в том числе рецидивов правонарушений. В контексте формирования эффективной, доказательной системы профилактики девиантного поведения воспитанников СУВУ необходимо соотнести подходящие технологии и соответствующие мишени воздействия. В связи с чем необходимо проанализировать и выделить те психологические предикторы девиантного поведения подростков, вокруг которых будет выстроен порядок направленного воспитания.

Профилактика девиантного (делинквентного) поведения несовершеннолетних как комплексная актуальная задача затрагивает многоаспектную проблематику на разных уровнях и в разных структурах, в том числе в таких отдельно взятых структурах, как специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа для обучающихся с девиантным поведением, куда по решению суда помещаются несовершеннолетние, находящиеся в конфликте с законом (Идобаева и др., 2017; Ларин, 2016; Мануйлова, Максимов, 2020). Первоочередной целью суву можно считать формирование конструктивной жизненной позиции через создание соответствующих воспитательных пространств, нацеленных на всестороннее социально-позитивное развитие ребенка (Бонкало, 2021; Солонченко, 2020; Ульянина, Зинатуллина, Любка, 2021; Хут., Паатова, 2021).

В рамках научно-исследовательского проекта ФГБОУ ВО МГППУ «Доказательное исследование эффективности программ и технологий профилактики социальных рисков,

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

применяемых в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» по государственному заданию Министерства просвещения № 073-00037-24-01 от 09.02.2024 были реализованы практики восстановительного направления, индивидуального наставничества, «навыкового» метода в русле доказательного подхода (Сорокова и др., 2024). Данные практики были успешно апробированы и адаптированы в том числе в рамках проекта «Экосистема детства», показав свою эффективность и ресурс (Семья, Иванников, Чиркина, 2021).

Материалы и методы

Результаты первого этапа данного исследования опубликованы авторами ранее в статье «Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ» (Бойкина и др., 2024). (Boykina et al., 2024). Данная статья представляет результаты исследования по итогам первичного и вторичного психодиагностических срезов.

Выборка. По объективным причинам из итогового анализа по двум психодиагностическим срезам были исключены данные по трем СУВУ (первоначальная выборка — 465 воспитанников). Также стоит отметить, что ко второму этапу некоторое количество воспитанников покинули СУВУ, но в то же время появилось несколько новых участников. Поскольку основной частью исследования были используемые методики (рис. 1), а изолировать новых участников от общего воспитательного процесса не представлялось возможным, они были отнесены к экспериментальной и контрольной группам в зависимости от СУВУ. Таким образом, данные по выборке, анализируемые в итоговой интерпретации, представлены следующим образом (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Описание выборки исследования на 1-м (до воздействия) и 2-м (после воздействия) этапах формирующего эксперимента
Description of the study sample at the 1st ((before exposure)) and 2nd (after exposure) stages of the formative experiment

Данные выборки	1-й этап / Stage 1	2-й этап / Stage 2
1. Всего (воспитанников) / Total (pupils)	379	386
Средний возраст / M_{age}	$15,4 \pm 1,5$	$15,5 \pm 1,2$
Юноши/Девушки / Male/Female	318 / 61	328 / 58
2. Контрольная группа / Control group	237	248
Средний возраст / M_{age}	$15,5 \pm 1,5$	$15,5 \pm 1,2$
Юноши/девушки / Male/Female	216 / 21	225 / 23
3. Экспериментальная группа / Experimental group	142	138
Средний возраст / M_{age}	$15,3 \pm 1,4$	$15,5 \pm 1,3$
Юноши/девушки / Male/Female	102 / 40	103 / 35

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

Процедура. Исследование проводилось по схеме формирующего эксперимента с первичным и вторичным психодиагностическим тестированием по методикам, представленным на рис. 1, посредством заполнения испытуемыми онлайн-формы на ресурсе «anketka.mgppu.ru».

Рис. 1. Психодиагностический инструментарий исследования
(на основе модели структуры личности подростка с делинквентным поведением
(жизненная позиция) С.В. Бонкало, 2012)

Fig. 1. Psychodiagnostic research tools (based on a model of the personality structure
of a teenager with delinquent behavior (life position) S.V. Bonkalo, 2012)

По плану формирующего эксперимента в выделенной экспериментальной группе воздействие осуществлялось благодаря применению комплекса методов и технологий с доказанной эффективностью. В фокусе внимания данного исследования — результаты, полученные на базе четырех СУВУ (экспериментальная группа), выбранных в качестве площадок для апробации технологий сопровождения (техники навыкового подхода и краткосрочная терапия, ориентированная на решение (далее — ОРКТ), восстановительные практики, профессиональное наставничество и др.), направленные на преодоление механизма, запускающего антисоциальные, деструктивные поведенческие паттерны (Бригадиренко и др., 2024; Путинцева, 2023; Чиркина и др., 2020).

Результаты

По результатам первого среза было проведено сравнение двух групп: экспериментальной и контрольной. Для сравнения использовался t-критерий Стьюдента, но из-за того, что данный

критерий чувствителен к объему выборки, также оценивалась величина эффекта d Коэна. Учитывалась величина эффекта, которая была более 0,4, т. е. близкая к средней (medium 0,5). По результатам сравнения первого среза достоверные различия между группами были выявлены только для показателя «Общий показатель ОЖ» ($t(377) = -3,99$; $p = 0,0001$; d Коэна = 0,42). По данному показателю экспериментальная группа набрала в среднем на 6,8 балла больше. По остальным показателям величина эффекта была достаточно мала. Таким образом с минимальными допущениями можно считать наши группы в начале эксперимента сопоставимыми.

Кластерный анализ результатов исследования

Проведенный кластерный анализ до применения комплексной коррекционной программы показал разделение воспитанников на три основных личностных профиля. Условно указанные профили (согласно теории С.В. Бонкало) можно обозначить следующим образом.

Кластер 1 — воспитанники с устойчивой антисоциальной жизненной позицией (с выраженным низким уровнем жизнестойкости). Воспитанников этой группы характеризует наличие чувства субъективного остракизма и фрустрация социальных потребностей, крайне низкая саморегуляция, повышенная склонность к экстремистскому поведению, выбор неконструктивных стратегий в стрессовых ситуациях, негативное самоотношение, низкий уровень осмысленности жизни и жизнестойкости.

По уровню сформированности компонентов жизненной позиции у воспитанников этой группы можно выделить следующие особенности:

- **акмеологический компонент** (осознанность и направленность ближних и дальних целей): низкий уровень общей саморегуляции психической активности, характеризующийся особо низкой настойчивостью в достижении поставленных целей, отсутствием планирования целей деятельности и условий достижения этих целей;
- **аксиологический компонент** (потребности и мотивы поведения): сильно выражена субъективная остракизация, особенно игнорирование и исключение;
- **когнитивный компонент** (ценности, приоритеты): наличие у данной группы подростков установок (диспозиций) к деструктивному, экстремистскому поведению, вера в эффективность силы как средства решения проблем, допустимость агрессии как средства их решения, социальный пессимизм, циничное отношение к людям, игнорирование законов и социальных норм поведения, наличие асоциальной модели преодоления стрессовых ситуаций — избегание, импульсивные, асоциальные и агрессивные действия;
- **экзистенциальный компонент** (осмысленность жизни): низкий уровень осмысленности жизни, отсутствие целей в будущем, интереса к процессу жизни, низкая удовлетворенность самореализацией;
- **эмоциональный компонент** (отношение к себе): негативное самоотношение на фоне высокого самообвинения;
- **поведенческий компонент** (направленность, деятельность в целом): низкий уровень жизнестойкости, который порождает чувство отвергнутости, ощущение себя «вне жизни», собственной беспомощности.

Кластер 2 — воспитанники с устойчивой просоциальной жизненной позицией (с высоким уровнем жизнестойкости). Воспитанников этой группы характеризует чувство

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

включения в социум, им присущ высокий уровень саморегуляции, выбор конструктивных решений для преодоления стрессовых ситуаций, в особенности поиск социальной поддержки. У этих подростков сформировано самоуважение, позитивное самоотношение и им характерен очень высокий уровень жизнестойкости.

По уровню сформированности компонентов жизненной позиции выделяются следующие особенности:

- *акмеологический компонент* (осознанность и направленность ближних и дальних целей): высокий уровень саморегуляции, с планированием целей и оцениванием результатов, но на этом фоне с достаточно низкой гибкостью;
- *аксиологический компонент* (потребности и мотивы поведения): очень низкие показатели субъективного остракизма сочетаются с удовлетворением основных потребностей;
- *когнитивный компонент* (ценности, приоритеты): у подростков данной категории выражены конструктивные способы поведения в стрессовой ситуации — ассертивные действия, поиск социальной поддержки и вступление в социальный контакт; они не воспринимают насилие как способ достижения своих целей, отмечают недопустимость агрессии, достаточно терпимы к жизненным противоречиям, допускают право другого на собственную, иную точку зрения;
- *экзистенциальный компонент* (осмысленность жизни): высокие показатели осмысленности жизни — наличие целей в жизни, ощущение эмоциональной насыщенности и интереса к самому процессу жизни, уверенность в своих способностях;
- *эмоциональный компонент* (отношение к себе): позитивное самоотношение, выраженное самоуважение;
- *поведенческий компонент* (направленность, деятельность в целом): высокий уровень жизнестойкости, который выражается в вере, что можно влиять на результат происходящего в жизни, получать удовольствие от жизни, в готовности извлекать опыт из того, что случается.

Кластер 3 — воспитанники с ситуативной жизненной позицией (с низким уровнем жизнестойкости). На первый план у подростков с ситуативной жизненной позицией выходит высокий уровень конформизма, антиинтрацепции, недифференцированность стратегий совладания со стрессовыми ситуациями, низкий уровень жизнестойкости. Эту группу воспитанников можно определить как ведомые, легко подверженные воздействию со стороны большинства, во многом их дальнейшее поведение, выбор путей разрешения конфликта связано с тем, в какой референтной группе они окажутся.

По уровню сформированности компонентов жизненной позиции выделяются следующие особенности:

- *акмеологический компонент* (осознанность и направленность ближних и дальних целей): общий уровень саморегуляции невысокий, выражена неустойчивость осознанной саморегуляции психической активности и практической деятельности в сложных и психологически напряженных ситуациях;

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

- *аксиологический компонент* (потребности и мотивы поведения): субъективная остракизации менее выражена по сравнению с воспитанниками с антисоциальной позицией;
- *когнитивный компонент* (ценности, приоритеты): выражен конформизм, неприятие субъективных проявлений (фантазий, чувственных переживаний), ориентация на физическую реальность, простые идеи, непосредственные действия;
- *экзистенциальный компонент* (осмысленность жизни): показатели осмысленности жизни невысокие;
- *эмоциональный компонент* (отношение к себе): неопределенное представление и отношение к себе.
- *поведенческий компонент* (направленность, деятельность в целом): низкий уровень жизнестойкости — способности справляться и противостоять стрессовым ситуациям, что отражено в том числе в низкой конструктивности в используемых стратегиях поведения совладания со стрессовыми ситуациями.

Недифференцированность внутренней позиции, низкий уровень осознанности и жизнестойкости у данной группы подростков приводит к ведомому поведению, не критическому следованию образцу поведения, к деструктивным формам поведения в стрессовых, напряженных ситуациях.

Различия в группах (экспериментальной и контрольной)

После получения данных второго среза было проведено сравнение контрольной и экспериментальной групп. Здесь были получены достоверные различия со средней величиной эффекта по многим показателям ($p < 0,0001$):

- «Шкала нарушенных потребностей. Остракизм» — в экспериментальной группе была ниже потребность в контроле ($t(384) = 4,68$; d Коэна = 0,51);
- показатели саморегуляции поведения в экспериментальной группе выше по шкалам «Гибкость» ($t(384) = -5,13$; d Коэна = 0,54) и «Настойчивость» ($t(384) = -4,41$; d Коэна = 0,47);
- по стратегиям преодоления стрессовых ситуаций в экспериментальной группе более высокие баллы — по шкалам «Ассертивные действия» ($t(384) = -4,61$; d Коэна = 0,49) и «Вступление в социальный контакт» ($t(384) = -4,60$; d Коэна = 0,49).

По диспозиции насильственного экстремизма различий между группами не выявлено.

По методике «Тест смысложизненных ориентаций» были выявлены достоверные различия по четырем шкалам из шести:

- шкала «Цели» ($t(384) = -3,95$; $p = 0,0001$; d Коэна = 0,42);
- шкала «Результат» ($t(384) = -3,94$; $p = 0,0001$; d Коэна = 0,42);
- шкала «Локус контроля — Я» ($t(384) = -4,39$; $p < 0,0001$; d Коэна = 0,47);
- шкала «Общий показатель ОЖ» ($t(384) = -4,13$; $p < 0,0001$; d Коэна = 0,44).

Участники экспериментальной группы имели в среднем более высокий балл по всем этим шкалам. Различия по шкале «ОЖ» не могут рассматриваться как результат

экспериментального вмешательства, так как по этому показателю различия были и на первом срезе.

По результатам опросника самоотношения экспериментальная группа имела на втором срезе достоверно более высокие результаты по шкалам «Самоинтерес» ($t(384) = -4,39$; $p < 0,0001$; d Коэна = 0,47) и «Самоинтерес (2)» ($t(384) = -4,14$; $p < 0,0001$; d Коэна = 0,44).

Таким образом по результатам второго среза мы видим определенные положительные сдвиги в экспериментальной группе по сравнению с контрольной. Но нас также интересовали различия между экспериментальной и контрольной группами в отношении динамики исследуемых параметров у воспитанников, отнесенных к разным кластерам. Для сравнения использовался t -критерий Стьюдента для зависимых выборок, а также рассчитывалась величина эффекта d Коэна для зависимых выборок.

Для экспериментальной группы почти все достоверные изменения были обнаружены в первом кластере.

- выросли значения по шкале «Игнорирование» ($t(26) = -2,91$; $p = 0,0073$; d Коэна = 0,56);
- снизился уровень неудовлетворенности потребности в осмысленном существовании ($t(26) = 2,46$; $p = 0,0210$; d Коэна = 0,47);
- выросла протестная активность ($t(26) = -2,26$; $p = 0,0047$; d Коэна = 0,59);
- снизилась интолерантность ($t(26) = 2,06$; $p = 0,0496$; d Коэна = 0,40);
- вырос уровень показателя вступление в социальный контакт ($t(26) = -2,15$; $p = 0,0409$; d Коэна = 0,41).

В экспериментальной группе выросли значения показателей СЖО в следующих шкалах:

- «Цели» ($t(26) = -2,18$; $p = 0,0388$; d Коэна = 0,42);
- «Локус контроля — Я» ($t(26) = -3,38$; $p = 0,0023$; d Коэна = 0,65);
- «Общий показатель ОЖ» ($t(26) = -2,09$; $p = 0,0466$; d Коэна = 0,40).

Результаты опросника самоотношения показали рост значений по следующим шкалам:

- шкала «Глобальное самоотношение» ($t(26) = -4,14$; $p = 0,0003$; d Коэна = 0,80);
- шкала «Самоуважение» ($t(26) = -3,35$; $p = 0,0025$; d Коэна = 0,64);
- «Шкала ожидаемого отношения от других» ($t(26) = -2,61$; $p = 0,0149$; d Коэна = 0,50);
- «Шкала самоинтереса» ($t(26) = -5,04$; $p < 0,0001$; d Коэна = 0,97);
- «Шкала самоинтереса (2)» ($t(26) = -3,30$; $p = 0,0028$; d Коэна = 0,63).

Результаты по опроснику жизнестойкости также показали более высокие, чем изначально, значения:

- «Вовлеченность» ($t(26) = -3,71$; $p = 0,0010$; d Коэна = 0,71);
- «Контроль» ($t(26) = -2,17$; $p = 0,0395$; d Коэна = 0,42);
- «Жизнестойкость» ($t(26) = -2,70$; $p = 0,0119$; d Коэна = 0,52).

Во втором кластере экспериментальной группы выявлены следующие значимые изменения: увеличение показателя «Игнорирование» ($t(63) = -5,04$; $p < 0,0001$; d Коэна = 0,63).

Для третьего кластера изменения ко второму срезу выявило:

- увеличение значений по показателю «Игнорирование» ($t(40) = -3,65$; $p = 0,0008$; d Коэна = 0,57);
- снижение значений по показателю «Исключение» ($t(40) = 3,15$; $p = 0,0031$; d Коэна = 0,49).

Результаты контрольной группы продемонстрировали меньше изменений. В первом кластере контрольной группы было отмечено увеличение показателя «Игнорирование» ($t(77) = -4,87$; $p < 0,0001$; d Коэна = 0,55).

Воспитанники из второго кластера контрольной группы показали повышение значений по шкале «Игнорирование» ($t(84) = -5,17$; $p < 0,0001$; d Коэна = 0,56). Одновременно с этим произошло снижение значений по следующим шкалам:

- шкала вступления в социальный контакт ($t(83) = 4,23$; $p = 0,0001$; d Коэна = 0,46);
- шкала «глобальное самоотношение» ($t(84) = 3,81$; $p = 0,0003$; d Коэна = 0,41);
- шкала аутосимпатии ($t(84) = 3,68$; $p = 0,0004$; d Коэна = 0,40);
- шкала отношения других ($t(84) = 6,95$; $p < 0,0001$; d Коэна = 0,75).

У воспитанников, отнесённых к третьему кластеру контрольной группы, зафиксированы следующие изменения:

- повышение показателя по шкале «Игнорирование» ($t(54) = -4,38$; $p = 0,0001$; d Коэна = 0,59);
- снижение по шкале допустимости агрессии ($t(54) = 3,48$; $p = 0,0010$; d Коэна = 0,47);
- снижение по шкале «Мистичность» ($t(54) = 3,18$; $p = 0,0025$; d Коэна = 0,43);
- снижение по шкале «Ассертивные действия» ($t(54) = 3,07$; $p = 0,0034$; d Коэна = 0,41);
- снижение значений по шкале «Вступление в социальный контакт» ($t(54) = 4,54$; $p < 0,0001$; d Коэна = 0,61);
- снижение значений по шкале «Поиск социальной поддержки» ($t(54) = 3,04$; $p = 0,0036$; d Коэна = 0,41);
- снижение значений по шкале «Непрямые действия» ($t(54) = 4,38$; $p = 0,0001$; d Коэна = 0,59) и «Агрессивные действия» ($t(54) = 4,89$; $p < 0,0001$; d Коэна = 0,66);
- снижение значений по шкале «отношение других» ($t(54) = 4,07$; $p = 0,0002$; d Коэна = 0,55).

Исследование корреляционных связей компонентов жизненной позиции воспитанников

В целях проверки основной гипотезы исследования о наличии значимых различий в структуре жизненной позиции воспитанников СУВУ до и после проведения коррекционного воздействия, нами был использован также коэффициент корреляции Пирсона R. Сравнение проводилось по 58 признакам (субшкалы 8 примененных методик). В результате, на основании применения критериев по шкале Чеддока, мы проанализировали связи только высокой и очень высокой силы ($> 0,7$). Данные представлены по методу корреляционных плеяд (рис. 2, 3).

Как видно на рисунках 2 и 3, систему корреляционных связей компонентов жизненной позиции воспитанника СУВУ высокого порядка формируют на этапах *до* и *после* экспериментального воздействия два основных признака (ядра корреляций): «общий показатель осмысленности жизни» и «жизнестойкость». Однако после воздействия у несовершеннолетних актуализировано третье ядро — «ожидаемое отношение других».

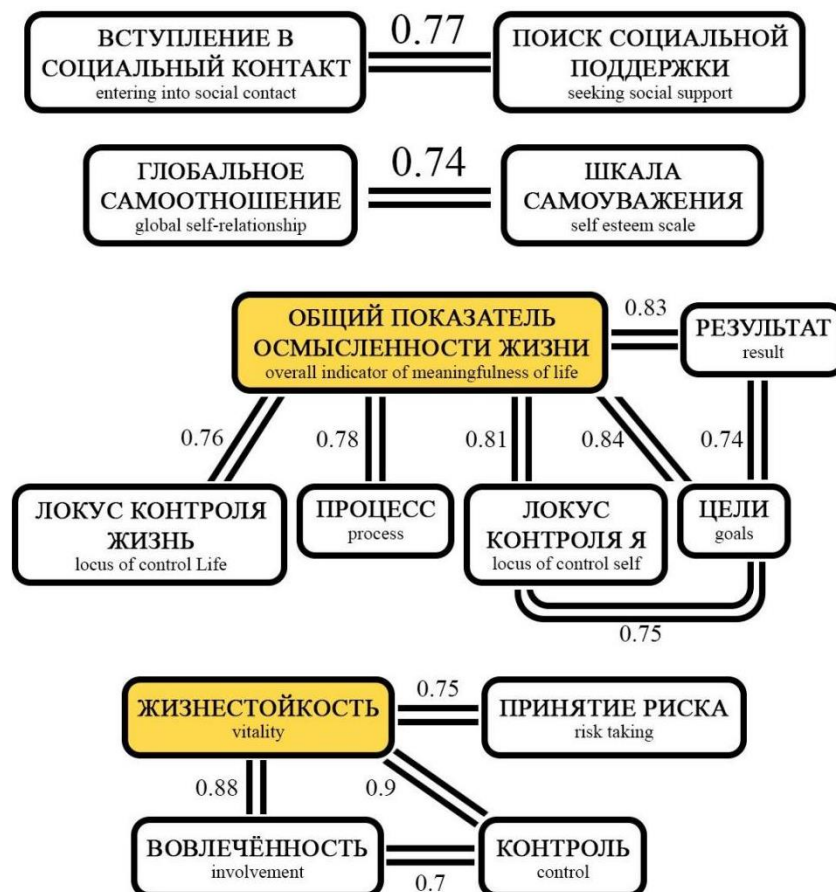

Рис. 2. Корреляционная плеяда связей признаков компонентов жизненной позиции воспитанников СУВУ (экспериментальная группа, до воздействия)

Fig. 2. Correlation galaxy of relationships between signs and components of the life position of Special Educational Institution students (experimental group, before exposure)

На рис. 3 мы видим, что коррекционная программа отразилась на усилении связи в ряде «периферийных признаков»: теперь чем выше уровень «поиска социальной поддержки», тем выше «осторожные действия (0,7), т. е. можно предположить, что воспитанники начали серьезно задумываться о том, к кому именно стоит обращаться в сложных случаях. Более твердую базу в жизненной позиции несовершеннолетнего начинает играть блок «глобального самоотношения», который тесно связан с «ожидаемым отношением от других» (0,76), а далее — с «самоинтересом» (0,7) и «отношением других» (0,75). Данный результат, на наш взгляд, продолжает тенденцию к разумному выбору своего социального окружения и своего достойного места в нем.

Зафиксирована новая высокая связь параметров «непрямые действия» и «асоциальные действия» (0,72).

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

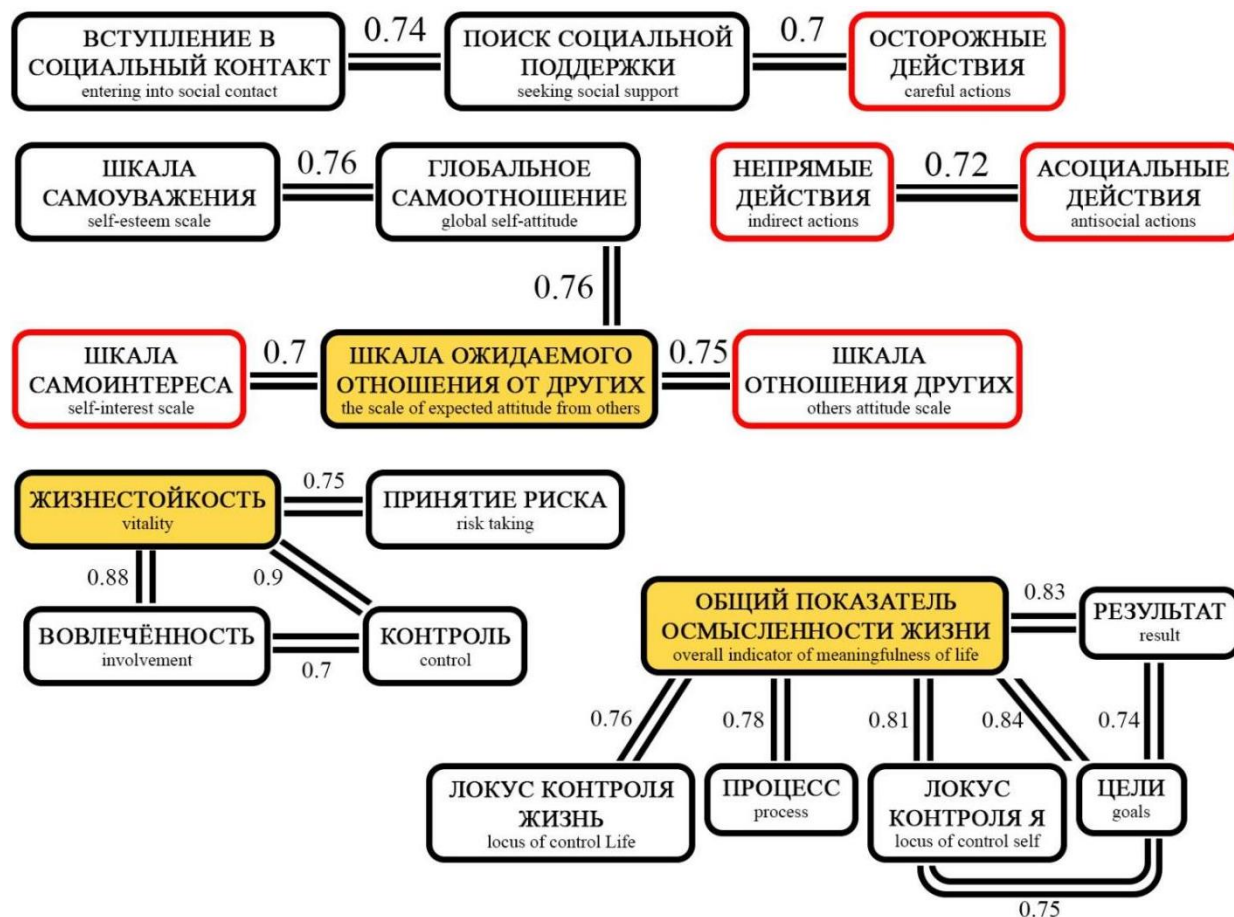

Рис. 3. Корреляционная плеяда связей признаков компонентов жизненной позиции воспитанников СУВУ (экспериментальная группа, после воздействия)

Fig. 3. Correlation galaxy of relationships between signs and components of the life position of Special Educational Institution Students (experimental group, after exposure)

Обсуждение результатов

По результатам кластерного анализа мы можем заключить, что основные значимые изменения происходили в первом кластере экспериментальной группы, среди воспитанников с устойчивой антисоциальной жизненной позицией, участвовавших в реализации программ с доказанной эффективностью. Даже с учетом влияния ошибки регрессии к среднему, мы можем говорить о значимости изменений, так как эти эффекты не наблюдаются во втором и третьем кластерах.

Также подобных изменений не наблюдалось в контрольной группе, что позволяет предположить, что при отсутствии новых программ и методов изменения не происходят, в отличие от экспериментальной группы, где при проведении занятий были выявлены значимые изменения. На основании того, что наиболее явные изменения происходили в первом кластере, мы можем заключить, что мишенью воздействия практик с доказанной эффективностью становятся воспитанники с устойчивой антисоциальной позицией.

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

Особое внимание хочется обратить на то, что в контрольной группе показатели воспитанников из второго кластера (воспитанники с устойчивой просоциальной позицией) снизились, в то время как в экспериментальной группе — остались на прежнем уровне. Этот результат позволяет поднять вопрос о необходимости исследования проводимых в СУВУ программ, чтобы оценить их воздействие на воспитанников.

Для воспитанников с ситуативной жизненной позицией экспериментальное взаимодействие не приводит к смещению их взглядов и установок, в то время как в контрольной группе наблюдаются хаотичные изменения показателей: одни показатели изменяются в положительную сторону, другие в отрицательную.

Результаты корреляционного анализа данных повторной диагностики реплицируют результаты, подтверждающие наличие закономерностей в построении модели жизненной позиции подростка с делинквентным поведением (наличие повторяющихся ядер и периферии корреляционных связей), но при этом наглядно демонстрируют динамику произошедших за время коррекционной программы изменений. При «вступлении в социальный контакт», актуализируя «поиск социальной поддержки», воспитанники СУВУ начали осознавать необходимость «осторожных действий». Также значимым изменением можно считать расширение ресурсности подростков в области «глобального самоотношения»: теперь оно тесно связано через «ожидаемое отношение от других» с «самоотношением» и «отношением других». Интересно, что полученные в ходе коррекционной программы навыки и знания, судя по результатам второго среза исследования, снижают открытые (прямые) агрессивные действия, но при этом выводят в состав действующих ресурсов новую связь «непрямых действий» и «асоциальных действий». Иными словами, можно предположить, что воспитанники СУВУ, если и нарушают правила/нормы, то делают это не демонстративно, а косвенными способами.

Стоит отдельно отметить сформированность структуры жизнестойкости у воспитанников СУВУ, как *до*, так и *после* экспериментального воздействия, которое только ее усилило. Именно в этой плеяде мы обнаруживаем весьма редкие в эмпирических работах показатели такой силы (выше 0,9). Основываясь на описании Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой, мы можем сделать вывод о сформированности у воспитанников СУВУ системы убеждений о себе, своем окружении, мире (жизнестойкости). При этом в равной степени важную роль играет понимание себя как активного актора жизни (вовлеченность), установка на активную позицию — нужно бороться, чтобы чего-то достичь (контроль) и готовность делать новые шаги (готовность к риску). Авторы данной методики утверждают (Тест жизнестойкости), что «...компоненты жизненной позиции развиваются в детстве и отчасти в подростковом возрасте...» (Леонтьев, Рассказова, 2006, с. 6). А результаты данного формирующего эксперимента еще раз доказывают данное утверждение.

Заключение

В статье (первой и второй частях) представлены основные результаты научно-исследовательской работы, целью которой было обоснование программы исследования и повышения эффективности программ и технологий профилактики социальных рисков деструктивного, антисоциального поведения несовершеннолетних в учреждениях системы профилактики — специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа.

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

Методологически обоснована и представлена модель диагностики (диагностический пакет), направленная на выявление и преодоление рисков деструктивного, аутоагрессивного, экстремистского и антисоциального поведения подростков. Пакет, включающий 9 современных методик диагностики, соотнесенных с компонентами структуры жизненной позиции личности, позволил выделить группы риска на основе выявления просоциальной или антисоциальной позиции личности с целью дифференцированного построения программ направленного воздействия (Бонкало, 2021). Данная модель исследования позволила получить достоверные показатели эффективности апробированных в рамках эксперимента технологий, к которым относятся: профессиональное наставничество, технологии навыкового (ориентированного на результат) и восстановительного подходов и ряд других практик, направленных на преодоление механизма, запускающего антисоциальные, деструктивные поведенческие паттерны (Бригадиренко и др., 2024). Сравнительный анализ двух срезов диагностики в контрольной и экспериментальной выборках показал, что воспитанники из четырех экспериментальных СУВУ демонстрируют более четкие, чем в контрольной группе, представления о смысле своей жизни; ориентацию на осознанность и направленность ближних и дальних целей в своей жизни; более позитивное самоотношение; большую удовлетворенность потребностей в принятии, контроле и осмысленном существовании; ориентацию на общепринятые нормы и ценности; владение более гибкими и адаптивными способами совладания со стрессом. Полученные результаты могут свидетельствовать о перспективной ориентированности на формирование у воспитанников СУВУ осознанной, просоциальной жизненной позиции, апробированных в экспериментальных СУВУ элементов модели профилактики «Экосистема детства», подтвердивших свою эффективность в отношении определенных в исследовании мишеней направленного воздействия, что позволяет рекомендовать их для включения в работу учреждений такого типа (Бригадиренко и др., 2024; Семья, Иванников, Чиркина, 2021).

Список источников / References

1. Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А., Радчиков А.С., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В. (2024). Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ. *Психология и право*, 14(4), 1—14. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140401>
Boykina, E.E., Gurina, O.D., Kupriyanova, E.A., Radchikov, A.S., Shpagina, E.M., Chirkina, R.V. (2024). Psychological Predictors of Deviant Behavior of Minors. Part 1. Portrait of a Special Educational Institution's Student. *Psychology and Law*, 14(4), 1—14. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140401>
2. Бонкало, С.В. (2012). *Социально-психологические технологии формирования конструктивной жизненной позиции делинквентных подростков (на примере воспитанников специальных образовательных учреждений закрытого типа): Автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05 Социальная психология*. М.
Bonkalo, S.V. (2012). *Social and psychological technologies for the formation of a constructive life position of delinquent adolescents (using the example of pupils of special closed-type educational institutions): Extended abstr. Diss. Dr. Sci. (Psychol.): 19.00.05 Social psychology*. Moscow. (In Russ.).

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

3. Бригадиренко, Н.В., Горина, А.Л., Дементьев, А.С., Кимстач, Е.Л., Коновалов, А.Ю., Куприянова, Е.А., Сидоренко, З.М., Стратийчук, Е.В., Чиркина, Р.В. (2024). Анализ эффективности программ психологической профилактики девиантного поведения в институциональных условиях воспитания несовершеннолетних. *Вестник практической психологии образования*, 21(4), 219—240. <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210419>
Brigadirenko, N.V., Gorina, A.L., Dementyev, A.S., Kimstach, E.L., Konovalov, A.Y., Kupriyanova, E.A., Sidorenko, Z.M., Stratiychuk, E.V., Chirkina, R.V. (2024). Analysis of the Effectiveness of Programs Designed for Prevention of Deviant Behavior in Educational Institutions for Adolescents. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 21(4), 219—240. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210419>
4. Идобаева, О.А., Подольский, А.И., Ефимова, А.И., Салахова, В.Б. (2017). *Делинквентная личность: методологические подходы к изучению и эмпирические данные: Монография*. Ульяновск: УлГУ.
Idobaeva, O.A., Podolsky, A.I., Efimova, A.I., Salakhova, V.B. *Delinquent personality: methodological approaches to study and empirical data: Monograph*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University. (In Russ.).
5. Ларин, А.Н. (2016). Личностные особенности детей, воспитывающихся в условиях детского дома, как критерий формирования активной жизненной позиции и успешной социальной адаптации. *Психология и право*, 6(2), 107—119. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060208>
Larin, A.N. (2016). Personality characteristics of children in an orphanage as criteria for the developing of proactive attitude and successful social integration. *Psychology and Law*, 6(2), 107—119. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060208>
6. Леонтьев, Д.А., Рассказова, Е.И. (2006). *Тест жизнестойкости*. М.: Смысл.
Leontiev, D.A., Rasskazova, E.I. (2006). *Vitality test*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.).
7. Мануйлова, Л.М., Максимов, А.С. (2020). Социально-педагогическое сопровождение обучающихся специального учебно-воспитательного учреждения. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 14(3), 123—130. <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.15>
Manuylova, L.M., Maksimov, A.S. (2020). Social and pedagogical support of students at special education educational institutions. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, 14(3), 123—130. (In Russ.). <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.15>
8. Путинцева, Н.В. (2023). Система работы в восстановительном подходе по профилактике и в ситуации травли в образовательной среде. В: Е.Э. Бойкина (ред.), *Антология остракизма. Учебное пособие* (с. 247—254). М.: ИД «Городец».
Putintseva, N.V. (2023). System of work in the restorative approach to prevention and in the situation of bullying in the educational environment. In: E.E. Boikina (Ed.), *Anthology of ostracism. Study guide* (pp. 247—254). Moscow: Gorodets Publ. (In Russ.).
9. Рубцов, В.В. (2024). *Социально-генетическая психология учебных взаимодействий (избранные статьи, выступления, проекты). Книга первая*. М.: Городец. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/sgpli2024> (дата обращения: 10.09.2024).
Rubtsov, V.V. (2024). *Social-genetic psychology of learning interactions (selected articles, speeches, projects). Book 1*. Moscow: Gorodets Publ. (In Russ.). URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/sgpli2024> (viewed: 10.09.2024).

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

10. Семья, Г.В., Иванников, В.А., Чиркина, Р.В. (2021). К вопросу обоснования системной модели профилактики социальных рисков в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *Вестник практической психологии образования*, 18(3), 7—9. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2021_n3/from_editor (дата обращения: 10.11.2024).
Semya, G.V., Ivannikov, V.A., Chirkina R.V. (2021). On the Issue of Substantiating a Systemic Model for the Prevention of Social Risks in Organizations for Orphans and Children Left without Parental Care. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 18(3), 7—9. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2021_n3/from_editor (viewed: 10.11.2024).
11. Солонченко, С.С. (2020). Связь идентичности с образом семьи у выпускников закрытых учреждений. *Национальный психологический журнал*, 2(38), 85—98. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0208>
Solonchenko, S.S. (2020). Relationship of identity with family image in graduates of closed institutions. *National Psychological Journal*, 2(38), 85—98. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0208>
12. Сорокова, М.Г., Ульянина, О.А., Семья, Г.В., Леонова, О.И., Лубовский, Д.В., Исаев, Е.И., Подушкина, Т.Г., Бусыгина, Н.П., Радчикова, Н.П., Шведовская, А.А. (2024). *Доказательный подход: Руководство по верификации программ, технологий, практик в образовании и социальной сфере: Учебное пособие* (А.А. Марголис, М.Г. Сорокова, Г.В. Семья, ред.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/evbaguever2024> (дата обращения: 10.11.2024).
Sorokova, M.G., Ulyanina, O.A., Semya, G.V., Leonova, O.I., Lubovsky, D.V., Isaev, E.I., Podushkina, T.G., Busygina, N.P., Radchikova, N.P., Shvedovskaya, A.A. (2024). *Evidence-based approach: Guide to verification of programs, technologies, practices in education and social sphere: Study guide* (A.A. Margolis, M.G. Sorokova, G.V. Semya, eds.). Moscow: MSUPE Publ. (In Russ.). URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/evbaguever2024> (viewed: 10.11.2024).
13. Ульянина, О.А., Зинатуллина, А.М., Любка, Е.И. (2021). *Воспитанники специальных учебно-воспитательных учреждений: психологический анализ эмоциональных и личностных проблем: Методические рекомендации*. М.: РИОР. <https://doi.org/10.29039/02052-4>
Ulyanina, O.A., Zinatullina, A.M., Lyubka, E.I. (2021). *Pupils of special educational institutions: psychological analysis of emotional and personal problems: Methodological recommendations*. Moscow: RIOR Publ. (In Russ.). <https://doi.org/10.29039/02052-4>
14. Хут, С.Е., Паатова, М.Э. (2021). Особенности профессионального самоопределения воспитанников специальных образовательных организаций. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*, 2(278), 84—89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46505740> (дата обращения: 10.11.2024).
Khut, S.E., Paatova, M.E. (2021). Features of professional self-determination of pupils from special educational institutions of the closed types. *Bulletin of the Adyghe State University. Series 3: Pedagogy and Psychology*, 2(278), 84—89. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46505740> (viewed: 10.11.2024).
15. Чиркина, Р.В., Бойкина, Е.Э., Койкова, К.С., Бригадиренко, Н.В., Стратийчук, Е.В., Тишкова, Ю.В., Чеботарев, И.В. (2020). Оценка профилактического потенциала

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

технологии «Умелый класс» в формировании социально значимых навыков у детей.
Психология и право, 10(4), 93—110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100407>
Chirkina, R.V., Boykina, E.E., Koikova, K.S., Brigadirenko, N.V., Stratiychuk, E.V.,
Tishkova, Yu.V., Chebotarev, I.V. (2020). Evaluation of the Preventive Potential of the
Technology for the Formation of Socially Significant Children Skills in the Skillful Class-
Method. *Psychology and Law*, 10(4), 93—110. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100407>

Информация об авторах

Бойкина Екатерина Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры
юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский
государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва,
Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail:
boykinaee@mgppu.ru

Гурина Оксана Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической
психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный
психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); главный эксперт, Московский
исследовательский центр (ГБУ г. Москвы «МИЦ»), Москва, Российская Федерация, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Куприянова Екатерина Анатольевна, психолог, старший преподаватель кафедры
юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский
государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва,
Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4478-7215>, e-mail:
kupriyanovaea@mgppu.ru

Радчиков Андрей Сергеевич, лаборант-исследователь, Научно-практический центр по
комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский
государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва,
Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail:
radchikov_a@yahoo.com

Стратийчук Евгения Васильевна, аспирант, кафедра юридической психологии и права,
факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-
педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0001-6214-0314>, e-mail: chugeka@yahoo.com

Чиркина Римма Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой
юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский
государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва,
Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Information about the authors

Ekaterina E. Boykina, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of
Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Oksana D. Gurina, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation; Main Expert, Moscow Research Center, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Ekaterina A. Kupriyanova, Psychologist, Senior Lecturer of the Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4478-7215>, e-mail: kupriyanovaea@mgppu.ru

Andrew S. Radchikov, Research Laboratory Assistant of the Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research “PsyDATA”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Evgeniya V. Stratiychuk, Postgraduate Student of the Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6214-0314>, e-mail: chugeka@yahoo.com

Rimma V. Chirkina, Candidate of Science (Psychology), Docent, Head of the Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Вклад авторов

Бойкина Е.Э. — теоретико-методологическое обоснование исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; описание интерпретации результатов.

Гурина О.Д. — теоретико-методологическое обоснование исследования; написание и оформление рукописи; планирование исследования; описание интерпретации результатов.

Куприянова Е.А. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Радчиков А.С. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Стратийчук Е.В. — анализ результатов эмпирических данных, оформление рукописи.

Чиркина Р.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А.,
Радчиков А.С., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. (2025)
Психологические предикторы
девиантного поведения несовершеннолетних.
Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ
Психология и право, 15(3), 160—178.

Boykina E.E., Gurina O.D., Kupriyanova E.A.,
Radchikov A.S., Stratiychuk E.V., Chirkina R.V. (2025)
Psychological predictors of deviant behavior
of minors. Part 2. Portrait of a special
educational institution's student
Psychology and Law, 15(3), 160—178.

Contribution of the authors

Ekaterina E. Boykina — theoretical and methodological substantiation of the research; annotation; writing and design of the manuscript; research planning; description of the interpretation of the results.

Oksana D. Gurina — theoretical and methodological substantiation of the research; writing and design of the manuscript; planning of the research; description of the interpretation of the results.

Ekaterina A. Kupriyanova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Andrew S. Radchikov — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

Evgeniya V. Stratiychuk - data analysis, writing and design of the manuscript

Rimma V. Chirkina — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 13.05.2025

Поступила после рецензирования 16.06.2025

Принята к публикации 16.06.2025

Опубликована 30.09.2025

Received 2025.05.13

Revised 2025.06.16

Accepted 2025.06.16

Published 2025.09.30

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Актуальные социально-психологические подходы в исследовании остракизма

Ф.А. Егоров^{1, 2}✉

¹ Специальная (коррекционная) школа № 1708, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ kof2001@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Остракизм, как феномен социального исключения, игнорирования и отвержения, остается ключевым объектом междисциплинарных исследований в связи с его деструктивным влиянием на психическое здоровье, социальную адаптацию и правовую стабильность. Несмотря на значительный прогресс в изучении механизмов и последствий остракизма, сохраняется потребность в систематизации современных данных, отражающих динамику исследований в условиях цифровизации и культурной глобализации. Актуальным становится не только анализ текущих достижений, но и идентификация лакун, требующих углубленного изучения. **Цель.** Обобщить актуальные исследования остракизма, выделив ключевые направления научного поиска, сформулировать перспективные векторы для дальнейших исследований, ориентированные на междисциплинарный подход. **Гипотеза.** Обобщение актуальных исследований остракизма позволит выделить ключевые направления научного поиска и сформулировать перспективные векторы для дальнейших исследований, ориентированные на междисциплинарный подход. **Методы и материалы.** Проведен систематический обзор более 300 исследований (1985—2023), акцент сделан на исследования 2023—2025 гг. из баз PubMed, PsycINFO, Scopus, eLibrary в соответствии с принципами PRISMA. Критерии включения: эмпирические/теоретические работы, посвященные остракизму в психологическом, социологическом или междисциплинарном контексте. **Результаты.** Систематизация современных исследований остракизма позволила выделить ключевые направления: цифровые формы исключения, характеризующиеся анонимностью и масштабом воздействия; культурно обусловленные реакции (эмоциональный дистресс в коллективистских обществах, компенсаторная агрессия — в индивидуалистических); правовые

стратегии, требующие интеграции психологических данных для профилактики кибербуллинга и социальной дезинтеграции. **Выводы.** Результаты показывают необходимость междисциплинарного подхода, объединяющего психологию, культурологию и право, для разработки адаптивных интервенций. Перспективными направлениями являются изучение викарного остракизма в цифровых средах, создание алгоритмов ИИ для выявления паттернов исключения и проведение кросс-культурных лонгитюдных исследований.

Ключевые слова: остракизм, исключение, отвержение, игнорирование, цифровой остракизм, эксклюзия

Для цитирования: Егоров, Ф.А. (2025). Актуальные социально-психологические подходы в исследовании остракизма. *Психология и право*, 15(3), 179—192. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150312>

Current socio-psychological approaches in the study of ostracism

F.A. Egorov^{1, 2}✉

¹ Special Correctional School № 1708, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ kof2001@mail.ru

Abstract

Context and relevance. Ostracism, as a phenomenon of social exclusion, remains a key focus of interdisciplinary research due to its destructive impact on mental health, social adaptation, and legal stability. Despite significant progress in understanding the mechanisms and consequences of ostracism, there remains a need to systematize contemporary data reflecting evolving research dynamics in the context of digitalization and cultural globalization. It becomes imperative not only to analyze current advancements but also to identify gaps that demand deeper investigation.

Objective. To synthesize current research on ostracism, identify key directions in scholarly inquiry, and propose interdisciplinary-focused avenues for future research.

Hypothesis. Summarizing current research on ostracism will enable the identification of key directions in scientific inquiry and the formulation of promising avenues for future research, guided by an interdisciplinary approach.

Methods and materials. A systematic review of over 210 studies (1985—2023) was conducted, with emphasis on works from 2023—2025 sourced from PubMed, PsycINFO, Scopus, and eLibrary databases, adhering to PRISMA guidelines. Inclusion criteria: empirical/theoretical studies addressing ostracism in psychological, sociological, or interdisciplinary contexts. **Results.** Systematization of contemporary research on ostracism revealed three key directions: Digital forms of exclusion, characterized by anonymity and large-scale impact; Culturally conditioned responses (e.g., emotional distress in collectivist societies vs. compensatory aggression in individualistic ones); Legal strategies requiring integration of psychological insights to prevent cyberbullying and social disintegration. **Conclusions.** The findings underscore the necessity of an interdisciplinary approach combining psychology, cultural studies, and law to develop

adaptive interventions. Promising future directions include: Investigating the role of bystanders in digital environments; Developing AI algorithms to detect exclusion patterns; Conducting cross-cultural longitudinal studies.

Keywords: ostracism, exclusion, rejection, ignoring, digital ostracism, exclusion

For citation: Egorov, F.A. (2025). Current socio-psychological approaches in the study of ostracism. *Psychology and Law*, 15(3), 179—192. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150312>

Введение

Постановка проблемы. Остракизм, как феномен социального исключения, игнорирования и отвержения, является одним из ключевых объектов междисциплинарных исследований в связи с его деструктивным влиянием на психическое здоровье, социальную адаптацию и правовую стабильность (Бойкина, 2023; Baumeister, Leary, 1995; Lei et al., 2024; Williams, Cheung, Choi, 2000; Hartgerink, 2015). Несмотря на значительный прогресс в изучении механизмов и последствий остракизма, сохраняется потребность в систематизации современных данных, отражающих динамику исследований в условиях цифровизации и культурной глобализации (Бойкина, 2023; Williams, Cheung, Choi, 2000; Markus, Kitayama, 1991). Актуальным становится не только анализ текущих достижений, но и идентификация лакун, требующих углубленного изучения.

История вопроса. Исследования остракизма эволюционировали от классических работ, фокусирующихся на базовых потребностях (Baumeister, Leary, 1995) и групповой динамике (Tajfel, Turner, 1979), к комплексному анализу цифровых форм исключения (Telesca, Telari, 2024) и кросс-культурных вариаций (Yan, Zhu, Zhang, 2024). Методологические прорывы, такие как использование виртуальных платформ (Williams, Cheung, Choi, 2000; Бойкина, Чиркина, 2020), позволили изучать краткосрочные и долгосрочные эффекты отвержения. В последние годы акцент сместился на роль наблюдателей — викарный остракизм (Sun, Hommel, Ma, 2023), влияние анонимности в онлайн-средах (Chen et al., 2025) и связь остракизма с кибербуллингом (Ding et al., 2024).

Актуальность. Остракизм, как неизменная реальность социального взаимодействия, остается критически значимым феноменом в условиях цифровизации и глобализации, провоцируя антисоциальное поведение, аутоагрессивное поведение, эмоциональный дистресс и иные негативные эффекты. (Telesca, Telari, 2024; Chen et al., 2025; Xing, Kuo, 2024; Salancik, Pfeffer, 1978; Walther, 1996; Ding, Zhao, Zhang, 2024). Несмотря на прогресс в изучении его механизмов, недостаточно систематизированы данные о цифровых формах исключения, культурной вариативности реакций, а также психолого-педагогических стратегий профилактики.

Данная работа актуальна в рамках исследования в области психологии безопасного поведения и деятельности субъектов образовательных отношений и разработки методов и технологий безопасного развития личности в образовательной среде.

Новизна. Статья представляет собой систематический обзор исследований 2023—2025 гг., в ней выделяются следующие ключевые направления: 1) связь между остракизмом и антисоциальным поведением; 2) цифровизация остракизма и его специфика в онлайн-средах; 3) культурная обусловленность реакций на исключение; 4) роль наблюдателей в эскалации или смягчении последствий; 5) последствия остракизма. Новизна работы заключается в синтезе

разрозненных данных, выявлении исследовательских трендов и формулировке перспективных областей для дальнейших изысканий.

Цель статьи — обобщить актуальные исследования остракизма, выделив ключевые направления научного поиска, и сформулировать перспективные векторы для дальнейших исследований, ориентированные на междисциплинарный подход.

Материалы и методы

Настоящий систематический обзор выполнен в соответствии с принципами PRISMA (англ., Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses) и охватывает публикации на английском и русском языках за период 2000—2025 гг. Поиск литературы осуществлялся в базах данных PubMed, PsycINFO, Scopus, Web of Science и eLibrary с использованием ключевых слов: «социальный остракизм», «эксклюзия», «отвержение», «киберостракизм», «нейробиология отвержения», «социокультурные факторы остракизма». Критерии включения: эмпирические и теоретические работы, посвященные социальному остракизму в контексте психологии, социологии, нейронаук или междисциплинарных исследований; исследования, опубликованные в рецензируемых журналах. Категоризация материалов проводилась по дисциплинарной принадлежности, методологическому подходу (экспериментальные, лонгитюдные, качественные) и уровню анализа (индивидуальный, групповой, институциональный). Особое внимание уделено работам, предлагающим интегративные модели или представляющим критический анализ. В первичный анализ вошло более 300 источников, но ввиду ограничений к публикации для данной работы отобрано 42 источника. При подборе источников был сделан акцент на работах, посвященных остракизму и написанных в 2023—2025 гг.

Результаты

Антисоциальные реакции на остракизм

Многочисленные исследования в области социального остракизма поддерживают позицию о связи остракизма с антисоциальным поведением (Бойкина, 2023; Мартынова 2016; Lei et al., 2024; Hartgerink, 2015; Pang, Wang, Lin, 2024). Социальный остракизм выступает мощным фактором, способствующим развитию антисоциального поведения, которое противоречит правовым, морально-этическим и культурным нормам во всем разнообразии его форм проявления. Этот эффект объясняется рядом психологических механизмов, включая снижение самооценки, чувство отвержения, угрозу базовым потребностям, что делает данное направление исследований значимым для понимания социальных отклонений и их влияния на правовую, образовательную, социальную сферы.

Многолетние исследования подтверждают, что остракизм активирует защитные механизмы, которые проявляются в антисоциальных формах поведения. Так, Е.Э. Бойкина в своем анализе демонстрирует, что у подростков, подвергающихся социальному исключению, усиливаются агрессивные тенденции и склонность к уходу в себя (Бойкина, 2023). Эти реакции связаны с восприятием остракизма как угрозы социальной идентичности и базовым человеческим потребностям, что, согласно теории принадлежности R.F. Baumeister и M.R. Leary, нарушает психологическое благополучие индивида (Baumeister, Leary, 1995).

Ж. Pang с коллегами выявили, что остракизм может способствовать предпочтению одиночества, что также может коррелировать с антисоциальными чертами (Pang, Wang, Lin,

2024). Лица, подвергающиеся исключению, могут избегать социальных контактов, что усиливает их изоляцию и формирует замкнутый цикл, где одиночество становится одновременно причиной и следствием антисоциального поведения. Этот процесс особенно выражен у индивидов с низкой стрессоустойчивостью или повышенной чувствительностью к социальным сигналам: Y. Lei с коллегами подчеркивают роль индивидуальных различий, показывая, что остракизм усиливает социальную изоляцию через снижение самооценки, особенно у лиц с высокой чувствительностью к отвержению (Lei et al., 2024). Эти данные подтверждают, что личностные характеристики играют ключевую роль в формировании антисоциальных реакций на остракизм. Например, интроверты могут реагировать уходом в себя, тогда как экстраверты — проявлением агрессии или демонстративного поведения.

В исследованиях последних лет также возрастает интерес к источникам остракизма. J. Park и S.H. Lee обнаружили, что индивиды, инициирующие исключение, проявляют антисоциальные черты через необычные потребительские предпочтения, такие как выбор эксцентричных товаров, что может отражать стремление подчеркнуть свою уникальность или власть (Park, Lee, 2023). Эти результаты расширяют понимание остракизма, демонстрируя его влияние не только на мишени, но и на инициаторов, что подчеркивает его многогранную природу.

Теоретическое осмысление этой связи опирается на теорию социальной идентичности Н. Tajfel и J.C. Turner, которая объясняет, как остракизм угрожает групповой идентичности, вызывая защитные реакции, и теорию принадлежности R.F. Baumeister и M.R. Leary, акцентирующую роль потребности в социальных связях (Baumeister, Leary, 1995; Tajfel, Turner, 1979). Нарушение этих фундаментальных аспектов приводит к компенсаторным или деструктивным формам поведения. Например, K.D. Williams с коллегами в экспериментах с использованием игры Cyberball показали, что исключенные участники демонстрировали повышенную агрессию в последующих задачах, что подтверждает активацию негативных эмоциональных состояний (Williams, Cheung, Choi, 2000).

Метаанализ С.Н. Hartgerink с коллегами выявил устойчивую корреляцию между остракизмом и агрессивным поведением на основе 120 исследований, подчеркивая универсальность этого эффекта (Hartgerink et al., 2015). Так, остракизм выступает значимым катализатором антисоциального поведения, что требует разработки интервенций для минимизации его последствий в социальных и правовых контекстах.

Социальный остракизм в онлайн-средах

С развитием цифровых технологий остракизм все чаще проявляется в онлайн-средах, таких как социальные сети, виртуальные сообщества и игровые платформы, что делает его изучение актуальным направлением современной психологии. Цифровой остракизм, включающий игнорирование сообщений, исключение из онлайн-групп или блокирование, обладает схожими психологическими эффектами с традиционным остракизмом (оффлайн-остракизм, проявляющийся во взаимодействиях лицом к лицу), но отличается высокой скоростью распространения и масштабом воздействия (Akçay, Kayış, 2023; Chen et al., 2025; Ding, Zhao, Zhang, 2024; Telesca, Telari, 2024; Xing, Kuo, 2024).

Теория социальной информации G.R. Salancik и J. Pfeffer объясняет, как цифровая среда формирует восприятие социальных сигналов, а теория компьютерно опосредованной коммуникации J.B. Walther подчеркивает специфику онлайн-взаимодействий, где отсутствие невербальных подсказок усиливает чувство исключения (Salancik, Pfeffer, 1978; Walther,

1996). Цифровой остракизм отличается уникальными характеристиками: анонимность позволяет источникам действовать без социальных последствий, а широкий охват усиливает эмоциональный эффект. Например, исключение из группового чата может затронуть сотни людей одновременно, что многократно увеличивает воспринимаемую угрозу.

Вот уже более 20 лет одним из ключевых методов исследования является использование виртуальной игры Cyberball, которая моделирует социальное исключение в контролируемых условиях. А. Telesca, А. Telari в систематическом обзоре показали, что цифровой остракизм вызывает снижение самооценки, усиление негативных эмоций и чувство отвержения, аналогичные реальному исключению (Telesca, Telari, 2024). Этот инструмент позволяет точно измерять реакции участников и изучать механизмы цифрового остракизма.

Дополнительно, анализ данных социальных сетей представляет собой инновационный подход к исследованию этого явления. Z. Chen с коллегами предлагают использовать большие цифровые данные (англ., big data) для выявления паттернов цифрового остракизма, что помогает понять его динамику и масштабы распространения (Chen et al., 2025). Например, массовое игнорирование комментариев или исключение из чатов могут быть количественно измерены и проанализированы для оценки их психологических последствий. К анализу больших данных и поиску ранее не выявленных закономерностей всё чаще подключают ИИ (искусственный интеллект).

Исследование J. Xing и F. Kuo, проведенное с использованием опросного метода и моделирования, выявило, что киберостракизм связан с усилением агрессивного поведения среди студентов, особенно среди тех, кто характеризуется низкой самооценкой. Этот результат подчеркивает связь между цифровым исключением и антисоциальными проявлениями, указывая на потенциальные риски для психического благополучия и социальной адаптации в онлайн-пространстве (Xing, Kuo, 2024). А. Akçay и М. Kayış сосредоточились на образовательных аспектах, обнаружив, что киберостракизм снижает уровень обмена знаниями в онлайн-обучении. Этот эффект опосредован социальной тревожностью, что свидетельствует о том, что цифровой остракизм не только нарушает социальные взаимодействия, но и негативно сказывается на когнитивных процессах (Akçay, Kayış, 2023). Совокупность этих данных показывает, что последствия киберостракизма выходят за рамки традиционного социального взаимодействия, затрагивая также сферу образования и психического здоровья, что требует дальнейшего изучения и разработки превентивных мер.

Исследование Н. Ding с коллегами показало, что киберостракизм среди подростков коррелирует с депрессией и кибербуллингом, подчеркивая его разрушительный потенциал (Ding, Zhao, Zhang, 2024). Эти результаты указывают на необходимость разработки специфических методов исследования и интервенций, адаптированных к цифровой среде. Цифровизация остракизма требует интеграции современных технологий в психологические исследования, что открывает новые горизонты для анализа его механизмов и последствий, особенно в контексте регулирования онлайн-взаимодействий.

Исследования викарного остракизма

Традиционно исследования остракизма фокусировались на его мишенях (объектах), тем не менее современные подходы смещают акцент на изучение источников (субъектов) и наблюдателей (так называемый «викарный остракизм»), что расширяет понимание социальной

динамики этого явления (Бойкина, Чиркина, 2020; Chen et al., 2025; Park, Lee, 2023; Sun, Hommel, Ma, 2023).

Y. Sun с коллегами показали, что наблюдение за остракизмом снижает чувство контроля у свидетелей, вызывая так называемый викарный остракизм, что указывает на его косвенное влияние на окружающих (Sun, Hommel, Ma, 2023). Z. Chen с соавторами отмечают, что наблюдатели могут испытывать эмпатию, чувство вины или страх быть тоже исключенными, что влияет на их поведение и социальные установки (Chen et al., 2025). Эти эмоциональные реакции подчеркивают, что остракизм затрагивает не только мишеней, но и тех, кто становится свидетелем процесса.

J. Park и S.H. Lee обнаружили, что субъекты, инициирующие остракизм склонны проявлять антисоциальные черты, выражающиеся, например, в демонстративном поведении, таком как выбор необычных потребительских предпочтений (Park, Lee, 2023). Это может быть связано с их стремлением к доминированию или попыткой компенсировать внутренние психологические конфликты. Такой подход позволяет рассматривать остракизм не только как механизм социального исключения, но и как отражение внутреннего состояния самих инициаторов, что открывает новые направления для изучения психологических основ этого явления.

Теория социальной власти J.R.P. French и B. Raven объясняет поведение субъектов остракизма через стремление к контролю, тогда как теория морального исключения S. Opatow подчеркивает роль моральных установок в оправдании остракизма (French, Raven, 1959; Opatow, 1990). Эти концепции помогают понять мотивацию инициаторов и реакции наблюдателей. Смещение фокуса выявляет сложные групповые взаимодействия: наблюдатели могут усиливать остракизм, поддерживая инициаторов, или противодействовать ему, в зависимости от эмоционального состояния и групповых норм.

Исследования викарного остракизма, проведенные E.D. Wesselmann, K.D. Williams и A.H. Hales, демонстрируют, что наблюдатели социального исключения переживают дискомфорт, аналогичный тому, который испытывает человек, подвергающийся остракизму, что угрожает их фундаментальным психологическим потребностям, таким как чувство принадлежности, самооценка, контроль и осмысленное существование. Факторы, усиливающие эффект викарного остракизма, включают принятие перспективы, уровень эмпатии и близость с человеком, подвергающимся остракизму (Wesselmann, Williams, Hales, 2013).

Смещение исследовательского акцента на источники и наблюдателей обогащает понимание этого явления, открывая пути для более эффективных интервенций, направленных на изменение групповой динамики и предотвращение исключения.

Кросс-культурные аспекты социального остракизма

Восприятие остракизма и реакции на него существенно варьируются в зависимости от культурного контекста, что подчеркивает важность кросс-культурных исследований. Культурные нормы, такие как коллективизм и индивидуализм, определяют, как индивиды интерпретируют и переживают социальное исключение. T. Jaubert с коллегами установили, что в коллективистских культурах остракизм воспринимается как более угрожающий из-за высокой ценности групповой принадлежности, вызывая сильные негативные реакции (Jaubert et al., 2024). В индивидуалистических обществах исключение может быть менее травматичным, так как акцент делается на личной автономии.

В коллективистских культурах, как отмечается в работе Y. Yan и соавторов, где приоритет отдается групповой гармонии и взаимозависимости, наблюдатели демонстрируют более высокую склонность к вмешательству в ситуации, когда кто-либо подвергается социальному исключению. Напротив, в индивидуалистических культурах, где ценится личная автономия и независимость, наблюдатели чаще остаются пассивными, воздерживаясь от активных действий. Эти различия подчеркивают контекстуальную природу остракизма, демонстрируя, что реакции на социальное исключение во многом определяются культурными нормами и ценностями, которые формируют социальное поведение индивидов (Yan., Zhu, Zhang, 2024).

Теория культурных измерений G. Hofstede и теория социальной ориентации H.C. Triandis объясняют, как коллективизм и индивидуализм формируют реакции на остракизм (Hofstede, 1980; Triandis, 1995). Например, восточноазиатские культуры демонстрируют более сильные эмоциональные реакции на исключение, что связано с акцентом на групповую гармонию (Markus, Kitayama, 1991). Это подтверждает гипотезу о культурной обусловленности восприятия остракизма. Понимание кросс-культурных различий необходимо для разработки интервенций, адаптированных к конкретным обществам, что повышает их эффективность в правовых и социальных контекстах. Кросс-культурный подход подчеркивает сложность остракизма и необходимость его контекстуального анализа для создания универсальных и локальных стратегий поддержки.

Влияние последствий субъективной остракизации на аффективную и когнитивную сферы

Остракизм оказывает значительное влияние на психическое здоровье, усиливая депрессивные состояния и нарушая когнитивные функции, такие как распознавание эмоций, концентрация внимания и память. Эти эффекты особенно выражены у уязвимых групп, таких как дети и подростки. Н. Ding с коллегами установили связь между киберостракизмом, депрессией и кибербуллингом у подростков, показав, что исключение в онлайн-средах повышает риск депрессивных симптомов и агрессивного поведения, создавая порочный круг негативных взаимодействий (Ding, Zhao, Zhang, 2024).

Психологические последствия остракизма для мишеней включают снижение самооценки, эмоциональный дистресс и разрыв социальных связей. K.D. Williams с коллегами показали, что участники, исключенные в игре Cyberball, сообщали о значительном падении самооценки и чувстве отвержения (Williams, Cheung, Choi, 2000). С.Н.Н. Hartgerink в метаанализе подтвердил, что остракизм коррелирует с депрессией и тревогой, особенно при хроническом исключении (Hartgerink, 2015). Эти эффекты усиливаются у лиц с низкой психологической устойчивостью, что делает подростков особенно уязвимыми, учитывая их потребность в социальном принятии. Теория принадлежности R.F. Baumeister и M.R. Leary объясняет эти последствия нарушением базовой потребности в социальных связях (Baumeister, Leary, 1995). Хронический остракизм может привести к формированию негативного самовосприятия и стойких психологических расстройств, что требует адресных интервенций, таких, например, как когнитивно-поведенческая терапия (Eck, 2011).

Влияние контекста

Контекстуальные особенности остракизма проявляются в различных сферах жизни. E.S. Buhs с коллегами показали, что школьный остракизм связан с академическими трудностями и дистрессом, влияя на развитие ребенка (Buhs, Ladd, Herald, 2006). J. O'Reilly с коллегами выявили, что исключение на рабочем месте снижает производительность и

удовлетворенность трудом, увеличивая текучесть кадров (O'Reilly et al., 2014). Киберостракизм в социальных сетях усиливает изоляцию из-за анонимности и широкого охвата (Ding, Zhao, Zhang, 2024). Теория социальной экологии U. Bronfenbrenner подчеркивает, как контекст формирует проявления остракизма, требуя разных подходов к его смягчению (Bronfenbrenner, 1979).

Z. Chen с коллегами в своем исследовании отмечают, что остракизм может по-разному восприниматься в различных контекстах, включая рабочие места, школы и онлайн-среду (Chen et al., 2025). Так в профессиональной и образовательной сферах остракизм проявляется с особой остротой, оказывая значительное влияние на психологическое состояние и поведение индивидов. В рабочей среде остракизм ассоциируется с эмоциональным выгоранием и снижением производительности труда, причем эти эффекты смягчаются такими факторами, как организационная поддержка и уровень самооценки. Эти результаты подчеркивают, что институциональные контексты создают специфические вызовы, требующие адресных интервенций, таких как программы поддержки и укрепления инклюзивной культуры.

Профилактика остракизма

Стратегии предотвращения остракизма включают социальную поддержку и образовательные программы. F. Teng и Z. Chen показали, что поддержка близких снижает негативные эффекты исключения (Teng, Chen, 2012). Программы повышения осведомленности в школах и на рабочих местах предотвращают остракизм (Durlak et al., 2011). В теории резильентности A.S. Masten и теории социальной поддержки S. Cohen и T.A. Wills подчеркивается роль устойчивости и сети поддержки (Cohen, Wills, 1985; Masten, 2001). Примером служит программа “Circle of Friends”, снижающая остракизм через групповую поддержку (Frederickson, Warren, Turner, 2005).

Экспериментальное исследование Р.В. Чиркиной с соавторами подтвердило эффективность педагогической технологии «Умелый класс» в контексте развития социально-эмоциональных компетенций у детей младшего школьного возраста. Результаты эмпирической работы свидетельствуют о значимом прогрессе в формировании эмпатии, коммуникативных навыков и стратегий конструктивного разрешения конфликтов, что коррелирует с улучшением социальной динамики в детских коллективах. Авторы акцентируют внимание на том, что данные компетенции выступают предикторами субъективного переживания включенности и значимости в группе, снижая риски социальной эксклюзии (остракизма). Программа реализуется через систему структурированных занятий, направленных на целенаправленное развитие социальных навыков, и может рассматриваться как инструмент формирования инклюзивной образовательной среды (Чиркина и др., 2020).

В работе J. Tamplin-Wilson с коллегами проведен анализ реабилитационного потенциала видеоигр в контексте восстановления психологических последствий остракизма. В экспериментальной выборке ($n = 117$) с использованием метода симуляции ситуации остракизма Cyberball установлено, что игровые интервенции способствуют нормализации уровня субъективного благополучия, восстановлению чувства принадлежности и стабилизации самооценки у лиц, переживших ситуацию искусственной эксклюзии. Авторы подчеркивают, что полученные данные имеют значение не только для реабилитации, но и для профилактики остракизма: регулярное удовлетворение базовых социальных потребностей (включенность, признание) через образовательные программы и просоциальные интерактивные активности (в том числе видеоигры) способствует укреплению позитивных социальных связей и снижению рисков маргинализации (Tamplin-Wilson et al., 2019).

Обсуждение результатов

Полученные данные подтверждают, что остракизм, как в традиционных, так и в цифровых формах, выступает значимым фактором дезинтеграции социальных связей и активации антисоциальных поведенческих реакций. Выявленная связь между киберостракизмом и усилением агрессивных тенденций у подростков согласуется с выводами Е.Э. Бойкиной (2023) и метааналитическими данными С.Н. J. Hartgerink (2015), подчеркивающими универсальность негативных последствий исключения. Однако цифровая среда, как показали исследования Z. Chen (2025) и A. Telesca, A. Telari (2024), модифицирует эти эффекты за счет анонимности и масштаба воздействия, что требует дополнения классических теоретических моделей, таких как теория принадлежности (Baumeister, Leary, 1995), в контексте онлайн-взаимодействий.

Культурный контекст, как продемонстрировали T. Jaubert с коллегами (2024) и Y. Yan с коллегами (2024), играет ключевую роль в модуляции реакций на остракизм. Коллективистские общества, где групповая принадлежность имеет высшую ценность, демонстрируют более выраженный эмоциональный дистресс при исключении, тогда как в индивидуалистических культурах преобладают компенсаторные стратегии, включая агрессию. Эти данные расширяют рамки теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1979), акцентируя необходимость учета культурных норм при разработке интервенций.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании дифференцированных подходов к профилактике остракизма. Например, программы повышения осведомленности в образовательных учреждениях, предложенные F. Teng, Z. Chen (2012), могут быть адаптированы с учетом цифровых реалий, таких как кибербуллинг (Ding et al., 2024). Кроме того, интеграция психологических данных в правовые стратегии, включая регулирование онлайн-взаимодействий, способна снизить риски дезинтеграции социальных структур.

Ограничения работы связаны с преобладанием кросс-секционных исследований, что затрудняет установление причинно-следственных связей. Например, долгосрочные эффекты киберостракизма у детей, описанные Mermier J. с коллегами (Mermier et al., 2023), требуют лонгитюдного анализа. Кроме того, большинство работ фокусируется на дихотомии «коллективизм—индивидуализм», упрощая многообразие культурных контекстов. Перспективным направлением является изучение роли наблюдателей в цифровых средах, где их пассивность или активное противодействие могут усиливать или смягчать последствия исключения. Разработка алгоритмов на основе ИИ для выявления паттернов киберостракизма открывает новые возможности для превентивных мер. Одновременно необходимы сравнительные исследования, учитывающие этнические, языковые и социально-экономические различия, чтобы создать универсальные, но гибкие модели поддержки.

Представленные результаты подчеркивают необходимость междисциплинарного синтеза психологических, культурологических и правовых знаний для минимизации деструктивных последствий остракизма в условиях цифровой трансформации общества.

Заключение

Социальный остракизм предстает как динамический феномен, сохраняющий ядро — угрозу базовым потребностям — но трансформирующийся под влиянием культурных, технологических и эволюционных факторов. Его последствия варьируются от хронической депрессии до самосовершенствования, определяясь взаимодействием когнитивных оценок, нейробиологических особенностей и структурных условий среды.

Проведенный анализ современных исследований остракизма подтверждает его роль как многомерного социально-психологического феномена, оказывающего деструктивное влияние на индивидуальное благополучие и групповую динамику. Цифровая трансформация социальных взаимодействий усиливает масштабы и специфику исключения, что проявляется в росте кибербуллинга, депрессивных состояний и агрессии, особенно среди подростков. Культурный контекст определяет вариативность реакций: коллективистские общества демонстрируют повышенную эмоциональную уязвимость, тогда как индивидуалистические — склонность к компенсаторным стратегиям. Эти данные расширяют теоретические рамки классических моделей, таких как теория принадлежности и социальной идентичности, подчеркивая необходимость их адаптации к современным реалиям.

Перспективы дальнейших исследований связаны с преодолением методологических ограничений, таких как преобладание кросс-секционных данных, и углублением в изучение долгосрочных эффектов остракизма, особенно в цифровой среде. Актуальным остается анализ роли наблюдателей, чьи реакции могут как усугублять, так и смягчать последствия исключения. Разработка алгоритмов искусственного интеллекта для выявления паттернов киберостракизма открывает новые возможности для профилактики и исследований, но требует этического регулирования. Междисциплинарный синтез психологии, права и цифровых технологий представляется ключевым направлением для создания комплексных решений, направленных на укрепление социальной сплоченности в условиях глобализации.

Ограничения. Объем анализа аспектов социального остракизма ограничен объемом данной статьи. Ввиду широкой изученности данного феномена в зарубежных исследованиях, большая часть источников — иностранные. Российский кластер исследования сейчас находится в стадии активного формирования.

Limitations. The scope of analyzing aspects of social ostracism is limited by the framework of this article. Given the extensive study of this phenomenon in international research, the majority of sources cited are foreign. The Russian research cluster in this field is currently in an active phase of development.

Список источников / References

1. Бойкина, Е.Э. (2023). Социальный остракизм и антисоциальное поведение несовершеннолетних. *Психология и право*, 13(1), 119—134. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130109>
Boykina, E.E. (2023). Social Ostracism and Minors' Antisocial Behavior. *Psychology and Law*, 13(1), 119—134. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130109>
2. Бойкина, Е.Э., Чиркина, Р.В. (2020). Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования. *Психология и право*, 10(1), 152—164. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100114>
Boykina, E.E., Chirkina, R.V. (2020). Social Ostracism: Current State of the Problem, Methodology and Research Methods. *Psychology and Law*, 10(1), 152—164. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100114>
3. Мартынова, И.Р. (2016). Современные зарубежные направления исследований факторов риска противоправного поведения у несовершеннолетних. *Психология и право*, 6(2), 41—56. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060204>
Martynova, I.R. (2016). Present-day foreign directions of researches of risk factors of unlawful

- behavior among minors. *Psychology and Law*, 6(2), 41—56. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060204>
4. Чиркина, Р.В., Бойкина, Е.Э., Койкова, К.С., Бригадиренко, Н.В., Стратийчук, Е.В., Тишкова, Ю.В., Чеботарев, И.В. (2020). Оценка профилактического потенциала технологии «Умелый класс» в формировании социально значимых навыков у детей. *Психология и право*, 10(4), 93—110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100407>
 Chirkina, R.V., Boykina, E.E., Koikova, K.S., Brigadirenko, N.V., Stratiychuk, E.V., Tishkova, Yu.V., Chebotarev, I.V. (2020). Evaluation of the Preventive Potential of the Technology for the Formation of Socially Significant Children Skills in the Skillful Class-Method. *Psychology and Law*, 10(4), 93—110. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100407>
 5. Akçay, A., Kayış, A.R. (2023). Cyberostracism and knowledge sharing: The mediating role of social anxiety in e-learning environments. *Journal of Educational Technology and Online Learning*, 6(1), 33—47. <https://doi.org/10.31681/jetol.1097719>
 6. Baumeister, R.F., Leary, M.R. (1995). The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 117(3), 497—529. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.117.3.497>
 7. Beck, J.S. (2011). *Cognitive behavior therapy: basics and beyond*. Guilford Press.
 8. Bronfenbrenner, U. (1979). *The ecology of human development*. Harvard University Press.
 9. Buhs, E.S., Ladd, G.W., Herald, S.L. (2006). Peer exclusion and victimization. *Journal of Educational Psychology*, 98(1), 1—13. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.98.1.1>
 10. Chen, Z., Poon, K.T., Jiang, T., Teng, F. (2025). Psychosocial and behavioral consequences of ostracism. *Nature Reviews Psychology*, 4(1), 112—126. <https://doi.org/10.1038/s44159-024-00393-y>
 11. Cohen, S., Wills, T.A. (1985). Stress, social support, and the buffering hypothesis. *Psychological Bulletin*, 98(2), 310—357. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.98.2.310>
 12. Dickerson, S.S., Kemeny, M.E. (2004). Acute stressors and cortisol responses. *Psychological Bulletin*, 130(3), 355—391. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.130.3.355>
 13. Ding, H., Zhao, C., Huang, F., Zhu, L., Wei, H., Lei, L. (2024). Cyber-Ostracism, Depression, and Adolescents' Cyberbullying Perpetration: A Cross-Lagged Panel Analysis. *Youth & Society*, 57(2), 351—373. <https://doi.org/10.1177/0044118X241301062>
 14. Durlak, J.A., Weissberg, R.P., Dymnicki, A.B., Taylor, R.D., Schellinger, K.B. (2011). The impact of enhancing social and emotional learning. *Child Development*, 82(1), 405—432. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01564.x>
 15. Frederickson, N., Warren, L., Turner, J. (2005). “Circle of Friends”—An Exploration of Impact Over Time. *Educational Psychology in Practice*, 21(3), 197—217. <https://doi.org/10.1080/02667360500205883>
 16. French, J.R.P. Jr., Raven, B.H. (1959). The bases of social power. In: D. Cartwright (Ed.), *Studies in social power* (pp. 150—167). Ann Arbor, MI: Institute for Social Research.
 17. Hartgerink, C.H.J., van Beest, I., Wicherts, J.M., Williams, K.D. (2015). The ordinal effects of ostracism. *PLoS ONE*, 10(5), Article e0127002. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0127002>
 18. Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences*. Sage Publications.
 19. Jaubert, T., Benchaib, I., Chekroun, P., Légal, J.-B. (2024). The effect of intergroup ostracism on identity and affective responses: Exploring the role of perceived discrimination. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 28(2), 71—81. <https://doi.org/10.1037/gdn0000216>

20. Lazarus, R.S., Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. Springer.
21. Lei, Y., Li, M., Lin, C., Zhang, C., Yu, Z. (2024). The effect of ostracism on social withdrawal behavior: the mediating role of self-esteem and the moderating role of rejection sensitivity. *Frontiers in Psychology*, 15, Article 1411697. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1411697>
22. Markus, H.R., Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 98(2), 224—253. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.98.2.224>
23. Masten, A.S. (2001). Ordinary magic: Resilience processes. *American Psychologist*, 56(3), 227—238. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.56.3.227>
24. Mermier, J., Quadrelli, E., Bulf, H., Turati, C. (2023). Ostracism modulates children's recognition of emotional facial expressions. *PLoS One*, 18(6), Article e0287106. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0287106>
25. O'Reilly, J., Robinson, S. L., Berdahl, J. L., Banki, S. (2014). Is Negative Attention Better Than No Attention? The Comparative Effects of Ostracism and Harassment at Work. *Organization Science*, 26(3), 774—793. <https://doi.org/10.1287/orsc.2014.0900>
26. Opatow, S. (1990). Moral exclusion and injustice. *Journal of Social Issues*, 46(1), 1—20. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1990.tb00268.x>
27. Pang, C., Wang, T.Y., Lin, J. (2024). Being close or being alone: How Social ostracism affects solitude preference. *British Journal of Social Psychology*, 63(4), 1787—1803. <https://doi.org/10.1111/bjso.12753>
28. Park, E., Lee, S.H. (2023). Ostracizing sources avoid communal tastes: Effect of ostracizing behaviour on extraordinary consumption. *International Journal of Consumer Studies*, 47, 1173—1188. <https://doi.org/10.1111/ijcs.12896>
29. Telesca, A., Telari, A., Consonni, M., De Panfilis, C., Riva, P. (2024). On the other side of ostracism: a systematic literature review of the cyberball overinclusion condition. *Cogent Psychology*, 11(1), Article: 2336362. <https://doi.org/10.1080/23311908.2024.2336362>
30. Salancik, G.R., Pfeffer, J. (1978). A Social Information Processing Approach to Job Attitudes and Task Design. *Administrative Science Quarterly*, 23(2), 224—253. <https://doi.org/10.2307/2392563>
31. Sun, Y., Hommel, B., Ma, K. (2023). Vicarious ostracism reduces observers' sense of agency. *Consciousness and Cognition*, 110, Article 103492. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2023.103492>
32. Tajfel, H., Turner J.C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In: W.G. Austin, S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (pp. 33—37). Monterey, CA: Brooks/Cole.
33. Tamplin-Wilson, J., Smith, R., Morgan, J., Maras, P. (2019). Video games as a recovery intervention for ostracism. *Computers in Human Behavior*, 97, 130—136. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.03.008>
34. Teng, F., Chen, Z. (2012). Does social support reduce distress caused by ostracism? It depends on the level of one's self-esteem. *Journal of Experimental Social Psychology*, 48, 1192—1195. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2012.03.014>
35. Triandis, H.C. (1995). *Individualism and collectivism*. Westview Press.
36. Walther, J.B. (1996). Computer-mediated communication. *Communication Research*, 23(1), 3—43. <https://doi.org/10.1177/009365096023001001>

Егоров Ф.А. (2025)
Актуальные социально-психологические подходы
в исследовании остракизма
Психология и право, 15(3), 179—192.

Egorov F.A. (2025)
Current socio-psychological approaches
in the study of ostracism
Psychology and Law, 15(3), 179—192.

37. Wesselmann, E.D., Williams, K.D., Hales, A.H. (2013). Vicarious ostracism. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7, Article 153. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00153>
38. Williams, K.D., Cheung, C.K.T., Choi, W. (2000). Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet. *Journal of Personality and Social Psychology*, 79(5), 748—762. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.79.5.748>
39. Xing, J., Kuo, F. (2024). The impact of cyberostracism on aggressive behavior in students. *Frontiers in Psychiatry*, 15, Article 1393876. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2024.1393876>
40. Yan, Y., Zhu, T., Zhang, D. (2024). The impact of observed ostracism. *Acta Psychologica*, 250, Article 104522. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2024.104522>

Информация об авторах

Фёдор Андреевич Егоров, педагог-психолог, социальный педагог, Специальная (коррекционная) школа № 1708 (ГБОУ Школа № 1708); аспирант факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0660-4726>, e-mail: kof2001@mail.ru

Information about the authors

Fyodor A. Egorov, Educational Psychologist, Social Teacher, Special Correctional School № 1708; Postgraduate Student of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0660-4726>, e-mail: kof2001@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.06.2025
Поступила после рецензирования 20.06.2025
Принята к публикации 30.06.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.06.01
Revised 2024.06.20
Accepted 2024.06.30
Published 2025.09.30

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

**Межличностный конфликт ребенка и родителя
как основание ограничения родительских прав**

М.С. Андреенова¹✉

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ msandreyanova@fa.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Семейным кодексом РФ установлено преимущественное право родителей на воспитание и обучение их детей. При этом родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами ребенка, их реализация не должна причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Путем сравнительного анализа правовых норм автор статьи пришел к выводу о наличии двух оснований ограничения родительских прав гражданина: опасность оставления ребенка с родителем по обстоятельствам, не зависящим от него, и по обстоятельствам, зависящим от него. **Цель.** Основная цель исследования — формулирование особых положений рассмотрения судами гражданских дел об ограничении родительских прав гражданина по такому основанию, как опасность оставления ребенка с родителем в связи с межличностным конфликтом ребенка и родителя. **Методы и материалы.** При исследовании автор применял общенаучные и специальные методы: аналитический и индуктивный, сравнительно-правовой, формально-юридический, методы описания, сравнения и исследования случаев. **Результаты и выводы.** Исходя из собственного профессионального опыта как судьи, автор установил, что основанием ограничения родительских прав является опасность оставления ребенка с родителем в связи с негативным отношением ребенка к родителю на протяжении длительного времени (межличностным конфликтом ребенка и родителя) и невиновное поведение родителя в виде ненадлежащего исполнения им своих обязанностей в отношении ребенка. Автор обращает внимание на юридически значимые факты, подлежащие обязательной проверке судом, при разрешении споров такой категории, а также предлагает пути совершенствования законодательства в данной сфере.

Андреянова М.С. (2025)
Межличностный конфликт ребенка и родителя
как основание ограничения родительских прав
Психология и право, 15(3), 193—205.

Andreyanova M.S. (2025)
Interpersonal conflict between a child and a parent
as a ground for restricting parental rights
Psychology and Law, 15(3), 193—205.

Ключевые слова: ограничение родительских прав, межличностный конфликт ребенка и родителя, родительство, спор о детях, ребенок, родитель, судопроизводство

Для цитирования: Андреянова, М.С. (2025). Межличностный конфликт ребенка и родителя как основание ограничения родительских прав. *Психология и право*, 15(3), 193—205. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150313>

Interpersonal conflict between a child and a parent as a ground for restricting parental rights

M.S. Andreyanova¹✉

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ msandreyanova@fa.ru

Abstract

Context and relevance. The Family Code of the Russian Federation establishes parents have the preferential right to the upbringing and education of their children; parental rights may not be exercised in conflict with the child's interests and lead to harm the physical and mental health of children, their moral development. Through a comparative analysis of legal norms, the author of the article concludes there are two grounds for restricting a citizen's parental rights: the danger of leaving a child with a parent due to circumstances independent of his / her behavior and due to circumstances depending on him/her. **Objective.** The main purpose of the article is to formulate special provisions for processing civil cases on restricting citizen's parental rights on such grounds as the danger of leaving a child with a parent due to an interpersonal conflict between them. **Methods and materials.** In the study, the author used general and special scientific methods: analytical, inductive, comparative legal, formal legal methods, methods of description, comparison and study of cases. **Results and conclusions.** Based on own professional activity as a judge, the author found the ground for restricting of parental rights was the danger of leaving the child with the parent due to the child's long-term negative attitude towards the parent (interpersonal conflict between the child and the parent) and the parent's innocent behavior in the form of improper performance of his / her duties towards the child. The author draws attention to the legally significant facts that must be verified by the court when resolving disputes of this type. Also the author suggests ways to improve the legislation in this area.

Keywords: restricting parental rights, interpersonal conflict between child and parent, parenthood, dispute about children, child, parent, proceedings

For citation: Andreyanova, M.S. (2025). Interpersonal conflict between a child and a parent as a ground for restricting parental rights. *Psychology and Law*, 15(3), 193—205. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150313>

Введение

На международном и государственном уровнях закреплено положение о том, что каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, право на совместное проживание с родителями и воспитание ими, образование, обеспечение его интересов, всестороннее развитие и уважение его человеческого достоинства (ч. 1 и 2 ст. 38 Конституции РФ¹, ст. 8 и 9 Конвенции ООН от 20.11.1989 г. «О правах ребенка»², ст. 54 Семейного кодекса РФ³).

С указанными правами ребенка корреспондируют обязанности родителя по его воспитанию и обучению, заботе о его здоровье и развитии, общению с ним, защите его прав и интересов, совместному проживанию с ребенком, его содержанию (ст. 63—66, 80 СК РФ).

В случаях, когда родитель осуществляет данные обязанности в противоречии с интересами ребенка, применяются различные способы защиты семейных прав ребенка: лишение или ограничение родительских прав, отобрание ребенка у родителя при непосредственной угрозе его жизни и здоровью.

Ограничение родительских прав — отобрание ребенка у родителя, влекущее прекращение на будущее время некоторых родительских прав и других основанных на факте родства с ребенком правоотношений.

В зависимости от наличия вины в поведении родителя ограничение родительских прав может выступать как способ защиты прав ребенка или мера семейно-правовой ответственности⁴ (Беспалов, 2014; Воронина, Кузеванова, 2017; Ординарцев, 2012; Ситкова, 2014; Смирновская С.И., 2007).

В отличие от лишения родительских прав Семейный кодекс РФ не содержит исчерпывающий перечень оснований ограничения родительских прав, что создает трудности в правоприменительной практике.

Материалы и методы

Основной целью исследования является формулирование особых положений рассмотрения судами гражданских дел об ограничении родительских прав гражданина по такому основанию, как опасность оставления ребенка с родителем в связи с негативным отношением ребенка к родителю на протяжении длительного времени (межличностным конфликтом ребенка и родителя).

¹ Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 с изменениями от 01.07.2020. [б. г.]. КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875> (дата обращения: 06.11.2024).

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). [б. г.]. КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=9959> (дата обращения: 06.11.2024).

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023). [б. г.]. КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=P63t6g&base=LAW&n=453483> (дата обращения: 06.11.2024). Далее — СК РФ.

⁴ Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав». [б. г.]. Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/24386/> (дата обращения: 06.11.2024). Далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44.

При исследовании автор применял общенаучные и специальные методы: аналитический и индуктивный, сравнительно-правовой, формально-юридический, методы описания, сравнения и исследования случаев.

Результаты

В соответствии с п. 2 ст. 73 СК РФ ограничение родительских прав допускается, если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие).

Суд вправе также принять решение об ограничении родительских прав, если оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их виновного поведения является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав⁵.

Таким образом, законом предусмотрено 2 основания ограничения прав родителя: опасность оставления ребенка с родителем по обстоятельствам, не зависящим от него (невинное поведение родителя), и по обстоятельствам, зависящим от него (виновное поведение родителя).

В качестве примеров первого основания могут служить наличие у родителя заболевания (психического расстройства, туберкулеза открытого типа, заболевания опорно-двигательного аппарата) или тяжелых жизненных обстоятельств (смерть другого родителя ребенка, близкого родственника или супруга родителя ребенка), при которых он не в состоянии надлежащим образом исполнять свои обязанности в отношении ребенка, что, в свою очередь, создает опасность для жизни и здоровья последнего.

Примерами второго основания служат оставление ребенка без присмотра, семейные скандалы в связи с употреблением родителем алкоголя, когда родитель не исполняет свои обязанности в отношении ребенка надлежащим образом, что, в свою очередь, создает опасность для жизни и здоровья последнего, но отсутствуют достаточные основания для лишения родительских прав. В этом случае ограничение родительских прав является временной мерой, предшествующей лишению родительских прав⁶.

Однако в личной практике автора были споры об ограничении родительских прав, в которых основанием являлась опасность оставления ребенка с родителем из-за наличия между ними конфликта⁷.

Все три жизненные истории начинались одинаково: после распада семьи ребенок остался проживать с матерью. Отец, создав новую семью, не участвовал в жизни ребенка, не выстроил

⁵ Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44.

⁶ Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44.

⁷ *Информация по делу № 02-0674/2023*. [б. г.]. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/civil/details/74545481-31ec-11ed-805e-6fa8b13ea00b?caseNumber=02/674/2023> (дата обращения: 06.11.2024);

Информация по делу № 02-1553/2023. [б. г.]. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/civil/details/0d6c9701-90c9-11ed-a582-f7b02fbd1568?caseNumber=02/1553/2023> (дата обращения: 06.11.2024);

Информация по делу № 33-55983/2023. [б. г.]. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/4907b340-7e57-11ec-b4ee-bdc496ce4f88> (дата обращения: 06.11.2024).

с ним отношения и не общался с ним, как правило, из-за неприязненных взаимоотношений с матерью и нежелания матери поддерживать с отцом ребенка доброжелательные отношения.

В первой истории в жизни ребенка произошла трагедия — в октябре 2021 г. умерла его мать. Мальчик остался проживать с родственниками по линии матери, которые участвовали в его жизни с раннего детства. Они обеспечивали его основные потребности, сохранив прежние благоприятные условия для проживания и обучения, организовали заботу о его здоровье и развитии. Орган опеки и попечительства разыскал отца ребенка. С момента смерти матери мальчик категорически возражал против совместного проживания с отцом.

В течение года на базе семейного центра с семьей проводилась профилактическая работа по налаживанию детско-родительских отношений, в процессе которой были выявлены риски, связанные с передачей ребенка в семью отца: самовольный уход ребенка из дома отца, суицидальное поведение малолетнего, развитие психиатрического диагноза у ребенка. Мальчика консультировали психиатр и психолог, диагностировав проблемы взаимоотношений с отцом, при этом не выявив кризисного состояния у ребенка; они рекомендовали отцу семейную психотерапию и правила взаимодействия с сыном. Отец не предпринял меры по организации семейной психотерапии с ребенком из-за нежелания ребенка общаться с ним.

В период досудебного урегулирования спора продолжалась профилактическая работа по налаживанию детско-родительских отношений между отцом и сыном, в которой отец сначала принимал активное участие, затем встречи с психологом носили нерегулярный характер по разным причинам, а через 4 месяца отец минимизировал контакты с сыном в целях снижения напряжения по рекомендации школьного психолога. Попытка наладить отношения отца и сына у школьного педагога-психолога оказалась безрезультатной: отец был готов общаться с сыном и идти на контакт, но ребенок категорически возражал против этого. В период рассмотрения спора в суде совместные встречи отца и ребенка у психолога не проводились из-за неявки одной из сторон, между отцом и сыном взаимоотношения не улучшились, со стороны ребенка присутствовало крайне негативное отношение к своему отцу и нежелание общаться с ним.

Такое крайне негативное отношение сына к отцу явилось следствием нескольких обстоятельств: отсутствие отца в жизни ребенка в период его взросления, вследствие чего мальчик не воспринимал его в качестве родного отца; частая негативная критика отца умершей матерью в присутствии сына; сложная ситуация в жизни ребенка: менее чем за год в жизни мальчика произошло много ярких отрицательных событий (смерть матери и появление в его жизни отца, когда ребенок находился в состоянии сильного стресса); активное участие в жизни ребенка родственников по линии матери, которые выстроили доверительные отношения с ним и фактически заменили ему родителей; допущенные отцом ошибки в процессе налаживания отношений с сыном.

Основная ошибка отца в процессе налаживания отношений с сыном заключалась в том, что он попытался сменить привычную для ребенка обстановку. Отец, предполагая о наличии негативного влияния родственников на сына, принял решение о переводе его в школу по своему месту жительства. В ходе их последней встречи ребенок умолял отца не забирать документы из его школы. Летом 2022 г. отец подал заявление на отчисление сына из школы, не согласовав его с ребенком. Это обстоятельство стало точкой невозврата в налаживании их отношений. Мальчик категорически отказался посещать новую образовательную организацию. С сентября 2022 г. ребенок продолжил обучаться в прежней школе после

общения отца с директором организации. Кроме того, все диалоги отца с сыном сводились к выяснению отношений: кто прав, кто виноват, почему отец бросил мать и т. д. После встреч с отцом и психологом у ребенка несколько раз ухудшалось самочувствие, снижалась успеваемость в учебном процессе.

Психологи не смогли наладить отношения отца и сына. По их прогнозу, примирение между ними возможно через большой период времени, после того как у ребенка появится желание разобраться в сложившейся ситуации.

В ходе судебного разбирательства был опрошен 12-летний ребенок, который пояснил, что отец не участвовал в его жизни; отца заменил ему родственник по линии матери, с которым он сейчас проживает. Сразу после смерти мамы отец пришел и начал убеждать его, что он изменился. Мальчик не поверил отцу, полагая, что тот действует в угоду и под руководством органа опеки. У него есть обиды на отца, сформировавшиеся в раннем детстве. Также была ситуация у психолога, в которой специалист предупредил, что поместит мальчика в психиатрическую больницу; он сильно испугался и заплакал, но отец никак не заступился за него. В заключение мальчик добавил, что отец мешает ему нормально жить, что он ненавидит его и будет с ним общаться только тогда, когда отец юридически откажется от него. Если отец сделает это, у него будет семья — родственники матери, с которыми он живет. Отец для него чужой, он не хочет с ним общаться.

В другой ситуации мать ребенка отбывала реальное уголовное наказание в исправительной колонии с октября 2018 г. по октябрь 2021 г. После взятия матери под стражу девочка осталась проживать с бабушкой по линии матери, которая оформила опеку над ней.

В марте 2020 г. по решению суда было установлено отцовство в отношении ребенка. С мая 2020 г. девочка проживала в новой семье отца, совместно с отцом, мачехой и младшей сестрой. Поначалу отношение отца и его родных к ней было дружественное, но потом стали возникать конфликты между ней и младшей дочерью отца из-за разного отношения родителей к детям, случались драки. Отец пытался урегулировать конфликты дочерей, но безуспешно. Несмотря на нежность и ласковое отношение отца к ней, она испытывала чувство отторжения к нему из-за того представления об отце, которое сложилось у нее со слов матери и бабушки.

В ноябре 2020 г. мать была лишена родительских прав в отношении дочери из-за уклонения от выполнения своих родительских обязанностей и наличия заболевания наркоманией.

До октября 2021 г., освобождения из исправительной колонии, мать общалась с дочерью посредством переписки. Затем они общались лично в присутствии отца 1-2 раза в месяц, а также по телефону.

В июне 2022 г. отец оформил заявление на помещение дочери в Семейный центр на срок до 1 года из-за конфликта между его детьми на протяжении 2 лет. С указанного времени и до рассмотрения дела в суде ребенок находился в Центре.

После помещения дочери в Центр мать лично общалась с ней 2-3 раза в неделю, а также по телефону ежедневно. Во время встреч они обсуждали свою жизнь, учебу дочери и возвращение домой. Мать поддерживала ее, приносила разные вещи. Отец посещал ее в центре каждый четверг, по телефону с дочерью не общался.

В производстве суда оказались одновременно два дела: по иску матери к отцу о восстановлении ее в родительских правах и иску бабушки ребенка к отцу об ограничении его в родительских правах, полагавшей, что ребенок, имеющий любящих родных, не должен проживать в детском доме.

Сначала суд рассмотрел спор родителей о восстановлении матери в родительских правах, удовлетворив соответствующий иск матери. После вступления в законную силу указанного решения суда и возвращения девочки на воспитание матери суд рассмотрел спор об ограничении отца в родительских правах.

В ходе судебного разбирательства была опрошена 11-летняя девочка, которая высказала желание проживать совместно с матерью и отказывалась возвращаться в семью отца.

В третьей ситуации орган опеки и попечительства обратился в суд с иском об ограничении прав обоих родителей в отношении 15-летнего сына.

У родителей было двое сыновей, которые остались проживать с матерью после распада семьи.

В период с августа по декабрь 2021 г. семья состояла на учете в органе опеки и попечительства как находящаяся в трудной жизненной ситуации в связи с конфликтными отношениями матери и сыновей, включая драки. Индивидуально-профилактическая работа оказалась безрезультатной. С декабря 2021 г. семья состояла на учете как находящаяся в социально опасном положении в органе по защите прав несовершеннолетних.

В феврале 2022 г. несовершеннолетние дети, 16 и 14 лет, были выявлены по актам беспризорности и безнадзорности в связи с тем, что мать отсутствовала дома в течение 4-5 дней, оставив их одних. Со слов матери, в пубертатный период детей она перестала пользоваться у них авторитетом; со старшим сыном происходили драки. Дабы защитить себя от физического насилия и оскорблений, она ушла жить к подруге в соседний дом. При этом дети были обеспечены продуктами питания, средствами гигиены и всем необходимым для жизни. Старший сын позвонил в полицию. Сначала их определили в больницу, но мать отказалась забрать их оттуда, поэтому сотрудники органа опеки и попечительства связались с отцом, который забрал сыновей к себе.

Младший сын отказался проживать совместно с отцом, и через месяц отец оформил заявление на помещение его в Семейный центр из-за конфликта между ним и членами семьи. Ребенок находился в Центре и обучался в школе. Мать отказалась забрать сына из Центра до тех пор, пока он не получит диплом об основном общем образовании. Старший сын достиг возраста совершеннолетия.

Орган опеки и попечительства предпринял попытки урегулировать конфликтную ситуацию между младшим сыном и родителями, которые оказались безрезультатными.

В ходе судебного разбирательства был опрошен 15-летний ребенок, который пояснил, что во время совместного проживания с матерью она многое запрещала, наказывала, даже применяла физическую силу. Когда он вырос, то стал сопротивляться ей, из-за чего возникали конфликты. В доме отца ему также было плохо, так как отец тоже многое запрещал ему, высказывал недоверие, была нарушена субординация в отношениях. На этой почве возник конфликт с отцом, который привез его в отдел полиции и попросил устроить в Центр. Будучи в Центре, он общался с матерью по телефону, два раза она приезжала к нему для личного общения. Отец не навещал его в Центре. Он обижен на обоих родителей.

В ходе судебного разбирательства ребенок высказал согласие на назначение примирительной процедуры для налаживания детско-родительских отношений с матерью, но категорически возражал восстанавливать отношения с отцом.

По обоюдному согласию ребенка и матери судом была назначена примирительная процедура, которая дала положительный результат. В июне 2023 г. мать забрала сына к себе из Центра.

На момент вынесения решения суда мать обеспечивала основные потребности сына, ребенок вернулся в прежние благоприятные условия для проживания, обучения и развития.

По итогам рассмотрения дела отец был ограничен в родительских правах, в ограничении родительских прав матери было отказано.

Обсуждение результатов

При разрешении споров, подобных описанным выше, возникают сложные вопросы.

Один из них: существует ли реальная опасность для жизни и здоровья ребенка в случае его передачи (или оставления) в семье родителя, с которым у него конфликт? Можно ли разрешить конфликт между ребенком и родителем в ближайшее время?

Безусловно, гармоничное развитие ребенка включает в себя обеспечение его основных физиологических потребностей (в питании, одежде, жилье), физическую и социальную активность, интеллектуальное развитие, психическое благополучие и комфортную для него психологическую обстановку, в которой он испытывает чувство защищенности от опасностей окружающего мира.

Последствием передачи (или оставления) ребенка в семье родителя, с которым у него продолжается конфликт, может стать девиантное поведение ребенка, включая самовольные уходы из дома или суицидальные попытки, а также развитие психических расстройств.

Как правило, ответить на поставленные вопросы помогают результаты судебной психолого-психиатрической экспертизы (Савина, Сафуанов, 2024; Сафуанов и др. 2022; Сафуанов, 2024).

Специалисты указывают, что с клинико-психологической точки зрения ситуацию, при которой ребенок утрачивает позитивное отношение к одному из родителей, следует рассматривать как аномальную и создающую значительный риск нарушений личностного и эмоционального развития ребенка.

В первой истории эксперты, оценивая психологическое состояние ребенка, выявили у мальчика внутреннее напряжение и неудовлетворенность в связи с тревогой, опасениями помещения в непривычную, некомфортную среду в случае проживания с семьей отца, разрывом отношений с референтным окружением, представляющим для подростка повышенную значимость, а также непредсказуемостью развития ситуации, ощущением незащищенности своих интересов. В связи с этим эксперты пришли к выводу, что помещение ребенка в семью отца без предварительной психокоррекционной работы по налаживанию их взаимоотношений может оказать негативное влияние на психологическое состояние ребенка.

Во второй истории эксперты выявили, что отец выражал готовность активно участвовать в воспитании дочери и беспокойство по поводу возможного «неправильного» формирования ее личности при условии проживания дочери в семье матери, но при этом сообщал о выраженном психологическом напряжении в связи с конфликтными отношениями между дочерьми (сводными сестрами), не мог сформулировать четкого решения проблемы, выражал надежду на помощь психологических служб. У девочки эмоциональное отношение к отцу было негативно-отстраненное, с актуализацией отрицательно окрашенных персонифицированных переживаний, связанных с личным опытом (обида на отца за нарушенное им общение и

помещение ее в госучреждение), ребенок не включал отца в субъективную семейную систему. С учетом позиции девочки и выявленных в ходе обследования ее индивидуально-психологических особенностей и психологического состояния эксперты пришли к выводу, что передача дочери отцу с высокой степенью вероятности повлечет ухудшение ее психологического состояния и усиление негативного отношения к отцу.

Следующий вопрос возникает с квалификацией поведения родителя в таких ситуациях: есть ли вина родителя в возникновении межличностного конфликта между ним и ребенком?

Разрешение данного вопроса имеет серьезные правовые последствия. В случае ограничения родительских прав гражданина вследствие его виновного поведения и не изменения родителем своего поведения в отношении ребенка (по сути не преодоление межличностного конфликта между ним и ребенком), орган опеки и попечительства обязан предъявить иск о лишении его родительских прав по истечении 6 месяцев после вынесения судом решения об ограничении родительских прав (п. 2 ст. 73 СК РФ).

Во всех трех случаях суд пришел к выводу об отсутствии виновного поведения родителя в возникновении межличностного конфликта между ним и ребенком.

Вина — внутреннее психическое отношение гражданина к совершенному им противоправному деянию (действию или бездействию) и наступившим вследствие него последствиям. По сути, это означает, понимает (осознает) ли гражданин противоправность своего поведения и связанных с ним результатов. Вина проявляется в двух формах: умысел и неосторожность (Ворожейкин, 1970; Ситкова, 2013).

Семейное законодательство России не содержит указание на формы вины, но на практике они играют важную роль, особенно при определении объема ответственности. Например, применить ограничение или лишение родительских прав гражданина в отношении ребенка.

Как отмечает Р.В. Овчарова, неверно говорить о том, что родительство является суммой двух слагаемых — материнства и отцовства. При самостоятельности этих слагаемых не сформировался бы институт семьи, с основной функцией воспроизводства и социализации ребенка. Чтобы разграничить эти понятия, надо разъяснить следующее: понятие «родительство» является надындивидуальным целым, выходящим за рамки индивида, в то время как «материнство» и «отцовство» касаются отдельной личности. Родительство включает два человека — отца и мать. Только с рождением ребенка в семье родительство начинает складываться на надындивидуальном уровне (Овчарова, 2006).

Именно поэтому для квалификации поведения родителя-ответчика как виновного или невиновного необходимо учитывать поведение другого родителя и (или) родственников, с которыми ребенок остался проживать после распада семьи. Будучи значимым взрослым для ребенка, указанное лицо осознанно или бессознательно формирует мнение ребенка о родителе, проживающем отдельно от него.

В связи с этим при оценке поведения родителя-ответчика надо учитывать обстоятельства распада семьи, его поведение по сохранению и (или) налаживанию отношений с ребенком, а также поведение родителя, с которым остался проживать ребенок, по сохранению и (или) налаживанию отношений ребенка с другим родителем после распада семьи.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, хотелось бы отметить, что при разрешении подобных споров следует исходить из того, что, с одной стороны, Семейный кодекс РФ

закрепил преимущественное право на воспитание и обучение детей за их родителями, а не иными родственниками и лицами (п. 1 ст. 61 СК РФ), но, с другой стороны, установил, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами ребенка, причинять вред его здоровью и нравственному развитию (п. 1 ст. 65 СК РФ).

Очевидно, что оставление или передача ребенка в семью родителя, которого он не признает в качестве такового, не соответствует интересам ребенка и может нанести вред его психическому и (или) психологическому здоровью.

Судам следует достоверно устанавливать, по какой причине родитель не исполнял свои обязанности в отношении ребенка; имелась ли у родителя реальная возможность исполнять свои родительские права в отношении ребенка; в связи с чем у них возник межличностный конфликт; каким образом родитель или родственник, с которым проживал ребенок, повлиял на формирование мнения ребенка о родителе-ответчике.

В описанных выше случаях неисполнение отцом-ответчиком родительских обязанностей было вызвано длительным раздельным проживанием с ребенком после распада семьи, межличностным конфликтом между ними, негативным отношением ребенка к отцу из-за развода с матерью или неспособности отца урегулировать конфликт между детьми, поведением матери и бабушки ребенка. Суд констатировал, что у отца отсутствовала реальная возможность выполнять свои родительские обязанности в отношении ребенка.

Ввиду высокой социальной значимости семейной формы воспитания по сравнению с другими формами, автор рекомендует судьям активно проводить примирительные процедуры с участием психолога для налаживания детско-родительских отношений. Если меры по примирению ребенка и родителя дали положительный результат, и ребенок стал проживать в семье родителя-ответчика, то суд отказывает в удовлетворении иска. Если же они не достигли примирения, отказались от проведения примирительных процедур либо истек срок их проведения, суд возобновляет судебное разбирательство и рассматривает спор по существу (гл. 14.1 ГПК РФ⁸).

Учитывая длительный и сложный процесс налаживания детско-родительских отношений, использование примирительных процедур при разрешении таких споров требует усовершенствования правового регулирования в этой сфере. В частности, следует увеличить срок, на который суд может назначить и (или) продлить примирительную процедуру с отложением судебного разбирательства по делу: с 2 месяцев до 1 года (ст. 153.2, 154, 169 ГПК РФ), а также расширить перечень результатов примирительных процедур, предусмотренный ст. 153.7 ГПК РФ, поскольку он не предусматривает положительный результат, который может быть достигнут в результате примирения ребенка и родителя. Данное направление требует дальнейшего исследования.

При разрешении таких споров суду следует устанавливать наличие опасности и ее степени для психического и (или) психологического здоровья ребенка в случае его передачи (или оставления) в семье родителя-ответчика. Установить данные факты можно из показаний и отчетов психолога, проводившего работу по налаживанию детско-родительских отношений, заключения психолого-психиатрической экспертизы.

⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024). (2024). КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=Phblkw&base=LAW&n=489141> (дата обращения: 29.11.2024).

Учитывая характер и степень опасности, а также возможные последствия для здоровья ребенка в случае передачи его родителю-ответчику, неисполнение последним своих родительских обязанностей в отношении ребенка, отсутствие виновного поведения родителя в сложившейся ситуации, суд может прийти к выводу, что передача ребенка родителю-ответчику опасна для него по обстоятельствам, не зависящим от родителя, а, следовательно, об ограничении родительских прав гражданина.

Основанием ограничения родительских прав гражданина в отношении ребенка будут являться опасность оставления ребенка с родителем в связи с негативным отношением ребенка к родителю на протяжении длительного времени и его невиновное поведение в виде ненадлежащего исполнения своих обязанностей в отношении ребенка.

Список источников / References

1. Беспалов, Ю.Ф. (2014). Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав. *Журнал российского права*, 2(206), 45—52. <https://doi.org/10.12737/2236>
Bespalov, Yu.F. (2014). Family law liability and restrictions of family rights. *Journal of Russian Law*, 2(206), 45—52. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2236>
2. Ворожейкин, Е.М. (1970). Вина как субъективное основание ответственности в семейном праве. *Советская юстиция*, 20, 13—15.
Vorozheikin, E.M. (1970). Guilt as a subjective basis of responsibility in family law. *Soviet Justice*, 20, 13—15. (In Russ.).
3. Воронина, С.В., Кузеванова, О.О. (2017). Особенности ответственности родителей за семейные правонарушения в отношении несовершеннолетних детей. *Известия Алтайского государственного университета*, 3(95), 82—85.
[https://doi.org/10.14258/izvasu\(2017\)3-14](https://doi.org/10.14258/izvasu(2017)3-14)
Voronina, S.V., Kuzevanova, O.O. (2017). Features of Responsibility for Family Offenses Against Minors. *Izvestiya of Altai State University*, 3(95), 82—85. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2017\)3-14](https://doi.org/10.14258/izvasu(2017)3-14)
4. Овчарова, Р.В. (2006). *Родительство как психологический феномен: Учебное пособие*. М.: МПСИ.
Ovcharova, R.V. (2006). *Parenthood as a psychological phenomenon: A textbook*. Moscow: MPSI Publ. (In Russ.).
5. Ординарцев, И.И. (2012). *Ограничение родительских прав как институт семейного права Российской Федерации: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право*. М. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005019897> (дата обращения: 01.10.2024).
Ordinartsev, I.I. (2012). *Restriction of parental rights as an institution of family law of the Russian Federation: Extended abstr. Cand. of Juridical Sci.: 12.00.03 — civil law; business law; family law; private international law*. Moscow. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005019897> (viewed: 01.10.2024).
6. Савина, О.Ф., Сафуанов, Ф.С. (2024). Судебно-психологическая экспертная оценка конфликта лояльностей ребенка при судебных спорах между родителями о его воспитании. *Психология и право*, 14(3), 39—49. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140304>
Savina, O.F., Safuanov, F.S. (2024). Forensic Psychological Expert Assessment Conflict of Loyalties of the Child in Court Disputes between Parents about his Upbringing. *Psychology and Law*, 14(3), 39—49. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140304>

Андреянова М.С. (2025)
Межличностный конфликт ребенка и родителя
как основание ограничения родительских прав
Психология и право, 15(3), 193—205.

Andreyanova M.S. (2025)
Interpersonal conflict between a child and a parent
as a ground for restricting parental rights
Psychology and Law, 15(3), 193—205.

7. Сафуанов, Ф.С. (2024). *Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза: Учебник для вузов* (4-е изд., пер. и доп.). М.: Юрайт.
Safuanov, F.S. (2024). *Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination: Textbook for universities* (4th rev. and add. ed.). Moscow: Yurait Publ. (In Russ.).
8. Сафуанов, Ф.С., Савина, О.Ф., Морозова, М.В., Калашникова, А.С., Кулаков, С.С., Переправина, Ю.О., Забежинская, И.Д., Малиновская, М.А., Солдатова, К.М., Бодрова, О.К. (2022). Взаимодействие ребенка с родителем: судебно-психологические экспертные оценки. *Психология и право*, 12(1), 115—132.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120110>
Safuanov, F.S., Savina, O.F., Morozova, M., Kalashnikova, A., Kulakov, S., Perepravina, J.O., Zabezhinskaya, I., Malinovskaya, M., Soldatova, K.M., Bodrova, O. (2022). Parent-Child Interaction: Forensic and Psychological Expert Evaluations. *Psychology and Law*, 12(1), 115—132. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120110>
9. Ситкова, О.Ю. (2013). Вина как элемент семейного правонарушения. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 1(90), 85—90. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20375923> (дата обращения: 01.10.2024).
Sitkova, O.Yu. (2013). Guilt as the element of family offence. *Saratov State Law Academy Bulletin*, 1(90), 85—90. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20375923> (viewed: 01.10.2024).
10. Ситкова, О.Ю. (2014). Санкции в семейном праве: меры защиты и меры ответственности *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 2(97), 132—136. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22014952> (дата обращения: 01.10.2024).
Sitkova, O.Yu. (2014). Sanction in family law: protection measures and responsibility measures. *Saratov State Law Academy Bulletin*, 2(97), 132—136. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22014952> (viewed: 01.10.2024).
11. Смирновская С.И. (2007). *Ограничение родительских прав по семейному законодательству Российской Федерации: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право*. М. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003066872> (дата обращения: 01.10.2024).
Smirnovskaya, S.I. (2007). *Restriction of parental rights under the family legislation of the Russian Federation: Extended abstr. Cand. of Juridical Sci.: 12.00.03 — civil law; business law; family law; private international law*. Moscow. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003066872> (viewed: 01.10.2024).

Информация об авторах

Мария Сергеевна Андреянова, кандидат юридических наук, доцент, судья в отставке, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности, юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет), Москва, Российская Федерация, e-mail: marykam79@rambler.ru, ORCID 0009-0000-8220-8312

Information about the authors

Maria S. Andreyanova, Candidate of Science (Law), Retired Judge, Assistant Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Financial University under

Андреянова М.С. (2025)
Межличностный конфликт ребенка и родителя
как основание ограничения родительских прав
Психология и право, 15(3), 193—205.

Andreyanova M.S. (2025)
Interpersonal conflict between a child and a parent
as a ground for restricting parental rights
Psychology and Law, 15(3), 193—205.

the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail:
marykam79@rambler.ru, ORCID 0009-0000-8220-8312

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 30.10.2024
Поступила после рецензирования 03.12.2024
Принята к публикации 03.12.2024
Опубликована 30.09.2025

Received 2024.10.30
Revised 2024.12.03
Accepted 2024.12.03
Published 2025.09.30

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ | INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 2)

Н.В. Богданович¹✉, В.В. Делибалт¹, А.В. Дегтярёв¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ bogdanovichnv@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Данная статья представляет вторую часть исследования, которое посвящено обсуждению нескольких версий проектов законодательного регулирования психологической помощи и психологической деятельности в РФ (Закона «Об основах регулирования психологической деятельности в Российской Федерации»). Авторы продолжают обсуждать и раскрывать виды деятельности психолога, используемые в процессе оказания психологической помощи. **Цель.** Обсуждение и описание дополнительных видов профессиональной деятельности психологов. **Методы и материалы.** В работе использовались методы понятийного анализа и обобщения, метод анализа документов, а также системный подход к осмыслению профессиональной деятельности психологов. **Результаты.** Авторами обсуждаются такие виды деятельности, как консилиум, диспетчерская деятельность, методическая деятельность, научно-исследовательская деятельность, организационно-управленческая деятельность, мониторинг, психогигиена, психологическая поддержка, конфликтологическая деятельность, психологическая интервизия, психологическое обеспечение, профотбор (подбор), консалтинг, проектирование. **Выводы.** Не все обсуждаемые в статье виды деятельности могут и должны войти в законопроект о психологической помощи или психологической деятельности, однако авторы считают, что их учет и предварительный анализ должны быть обязательным процессом в разработке законопроекта.

Ключевые слова: законопроект о психологической деятельности, профессиональная деятельность психологов, виды психологической деятельности, направления психологической деятельности, психологическая помощь

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025)
Обсуждаем закон о психологической помощи:
направления и виды деятельности психолога (Часть 2)
Психология и право, 15(3), 206—223.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025)
Discussing the law on psychological assistance:
directions and types of activities of a psychologist (Part 2)
Psychology and Law, 15(3), 206—223.

Для цитирования: Богданович, Н.В., Делибальт, В.В., Дегтярёв, А.В. (2025). Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 2). *Психология и право*, 15(3), 206—223. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150314>

Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 2)

N.V. Bogdanovich¹✉, V.V. Delibalt¹, A.V. Degtyarev¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ bogdanovichnv@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. This article is the second part of a study devoted to discussing several versions of draft legislation regulating psychological assistance and psychological activities in the Russian Federation (the Law «On the Fundamentals of Regulating Psychological Activities in the Russian Federation»). The authors continue to discuss and reveal the types of activities performed by psychologists in the process of providing psychological assistance. **Objective.** Discussion and description of additional types of professional activities of psychologists. **Methods and materials.** The work used methods of conceptual analysis and generalisation, document analysis, and a systematic approach to understanding the professional activities of psychologists. **Results.** The authors discuss such types of activities as: consultation, dispatching, methodological activities, research activities, organisational and managerial activities, monitoring, mental hygiene, psychological support, conflict resolution, psychological intervention, psychological support, professional selection (recruitment), consulting, and design. **Conclusions.** Not all of the activities discussed in the article can and should be included in the draft law on psychological assistance or psychological activities, but the authors believe that their consideration and preliminary analysis should be a mandatory process in the development of the draft law.

Keywords: bill on psychological activity, professional activity of psychologists, types of psychological activity, directions of psychological activity, psychological assistance

For citation: Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V., Degtyarev, A.V. (2025). Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 2). *Psychology and Law*, 15(3), 206—223. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150314>

Введение

Настоящая статья является продолжением обсуждения законопроекта (далее — ЗП) о психологической помощи в Российской Федерации (Богданович, Делибальт, Дегтярёв, 2025). На протяжении нескольких лет, и особенно в последний год, дискуссии о нормативно-правовом регулировании психологической деятельности не утихают. За последний год было представлено несколько версий законопроекта (Об основах регулирования психологической деятельности..., 2025; Опубликован вариант проекта..., 2024; Третий вариант «закона...,

2025). Особенно остро полемика развернулась в 2025 году после обнародования очередной версии ЗП (Об основах регулирования психологической деятельности..., 2025; Третий вариант «закона..., 2025). Однако с момента выхода первой части данного исследования были опубликованы новые законотворческие предложения в виде Концепции проекта Федерального закона «О развитии психологической помощи в Российской Федерации», обсужденные на круглом столе (Концепция проекта Федерального закона..., 2025; Новая концепция законопроекта..., 2025), а на его предыдущую версию были даны отрицательные рекомендации (Комитет Госдумы рекомендует отклонить..., 2025; О негативном отзыве Правительства..., 2025). Все законодательные предложения активно обсуждаются профессиональным сообществом. Однако специфика видов и направлений деятельности профессиональных психологов почти не является предметом таких дискуссий.

В первой части исследования (Богданович, Делибальт, Дегтярёв, 2025) нами уже отмечалось, что в систему профессиональной деятельности входят разные виды и направления, в том числе указанные в профессиональных стандартах (Богданович, 2016), но не обозначенные в законопроектах, в связи с чем были описаны 10 основных видов и 3 направления деятельности. **Целью настоящей (второй части) статьи** является обсуждение и описание 15 дополнительных видов деятельности в практической работе психолога.

Материалы и методы

В ходе исследования применялись такие следующие методы:

методы понятийного анализа и обобщения: анализ существующих определений видов деятельности;

метод анализа документов: изучение официальных версий законопроектов, направленных на регулирование психологической деятельности и оказание психологической помощи.

Базой для исследования выступили:

- текст, обсуждавшийся на круглом столе (далее — Вариант законопроекта) (Опубликован вариант проекта..., 2024), так как там приведены все определения тех видов деятельности, которые вошли в Законопроект,
- законопроект об основах регулирования психологической деятельности в Российской Федерации, внесенный в Государственную думу (далее Законопроект) (Об основах регулирования..., 2025),
- третий вариант законопроекта «Об основах регулирования психологической деятельности в Российской Федерации» (автор — А.Ю. Кузнецова) (Третий вариант «закона..., 2025),
- текст Концепции проекта Федерального закона «О развитии психологической помощи в Российской Федерации», обсуждавшийся на Круглом столе в июне 2025 года (Концепция проекта Федерального закона..., 2025; Новая концепция законопроекта..., 2025),
- а также 34 научные и научно-практические работы, в которых были обозначены определения видов профессиональной деятельности психологов.

Поиск публикаций проводился с использованием определенных ключевых слов в научных базах данных. В качестве ключевых слов были выбраны термины «консилиум», «мониторинг», «психогигиена» и другие.

Результаты и их обсуждение

Психодиагностика, развивающая деятельность, психокоррекция, психологическое просвещение, преподавание психологии, психологическое консультирование, психотерапия, психологическая экспертиза, профориентационная деятельность, психологическая супервизия — эти виды деятельности психологов являются общепризнанными. Реже говорят о консилиуме, диспетчерской, методической, научно-исследовательской, организационной деятельности, мониторинге. Совсем экзотикой считается психогигиена, проектирование, психологическая поддержка, коучинг, консалтинг, профотбор (подбор), конфликтологическая деятельность, психологическая интервизия. Некоторые из этих видов деятельности реализуются не только психологами, но и специалистами из смежных областей.

Консилиум. Данный вид деятельности разработан довольно давно, но в современной практической психологии все еще вызывает вопросы как вид деятельности психолога. Мы неоднократно отмечали роль консилиума в обеспечении межведомственного взаимодействия (Богданович, Делибалт, 2019).

Чаще всего этот вид деятельности применяется в системе образования, где он определяется как «...одна из организационных форм совместной деятельности специалистов службы психолого-педагогического сопровождения, направленная на решение задач комплексной оценки особенностей развития, возможностей, особых образовательных потребностей обучающихся и определения стратегии оказания психолого-педагогической помощи в едином образовательном пространстве с учетом имеющихся ресурсов как в самой организации, так и за ее пределами» (Олтаржевская, Ушакова, Кривенко, Егупова, 2016).

Очень радует, что в данном определении нет акцента только на диагностическую составляющую, а есть акцент на взаимодействие специалистов, как внутренних, так и внешних. Однако мы не согласны, что речь идет только о сопровождении. На самом деле консилиум важен и для психопрофилактики (например, так называемый совет по профилактике — это тоже вид консилиума), и для психолого-социальной реабилитации (Делибалт, Богданович, 2017).

Итак, консилиум можно определить как *вид деятельности, где происходит подготовка и проведение такого собрания или совещания специалистов (возможно, с привлечением клиента, заказчика и других заинтересованных лиц, в том числе из других организаций и ведомств), в рамках которого осуществляется планирование, согласование и координация комплексной работы с клиентом, составление и утверждение адресной программы помощи.*

Диспетчерская деятельность. Почти все психологи отмечают важность диспетчерской функции и используют ее в своей деятельности, но мало кто признает ее как отдельный вид деятельности. Возможно, это связано с тем определением, которое часто ей дают: «Социально-диспетчерская деятельность заключается в переадресовке... к другим специалистам в том случае, когда он не в состоянии оказать необходимую помощь» (Истратова, Эксакусто, 2007), и проблема заключается в том, что психолог как бы расписывается в собственной беспомощности. Более корректное определение можно найти в системе образования: это «...оказание помощи подросткам, выходящей за рамки функциональных обязанностей и профессиональной компетенции школьного психолога, т. е. переадресование запроса в различные центры к другим специалистам» (Володина, 2007).

В отличие от диспетчерской функции, где психолог только дает рекомендации обратиться к другим специалистам, диспетчерская деятельность преследует цель получения клиентом

необходимой комплексной помощи. Соответственно, в этой деятельности нужно информировать клиента о формах и способах получения такой помощи (где, как (очно или дистанционно), сколько будет стоить). Важно еще и мотивировать на обращение к специалисту, ведь часто для этого необходимы дополнительные ресурсы (временные, финансовые и т. д.), а кроме того, существует много страхов и искаженных установок. Простой консультацией данная деятельность не ограничивается. Важно обеспечить обмен информацией (в рамках принципа конфиденциальности), что делает данный вид деятельности важной частью межведомственного взаимодействия.

Таким образом, предлагается понимать под диспетчерской деятельностью *вид деятельности психолога, направленный на обеспечение клиента помощью, выходящей за рамки функциональных обязанностей и профессиональной компетенции психолога*. Иными словами, — когда с клиентом работает не только психолог, но и другой смежный специалист или специалисты.

Методическая деятельность. Наверное, самая на первый взгляд формальная и рутинная деятельность у психологов — это методическая деятельность. Обычно ее определяют как «...выполнение нормативных требований по ведению документации, по квалифицированному оформлению и анализу данных проводимых наблюдений и, возможно, исследований» (Климов, Фокин, Буякас, Родина, 2011). Кроме того, туда входит «...подготовка всех необходимых методических материалов — бланков, текстов методик, ключей, таблиц для обработки и т. д.» (Битянова, 1998).

Мы предлагаем более широкое и содержательное определение методической деятельности как *вида деятельности психолога, направленного на анализ и рефлексии собственной деятельности, ее документирование, а также на разработку и апробацию различных методов и программ различных видов деятельности в целях дальнейшей оптимизации процесса оказания психологической помощи и распространения лучших практик в профессиональном сообществе*.

Научно-исследовательская деятельность. Близкая по содержанию к методической деятельности, научно-исследовательская деятельность на данный момент не вошла ни в один профессиональный стандарт (Богданович, Делибальт, 2022). Но это не значит, что она не входит в профессионально важные виды деятельности, хотя бы потому что перед практикой оказания психологической помощи остро стоит вопрос доказательности в противовес так называемым эзотерическим практикам. Поэтому важно дать определение и этому виду деятельности психолога. Общепринятое определение звучит так: «...выявление научных фактов, углубляющих наши знания о психическом мире людей (или животных), изучение закономерности психической жизни, разработка теорий, позволяющих объяснить психологические факты и закономерности, создание методов психологического исследования» (Карандашев, 2000).

Чаще всего научно-исследовательская деятельность проводится в образовательных учреждениях и там акцент делается на ее процессуальные характеристики: «...деятельность, которая предполагает: участие в проведении психологических исследований на основе профессиональных знаний и применения психологических технологий, позволяющих осуществлять решение типовых задач в различных научных и научно-практических областях психологии; изучение научной информации, российского и зарубежного опыта по тематике исследования; применение стандартизованных методик; обработку данных с использованием стандартных пакетов программного обеспечения» (Денисова, Николаева, Фатхуллина, 2017).

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025)
Обсуждаем закон о психологической помощи:
направления и виды деятельности психолога (Часть 2)
Психология и право, 15(3), 206—223.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025)
Discussing the law on psychological assistance:
directions and types of activities of a psychologist (Part 2)
Psychology and Law, 15(3), 206—223.

Но важно дать такое определение научно-исследовательской деятельности, чтобы оно показывало роль исследований именно в практике оказания психологической помощи. Таким образом, ее можно определить как *вид деятельности психолога, заключающийся в описании психологических явлений, встречающихся в его практике, объяснении и обосновании механизмов психологического воздействия, доказательство эффективности программ психологической помощи и прогнозирование на научной основе психологических эффектов (например, при разработке рекомендаций)*.

Организационно-управленческая деятельность. Психологу много приходится прикладывать усилий для организации: своего рабочего места, проведения психодиагностики и других видов деятельности, хранения своей документации и т. д. Однако в полной мере организационная деятельность проявляется, когда речь идет о работе психологической службы. К сожалению, в отечественной психологии довольно мало об этом говорят, больше сосредоточиваясь на сопровождении работы руководителей. Правда, существуют разработки отечественных психологов (И.В. Дубровина. М.Р. Битянова и др.) по организации психологической службы, однако и в них не дается определения этой деятельности. Предлагаем определять организационно-управленческую деятельность как *вид деятельности психолога, направленный на создание и обеспечение эффективного функционирования психологической службы*. При выполнении данной деятельности особую роль играет разработка и реализация концепции психологической службы (Дебольский, Богданович, 2019).

Мониторинг. Этот вид деятельности часто понимают как периодически проводимую психодиагностику, однако его классическое определение звучит так: «...сбор, обработка, хранение и распространение информации об образовательной системе, которая ориентирована на информационное обеспечение процесса управления» (Алехина, Битянова, 2009).

Мы предлагаем понимать мониторинг как *специально организованное, систематическое измерение (осуществляемое по определенным индикаторам в процессе наблюдения, периодической скрининг- или экспресс-диагностики) явлений, процессов, состояний объектов с целью их оценки, контроля или прогноза, что позволяет принимать решения организационного характера (например, о необходимости оказания психологической помощи), распределять ресурсы, основываясь на объективных данных*.

Психогигиена. Большей частью психогигиена определяется как «...мероприятия по сохранению и укреплению нервно-психического здоровья человека» (Залевский, Кузьмина, 2012).

Однако данное определение крайне расплывчатое, и, возможно, поэтому психогигиену больше воспринимают как чисто теоретическую дисциплину или как часть (непонятно какую) психопрофилактики. Более конкретное понимание дается в следующем определении: это «...изучение влияния различных условий среды — производственных, бытовых, социальных — на психику человека; разработка оптимальных норм труда, отдыха и быта: внедрение в практику мероприятий по укреплению н. с. (нервной системы. — Прим. ред.), повышению ее сопротивляемости вредным воздействиям и обеспечению наилучших условий для нормального развития и функционирования психики человека; пропаганда психогигиенических знаний» (Мещеряков, Зинченко, 2007).

На наш взгляд, данный вид деятельности ближе к психологии труда и эргономике и приобретает особую значимость в связи с феноменом «удаленной работы» и

востребованностью кибергигиены в качестве деятельности, которая «...включает в себя методы, способствующие безопасному и ответственному взаимодействию с технологией» (Гулямов, Родионов, 2024).

Таким образом, психогигиена — это вид деятельности психолога, направленный на оценку и оптимизацию физических условий труда, учебы и отдыха и разработку рекомендаций по их организации, в том числе с учетом использования технических средств (например, интернет-среды).

Психологическая поддержка. Большей частью психологов данная деятельность рассматривается как часть психологического консультирования, в частности экстренной психологической помощи, когда интервенцию нельзя проводить, так как клиент находится в кризисном состоянии и нуждается в ресурсах. Соответственно, психологическая поддержка — это «...психологический процесс, который помогает человеку поверить в себя и в свои возможности, избежать ошибок, поддерживает при неудачах, сосредоточиваясь на позитивных сторонах и преимуществах индивида с целью укрепления его самооценки. Основная задача использования психологической поддержки в консультировании состоит в том, чтобы помочь человеку в выявлении своих внутренних резервов и в устранении факторов, мешающих их использованию» (Осипов, 2006). Интересно, что сейчас этот вид деятельности часто ассоциируется с обеспечением клиента способами самоподдержки. Например, это создание «...условий для эффективного саморазвития личности в процессе инновационного образования путем формирования у нее механизмов самообучения и самовоспитания» (Брылева, 2012).

Однако при анализе профессиональных стандартов (Богданович, 2016) можно прийти к другому определению психологической поддержки, понимаемой как создание группы (чаще всего в Интернете) для людей, входящих в окружение клиента, для успешного прохождения им определенного этапа жизни (например, в профессиональном стандарте «Психолог в социальной сфере» есть действие: «Информирование социального окружения о средствах и методах психологической поддержки граждан, в том числе посредством современных информационных технологий (создание специальных страничек, блогов, групп в социальных сетях)» (Об утверждении профессионального стандарта, 2023). Это могут быть группы поддержки матерей детей-инвалидов, родственников пациентов с алкогольной или наркотической зависимостью и т. д. Часто эти люди, участники этих групп, находятся в созависимости и без психологической помощи (и взаимопомощи) преодолеть свои проблемы не могут (хотя в общем-то главные получатели помощи не они, а (чаще всего) их родственники).

Конфликтологическая деятельность. Раньше эту деятельность не выделяли отдельно или называли медиацией. Но после выхода Закона о медиации (Об альтернативной процедуре..., 2019) приходится разводить деятельность медиаторов и конфликтологическую деятельность психологов. Психолог, по сути, редко является посредником в разрешении конфликтов. Чаще всего он работает с одной стороной конфликта, помогая осознать человеку, что на самом деле происходит и почему это так. В отличие от медиатора, у психолога нет определенно заданной стратегии разрешения конфликта, для него примирение это всего лишь один из возможных вариантов.

Таким образом, можно определить конфликтологическую деятельность психолога как профессиональную деятельность, направленную на глубокое понимание природы конфликта, его причин и динамики, а также на психологическую работу с одной или обеими сторонами с

целью предупреждения, трансформации или разрешения конфликта. В отличие от этого, медиация представляет собой более структурированный и формализованный способ урегулирования споров при участии нейтрального посредника (медиатора), осуществляемый на основе добровольного согласия сторон с целью достижения ими взаимоприемлемого решения (там же). Медиатор работает только в рамках ситуации, тогда как психолог учитывает весь жизненный контекст и индивидуальные особенности каждой из сторон.

Психологическая интервизия. Очень часто данный вид деятельности считается частным случаем супервизии, однако есть различия. Интервизию определяют как «...объединение специалистов в едином профессиональном поле для взаимной поддержки, помощи и продвижения на основе взаимных вкладов» (Симакова, 2023). Так называемая балинтовская группа является одним из методов интервизии (Мамонова, 2017). Мы определяем ее как *вид деятельности психолога, в процессе которого психологи совместно обсуждают сложные случаи, трудности и ситуации, возникающие в их профессиональной практике, с целью получения обратной связи, расширения стратегий помощи клиенту и поиска оптимальных решений возникающих проблем. Интервизия строится на принципах равноправия участников, взаимной поддержки и профессиональной рефлексии.*

Теперь обсудим виды деятельности, которые не признаны профессиональным сообществом по разным причинам (малоизвестности или спорности). Здесь мы не будем предлагать свое определение, так как считаем, что пока эти виды деятельности необходимо осмыслять, чтобы включить в перечень.

Психологическое обеспечение. Данный вид деятельности больше обсуждается в правоохранительных органах, где психолог выполняет прикладные функции, и определяется как «...комплексное использование психологической науки, средств и технологий профессионально подготовленными людьми для совершенствования профессиональной деятельности» (Столяренко, 2003). Цель этой деятельности — «...создание, актуализация, сохранение и восстановление целевого психологического ресурса, необходимого для решения задач правоохранительной деятельности» (Кобозев, 2015), она «...направлена на совершенствование кадровой работы и повышение эффективности профессиональной деятельности органов внутренних дел на основе мобилизации психологического потенциала личности, коллектива, организационной структуры и системы управления органами внутренних дел» (Портнягина, 2007).

В отношении психологического обеспечения мы бы сказали, что эта деятельность близка либо к профориентации (в широком смысле), либо к сопровождению.

Профотбор (подбор). Многие психологи выделяют данный вид деятельности как отдельный. С одной стороны, профотбор — это часть психодиагностики, но нормы берутся для конкретной профессии: «...система мероприятий, позволяющая выявить людей, которые по всем индивидуальным личностным качествам наиболее пригодны к обучению и дальнейшей профессиональной деятельности по определенной специальности» (Авлиякулов, 2021).

Однако еще более реальным выглядит вывод, что профотбор — это часть профориентологической деятельности (Казанцева, Красильников, Казанцев, 2021).

Консалтинг. Иногда в психологии обсуждается консалтинг как отдельный вид деятельности, хотя чаще об этом виде деятельности говорят не как о работе психолога: это «...вид профессиональных услуг, которые предоставляются клиентам, заинтересованным в

развитии, совершенствовании определенных процессов и в оптимизации собственного бизнеса... Консультанты, обладающие достаточными познаниями в области управления, непрерывно совершенствуя их, могут помочь руководителям в разработке стратегических планов развития предприятия с учетом новейших и современных подходов в области управленческих технологий, а также возьмут на себя решение разнообразных проблем» (Базаров, Тюбина, 2016). Кроме того, из этого определения понятно, что консалтинг можно отнести к бизнес-консультированию.

Коучинг. Вид деятельности, который стремится выделиться в отдельную профессию. Его классическое определение — «...искусство создания — с помощью беседы и поведения — среды, которая облегчает движение человека к желаемым целям так, чтобы оно приносило удовлетворение» (Калашникова, 2019). Сравнивая с психологией, отмечают направленность коучинга на будущее, тогда как психолог часто работает с прошлым опытом. Однако есть определение коучинга, в котором он описывается как «...особый метод консультирования, направленный на актуализацию опыта, проектирование жизни и мобилизацию личностного потенциала доверителя (коучи)» (Березовская и др., 2014). Таким образом, в данный момент нельзя сказать, что это отдельный вид деятельности психолога.

Проектирование. Еще одна деятельность, довольно модная в последнее время. Ее определяют как «...универсальный и самостоятельный в интеллектуальном и социокультурном отношении тип деятельности, направленный на создание реальных объектов (и эффектов) с заданными функциональными, технико-экономическими, экологическими и потребительскими качествами. Проектирование включает в себя:

- разработку проекта, документируемого на том или ином профессиональном языке (описания, изображения, системы формул, компьютерной программы, вообще «текста»), удовлетворяющего принятым в данной области критериям проектообразности;
- научно-техническое и социокультурное обоснование, оценку и согласование проекта с заинтересованными сторонами (официальными или общественными организациями, потребительскими группами или отдельными лицами), заканчивающиеся решением о принятии проекта;
- реализацию его доступными для изготовителя технологическими, организационными, инвестиционными и прочими средствами» (Чиркина, 2016).

Однако в психологической практике (как отмечает и Р.В. Чиркина) проектирование — это скорее часть управленческой деятельности.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ дает возможность говорить о том, что в профессиональной деятельности психолога можно выделить не только виды (психодиагностика, консультирование, консилиум и др.) и направления (психопрофилактика, психологическое сопровождение и психосоциальная реабилитация, имеющие комплексный и системный характер) деятельности (Богданович, Делибалт, 2015; Богданович, Делибалт, 2020), но также и формы организации деятельности психолога (мониторинг, проектирование). Кроме того, можно выделить деятельности, которые имеют спорный характер, так как могут быть включены в другие виды деятельности или реализовываться смежными специалистами (например, консалтинг, коучинг и т. д.).

Для законодателей важно учитывать широкий спектр видов деятельности, в том числе обеспечивающие межведомственный контекст работы (консилиум, диспетчерская деятельность, мониторинг). На наш взгляд, нужно признать, что методическая, научно-исследовательская и организационно-управленческая деятельности явно существуют в практике оказания психологической помощи. И нелишним будет при уточнении их содержания, а также специфики включение в законопроекты таких видов деятельности, как психогигиена (особенно в век Интернета), психологическая интервизия, психологическая поддержка. Учитывая, что школьные психологи задействованы в школьных службах примирения, важно признать и конфликтологическую деятельность психологов. И, конечно, среди направлений деятельности необходимо обязательно добавить психологическое сопровождение, благо его используют психологи как системы образования, так и пенитенциарной системы и не только они.

В качестве дальнейшей перспективы было бы интересно более технологично дифференцировать данные виды деятельности для более осознанного применения в методической деятельности психологов.

Ограничения. В работе описаны виды и направления профессиональной деятельности психологов, однако в смежных областях данные виды и направления могут быть наполнены иным содержанием.

Limitations. The paper describes types and directions of professional activities of psychologists, but in related fields these types and directions can be filled with different content.

Список источников / References

1. Авлиякулов, Т.Х. (2021). Профессиональная пригодность, профориентация и профотбор в специальность. *Педагогическое образование и наука*, 6, 142—144. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=nucqxr> (дата обращения: 10.04.2025).
Avliyakov, T.Kh. (2021). Professional suitability, career guidance and professional selection in the specialty. *Pedagogical Education and Science*, 6, 142—144. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=nucqxr> (viewed: 10.04.2025).
2. Алехина, С.В., Битянова, М.Р. (2009). Мониторинг как вид профессиональной деятельности педагога-психолога. *Вестник практической психологии образования*, 6(4), 66—73. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2009_n4/27746 (дата обращения: 10.04.2025).
Alekhina, S.V., Bityanova, M.R. (2009). Monitoring as a type of professional activity of an educational psychologist. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 6(4), 66—73. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2009_n4/27746 (viewed: 10.04.2025).
3. Базаров, Р.Т., Тюбина О.И. (2016). Консалтинг: проблемы и перспективы развития на отечественном рынке. В: *Наука и образование: проблемы и перспективы: Материалы ежегодной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 25-летию Университета управления «ТИСБИ», Казань, 02 декабря 2016 года* (с. 47—50). Казань: Университет управления «ТИСБИ». URL: <https://elibrary.ru/ynppfh> (дата обращения: 10.04.2025).
Bazarov, R.T., Tyubina O.I. (2016). Consulting: problems and prospects of development in the domestic market. In: *Science and education: problems and prospects: Proceedings of the annual scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 25th anniversary of the University of Management «TISBI», Kazan, 02 December 2016* (pp. 47—50).

<p>Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025) Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 2) <i>Психология и право</i>, 15(3), 206—223.</p>	<p>Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025) Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 2) <i>Psychology and Law</i>, 15(3), 206—223.</p>
---	--

Kazan: University of Management “TISBI”. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/ynppfh> (viewed: 10.04.2025).

4. Березовская, Р.А., Мясникова, С.В., Сидоренко, Е.В., Кудрявцева, Е.И., Измайлова, А.Г. (2014). Коучинг — эффективная технология достижения целей (по материалам круглого стола «Коучинг в организации: теория и практика»). *Петербургский психологический журнал*, 9, 119—140. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22739536> (дата обращения: 10.04.2025).
Berezovskaya, R.A., Myasnikova, S.V., Sidorenko, E.V., Kudryavtseva, E.I., Izmaylova, A.G. (2014). COACHING — effective technology of goal achievement (Materials of the Round table “Coaching in Organizations: Theory and Practice”). *St. Petersburg Psychological Journal*, 9, 119—140. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22739536> (viewed: 10.04.2025).
5. Битянова, М.Р. (1997). *Организация психологической работы в школе*. М.: Совершенство. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001775794> (дата обращения: 10.04.2025).
Bityanova, M.R. (1997). *Organization of psychological work at school*. Moscow: Sovershenstvo Publ. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001775794> (viewed: 10.04.2025).
6. Богданович, Н.В. (2016). Анализ основных профессиональных стандартов, предполагающих работу психологов в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях. *Психология и право*, 6(2), 1—12. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060201>
Bogdanovich, N.V. (2016). Analysis of the basic professional standards involving the work of psychologists in difficult and legally significant situations. *Psychology and Law*, 6(2), 1—12. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060201>
7. Богданович, Н.В., Делибальт, В.В. (2015). Специфика основных направлений деятельности психологов в системе профилактики правонарушений и защиты интересов детей. В: З.Ф. Драгункина, В.В. Рубцов, Г.В. Семья, А.С. Дубовик, А.А. Шведовская (ред.), *Итоги и перспективы реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы. Сборник материалов конференции* (с. 91—92). М.: ГБОУ ВПО МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/national_strategy/ (дата обращения: 10.04.2025).
Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V. (2015). The specifics of the main activities of psychologists in the system of crime prevention and protection of children's interests. In: Z.F. Dragunkina, V.V. Rubtsov, G.V. Semya, A.S. Dubovik, A.A. Shvedovskaya (Eds.), *Results and prospects for the implementation of the most important provisions of the National Strategy of Action for Children for 2012-2017. Collection of conference materials* (pp. 91—92). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. Publ. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/national_strategy/ (viewed: 10.04.2025).
8. Богданович, Н.В., Делибальт, В.В. (2019). Межведомственное взаимодействие как основа построения модели профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. В: Д.В. Сочивко (ред.), *Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. Сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов* (с. 678—686). Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. URL: <https://elibrary.ru/eaevxv> (дата обращения: 10.04.2025).
Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V. (2019). Interagency interaction as a basis for building a model of prevention of deviant behaviour of minors. In: D.V. Sochivko (Ed.), *Psychology of the XXI century: challenges, searches, vectors of development. Collection of materials of the All-Russian*

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025) Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 2) *Психология и право*, 15(3), 206—223.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025) Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 2) *Psychology and Law*, 15(3), 206—223.

symposium of psychologists (pp. 678—686). Ryazan: The Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/eaevxv> (viewed: 10.04.2025).

9. Богданович, Н.В., Делибальт, В.В. (2020). Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях. *Психология и право*, 10(2), 1—14. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100201>

Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V. (2020). Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents as a Field of Activity of a Psychologist in Educational Institutions. *Psychology and Law*, 10(2), 1—14. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100201>

10. Богданович, Н.В., Делибальт, В.В. (2022). К вопросу теоретической модели деятельности психологов. В: А.А. Марголис, Н.В. Дворянчиков, Н.В. Богданович, В.В. Делибальт, М.Г. Дебольский, Е.Г. Дозорцева, Л.М. Карнозова, И.Н. Коноплева, И.Б. Путалова, Ф.С. Сафуанов, Р.В. Чиркина (ред.), *Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием* (с. 211—213). М.: МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2022 (дата обращения: 10.04.2025).

Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V. (2022). To the question of theoretical model of psychologists' activity. In: A.A. Margolis, N.V. Dvoryanchikov, N.V. Bogdanovich, V.V. Delibalt, M.G. Debolsky, E.G. Dozortseva, L.M. Karnozova, I.N. Konopleva, I.B. Putalova, F.S. Safuanov, R.V. Chirkina (Eds.), *Cochenov Readings 2022. Psychology and law in modern Russia. Collection of theses of participants of the All-Russian Conference on Legal Psychology with International Participation* (pp. 211—213). Moscow: MSUPE Publ. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2022 (viewed: 10.04.2025).

11. Богданович, Н.В., Делибальт, В.В., Дегтярёв, А.В. (2012). К вопросу обоснования модели профессиональной деятельности. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, 4(2), 1—14. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n2/53517 (дата обращения: 10.04.2025).

Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V., Degtyarev, A.V. (2012). To the question of justification of the model of the professional activity of legal psychologist. *Psychological Science and Education*, 4(2), 1—14. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n2/53517 (viewed: 10.04.2025).

12. Богданович, Н.В., Делибальт, В.В., Дегтярёв, А.В. (2025). Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 1). *Психология и право*, 15(2), 250—264. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150216>

Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V., Degtyarev, A.V. (2025). Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 1). *Psychology and Law*, 15(2), 250—264. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150216>

13. Брылева, У.В. (2012). Теоретические основы понятия психологической поддержки профессиональной деятельности педагога. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 12, 403—406. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18805404> (дата обращения: 10.04.2025).

Bryleva, U.V. (2012). Theoretical foundations of the concept of psychological support of professional activity of a teacher. *Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*, 12,

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025) Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 2) *Психология и право*, 15(3), 206—223.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025) Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 2) *Psychology and Law*, 15(3), 206—223.

403—406. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18805404> (viewed: 10.04.2025).

14. Володина, Ю.А. (2007). Деятельность психолога школы-интерната в условиях предпрофильной подготовки. *Омский научный вестник*, 1(51), 125—128. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10367348> (дата обращения: 10.04.2025).
Volodina, Y.A. (2007). Activity of a boarding school psychologist in the conditions of pre-profile training. *Omsk Scientific Bulletin*, 1(51), 125—128. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10367348> (viewed: 10.04.2025).
15. Гулямов, С.С., Родионов, А.А. (2024). Применение кибергигиены в качестве эффективной психологической меры профилактики киберзависимостей. *Психология и право*, 14(2), 77—91. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140206>
Gulyamov, S.S., Rodionov, A.A. (2024). Cyber Hygiene as an Effective Psychological Measure in the Prevention of Cyber Addictions. *Psychology and Law*, 14(2), 77—91. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140206>
16. Дебольский, М.Г., Богданович, Н.В. (2019). Моделирование психологической службы как технология развития компетенций юридических психологов. В: *IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: Сборник тезисов выступлений и докладов участников, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России, Рязань, 20—22 ноября 2019 года: В 10 т.: Том 7* (с. 184—188). Рязань: Академия ФСИН России. URL: <https://elibrary.ru/qgnfqh> (дата обращения: 10.04.2025).
Debolsky, M.G., Bogdanovich, N.V. (2019). Modelling of psychological service as a technology for the development of competences of legal psychologists. In: *IV International Penitentiary Forum 'Crime, Punishment, Correction': Collection of abstracts of speeches and reports of participants, to the 140th anniversary of the penal and correctional system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, 20—22 November 2019: In 10 vols.: Vol. 7* (pp. 184—188). Ryazan: Academy of the FPS of Russia Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/qgnfqh> (viewed: 10.04.2025).
17. Делибальт, В.В., Богданович, Н.В. (2017). Психосоциальная реабилитация несовершеннолетних, попавших в юридически значимые ситуации, как задача культурно-исторической психологии. *Культурно-историческая психология*, 13(3), 41—50. <https://doi.org/10.17759/chp.2017130306>
Delibalt, V.V., Bogdanovich, N.V. (2017). Psychosocial Rehabilitation of Minors Caught in Legally Significant Situations as an Issue of Cultural-Historical Psychology. *Cultural-Historical Psychology*, 13(3), 41—50. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2017130306>
18. Денисова, Е.А., Николаева, С.Ю., Фатхуллина, Е.В. (2017). *Организация практики студентов: Электронное учебно-методическое пособие*. Тольятти: ТГУ.
Denisova, E.A., Nikolaeva, S.Yu., Fatkhullina, E.V. (2017). *Organisation of practical training for students: Electronic educational and methodical manual*. Togliatti: TSU Publ. (In Russ.).
19. Залевский, Г.В., Кузьмина, Ю.В. (2012). Психогигиена в контексте психологии здоровья: краткая история, задачи и проблемы. *Сибирский психологический журнал*, 45, 32—38. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17941078> (дата обращения: 10.04.2025).
Zalevsky, G.V., Kuzmina, Yu.V. (2012). The psychohygiene in the context of the health psychology: short history, tasks and problems. *Siberian Psychological Journal*, 45, 32—38. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17941078> (viewed: 10.04.2025).

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025) Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 2) *Психология и право*, 15(3), 206—223.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025) Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 2) *Psychology and Law*, 15(3), 206—223.

20. Истратова, О.Н., Эксакусто Т.В. (2007). *Справочник психолога-консультанта организации* (2-е изд.). Ростов-на-Дону: Феникс.
Istratova, O.N., Eksakusto T.V. (2007). *Handbook for Organizational Psychologists* (2nd ed.). Rostov-on-Don: Phoenix Publ. (In Russ.).
21. Казанцева, Л.А., Красильников, В.И., Казанцев, С.Я. (2021). Профессиональная консультация и профотбор как составные части профориентации. *Социально-гуманитарное обозрение*, 1, 23—26. URL: <https://elibrary.ru/anxscn> (дата обращения: 10.04.2025).
Kazantseva, L.A., Krasilnikov, V.I., Kazantsev, S.Ya. (2021). Professional consultation and professional selection as an element of career orientation. *Social-Humanitarian Review*, 1, 23—26. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/anxscn> (viewed: 10.04.2025).
22. Калашникова, Т.В. (2019). Коучинг в системе психологического сопровождения несовершеннолетних правонарушителей. В: А.С. Душкин, Н.Ф. Гейжан (ред.), *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 31 октября 2019 года* (с. 165—167). СПб: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://elibrary.ru/ktalbo> (дата обращения: 10.04.2025).
Kalashnikova, T.V. (2019). Coaching in the psychological support system for juvenile offenders. In: A.S. Dushkin, N.F. Geizhan (Eds.), *Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, 31 October 2019* (pp. 165—167). St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/ktalbo> (viewed: 10.04.2025).
23. Карандашев, В.Н. (2000). *Психология: Введение в профессию*. М.: Смысл.
Karandashev, V.N. (2000). *Psychology: Introduction to the Profession*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.).
24. Климов, Е.А., Фокин, В.А., Буякас, Т.М., Родина, О.Н. (2011). *Психолог: введение в профессию: Учебное пособие* (3-е изд., перераб.) (Е.А. Климов, ред.). М.: Издательский центр «Академия».
Klimov, E.A., Fokin, V.A., Buyakas, T.M., Rodina, O.N. (2011). *Psychologist: Introduction to the Profession: A Textbook* (3rd ed., rev.) (E.A. Klimov, ed.). Moscow: Publishing Centre “Academy”. (In Russ.).
25. Кобозев, И.Ю. (2015). *Психологическое обеспечение служебной деятельности: Учебное пособие*. М.: ДГСК МВД России.
Kobozhev, I.Y. (2015). *Psychological support for professional activities: A study guide*. Moscow: DCSP of the MIA of Russia Publ. (In Russ.).
26. Комитет Госдумы рекомендует отклонить законопроект Н.А. Останиной (2025, Июль 04). *Психологическая газета*. URL: <https://psy.su/feed/13184/> (дата обращения: 05.07.2025).
The State Duma Committee recommends rejecting the bill proposed by N.A. Ostanina (2025, July 04). *Psychological Newspaper*. (In Russ.). URL: <https://psy.su/feed/13184/> (viewed: 05.07.2025).
27. Концепция проекта Федерального закона «О развитии психологической помощи в Российской Федерации» (2025, Июнь 20). *Психологическая газета*. URL: https://psy.su/content/files/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025)
Обсуждаем закон о психологической помощи:
направления и виды деятельности психолога (Часть 2)
Психология и право, 15(3), 206—223.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025)
Discussing the law on psychological assistance:
directions and types of activities of a psychologist (Part 2)
Psychology and Law, 15(3), 206—223.

%A4%D0%97_%D0%BE_%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%89%D0%B8.pdf (дата обращения: 21.06.2025).

Concept of the draft Federal Law «On the Development of Psychological Assistance in the Russian Federation» (2025, June 20). *Psychological Newspaper*. (In Russ.). URL: https://psy.su/content/files/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%A4%D0%97_%D0%BE_%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%89%D0%B8.pdf (viewed: 21.06.2025).

28. Мамонова, А.А. (2017). Балинтовская группа как форма интервизии и повышения профессионализма психолога. В: А.В. Гришина, З.З. Екимова (ред.), *Психологическое обеспечение деятельности силовых структур: Межведомственная научно-практическая конференция. Сборник научных статей, Севастополь, 22 ноября 2017 года* (с. 143—146). Севастополь: РИБЕСТ.

Mamonova, A.A. (2017). The Balint group as a form of intervission and professional development for psychologists. In: A.V. Grishina, Z.Z. Ekimova (Eds.), *Psychological support for law enforcement agencies: Interdepartmental scientific and practical conference. Collection of scientific articles, Sevastopol, 22 November 2017* (pp. 143—146). Sevastopol: RIBEST Publ. (In Russ.).

29. Мешеряков, Б.Г., Зинченко, В.П. (Ред.). (2007). *Большой психологический словарь* (3-е изд., доп. и перераб.). СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК.

Meshcheryakov, B.G., Zinchenko, V.P. (Eds.) (2007). *The Great Psychological Dictionary* (3rd suppl. and rev. ed.). Saint Petersburg: Prime-EUROZNAK Publ. (In Russ.).

30. Новая концепция законопроекта: что психологи обсуждали в Госдуме (2025, Июнь 20). *Психологическая газета*. URL: <https://psy.su/feed/13151/> (дата обращения: 21.06.2025).

New concept of the bill: what psychologists discussed in the State Duma (2025, June 20). *Psychological newspaper*. (In Russ.). URL: <https://psy.su/feed/13151/> (viewed: 21.06.2025).

31. О негативном отзыве Правительства на законопроект о психологической деятельности (2025, Июнь 09). *Психологическая газета*. URL: <https://psy.su/feed/13134/> (дата обращения: 26.06.2025).

On the government's negative response to the bill on psychological activities (2025, June 09). *Psychological Newspaper*. (In Russ.). URL: <https://psy.su/feed/13134/> (viewed: 26.06.2025).

32. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №193-ФЗ (В редакции федеральных законов от 02.07.2013 № 185-ФЗ, от 23.07.2013 № 233-ФЗ, от 26.07.2019 № 197-ФЗ) (2019). М. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31539> (дата обращения: 10.04.2025).

On Alternative Dispute Resolution Procedures Involving a Mediator (Mediation Procedures): Federal Law No. 193-FZ of July 27, 2010 (As amended by Federal Laws No. 185-FZ of July 2, 2013, No. 233-FZ of July 23, 2013, and No. 197-FZ of July 26, 2019) (2019). M. (In Russ.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31539> (viewed: 10.04.2025).

33. Об основах регулирования психологической деятельности в Российской Федерации. Законопроект № 846497—8 (2025). М. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/846497-8> (дата обращения: 10.04.2025).

On the Basics of Regulating Psychological Activity in the Russian Federation. Draft Law No.

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025) Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 2) *Психология и право*, 15(3), 206—223.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025) Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 2) *Psychology and Law*, 15(3), 206—223.

846497—8 (2025). Moscow. (In Russ.). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/846497-8> (viewed: 10.04.2025).

34. Об утверждении профессионального стандарта «Психолог в социальной сфере»: Приказ Минтруда России от 14.09.2023 № 716н (Зарегистрировано в Минюсте России 18.10.2023 № 75620) (2023). М. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=459566> (дата обращения: 10.04.2025).

On the Approval of the Professional Standard «Psychologist in the Social Sphere: Order of the Ministry of Labor of Russia dated September 14, 2023 No. 716n (Registered with the Ministry of Justice of Russia on October 18, 2023 No. 75620) (2023). M. (In Russ.). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=459566> (viewed: 10.04.2025).

35. Олтаржевская, Л.Е., Ушакова Е.В., Кривенко А.В., Егупова О.В. (2016). *Психолого-педагогический консилиум: от А до Я: Методическое пособие для педагогических работников общеобразовательных организаций*. М.: ПАРАДИГМА. URL: <https://elibrary.ru/fhlwnn> (дата обращения: 10.04.2025).

Oltarzhevskaya, L.E., Ushakova E.V., Krivenko A.V., Egupova O.V. (2016). Psychological and Pedagogical Consultation: From A to Z: A Methodological Guide for Teachers in General Education Institutions. Moscow: PARADIGMA Publishing House. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/fhlwnn> (viewed: 10.04.2025).

36. Опубликован вариант проекта закона о психологической деятельности (2024, Июль 25). *Психологическая газета*. URL: <https://psy.su/feed/12456/> (дата обращения: 10.04.2025).

A version of the draft law on psychological activity has been published (2024, July 25). Psychological Newspaper. (In Russ.). URL: <https://psy.su/feed/12456/> (viewed: 10.04.2025).

37. Осипов, Д.В. (2006). *Субъективная семантика понятия «психологическая поддержка» в контексте психологического консультирования: Дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01*. ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет». М. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002882583> (дата обращения: 10.04.2025).

Osipov, D.V. (2006). Subjective semantics of the concept of «psychological support» in the context of psychological counselling: Diss. Cand. of Psychol. Sci.: 19.00.01. Moscow State University of Humanities. Moscow. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002882583> (viewed: 10.04.2025).

38. Портнягина, Н.Ю. (2007). *Психологическое обеспечение работы с резервом кадров на выдвижение в органах внутренних дел: Автореф. дис... канд. психол. наук: 19.00.06*. Академия. управления. МВД РФ. М. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003056608> (дата обращения: 10.04.2025).

Portnyagina, N.Y. (2007). Psychological support for working with reserve personnel for promotion in internal affairs agencies. Extended abstr. Cand. of Psychol. Sci.: 19.00.06. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003056608> (viewed: 10.04.2025).

39. Симакова, Т.А. (2023). Интервизия как способ оптимизации профессиональной деятельности практических психологов в условиях цифровизации образования. *Психология и педагогика в Крыму: пути развития*, 6, 269—275. URL: <https://elibrary.ru/tsnbel> (дата обращения: 10.04.2025).

Simakova, T.A. (2023). Interview as a way to optimize the professional activities of practical psychologists in the conditions of digitalization of education. Psychology and Pedagogy in

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025) Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 2) *Психология и право*, 15(3), 206—223.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025) Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 2) *Psychology and Law*, 15(3), 206—223.

Crimea: Ways of Development, 6, 269—275. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/tsnbel> (viewed: 10.04.2025).

40. Столяренко, А.М. (Ред.). (2003). *Энциклопедия юридической психологии*. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
Stolyarenko, A.M. (Ed.). (2003). *Encyclopedia of Legal Psychology*. Moscow: UNITY-DANA Publ. (In Russ.).
41. Третий вариант «закона о работе психологов», автор — А.Ю. Кузнецова, «Единая Россия» (2025, Июнь 25). *Психологическая газета*. URL: <https://psy.su/feed/13165/> (дата обращения: 26.06.2025).
The third version of the «law on the work of psychologists», authored by A. Yu. Kuznetsova, “United Russia” (2025, June 25). *Psychological Newspaper*. (In Russ.). URL: <https://psy.su/feed/13165/> (viewed: 26.06.2025).
42. Чиркина, Р.В. (2016). Оценка проектной культуры студентов в процессе освоения технологий социального проектирования. *Психология и право*, 6(4), 209—223. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060419>
Chirkina, R.V. (2016). Evaluation of the project making culture of the students learning the social engineering technics. *Psychology and Law*, 6(4), 209—223. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060419>

Информация об авторах

Богданович Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Делибальт Варвара Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Дегтярёв Артем Викторович, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Information about the authors

Natalia V. Bogdanovich, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Varvara V. Delibalt, Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025) Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 2) *Психология и право*, 15(3), 206—223.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025) Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 2) *Psychology and Law*, 15(3), 206—223.

Artem V. Degtyarev, Senior Lecturer of the Department of Forensic and Clinical Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Вклад авторов

Богданович Н.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; подбор списка источников.

Делибальт В.В. — обсуждение и корректировка рукописи; описание ключевых слов; оформление рукописи; оформление списка источников.

Дегтярёв А.В. — сбор и анализ данных; перевод аннотирования и ключевых слов; оформление транслитерации.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Natalia V. Bogdanovich — research ideas; annotation, writing and design of the manuscript; selection of the list of sources.

Varvara V. Delibalt — discussion and correction of the manuscript; description of key words; manuscript design; drawing up the list of sources.

Artem V. Degtyarev — data collection and analysis; translation of the abstract and key words; transliteration design.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 11.06.2025
Поступила после рецензирования 14.07.2025
Принята к публикации 20.08.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.06.11
Revised 2025.07.14
Accepted 2025.08.20
Published 2025.09.30

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

**Способствует ли вера в справедливый мир снижению коррупции:
опосредующий эффект воспринимаемого наказания
и роль психологического превосходства**

А.А. Максименко¹✉, А.Р. Загладина¹, О.С. Дейнека²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ maximenko.al@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. В условиях устойчивого распространения коррупционных практик, представляющих угрозу как для функционирования государственных институтов, так и для общественного доверия, возрастает необходимость анализа не только институциональных юридических и экономических, но и психологических факторов, способствующих их воспроизводству. В последнее время в исследовательской практике всё большее внимание уделяется таким перспективным концептам и когнитивным фреймам, как вера в справедливый мир и чувство психологического превосходства, способным объяснять индивидуальные различия в моральной допустимости коррупционного поведения и готовности к его осуществлению. Целью настоящего исследования являлось выявление взаимосвязи между верой в справедливый мир и склонностью к коррупционному поведению с учетом опосредующей роли воспринимаемого наказания и модерации со стороны чувства психологического превосходства. **Методы и материалы.** Онлайн исследованием было охвачено 732 человека (54% — женщины, 46% — мужчины). Инструментарий включал «Шкалу психологического превосходства», «Опросник воспринимаемой склонности к коррупции», «Опросник воспринимаемого наказания», «Шкалу веры в справедливый мир», «Шкалу социальной желательности» и демографическую справку. **Результаты.** Полученные результаты позволили построить статистически обоснованную модерационно-медиационную модель, в которой воспринимаемое наказание выступило как медиатор, а психологическое превосходство — как модератор коррупционных намерений. Отрицательная связь со склонностью к коррупции через посреднический эффект воспринимаемого наказания была обнаружена

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025)
Способствует ли вера в справедливый мир снижению
коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого
наказания и роль психологического превосходства
Психология и право, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025)
Does belief in a just world contribute to reducing
corruption: the mediating effect of perceived
punishment and the role of psychological entitlement?
Psychology and Law, 15(3), 224—239.

только с верой в справедливость мира по отношению к себе, но не в справедливый мир вообще. **Выводы.** Психологическое превосходство как модератор снижает силу положительной взаимосвязи между верой в справедливый мир и воспринимаемым наказанием.

Ключевые слова: психологическое превосходство, вера в справедливый мир, воспринимаемое наказание, коррупционные намерения, психология коррупции, противодействие коррупции

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-01362, <https://rscf.ru/project/25-28-01362/>

Для цитирования: Максименко, А.А., Загладина, А.Р., Дейнека, О.С. (2025). Способствует ли вера в справедливый мир снижению коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого наказания и роль психологического превосходства. *Психология и право*, 15(3), 224—239. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150315>

Does belief in a just world contribute to reducing corruption: the mediating effect of perceived punishment and the role of psychological entitlement?

A.A. Maksimenko¹✉, A.R. Zagladina¹, O.S. Deyneka²

¹ HSE University, Moscow, Russian Federation

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ maximenko.al@gmail.com

Abstract

Context and relevance. In the context of the persistent spread of corrupt practices, which pose a threat both to the functioning of state institutions and to public trust, there is an increasing need to analyze not only institutional, legal, and economic, but also psychological factors that contribute to their reproduction. In recent years, growing attention in research practice has been devoted to promising concepts and cognitive frames such as belief in a just world and a sense of psychological superiority, which are capable of explaining individual differences in the moral acceptability of corrupt behavior and the willingness to engage in it. **Objective of the study.** The aim of this study was to identify the relationship between belief in a just world and the propensity for corrupt behavior, taking into account the mediating role of perceived punishment and the moderating role of psychological superiority. **Methods and materials.** The online study covered 732 people (54% women, 46% men). The toolkit included a scale of psychological entitlement, a questionnaire of perceived propensity to corruption, a questionnaire of perceived punishment, a scale of faith in a just world, a scale of social desirability and a demographic reference. **The results** obtained made it possible to build a statistically sound moderation and mediation model in which perceived punishment acted as a mediator, and psychological entitlement as a moderator of corrupt intentions. A negative relationship with the tendency to corruption through the

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025) Способствует ли вера в справедливый мир снижению коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого наказания и роль психологического превосходства *Психология и право*, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025) Does belief in a just world contribute to reducing corruption: the mediating effect of perceived punishment and the role of psychological entitlement? *Psychology and Law*, 15(3), 224—239.

intermediary effect of perceived punishment was found only with faith in the justice of the world in relation to oneself, but not in a just world in general. **Conclusions.** Psychological entitlement as a moderator reduces the strength of the positive relationship between faith in a just world and perceived punishment.

Keywords: psychological entitlement, belief in a just world, perceived punishment, corrupt intentions, psychology of corruption, anti-corruption

Funding. The study was supported by the Russian Academy of Sciences grant No. 25-28-01362 <https://rscf.ru/project/25-28-01362/>

For citation: Maksimenko, A.A., Zagladina, A.R., Deyneka, O.S. (2025). Does belief in a just world contribute to reducing corruption: the mediating effect of perceived punishment and the role of psychological entitlement? *Psychology and Law*, 15(3), 224—239. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150315>

Введение

Коррупция, являясь актуальной общемировой проблемой, изучается преимущественно учеными таких предметных областей, как юриспруденция, политология и социология. При этом сравнительно небольшое число исследований выполнено в социальной и экономической психологии (Zaloznaya, 2014), в частности, таких работ, которые учитывали бы идеологические взгляды людей, ориентацию на социальное доминирование, личные убеждения о мире в качестве факторов склонности к коррупции (Modesto, Pilati, 2020; Tan et al., 2016b; Vilanova, Milfont, Costa, 2022).

Федеральный закон определяет коррупцию как «...злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»¹. Психологами Т. Раблом и Т. Кульманом коррупция трактуется как девиантное поведение, нарушающее моральные или правовые нормы и представляющее собой злоупотребление функциями власти в пользу другого лица или института (Rabl, Kühlmann, 2008).

В психологических исследованиях фреймизация коррупционного поведения состоит в соотнесении его с неэтичным и нечестным поведением (Modesto, Pilati, 2020), а при его дальнейшей операционализации нередко используются понятия «воспринимаемая коррупция», «склонность к коррупции», и «коррупционные намерения» (Tan et al., 2016a). В настоящем исследовании под склонностью к коррупции понимается «...готовность использовать свое положение или власть для предполагаемой личной выгоды с учетом детализированного планирования целенаправленных коррупционных действий» (Rabl, Kühlmann, 2008).

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (с изменениями и дополнениями) (2024). КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959 (дата обращения: 05.05.2024).

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025) Способствует ли вера в справедливый мир снижению коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого наказания и роль психологического превосходства *Психология и право*, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025) Does belief in a just world contribute to reducing corruption: the mediating effect of perceived punishment and the role of psychological entitlement? *Psychology and Law*, 15(3), 224—239.

Коррупционное поведение зачастую связано с феноменами завышенной самооценки, поскольку ощущение власти и контроля над другими усиливает склонность к неэтичным действиям, что делает этот фактор важной переменной для изучения. Одним из таких параметров является, на наш взгляд, психологическое превосходство (psychological entitlement), которое определяется как «...устойчивое и всепроникающее чувство, при котором человек оценивает свои заслуги намного больше (часто необоснованно) и имеет право на большее, чем другие» (Campbell et al., 2004, p. 31). Психологическое превосходство является стабильной чертой личности, не изменяющейся в разных ситуациях. Также была установлена положительная связь психологического превосходства с неэтичным и/или эгоистичным поведением. Как показывают исследования, люди с высоким уровнем психологического превосходства были склонны брать для себя больше сладостей в качестве награды, оценивали себя как заслуживающих более высокой зарплаты, чем коллеги, вели себя более эгоистично в дилемме «трагедия общих ресурсов» (Campbell et al., 2004). В других экспериментах было обнаружено, что респонденты с высоким уровнем ощущения психологического превосходства с меньшей вероятностью помогали экспериментатору, были более склонны к эгоистичному поведению применительно к будущему и более несправедливо распределяли денежное вознаграждение (Zitek, 2010).

Поскольку психологическое превосходство — аспект нарциссизма, а нарциссизм положительно связан как с неэтичным поведением (Roeser et al., 2016), так и с проявлениями коррупции (Hajhoseiny, Fathi, Shafiei, 2019; Zhao, Zhang, Xu, 2016), можно ожидать, что психологическое превосходство будет положительно связано с коррупционными намерениями, а также приводить к неправильной оценке успеха с завышением шансов на него и недооценкой наказания (Gu et al., 2021; Zhao, Zhang, Xu, 2016). Существуют также доказательства того, что у людей, обладающих властью и имеющих эгоцентричные намерения использовать власть ради собственной выгоды, активируется ощущение психологического превосходства, в результате чего повышается вероятность злоупотребления властью (Mead et al., 2016; Wang, Sun, 2015).

Поэтому основной гипотезой нашего исследования являлось предположение о том, что психологическое превосходство может быть отрицательно связано с воспринимаемым наказанием и положительно предсказывать коррупционные намерения.

Другим феноменом, представляющим интерес в поиске детерминант коррупционных намерений, может быть мировоззренческая установка, состоящая в том, что все в мире получают то, что заслуживают (Lerner, 1980), которая является основой концепта «вера в справедливый мир» (BSM). Исследователями выделяется личная и общая BSM, и если личная BSM относится к вере в то, что с самим человеком будут поступать справедливо и что все события в его жизни справедливы (Dalbert, 1999; Lipkus, Dalbert, Siegler, 1996), то общая BSM относится к убеждению в том, что в мире все другие получают то, что заслуживают, и в этом смысле мир справедлив. Считается, что люди с высоким уровнем BSM более склонны достигать своих целей справедливыми средствами, по сравнению с теми, кто не верит в справедливость (Hafer, 2000). При этом имеются некоторые различия в данных у разных авторов. Так, из результатов одного исследования следует, что личная вера в справедливый мир отрицательно связана с делинквентными намерениями, а общая BSM связана с ними положительно (Sutton, Winnard, 2007). Согласно другому исследованию, общая BSM также

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025) Способствует ли вера в справедливый мир снижению коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого наказания и роль психологического превосходства *Психология и право*, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025) Does belief in a just world contribute to reducing corruption: the mediating effect of perceived punishment and the role of psychological entitlement? *Psychology and Law*, 15(3), 224—239.

связана с нечестным поведением, но личная ВСМ оказалась не связана с ним вообще (Wenzel et al., 2017).

Предпринимались попытки поиска взаимосвязи веры в справедливый мир и конкретно проявлений коррупции (Bai et al., 2016; Stupnianeck, Navickas, 2019), в том числе в контексте культурных различий (Modesto et al., 2020). Согласно полученным эмпирическим результатам, общая ВСМ скорее предсказывает представления о коррупционных намерениях других людей (Bai, Liu, Kou, 2014), а личная ВСМ скорее связана с тем, склонен или не склонен к коррупции сам субъект (Bai, Liu, Kou, 2016; Stupnianeck, Navickas, 2019).

Выстраивая на основе анализа исследований зарубежных авторов априорную схему предикторов коррупционных намерений, важно учитывать еще и такой фактор, как воспринимаемое и ожидаемое за совершенным поступком наказание (юридическое или социальное), представление о его вероятности и интенсивности (Bai, Liu, X., Kou., 2016). Авторами был подтвержден опосредующий эффект наказания, связанный с восприятием коррупции в отношении других людей: вера в то, что в мире все получают заслуженное, приводит к оценке неизбежного наказания за коррупционное действие, уменьшая тем самым воспринимаемую коррупцию. Было также обнаружено, что воспринимаемое наказание опосредует взаимосвязь между ВСМ и коррупцией (Bai, Liu, X., Kou, 2016; Modesto et al., 2020). Кроме того, в других работах было показано, что наличие штрафов снижает вероятность совершения коррупционных действий (Abbink, Irlenbusch, Renner, 2002), а общая ВСМ связана с более экстремальными установками о мерах наказания по отношению к правонарушителям (Vègue, Bastounis, 2003). Обобщение литературы с учетом фактора наказаний приводит к заключению, что люди с высоким уровнем личной ВСМ скорее будут вести себя справедливо и не коррумпируются, поскольку верят, что последует заслуженное наказание, и, напротив, низкий уровень личной ВСМ позволяет действовать нечестно, поскольку присутствует убеждение, что не будет никаких последствий.

Цель настоящего исследования состояла в проверке роли двух личностных факторов (психологического превосходства и веры в справедливый мир) в качестве предикторов коррупционных намерений на российской выборке и в построении модерационно-медиационной модели с воспринимаемым наказанием и психологическим превосходством как модераторами.

Методы

Методический инструментарий исследования состоял из комплекса методик и предъявлялся респондентам в следующем порядке: «Шкала веры в справедливый мир», «Опросник порицания коррупции» и «Опросник воспринимаемого наказания», «Шкала психологического превосходства», «Шкала социальной желательности», социально-демографическая справка (пол, возраст и уровень образования).

Шкала психологического превосходства (Приложение) прошла стадию первичной адаптации. Был осуществлен экспертный перевод на русский язык пунктов оригинальной шкалы «Psychological entitlement» (Campbell et al., 2004). Пример пунктов: «Я действительно чувствую, что просто заслуживаю большего, чем другие». Респонденты оценивали свое согласие или несогласие с приведенными утверждениями по 7-балльной шкале (1 — абсолютно не согласен, 7 — абсолютно согласен).

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025)
Способствует ли вера в справедливый мир снижению
коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого
наказания и роль психологического превосходства
Психология и право, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025)
Does belief in a just world contribute to reducing
corruption: the mediating effect of perceived
punishment and the role of psychological entitlement?
Psychology and Law, 15(3), 224—239.

Шкала склонности к коррупции. С целью избежать социальной желательности, но сохранить точность измерения для отражения коррупционной склонности респондентов была использована виньетка-сценарий из опросника порицания коррупции (см.: Максименко, Крылова, Дейнека, 2023). В сценарии респондентам предлагается представить себя президентом волонтерской ассоциации, к которому приходит друг-студент с просьбой о помощи: предоставить фальшивое свидетельство об участии в волонтерской деятельности за денежное вознаграждение. После прочтения сценария респонденты отвечали на вопросы о готовности совершить коррупционное действие и оценивали степень согласия с приведенными утверждениями по 5-балльной шкале согласия/не согласия (примеры: «В целом я готов оказать помощь другу», «Я думаю, я бы принял деньги и дал другу фальшивую справку»). Коэффициент согласованности α Кронбаха = 0,907.

Шкала воспринимаемого наказания. Восприятие наказания, которое могло бы, по мнению респондентов, последовать за коррупционное действие, измерялось двумя контрольными вопросами после прочтения сценария: «Получение от друга денег и выдача фальшивой справки повлечет серьезные негативные последствия», «Вероятность наказания за выдачу фальшивой справки достаточно высокая». Респонденты оценивали согласие с утверждениями по 5-балльной шкале Р. Лайкерта.

Шкала «Вера в справедливый мир». Убеждения в справедливости мира были измерены с помощью русскоязычной и адаптированной версии шкалы веры в справедливый мир (Нартова-Бочавер, Подлипняк, Хохлова, 2013).

Шкала социальной желательности. Для измерения социальной желательности была использована шкала социальной желательности Марлоу — Крауна в адаптации Ю.Н. Ханина (Ханин, 1976).

Процедура и выборка

Эмпирические данные были собраны с помощью онлайн-платформ «Анкетолог» и «Toloka». Всего в исследовании приняли участие 732 человека (54% — женщины, 46% — мужчины) в возрасте от 18 до 70 лет ($M = 39$, $SD = 11,58$). Большинство участников опроса были с высшим образованием (52%), с неполным высшим или средним — 12,7% и 34,3% соответственно. Большинство оценили свой уровень дохода как средний (57%).

Результаты

Методическая задача первичной адаптации «Шкалы психологического превосходства» («Psychological entitlement») на российской выборке была успешно решена. Коэффициент согласованности шкалы, рассчитанный с помощью альфа Кронбаха ($\alpha = 0.822$), указывает на высокую надежность русскоязычной версии опросника. Проверка конструктивной валидности методики также оказалась успешной. Тесные корреляционные связи между степенями согласия с разными пунктами опросника подтвердили, что шкала разработана для измерения конструкта «Психологическое превосходство». Конфирматорный факторный анализ показал, что модель имеет хорошие показатели соответствия ($CFI = 0,91$, $GFI = 0,93$), демонстрируя приемлемое качество модели и ее применимость в дальнейших исследованиях.

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025)
Способствует ли вера в справедливый мир снижению
коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого
наказания и роль психологического превосходства
Психология и право, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025)
Does belief in a just world contribute to reducing
corruption: the mediating effect of perceived
punishment and the role of psychological entitlement?
Psychology and Law, 15(3), 224—239.

Следующая задача состояла в выявлении роли психологического превосходства и веры в справедливость мира в том, как проявляются/не проявляются коррупционные намерения (с учетом воспринимаемого наказания).

Медиационно-модерационный анализ: психологическое превосходство как модератор

В ситуации, когда необходимо не только выявить прямые связи между переменными, но и понять механизмы этих связей (через медиаторы) и условия, при которых эти связи изменяются (с помощью модераторов), обращаются к медиационно-модерационному анализу². Этот метод позволяет глубже исследовать причинно-следственные связи и предоставляет больше фактуры для интерпретации сложных взаимодействий между переменными.

Обратимся к описательным статистикам используемых переменных и их корреляциям между собой (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Описательные статистики и корреляции
между переменными исследования и психологическим превосходством
Descriptive statistics and correlations
between research variables and psychological entitlement**

Переменная / Variable	<i>M</i>	<i>SD</i>	1	2	3	4	5	6
1. Возраст / Age	38,99	11,58						
2. Психологическое превосходство / Psychological entitlement	36,12	7,97	−0,11** [−0,18, −0,04]					
3. Личная BCM / Personal FJW	25,41	6,58	−0,02 [−0,09, 0,05]	0,01 [−0,06, 0,08]				
4. Общая BCM / General FJW	20,61	5,56	−0,06 [−0,13, 0,01]	0,14** [0,07, 0,21]	0,62** [0,58, 0,66]			
5. Коррупционные намерения / Corrupt intentions	9,71	4,19	−0,16** [−0,23, −0,08]	0,19** [0,12, 0,26]	0,00 [−0,07, 0,07]	0,06 [−0,01, 0,13]		
6. Воспринимаемое наказание / Perceived punishment	7,92	1,85	0,01 [−,06, 0,08]	0,11** [0,04, 0,18]	0,14** [0,07, 0,21]	0,14** [0,07, 0,21]	−0,23** [−0,30, −0,16]	
7. Социальная желательность / Social desirability	61,99	8,34	0,16** [0,09, 0,23]	−0,04 [−0,11, 0,04]	0,13** [0,06, 0,20]	0,25** [0,18, 0,32]	−0,15** [−0,22, −0,08]	0,16** [0,09, 0,23]

² При анализе данных проверялась модель Хейса, предикторы, медиаторы и модераторы были центрированы по среднему значению, значимость условного непрямого эффекта была определена с бутстреп-анализом с 5000 выборками.

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025)
Способствует ли вера в справедливый мир снижению
коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого
наказания и роль психологического превосходства
Психология и право, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025)
Does belief in a just world contribute to reducing
corruption: the mediating effect of perceived
punishment and the role of psychological entitlement?
Psychology and Law, 15(3), 224—239.

Примечание: *M* и *SD* обозначают среднее и стандартное отклонение соответственно. Значения в квадратных скобках указывают 95% доверительный интервал для каждого коэффициента корреляции. «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$.

Note: *M* and *SD* represent the mean and standard deviation, respectively. Values in brackets indicate the 95% confidence interval for each correlation coefficient. «*» denotes $p < 0.05$; «**» denotes $p < 0.01$.

Табл. 1 предоставляет данные о корреляциях между переменными исследования и психологическим превосходством. Положительная связь уровня психологического превосходства с коррупционными намерениями подтвердилась ($p < 0,01$). Личная ВСМ положительно коррелирует с воспринимаемым наказанием и социальной желательностью, что указывает на то, что люди с высокой личной моральностью более склонны релевантно учитывать перспективы возможного наказания и стремятся соответствовать социальным ожиданиям. Коррупционные намерения ожидаемо имеют отрицательную корреляцию с воспринимаемым наказанием ($p < 0,01$), это указывает на то, что лица, которые больше опасаются наказания, менее склонны к коррупционным намерениям.

Таким образом, психологическое превосходство выступает как фактор, усиливающий коррупционные намерения, в то время как воспринимаемое наказание и социальная желательность уменьшают эту склонность. Результаты показали, что воспринимаемое наказание, являясь ключевым фактором, опосредующим влияние моральных установок на склонность к коррупции, полностью обуславливает взаимосвязь между личной ВСМ и оценкой склонности к коррупции.

Чем старше были респонденты, тем меньше у них были выражены психологическое превосходство, а также коррупционные намерения, т. е. на основе полученных результатов можно полагать, что с возрастом уровень психологического превосходства, как и коррупционные намерения, снижаются.

Таблица 2 / Table 2

Результаты модерационно-медиационного анализа с личной ВСМ
The results of a moderation and mediation analysis with a personal FJW

Переменная / Variables	Воспринимаемое наказание / Perceived punishment			Коррупционные намерения / Corrupt intentions		
	b	SE	p	b	SE	p
Личная ВСМ / Personal FJW	0,038	0,01	< 0,001	0,017	0,023	0,517
Психологическое превосходство / Psychological entitlement	0,025	0,008	0,003	0,111	0,024	0,001
Личная ВСМ x Психологическое превосходство / Personal FJWx Psychological entitlement	−0,003	0,001	0,001	0,003	0,003	0,238
Воспринимаемое наказание x Психологическое превосходство / Perceived punishment x Psychological entitlement				−0,023	0,016	0,008

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025)
Способствует ли вера в справедливый мир снижению
коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого
наказания и роль психологического превосходства
Психология и право, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025)
Does belief in a just world contribute to reducing
corruption: the mediating effect of perceived
punishment and the role of psychological entitlement?
Psychology and Law, 15(3), 224—239.

Воспринимаемое наказание / Perceived punishment				–0,521	0,115	< 0,001
Возраст / Age	0,001	0,006	0,885	–0,046	0,013	< 0,001
Социальная желательность / Social desirability	0,032	0,008	< 0,001	–0,05	0,02	0,005
Пол (Мужской) / Sex (Male)	–0,493	0,133	< 0,001	1,054	0,297	< 0,001

Примечание: модель предсказания медиатора: $R^2 = 0,09$; $F = 11,33$; $p < 0,001$. Модель предсказания ЗП: $R^2 = 0,15$, $F = 15,69$; $p < 0,001$.

Note: mediator prediction model: $R^2 = 0.09$; $F = 11.33$; $p < 0.001$. Dependent variable (salary) prediction model: $R^2 = 0.15$; $F = 15.69$; $p < 0.001$.

Полные результаты регрессионного анализа представлены в табл. 2. Они позволяют сделать вывод о том, что прямого эффекта модерации от личной веры в справедливый мир в отношении коррупционных намерений нет. Однако, было установлено, что психологическое превосходство модулирует связь между личной ВСМ и воспринимаемым наказанием ($b = -0,003$, $p = 0,006$, $R^2 = 0,014$): положительный эффект от личной веры в справедливый мир ослабевает с увеличением психологического превосходства.

Также была обнаружена значимая отрицательная взаимосвязь между воспринимаемым наказанием и психологическим превосходством в предсказании склонности к коррупции ($b = -0,023$, $p = 0,008$, $R^2 = 0,008$). Если воспринимаемое наказание снижает склонность к коррупции, то психологическое превосходство, напротив, нивелирует силу восприятия наказания и выступает в роли модератора, усиливающего неблагоприятный эффект коррупционных намерений ($-1SD$: $b = -0,34$, $p = 0,001$; среднее: $b = -0,521$, $p < 0,001$; $+1SD$: $b = -0,701$, $p < 0,001$). В целом, с повышением значений психологического превосходства благоприятный отрицательный косвенный эффект личной ВСМ на воспринимаемую склонность к коррупции ослабевает³.

Таблица 3 / Table 3

Результаты модерационно-медиационного анализа с общей ВСМ
The results of the moderation and mediation analysis with the general FJW

Переменная / Variables	Воспринимаемое наказание / Perceived punishment			Коррупционные намерения / Corrupt intentions		
	b	SE	p	b	SE	p
Общая ВСМ / General FJW	0,031	0,013	0,015	0,062	0,027	0,024
Психологическое превосходство / Psychological entitlement	0,020	0,009	0,018	0,108	0,018	< 0,001
Общая ВСМ x Психологическое превосходство / General FJW x Psychological entitlement	–0,003	0,001	0,021	0,006	0,003	0,028

³ Самый выраженный эффект наблюдается при низких значениях психологического превосходства ($-1SD$), $b = -0,022$, 95% доверительный интервал $[-0,041, -0,008]$ (для средних значений модератора: $b = -0,02$, ДИ $[-0,034, -0,008]$; для высоких: $+1 SD$): $b = -0,008$, ДИ $[-0,026, 0,014]$.

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025)
Способствует ли вера в справедливый мир снижению
коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого
наказания и роль психологического превосходства
Психология и право, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025)
Does belief in a just world contribute to reducing
corruption: the mediating effect of perceived
punishment and the role of psychological entitlement?
Psychology and Law, 15(3), 224—239.

Воспринимаемое наказание x Психологическое превосходство / Perceived punishment x Psychological entitlement				–0,025	0,009	0,004
Воспринимаемое наказание / Perceived punishment				–0,527	0,81	<0,001
Возраст / Age	0,002	0,006	0,751	–0,045	0,013	<0,001
Социальная желательность / Social desirability	0,031	0,008	<0,001	–0,06	0,18	0,001
Пол (Мужской) / Sex (Male)	–0,478	0,134	<0,001	1,055	0,292	<0,001

Примечание: модель предсказания медиатора: $R^2 = 0,07$; $F = 9,17$; $p < 0,001$. Модель предсказания ЗП: $R^2 = 0,16$; $F = 16,94$; $p < 0,001$.

Note: mediator prediction model: $R^2 = 0.07$; $F = 9.17$; $p < 0.001$. Dependent variable prediction model: $R^2 = 0.16$; $F = 16.94$; $p < 0.001$.

В медиационной модели с общей ВСМ значимы как косвенный эффект медиации, так и прямая связь между ВСМ и коррупционными намерениями. Психологическое превосходство является модератором для всех трех путей связи: для косвенной и прямой связи между общей ВСМ и склонностью к коррупции, а также для связи общей ВСМ и воспринимаемым наказанием (табл. 3). Отрицательный косвенный эффект общей ВСМ на склонность к коррупции был самым сильным при низких значениях психологического превосходства и ослабевал с увеличением психологического превосходства. Значимая взаимосвязь обнаружена между общей ВСМ и психологическим превосходством при предикции воспринимаемого наказания ($b = -0,003$, $p = 0,021$, $R^2 = 0,007$). Между воспринимаемым наказанием и склонностью к коррупции психологическое превосходство также усиливает обратную взаимосвязь: воспринимаемое наказание отрицательно предсказывает склонность к коррупции.

В исследуемых моделях также контролировались такие переменные, как социальная желательность, возраст и пол. Социальная желательность предсказывает как воспринимаемое наказание, так и склонность к коррупции, но с разным знаком: чем выше социальная желательность, тем выше воспринимаемое наказание и ниже склонность к коррупции. Возраст — значимый предиктор только коррупционных намерений: с повышением возраста вероятность участия в коррупционном поведении, согласно модели, уменьшается. Мужчины, по сравнению с женщинами, менее склонны к восприятию наказания как вероятного и более склонны к коррупции.

Обсуждение результатов

Поиск психологических механизмов коррупционных намерений и склонности к коррупционным поступкам убеждает в сложности исследуемого явления. Попытка выявить связи коррупционных намерений с верой в справедливый мир показала, что линейной обратной связи, согласно корреляционному анализу, не обнаружено. Полученный результат соотносится с данными исследований К. Ступнянека и В. Навицкаса, также не обнаруживших связь между общей ВСМ и коррупционным поведением (Stupnianek, Navickas, 2019). В другом исследовании вера в справедливый мир парадоксально оправдывает несправедливое

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025)
Способствует ли вера в справедливый мир снижению
коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого
наказания и роль психологического превосходства
Психология и право, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025)
Does belief in a just world contribute to reducing
corruption: the mediating effect of perceived
punishment and the role of psychological entitlement?
Psychology and Law, 15(3), 224—239.

поведение и положительно с ним связана в тех случаях, когда есть угроза чувству справедливости (Hafer, 2000), что в тенденции проявилось и в нашем исследовании. Упомянутая угроза чувству справедливости может возникать, когда коррупционные действия распространены, не наказываются и практикуются. В таком случае общая ВСМ может быть положительно связана с нечестным поведением через стратегию его оправдания как способ восстановления справедливости.

Вера в справедливость мира для себя в нашем исследовании отрицательно связана со склонностью к коррупции через посреднический эффект воспринимаемого наказания: убежденность в том, что человек получит по заслугам за свои поступки, усиливает восприятие наказания, что снижает намерение участвовать в коррупционном поведении (хотя прямой линейной корреляции личной ВСМ с коррупционными намерениями не обнаружено). Данные результаты полностью согласуются с данными других авторов (Bai et al., 2016) и подтверждают потенциальный редуцирующий механизм действия личной ВСМ на коррупционные намерения.

Взаимосвязи с психологическим превосходством как модератором коррупционных намерений оказались схожи как для личной, так и для общей ВСМ: у людей с низким уровнем психологического превосходства наказание оказывает одинаково сильное сдерживающее влияние на коррупционные намерения в обоих случаях. Убеждение в том, что человек заслуживает большего, смягчает негативную связь ВСМ с коррупционными намерениями, повышая тем самым вероятность участия в коррупции. Психологическое превосходство усиливает прямой эффект общей веры в справедливый мир (но не личной ВСМ) на склонность к коррупции, что приводит к еще большему увеличению коррупционных намерений. Психологическое превосходство также снижает силу положительной взаимосвязи между ВСМ и воспринимаемым наказанием: лица с высокой выраженностью психологического превосходства менее склонны воспринимать наказание, несмотря на общее убеждение о том, что по справедливости оно должно наступать. Данные результаты соответствуют теоретическим предпосылкам о положительной связи психологического превосходства с коррупционными намерениями.

Концептуально психологическое превосходство положительно связано с коррупцией, поскольку участие в ней отражает дополнительные выгоды, которые человек может считать для себя заслуженными, а также может приводить к недооценке наказания. Данные теоретические рассуждения подтвердились полученными эмпирическими результатами повышения склонности к коррупции и смягчения связи с воспринимаемым наказанием при модерации психологическим превосходством, что важно учитывать на фоне культивирования в обществе потребления нарциссически-гедонистических установок. При этом следует иметь в виду, что фактор неизбежного наказания оказался более весомым, чем психологическое превосходство. Таким образом, представление о неизбежном явном наказании в результате приводит к снижению коррупционных намерений, несмотря на завышенные ожидания.

Заключение

Медиационная модель связи между коррупционными намерениями и верой в справедливость мира для себя в ходе проведенного исследования была подтверждена. Личная ВСМ опосредованно через воспринимаемое наказание является сдерживающим предиктором коррупционных намерений.

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025) Способствует ли вера в справедливый мир снижению коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого наказания и роль психологического превосходства *Психология и право*, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025) Does belief in a just world contribute to reducing corruption: the mediating effect of perceived punishment and the role of psychological entitlement? *Psychology and Law*, 15(3), 224—239.

Для общей веры в справедливый мир отрицательная связь со склонностью к коррупции возникает только в присутствии такого параметра, как воспринимаемое наказание. В то же время эта связь может быть положительной в отсутствие воспринимаемого наказания. Однако этот результат требует дальнейшего исследования и уточнения.

Психологическое превосходство, отражающее веру в то, что человек заслуживает большего, положительно связано с коррупционными намерениями, «смягчает» отрицательную связь с личной ВСМ и усиливает положительную связь с общей ВСМ, оказывая также ослабляющий эффект на восприятие наказания.

Данное исследование психологических механизмов коррупции имеет свои ограничения, одним из которых является использование ситуации взяточничества для измерения коррупционных намерений, тогда как к видам коррупционного поведения может относиться более широкий спектр противоправных действий, в том числе и кумовство. Выводы, полученные в данном исследовании, могут быть перенесены на другие виды коррупции лишь с осторожностью.

Для будущих исследований психологического превосходства шкала его измерения нуждается в дополнительной проверке на внешнюю валидность. В контексте связи склонности к коррупции с верой в справедливый мир и психологическим превосходством перспективы исследования могли бы сфокусироваться на выявлении причинно-следственных связей между указанными феноменами с помощью эксперимента и управления переменными. Направлением для дальнейшего изучения психологических механизмов коррупционного поведения также могло бы быть более дифференцированное рассмотрение коррупционных ситуаций, а также медиационно-модерационный эффект, влияющий на связь коррупционных намерений и воспринимаемого наказания с другими переменными.

Список источников / References

1. Максименко, А.А., Крылова, Д.В., Дейнека, О.С. (2023). Степень порицания коррупции у россиян с разным уровнем отношения к социальному доминированию. *Российский психологический журнал*, 20(3), 274—294. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.15>
Maksimenko, A.A., Krylova, D.V., Deyneka, O.S. (2023). The degree of outrage over corruption among russians with different levels of attitude toward social dominance. *Russian Psychological Journal*, 20(3), 273—294. (In Russ.). <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.15>
2. Нартова-Бочавер, С.К., Подлипняк, М.Б., Хохлова, А.Ю. (2013). Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых. *Клиническая и специальная психология*, 2(3), Статья 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2013_n3/64003 (дата обращения: 05.05.2024).
Nartova-Bochaver, S.K., Podlipnyak, M.B., Khokhlova, A.Yu. (2013). Belief in a Just world and mental well-being in deaf and hearing youth and adults. *Clinical psychology and special education*, 2(3), Article 1. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2013_n3/64003 (viewed: 05.05.2024).
3. Ханин, Ю.Л. (1976). *Шкала Марлоу-Кроуна для исследования мотивации одобрения: метод. письмо*. Л.: НИИ физической культуры.
Khanin, Yu.L. (1976). *Marlow-Crown Scale for the Study of Approval Motivation*. Leningrad: Research Institute of Physical Culture Publ. (In Russ.).
4. Abbink, K., Irlenbusch, B., Renner, E. (2002). An experimental bribery game. *Journal of Law*,

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025) Способствует ли вера в справедливый мир снижению коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого наказания и роль психологического превосходства *Психология и право*, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025) Does belief in a just world contribute to reducing corruption: the mediating effect of perceived punishment and the role of psychological entitlement? *Psychology and Law*, 15(3), 224—239.

Economics, and Organization, 18(2), 428—454. <https://doi.org/10.1093/jleo/18.2.428>

5. Bai, B., Liu, X., Kou, Y. (2014). Belief in a just world lowers perceived intention of corruption: The mediating role of perceived punishment. *PloS ONE*, 9(5), Article e97075. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0097075>
6. Bai, B., Liu, X., Kou, Y. (2016). Belief in a just world lowers bribery intention. *Asian Journal of Social Psychology*, 19(1), 66—75. <https://doi.org/10.1111/ajsp.12108>
7. Bègue, L., Bastounis, M. (2003). Two spheres of belief in justice: Extensive support for the bidimensional model of belief in a just world. *Journal of Personality*, 71(3), 435—463. <https://doi.org/10.1111/1467-6494.7103007>
8. Campbell, W.K., Bonacci, A.M., Shelton, J., Exline, J.J., Bushman, B.J. (2004). Psychological entitlement: Interpersonal consequences and validation of a self-report measure. *Journal of Personality Assessment*, 83(1), 29—45. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa8301_04
9. Dalbert, C. (1999). The World is More Just for Me than Generally: About the Personal Belief in a Just World Scale's Validity. *Social Justice Research*, 12, 79—98. <https://doi.org/10.1023/A:1022091609047>
10. Gu, Z., He, Y., Liu, L., Liang, Y., Huang, L., Dang, J., Wei, C., Liu, Z., Su, Q. (2021). How does narcissism influence corruption? The moderating role of boredom. *Personality and Individual Differences*, 183, Article 111149. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111149>
11. Hafer, C.L. (2000). Investment in long-term goals and commitment to just means drive the need to believe in a just world. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 26(9), 1059—1073. <https://doi.org/10.1177/0146167200261100>
12. Hafer, C.L., Sutton, R. (2016). Belief in a Just World. In: C. Sabbagh, M. Schmitt (Eds.), *Handbook of Social Justice Theory and Research*., New York, NY: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4939-3216-0_8
13. Hajhoseiny, S., Fathi, Z., Shafiei, H. (2019). Are those with darker personality traits more willing to corrupt when they feel anxious? *Iranian Journal of Management Studies*, 12(3), 451—479. <https://doi.org/10.22059/ijms.2019.266704.673335>
14. Lerner M.J. (1980). *The Belief in a Just World. A Fundamental Delusion*. Boston, MA: Springer, <https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0448-5>
15. Lipkus, I.M., Dalbert, C., Siegler, I.C. (1996). The Importance of Distinguishing the Belief in a Just World for Self Versus for Others: Implications for Psychological Well-Being. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 22(7), 666—677. <https://doi.org/10.1177/0146167296227002>
16. Mead, N.L., Baumeister, R.F., Stuppy, A., Vohs, K.D. (2018). Power increases the socially toxic component of narcissism among individuals with high baseline testosterone. *Journal of Experimental Psychology: General*, 147(4), Article 591. <https://doi.org/10.1037/xge0000427>
17. Modesto, J.G., Keller, V.N., Saraiva, R.B., Pilati, R. (2020). Belief in a corrupt world: A cross-cultural mediation model of beliefs about justice, punishment, and corruption. *Personality and Individual Differences*, 164, Article 110127. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110127>
18. Modesto, J.G., Pilati, R. (2020). “Why are the corrupt, corrupt?”: The multilevel analytical model of corruption. *The Spanish Journal of Psychology*, 23, Article e5. <https://doi.org/10.1017/SJP.2020.5>
19. Rabl, T., Kühlmann, T.M. (2008). Understanding corruption in organizations—development and empirical assessment of an action model. *Journal of Business Ethics*, 82, 477—495. <https://doi.org/10.1007/s10551-008-9898-6>

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025) Способствует ли вера в справедливый мир снижению коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого наказания и роль психологического превосходства *Психология и право*, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025) Does belief in a just world contribute to reducing corruption: the mediating effect of perceived punishment and the role of psychological entitlement? *Psychology and Law*, 15(3), 224—239.

20. Roeser K., McGregor V.E., Stegmaier S., Mathew J., Kübler A., Meule A. (2016). The Dark Triad of personality and unethical behavior at different times of day. *Personality and Individual Differences*, 88, 73—77. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.09.002>
21. Stupnianeck, K., Navickas, V. (2019). Can beliefs in justice predict corrupt behavior? *Journal of Social and Political Psychology*, 7(1). 246—259. <https://doi.org/10.5964/jspp.v7i1.1031>
22. Sutton, R.M., Winnard, E.J. (2007). Looking ahead through lenses of justice: The relevance of just-world beliefs to intentions and confidence in the future. *British Journal of Social Psychology*, 46, 649—666. <https://doi.org/10.1348/014466606X166220>
23. Tan, X., Liu, L., Huang, Z., Zheng, W., Liang Y. (2016). The effects of general system justification on corruption perception and intent. *Frontiers in Psychology*, 7, Article 182058. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01107>
24. Tan, X., Liu, L., Zheng, W., Huang, Z. (2016). Effects of social dominance orientation and right-wing authoritarianism on corrupt intention: The role of moral outrage. *International Journal of Psychology*, 51(3), 213—219. <https://doi.org/10.1002/ijop.12148>
25. Vilanova, F., Milfont, T.L., Costa, A.B. (2022). A dual process social psychological model of corrupt intention and attitudes toward corrupt people. *Journal of Personality and Social Psychology*, 123(4), Article 854. <https://doi.org/10.1037/pspp0000414>
26. Wang, F., Sun, X. (2015). Absolute power leads to absolute corruption? Impact of power on corruption depending on the concepts of power one holds. *European Journal of Social Psychology*, 46(1), 77—89. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2134>
27. Wenzel, K., Schindler, S., Reinhard, M.A. (2017). General belief in a just world is positively associated with dishonest behavior. *Frontiers in Psychology*, 8, Article 272029. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01770>
28. Zaliznaya, M. (2014). The social psychology of corruption: Why it does not exist and why it should. *Sociology Compass*, 8(2), 187—202. <https://doi.org/10.1111/soc4.12120>
29. Zhao, H., Zhang, H., Xu, Y. (2016). Does the dark triad of personality predict corrupt intention? The mediating role of belief in good luck. *Frontiers in Psychology*, 7, Article 608. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.0060>
30. Zitek, E.M., Jordan, A.H., Monin, B., Leach, F.R. (2010). Victim entitlement to behave selfishly. *Journal of Personality and Social Psychology*, 98, 245—255. <https://doi.org/10.1037/a0017168>

Приложение / Appendix

Опросник «Психологическое превосходство»

Пожалуйста, оцените степень своего согласия с нижеперечисленными утверждениями (выберете один вариант в каждой строке). Выбирайте тот ответ, который наилучшим образом отражает ваши собственные убеждения.

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025)
Способствует ли вера в справедливый мир снижению
коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого
наказания и роль психологического превосходства
Психология и право, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025)
Does belief in a just world contribute to reducing
corruption: the mediating effect of perceived
punishment and the role of psychological entitlement?
Psychology and Law, 15(3), 224—239.

Утверждение	Абсолютно не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Согласен	Абсолютно согласен
1. Я действительно чувствую, что просто заслуживаю большего, чем другие	1	2	3	4	5	6	7
2. Меня ждут великие дела	1	2	3	4	5	6	7
3. Если бы я был на «Титанике», я бы заслужил быть в первой спасательной шлюпке!	1	2	3	4	5	6	7
4. Я требую самого лучшего, потому что я достоин этого	1	2	3	4	5	6	7
5. Я не обязательно заслуживаю особого к себе отношения	1	2	3	4	5	6	7
6. Я заслуживаю большего в своей жизни	1	2	3	4	5	6	7
7. Такие люди, как я, заслуживают дополнительного отдыха время от времени	1	2	3	4	5	6	7
8. Все должно быть по-моему	1	2	3	4	5	6	7
9. Я чувствую, что имею право на большее	1	2	3	4	5	6	7

Информация об авторах

Александр Александрович Максименко, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>, e-mail: maximenko.al@gmail.com

Александра Романовна Загладина, стажер-исследователь проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0929-5753>, e-mail: alzglldn@yandex.ru

Ольга Сергеевна Дейнека, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой политической психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>, e-mail: osdeyneka@yandex.ru

Максименко А.А., Загладина А.Р., Дейнека О.С. (2025)
Способствует ли вера в справедливый мир снижению
коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого
наказания и роль психологического превосходства
Психология и право, 15(3), 224—239.

Maksimenko A.A., Zagladina A.R., Deyneka O.S. (2025)
Does belief in a just world contribute to reducing
corruption: the mediating effect of perceived
punishment and the role of psychological entitlement?
Psychology and Law, 15(3), 224—239.

Information about the authors

Aleksander A. Maksimenko, Doctor of Science (Sociology), Candidate of Science (Psychology), Chief Researcher of the Laboratory for Anti-Corruption Policy, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>, e-mail: maximenko.al@gmail.com

Alexandra R. Zagladina, Research Assistant of the Laboratory for Anti-Corruption Policy, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0929-5753>, e-mail: alzgldn@yandex.ru

Olga S. Deyneka, Doctor of Science (Psychology), Professor, Head of the Department of Political Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>, e-mail: osdeyneka@yandex.ru

Вклад авторов

Максименко А.А. — идея исследования, работа над текстом, дизайн исследования, контактирование с редакцией.

Загладина А.Р. — литературный обзор, поиск и подбор методик, перевод и адаптация опросника «Психологическое превосходство», анализ данных.

Дейнека О.С. — концептуализация исследования, написание текста, обсуждение результатов, финальная вычитка.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Aleksander A. Maksimenko — study concept, research design, and drafting the manuscript, handling correspondence with the editorial office (corresponding author).

Alexandra R. Zagladina — literature review, selection and adaptation of research methods, questionnaire translation and adaptation, and data analysis.

Olga S. Deyneka — study conceptualization, drafting and revising the manuscript, discussion of results, final editing, and overall expert guidance of the project.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 27.01.2025

Поступила после рецензирования 27.04.2025

Принята к публикации 27.04.2025

Опубликована 30.09.2025

Received 2025.01.27

Revised 2025.04.27

Accepted 2025.04.27

Published 2025.09.30